

В. И. Самарин

**ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ
НАДГОСУДАРСТВЕННОГО
В УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС
БЕЛАРУСИ**

МИНСК
БГУ
2021

УДК 341.4(476)+343.1(476)

ББК 67.410.2(4Беи)

С17

*Печатается по решению
Редакционно-издательского совета
Белорусского государственного университета*

Рецензенты:

заведующий кафедрой уголовного процесса Национального юридического университета имени Ярослава Мудрого
член-корреспондент Национальной академии правовых наук Украины,
доктор юридических наук, профессор *О. В. Каплина*;
профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики
Санкт-Петербургского государственного университета
доктор юридических наук, профессор *Н. Г. Стойко*;
профессор кафедры международного права
Международного университета «МИТСО»
кандидат юридических наук, доцент *В. Н. Вежновец*

Самарин, В. И.

С17 **Интерференция надгосударственного в уголовный процесс
Беларуси / В. И. Самарин. – Минск : БГУ, 2021. – 303 с.
ISBN 978-985-881-059-7.**

Обосновывается формирование международно-правовой парадигмы уголовного процесса, пришедшей на смену закрытой национально-государственной. Проанализированы этапы трансформации международно-правовых элементов в национальное законодательство. Охарактеризованы некоторые направления интерференции надгосударственного в национальный уголовный процесс: международный договор как источник уголовно-процессуального права, институт международной правовой помощи по уголовным делам в национальном праве, влияние международной правовой защиты на национальный уголовный процесс, допустимость гармонизации уголовно-процессуального права в рамках интеграционных образований. Может использоваться для разъяснения отдельных норм Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь.

УДК 341.4(476)+343.1(476)

ББК 67.410.2(4Беи)

ISBN 978-985-881-059-7

© Самарин В. И., 2021

© БГУ, 2021

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

- Ашхабадская конвенция – Конвенция государств – участников СНГ о передаче исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы, от 11 октября 2019 г.
- Венская конвенция – Венская конвенция о консульских сношениях от 24 апреля 1963 г.
- ВКЛ – Великое княжество Литовское
- ГПК – Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь от 11 января 1999 г. № 238-З с изменениями, внесенными Законом Республики Беларусь от 14 мая 2021 г.
- Договор о ЕАЭС – Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г.
- ДФЕС – Договор о функционировании ЕС от 25 марта 1957 г. (в редакции Лиссабонского договора от 13 декабря 2007 г.)
- ЕАЭС – Евразийский экономический союз
- ЕКПЧ – Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г.
- ЕС – Европейский союз
- ЕСПЧ – Европейский суд по правам человека
- Закон о договорах – Закон Республики Беларусь от 23 июля 2008 г. № 421-З «О международных договорах Республики Беларусь» (в редакции Закона Республики Беларусь от 11 мая 2018 г. № 106-З)
- Конвенция СНГ о правах – Конвенция СНГ о правах и основных свободах человека от 25 мая 1995 г.
- Конвенция СНГ 1993 г. – Конвенция СНГ о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 г.
- Конвенция СНГ 2002 г. – Конвенция СНГ о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 7 октября 2002 г.
- Конституционный Суд – Конституционный Суд Республики Беларусь
- КПЧ – Комитет ООН по правам человека
- МИД – Министерство иностранных дел Республики Беларусь
- Московская конвенция – Конвенция СНГ о передаче осужденных к лишению свободы для дальнейшего отбывания наказания от 6 марта 1998 г.

- НЦБ Интерпола – Национальное центральное бюро Интерпола
- ООН – Организация Объединенных Наций
- Пакт 1966 г. – Международный пакт о гражданских и политических правах, принятый резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1966 г.
- СНГ – Содружество Независимых Государств
- УК – Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-3
- УК РФ – Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ
- УПК – Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-3
- УПК Армении – Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения (հայաստանի հանրապետության քրեական դատախազության օրենսգրքը) от 1 июля 1998 г.
- УПК БССР – Уголовно-процессуальный кодекс Белорусской Советской Социалистической Республики от 29 декабря 1960 г.
- УПК Италии – Уголовно-процессуальный кодекс Итальянской Республики (*Codice di Procedura Penale Italiano*) от 22 сентября 1988 г. № 447
- УПК Казахстана – Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан (*Қазақстан Республикасының Қылмыстық-процестік кодексі*) от 4 июля 2014 г. № 231-V
- УПК Кыргызстана – Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики (*Кыргыз Республикасынын Жазык-процесттик кодекси*) от 2 февраля 2017 г. № 20
- УПК Молдовы – Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова (*Codul de procedură penală*) от 14 марта 2003 г.
- УПК Польши – Уголовно-процессуальный кодекс Польской Республики (*Kodeks postępowania karnego*) от 6 июня 1997 г.
- УПК РФ – Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г.
- УПК Туркменистана – Уголовно-процессуальный кодекс Туркменистана (*Türkmenistanıň Jenaýat iş ýörediş kodeksi*) от 18 апреля 2009 г.
- УПК Украины – Уголовно-процессуальный кодекс Украины (*Кримінальний процесуальний кодекс*) от 13 апреля 2012 г.
- УПК ФРГ – Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германия (*Strafprozeßordnung*) от 1 февраля 1877 г.
- УПК Эстонии – Уголовно-процессуальный кодекс Эстонской Республики (*Kriminaalmenetluse seadustik*) от 12 февраля 2003 г. № 20

ВВЕДЕНИЕ

Позитивные плоды глобализации использует не только законопослушная часть общества, но и лица и организации с общественно опасными целями. Национальная уголовно-процессуальная деятельность вынуждена выходить за пределы отдельно взятого государства и в иных случаях, например при исчерпании внутригосударственных процедур защиты. Все это не позволяет современному уголовному процессу быть закрытым, оставаться сугубо национально-государственным.

Восстановив независимость в 1991 г., Республика Беларусь стала строить демократическое правовое государство. Изначально в Концепции судебно-правовой реформы одной из ее целей было поставлено «воплощение в законодательстве демократических принципов организации и деятельности правоохранительных органов, отвечающих общепризнанным нормам международного права и научным рекомендациям». Указанная цель требовала изменения закрытой уголовно-процессуальной формы с учетом сформированных на международном уровне стандартов. Задача была повторена и в Концепции совершенствования законодательства Республики Беларусь [1].

На протяжении своего развития уголовно-процессуальный закон в Беларуси постоянно находится под воздействием норм международного публичного права. Такие изменения можно заметить как при формулировании принципов уголовного процесса, так и в появлении новых для национального права институтов, пришедших из международного права (например, международная правовая помощь по уголовным делам). С принятием нового УПК [2] международный договор, хотя и ограниченно, легально провозглашается источником уголовно-процессуального права. Процессуальные решения, принимаемые органами Республики Беларусь, ведущими уголовный процесс, на основании ст. 61 Конституции Республики Беларусь [3] становятся предметом рассмотрения в наднациональных органах.

Все эти аспекты малоизучены в отечественной науке уголовного процесса, хотя зарубежные процессуалисты исследовали различные аспекты международно-правового вторжения в национальный уголовный процесс. Однако авторы не предпринимали попыток комплексно проследить уровень внедрения международно-правового компонента в национальный уголовный процесс, хотя о международной правовой интеграции во введении к монографии еще в 2006 г. указывал профессор Н. Г. Стойко [4, с. 5–7].

Специалисты-международники нередко не замечают национальные правовые исследования на стыке с международным публичным правом [5, с. 24] и предпочитают погружаться в международно-правовую материю [6, с. 392–416] либо минимально сослаться на внутреннее законодательство [7, с. 561, 568].

Представители отечественных школ международного публичного права, конституционного права и теории права анализируют место международного договора в иерархии источников национального права. Изредка они вскользь упоминают допустимость «совместного» применения УПК и отдельных международных договоров Республики Беларусь [8, с. 207], не разрешая коллизию. Не раскрывают место международного договора в иерархии источников уголовно-процессуального права и авторы научно-практического комментария к УПК [9, с. 5–7].

Профессор К. Ф. Гуценко представил свое видение международно-правовых актов, регламентирующих уголовное судопроизводство, разделив их на три группы [10, с. 294]. Однако при анализе каждой из предложенных групп он упустил отдельные международные договоры. Так, при перечислении «международных соглашений о правовой помощи по уголовным делам» автор к многосторонним отнес лишь договоры, регулирующие непосредственно оказание международной правовой помощи [10, с. 299–301], но не охватил международные договоры, предметом которых являются отдельные виды преступлений и которые могут быть правовым основанием для оказания международной правовой помощи, что очень важно для понимания содержания ч. 5 ст. 1 УПК.

Процессуалисты анализировали (не всегда глубоко) отдельные международные договоры, применяемые в уголовном процессе. При исследовании правового положения отдельных участников уголовного процесса и институтов авторы не принимали возможность сослаться на международно-правовые акты. В отдельных работах мельком затрагивалась допустимость применения консульских конвенций в уголовном процессе.

Особенности применения международных договоров, а также общепризнанных норм и принципов международного права в уголовном процессе исследовали российские процессуалисты, опираясь на отечественное законодательство. Так, на многие международные договоры, включая консульские конвенции в ходе расследования преступлений, совершенных в представительствах иностранных государств, ссылается П. А. Литвишко [11] без анализа их применимости в уголовном процессе.

Проблематика реализации уголовно-процессуальной юрисдикции за рубежом рассматривалась как сопутствующая в рамках проводимых исследований статуса, международно-правовых привилегий и иммунитетов сотрудников и помещений загранпредставительств (в том числе

права предоставления в них убежища), международной правовой помощи по уголовным делам, действия уголовного и уголовно-процессуального закона во времени и пространстве, консульских функций.

О применении международных договоров в уголовном процессе, учитывая специфику Российской Федерации, писали российские исследователи, включая В. М. Волженкину [12], Е. В. Курушину [13], О. Н. Машиновского [14] и др. Про необходимость учета положений консульских конвенций о представительстве в отдельных случаях консулом граждан своего государства лишь упомянули К. Б. Калиновский и А. В. Смирнов [15, с. 33].

Особенно глубоко были исследованы вопросы правового регулирования международной правовой помощи по уголовным делам в национальном законодательстве.

В Беларуси диссертационное исследование вопросов взаимодействия органов, ведущих уголовный процесс, с учреждениями юстиции иностранных государств, включая оказание международной правовой помощи по уголовным делам, в отсутствие на тот момент специального национального законодательства осуществил автор настоящей монографии [16]. В более поздних публикациях рассматривался потенциал для совершенствования принятого впоследствии уголовно-процессуального законодательства ([17–19] и др.).

Работы, посвященные международно-правовым аспектам оказания правовой помощи по уголовным делам, стали появляться в конце XIX в. вместе с активизацией заключения Россией двухсторонних трактатов в соответствующей сфере. Именно тогда известный юрист Д. Никольский в учении о выдаче [20] высказал прогрессивную для своего времени и остающуюся актуальной идею о передаче разрешения вопроса о выдаче на рассмотрение суду. Тогда же, в XIX в., петербургский профессор Ф. Мартенс [21] в рамках исследования международного права заключил, что выдача есть производство и его порядок и формы должны регулироваться внутренним правом государства. В дореволюционной России по вопросам взаимодействия по уголовным делам, исходя из положений заключенных трактатов, писали также А. Штиглиц [22] (выдача обвиняемых и осужденных) и И. Ивановский [23] (правовая помощь в узком смысле).

В советское время вопросы международной правовой помощи по уголовным делам исследовали в основном специалисты международного права в рамках сотрудничества государств в борьбе с преступностью: Л. Н. Галенская [24, 25], И. В. Павлова [26], С. В. Бородин и Е. Г. Ляхов [27], Р. М. Валеев [28] и др. Однако в 1980-х гг. появляются первые работы, рассматривавшие уголовно-процессуальные отношения, возникающие при оказании международной правовой помощи. В рамках

отсутствия уголовно-процессуальных норм, опираясь на положения международных договоров СССР, провел анализ взаимодействия уголовно-процессуального и международного права А. И. Бастрыкин [29].

П. Н. Бирюков постарался исследовать регулирование международного сотрудничества в борьбе с преступностью через призму правовой системы Российской Федерации, но с упором на международные договоры страны и УК РФ [30]. Национальное уголовно-процессуальное законодательство анализировалось автором sporadически из-за его фактически отсутствия в момент написания монографии, но рассмотрены отдельные особенности производства по делам о преступлениях иностранцев [30, с. 135–158].

В последние десятилетия в России появляется ряд работ, посвященных международно-правовым и уголовно-процессуальным аспектам правовой помощи. Изначально они опирались на международные договоры, не давая четкого представления о внутригосударственной процедуре разрешения вопросов международной правовой помощи по уголовным делам (В. М. Волженкина [12], Е. В. Конькова [31]).

Международно-правовые аспекты выдачи рассмотрели в работах Ю. Г. Васильев [32], Н. А. Сафаров [33]. Исключительно выдача обвиняемых и осужденных исследовалась А. И. Бойцовым [34], В. М. Волженкиной [35], А. А. Литвиным [36], Ю. В. Минковой [37]. В рамках международного уголовного права занимались вопросами выдачи В. П. Панов [38], И. И. Карпец [39], И. И. Лукашук и А. В. Наумов [40].

С принятием нового УПК РФ появляются работы уголовно-процессуальной направленности (Т. В. Решетнева [41], Н. В. Несмачная [42], А. А. Насонов [43], Е. А. Архипова [44], И. Ю. Гринь [45], М. П. Глумин [46] и др.). Следует отметить, что А. Г. Волеводз [47] заложил основы исследований перспективных направлений развития правового регулирования международной правовой помощи по уголовным делам, которые еще не реализованы в национальном белорусском уголовном процессе.

В последние годы в связи с разработкой и принятием нового УПК Украины много статей, посвященных вопросам международной правовой помощи по уголовным делам, было опубликовано представителями украинских правовых школ (Т. С. Гавриш [48], П. Г. Назаренко [49], Н. И. Пашковский [50] и др.). Процессуальным гарантиям прав личности при оказании международной правовой помощи по уголовным делам посвятил исследование В. В. Зуев [51]. Большинство данных работ рассматривают только отдельные виды либо аспекты международной правовой помощи.

С появлением нового УПК Казахстана М. Р. Клещевым была предпринята попытка раскрыть в диссертационном исследовании вопро-

сы оказания правовой помощи исключительно органам предварительного расследования иностранных государств [52], а Н. Р. Ахметзакиров в монографии попытался без применения сравнительно-правового метода дать краткий комментарий к нормам о международной правовой помощи в УПК Казахстана и УПК РФ [53].

Через призму доказательственного права постарался рассмотреть вопросы международной правовой помощи по уголовным делам в Республике Таджикистан П. С. Абдуллоев [54].

Допустимость гармонизации уголовно-процессуального права различных государств исследовали в основном авторы государств – членов Европейского союза (У. Неллес [55], А. Клип [56], Р. Эссер [57], С. Глесс и М. Люке [58] и др.). Они же предложили в своих работах законодателью ЕС направления гармонизации и продолжают научно обосновывать необходимость ее углубления для совместной борьбы с преступностью и обеспечения пространства свободы, безопасности и правосудия. В последнее время можно встретить ряд российских работ, написанных не всегда процессуалистами, по различным аспектам гармонизации уголовно-процессуального законодательства в рамках Европейского союза (Э. И. Дамирчиев [59], Е. М. Сорокина [60], А. Ю. Чекотков [61]).

Вне внимания отечественных процессуалистов остается предусмотренная Конституцией Республики Беларусь международная правовая защита (ст. 61). С позиции наук конституционного и международного публичного права отдельные аспекты реализации ст. 61 Конституции были рассмотрены А. Е. Вашкевичем [62], Г. А. Василевичем [63, с. 226], И. И. Пляхимовичем [64, с. 1025–1053]. Последний признал, что в законодательстве следует специально урегулировать вопросы, связанные с процедурой реализации решений международных органов, защищающих индивидуальные права и свободы [64, с. 1043], но не предложил соответствующих механизмов.

В связи с вышеизложенным в настоящей монографии предпринята попытка определения международно-правовой парадигмы современного уголовного процесса и исследования развития проникновения надгосударственного в национальное уголовно-процессуальное право. Исходя из предложенной периодизации, будут рассмотрены отдельные точки соприкосновения национального уголовного процесса с международным публичным правом: применение международного договора в качестве источника уголовно-процессуального права, проблемные процессуальные вопросы института международной правовой помощи по уголовным делам в белорусском праве, влияние международной правовой защиты на национальный уголовный процесс, допустимость гармонизации уголовно-процессуального права в рамках интеграционных образований.

В работе рассматривается национальный уголовный процесс в аспекте его интернационализации, что заставляет менять классическое видение институтов уголовно-процессуального права в науке уголовного процесса. При этом вне исследования остается международное уголовно-процессуальное право (нормы, регулирующие сотрудничество государств и международных организаций по созданию и деятельности международных уголовных судебных учреждений) и транснациональное уголовно-процессуальное право (право, получившее развитие в свете идеи процессуальной справедливости, цель которого состоит в том, чтобы избежать ущемления прав участников процесса, связанного исключительно с фактом возможности оказания международной правовой помощи иностранным учреждением юстиции [65, с. 71]).

При проведении исследования использован диалектико-материалистический метод познания, а также конкретные методы исторического, формально-логического, сравнительно-правового и системно-структурного анализа. Нормативную базу исследования составили международно-правовые акты в области сотрудничества государств в борьбе с преступностью и защиты прав человека, международные договоры Республики Беларусь о правовой помощи по уголовным делам, Конституция и законодательство Республики Беларусь, а также законодательство иных государств в сфере уголовного процесса в его взаимосвязи с нормами международного публичного права.

Автор благодарен за возможность научных визитов в рамках программы Erasmus+ в университет им. Гумбольдта (Берлин, Германия) профессору Мартину Хегеру (Prof. Martin Heger), университет Лейпцига профессору Детлефу Клещевскому (Prof. Dethlef Kleschewski), университет Турку профессору Анне Кумпола (Prof. Anna Kumpola), университет Гиссена профессору Бернхарду Кречмеру (Prof. Bernhard Kretschmer), так как данные визиты позволили ознакомиться с новейшей литературой процессуалистов государств Европейского союза по теме исследования.

Автор выражает признательность Оксане Владимировне Каплиной, Николаю Геннадьевичу Стойко и Валерьяну Николаевичу Вежновцу за положительную оценку монографии, данную при ее рецензировании.

Написание наименований высших государственных органов Республики Беларусь, организаций, должностей, званий соответствует рекомендациям Национального центра правовой информации Республики Беларусь: Лингвистический контроль качества подготовки правовых актов [Электронный ресурс] : метод. материалы / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь ; сост.: Н. В. Судиловская, А. М. Браусов. Электрон. дан. Минск : НЦПИ, 2016. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM) : 12 см.

ГЕНЕЗИС И РАЗВИТИЕ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ
НАДГОСУДАРСТВЕННОГО В НАЦИОНАЛЬНОЕ
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО

Правовые системы современных государств испытывают проникновение принципов, стандартов, норм извне. Это могут быть привнесения из права международного (в том числе регионального) уровня, которое разрабатывается многими государствами, либо наднационального права (в узком смысле), создаваемого в рамках интеграционных образований. Соответствующие процессы носят характер глобализации, т. е. распространения некоторых общих закономерностей развития на другие государства и народы [66, с. 132], либо интеграции (объективный и в известной мере спонтанный процесс объединения государств и народов благодаря расширению международных связей и интернационализации общественной жизни [67, с. 30]). В широком смысле наднациональное право охватывает нормы, создаваемые вне правовой системы отдельно взятого государства и могущие иметь в той или иной степени влияние на общественные отношения, возникающие в таком государстве либо в отношениях с таким государством. В этом смысле такое право включает и международное право, и право, созданное в рамках интеграционных образований. Но в последние десятилетия исследователи права Европейского союза выработали узкий подход к наднациональному праву [68, с. 11] и уже справедливо используют в этом случае термин «интеграционное право» [67, с. 132–143]. В таком смысле наднациональное право возникает на основе согласования воли государств-членов, а затем развивается путем деятельности правотворческих институтов международной организации и имеет (в пределах переданных ему государствами полномочий) верховенство (приоритет) по отношению к внутреннему праву государств-участников [66, с. 136–137]. В литературе отмечается, что право ЕАЭС обладает чертами наднационального права в рассматриваемом смысле [69, с. 16]. Опосредованно через уголовно-процессуальное право наднациональное (глобализация и интеграция) затрагивает и уголовный процесс.

Опыт последних десятилетий показывает, что глобализация связана не только с экономическими отношениями и проявляется в раз-

личных сферах человеческой деятельности. Глобализация создает возможность для расширения образа мыслей человека. В современную эру цифровизации люди во всем мире обмениваются взглядами и знаниями благодаря интернету, что позволяет быстрее увидеть и осознать достижения либо недостатки системы правосудия, существующей в другом государстве, если такая система достаточно транспарентна. Правосудие в современных демократических государствах поддерживается просвещенными идеями, побуждающими законодателей принимать более эффективные законы. Тем самым глобализация приближает правовые системы к тому, что происходит в других государствах, и нельзя отрицать тот факт, что глобализация оказывает большее влияние на расследование преступлений и отправление правосудия на национальном уровне.

В рамках интеграционных процессов взаимопроникновение норм права происходит упорядоченно, как правило, и в межгосударственном масштабе. Хотя такое взаимовлияние, возможно, и спонтанно, например в ходе изучения положительного опыта иных государств. Таков был пример внедрения в уголовный процесс Республики Беларусь института досудебного соглашения о сотрудничестве. При осуществлении международной правовой интеграции государства осуществляют деятельность по координации собственной правовой политики с правовой политикой других государств [4, с. 5].

Процесс взаимовлияния правовых систем в рамках культурного диалога в литературе иногда именуют интернационализацией права [4, с. 230]. Хотя отдельные авторы указывают, что необходимо различать интернационализацию права как процесс стихийный и правовую интеграцию как деятельность, специально направленную на обеспечение сбалансированного, бесконфликтного функционирования правовых систем [70, с. 9–10]. Такой подход нам кажется не совсем верным, так как интеграция права явно является составной частью интернационализации. В этом смысле интернационализация уголовно-процессуального права с ростом трансграничного значения уголовно-процессуальной деятельности требует углубления компаративистского знания уголовного процесса. В этом же контексте оперирует термином «интернационализация уголовного процесса» А. А. Трефилов [71, с. 3]. Отмеченные тенденции характерны для правовых систем многих государств. Так, американские исследователи отмечают возрастание случаев использования иностранного права в судах, что связано с интернационализацией уголовного процесса [72, с. IV]. Да и все большая часть международного права применяется национальными судами, а в случае необходимости принудительно обеспечивается всем арсеналом средств суверенного государства [73, с. 32]. В сфере уголовного судопроизводства такое про-

никновение затрагивает наиболее осязаемые основы суверенитета: государство, в юрисдикции которого, под чьей властью находится лицо, вправе решать, как его ограничить или наказать. И указанному «давлению» извне часто идет противодействие. В этом смысле показательна норма, изложенная в п. б) ч. 5.1 ст. 125 Конституции Российской Федерации (в редакции 2020 г.). Конституционный Суд Российской Федерации может принимать решение о возможности реализации решений межгосударственных органов, принятых на основании международных договоров, в их толковании, противоречащем Конституции, а также о возможности исполнения решения иностранного или международного (межгосударственного) суда, которое налагает обязательства на Российскую Федерацию в случае, если это решение противоречит принципам публичного права этого государства.

Хронологию изменения подходов к международно-правовым нормам в уголовном процессе можно проследить по различным изданиям научного комментария к УПК ФРГ. Изначально (в 1970-е гг.) немецкие ученые указывали, что особенностью последнего совершенствования законодательства является появление наряду с обычными федеральными законами, регулирующими уголовный процесс, положений межгосударственного права, которые в обобщенной форме определяют отдельные принципы со ссылкой лишь на ЕКПЧ [74, с. 6]. В следующем издании в качестве источников уголовно-процессуального права названы также Пакт 1966 г. [75], европейские конвенции о выдаче 1957 г. и о взаимной правовой помощи 1959 г., Венская конвенция [76, с. 4]. В 1999 г. в комментарии уже появляется термин «интернационализация уголовного процесса», которая, по мнению автора, проявляется в регулировании международным правом значимых для уголовного процесса вопросов (например, экстерриториальности), а также в установлении минимальных стандартов в данной сфере [77, с. 23–24]. А в последнем издании говорится о «пронизывании уголовно-процессуального права международным и европейским влиянием» [78, с. 7].

По мнению И. И. Лукашука, интернационализация выражается в увеличении числа совместных элементов в уголовно-процессуальных системах, способности их взаимодействия, в том числе с международным правом [79, с. 423]. Таким образом, видно, что этот термин носит деятельностный характер.

Исходя из понимания термина «интернационализация», в отношении уголовного процесса его можно рассматривать в двух смыслах:

1) процесс выхода уголовно-процессуальной деятельности на международный уровень:

а) посредством обеспечения международной судебной (правовой) защиты по уголовным делам в рамках международных организаций (например, Совета Европы, Комитета ООН по правам человека);

б) посредством создания международных органов уголовной юстиции;

2) проявление схожих общих начал, понятийного аппарата, институтов в уголовном процессе многих государств.

В рамках интеграции сближение правовых предписаний происходит в форме гармонизации либо унификации. В целом современная теория права говорит об интегративном правопонимании: принципы и нормы права содержатся «в единой, развивающейся и многоуровневой системе форм национального и (или) международного права» [80, с. 48].

В последние десятилетия ряд авторов оперировали понятием «международно-правовая парадигма» в отношении регулирования различных общественных отношений [81, с. 23; 82; 83, с. 14], не вдаваясь в определение содержания этого термина.

В философии существуют различные подходы к определению понятия «парадигма» [84, с. 42–43], которые показывают его неоднозначность, допуская возможность различных интерпретаций. Парадигмы являются линзами, через которые можно видеть мир, рамки, которые организуют общее понимание различных явлений, которые мы стараемся постигнуть [85, с. 19]. Если рассматривать парадигму как модель любого вида человеческой деятельности, принятую в качестве образца [86, с. 268], либо, точнее, модель, установку, определяющую взгляды, поведение, направление, цели деятельности людей, их сообществ [87, с. 238], то в этом контексте можно анализировать и изменение системы представлений и ценностей законодателя, правоприменителя и общества в целом в определенной сфере общественных отношений, регулируемых правом.

О наличии юридической (правовой парадигмы) теоретики права начали говорить сравнительно недавно. Так, А. Ю. Мордовцев рассматривает юридическую парадигму в качестве архитектурной структуры юридической ментальности наравне с юридическим мышлением и традиционным для конкретной общности «кодексом (предправового) поведения» [88]. При этом им отождествляется юридическая парадигма и парадигма правового сознания.

Нередко в литературе можно заметить применение термина «юридическая парадигма» в синонимичном ряду с «правопониманием». В этом случае речь идет также о парадигме правового мышления. На-

пример, выделяют естественно-правовую парадигму правового мышления, в рамках которой развиваются все современные концепции правопонимания, основанные на теории прав человека [89, с. 16].

В. В. Шаханов понимает правовую парадигму сквозь призму научной парадигмы: «...совокупность идеальных фрагментов правовой действительности (принципы познавательной деятельности, теоретические конструкции, ценностные установки, концептуальные воззрения и т. п.), используемых членами научного сообщества без сомнений и разногласий, составляющих основу его деятельности по приращению научных знаний, создающих определенное видение правовой реальности и, в конечном счете, детерминирующих эволюционную фазу формирования юридической системы, являющихся отражением “духа времени”» [90, с. 6].

В современной литературе можно встретить различные аспекты изменения парадигмы уголовного процесса. Отдельные авторы связывают смену парадигмы с изменением типологии данной деятельности, все большим привнесением в нее элементов «чисто состязательной уголовно-процессуальной идеологии» [91, с. 179], пересмотром назначения и принципов процесса, которые позволяют говорить о начале формирования совершенно иного его типа [92, с. 53]. Другие говорят о пересмыслении сущности доказывания в современном уголовном процессе [93, с. 5]. Л. М. Карнозова говорит о необходимости трансформации правовой карательной парадигмы уголовной юстиции в направлении восстановительного правосудия [94, с. 202]. Схожую позицию можно заметить в немецких работах [78, с. 8; 95]. Ю. А. Цветков заявляет о смене парадигмы досудебного производства [96, с. 52–56], хотя иные авторы полагают, что в данном случае следует вести речь о восприятии различных моделей досудебного производства [97, с. 32].

Нельзя не заметить активную пенетрацию международно-правовых предписаний через уголовно-процессуальное право в деятельность по возбуждению, расследованию, рассмотрению и разрешению уголовных дел. Необходимость учета международно-правовых норм правоприменителем отмечают и немецкие процессуалисты, говоря об интернационализации уголовно-процессуального права [77, с. 23, 27]. В результате указанной выше интернационализации сложилась международно-правовая парадигма современного уголовного процесса, т. е. парадигма, основанная на нормах международного права. Имеются в виду нормы отдельных отраслей международного публичного права (дипломатического, консульского, международного уголовного права (например, в национальном праве отдельных государств появились нормы о порядке передачи лица Международному уголовному суду), право меж-

дународных организаций (например, соглашения о привилегиях и иммунитетах международных организаций, которые должны учитываться при ведении уголовного процесса), право международного сотрудничества в борьбе с преступностью¹ [101] (хотя П. Н. Бирюков указывает на синонимичность с международным уголовным правом [30, с. 21]), право прав человека и др.), а в ряде государств и наднационального права.

При этом мы признаем, что пенетрация, а также влияние международно-правовых норм на внутреннее уголовно-процессуальное право не устраняет границу между двумя самостоятельными правовыми системами [102, с. 222–224], ведь международное публичное право представляет собой прежде всего «совокупность обычных и конвенционных норм, юридически связывающих цивилизованные государства и другие общности, обладающие международной правосубъектностью, в их взаимоотношениях друг с другом» [103, с. 253], оно функционирует как самостоятельная система по отношению к внутреннему праву любого государства [104, с. 67]. Нормы международного публичного права регулируют отношения прежде всего между государствами, а также созданными ими субъектами (например, международными организациями). Однако необходимость приложения таких норм в рамках национальной правовой системы закономерно приводит к размыванию указанной границы.

Учитывая содержание нормы ст. 8 Конституции Республики Беларусь, в своей деятельности органы, ведущие уголовный процесс, обязаны учитывать приоритет общепризнанных принципов международного права. Соответственно, можно вести речь о том, что в современный уголовный процесс Беларуси проникают указанные принципы, хотя отдельные авторы [105, с. 22] указывают, что эти принципы должны быть нормативно закреплены в международном праве.

На наш взгляд, международно-правовая парадигма подразумевает систему представлений законодателя, правоприменителя и общества о праве и основанной на нем деятельности, а также соответствующих ценностей в контексте общепризнанных принципов и норм международного права. Данную парадигму можно рассматривать и в отраслевом аспекте. Так, учитывая, что уголовный процесс представляет собой урегулированную уголовно-процессуальным законом деятельность органов дознания, следствия, прокуратуры и суда по расследованию преступле-

¹ Не вдаваясь в подробности, отметим, что в литературе ведется дискуссия относительно наименования данного вида сотрудничества государств. Отдельные авторы отмечают необходимость применения термина «международное сотрудничество в области противодействия преступности» (С. В. Троицкий [98]), иные используют оба варианта (Д. М. Валеев [99], Р. А. Шарифуллин [100]).

ний, рассмотрению уголовных дел и их разрешению, а также, частично, по исполнению приговора [106, с. 13], опосредование в соответствующем законодательстве принципов, закрепленных в международных правовых актах, допущение прямого применения в уголовно-процессуальной деятельности международных договоров предполагает проявление международно-правовой парадигмы в национальном уголовном процессе.

Международно-правовая парадигма в уголовном процессе не носит одностороннего характера. Международное право и уголовно-процессуальное право взаимосвязаны и взаимообусловлены. Беларусь как одно из многих государств, находясь в открытой экономической и социальной системе, закономерно не может пренебрегать основными предписаниями международных правовых актов в сфере уголовно-процессуальных правоотношений. Международное право, закрепив право каждого государства определять свою правовую систему, одновременно установило, что «при осуществлении суверенных прав, включая право устанавливать законы, государства соотносятся со своими обязательствами по международному праву» [107, с. 29]. В то же время исторически объективно первичным является влияние внутригосударственного права на международное в процессе формирования его норм [108, с. 106]: национальные государства на основе положительной практики правоприменения в сфере уголовного процесса, судебной практики участвуют в создании новых и наполнении общепризнанных принципов и норм международного права. Внедряя их в свою правовую систему, к ним присоединяется и наше государство.

Как указывал И. Кант, политическая идея государственного права подразумевает, что оно «должно быть соотносено со всеобщим и повластным международным правом» [109, с. 132]. И здесь под государственным правом он понимал именно национальное. Однако в тот период он полагал, что «опыт отрицает для нас всякую надежду на это». Международно-правовая парадигма уголовного процесса приводит к необходимости постоянного соотношения норм национального уголовно-процессуального права с индефинитными международными стандартами, которые не закреплены четко в каком-либо одном международном правовом акте, что позволяет каждому исследователю ссылаться на различные предписания. Сквозь призму норм международного права (не всегда действующих для Республики Беларусь) анализируют нормы национального уголовно-процессуального права не только ученые-процессуалисты, но и судьи Конституционного Суда. Так, в большинстве своих решений, связанных с рассмотрением вопроса о соответствии Конституции Республики Беларусь предписаний Уголов-

но-процессуального кодекса, последний ссылается на Всеобщую декларацию прав человека и Международный пакт о гражданских и политических правах. В решении № Р-1167/2019 от 23 апреля 2019 г. «О правовом регулировании производства по уголовным делам по вновь открывшимся обстоятельствам» Конституционный Суд сослался на ст. 6 ЕКПЧ [110].

Пенетрирующий характер международного права обусловлен предписанием ч. 1 ст. 8 Конституции Республики Беларусь, в которой наше государство обязуется обеспечивать соответствие законодательства общепризнанным принципам международного права. Если уголовно-процессуальные нормы конструируются в контексте международно-правовых норм и общепризнанных принципов международных актов, то и сама деятельность органов, ведущих уголовный процесс, подчинена международно-правовой парадигме.

Под воздействием проявившейся парадигмы перестраиваться приходится и науке уголовного процесса. И в данном случае ей не придется отказаться от того, чем она ранее занималась, как ошибочно полагают некоторые исследователи [111, с. 204], от нее потребуется расширить и превзойти основные изучаемые ею темы. Как указывает М. Лангер, в сравнительно-правовом аспекте уголовного процесса следует учитывать достижения науки в исследовании вопросов глобализации права, международных отношений и постколониальных исследований [112, с. 727].

Международно-правовая парадигма уголовного процесса пришла на смену закрытому уголовному процессу, национально-государственной парадигме после того, как государство стало постепенно «уступать» суверенитет в самой деликатной сфере – уголовной юстиции. Она стала ответом на проявления инквизиционного процесса «закрытого государства» в худших его качествах в XX в. Национально-государственной парадигме уголовного процесса было свойственно позитивистское правопонимание, когда право считается закрытой системой, «образованной прежде всего нормами права, содержащимися в национальных правовых актах, принятыми органами государственной власти» [80, с. 47]. Однако смена парадигмы на законодательном уровне, в науке уголовного процесса во многом идет впереди правоприменительной деятельности. Это обусловлено необходимостью смены ментальности правоприменителя.

Необходимость проникновения наднациональных предписаний в национальное уголовно-процессуальное законодательство не всегда вызвана предписанием международного правового акта о внутригосударственной имплементации. Нам кажется, что законодатель исходил из того, что правоприменители на местах не всегда перепроверяют до-

говорную базу между государствами (особенно в доцифровую эпоху), и им необходимо определить реальную волю суверена. Этим можно объяснить, например, дублирование императорами как Австрии, так и России положений Картельной декларации 1810 г. о беженцах в своих указах словами «прибить настоящий Указ везде, где только потребно будет, дабы никто не мог отозваться неведением оного». Примеры такого «незнания» можно найти и в XXI в. в Беларуси. В связи с отменой ряда приговоров по причине несоблюдения принципа конкретности при выдаче обвиняемых Верховному Суду Республики Беларусь в 2003 г. пришлось своим письмом разъяснять судам данное правило международных договоров [113, с. 98].

В англоязычной литературе выделяется прежде всего парадигма международного права прав человека (*international Human Rights paradigm*) современного уголовного процесса [114, с. 67; 115, с. xi]. В данном случае имеется в виду, что уголовная юстиция должна защищать не только и не столько публичные интересы, сколько индивидуальные права человека, заложенные в международных правовых актах. Как указывает А. Диаринг, уголовное правосудие находится в состоянии трансформации, двигаясь к парадигме человеческого достоинства в контексте формирующегося глобального гуманистического общества. И далее продолжает: «...речь идет не о международном праве, не о правовых отношениях, складывающихся между народами, а о всемирных правах отдельных лиц на эффективную защиту от безнаказанности, правах, гарантированных мировым сообществом людей и применяемых на практике государственными институтами» [115, с. 298].

В данном контексте постепенно развивается и белорусский уголовно-процессуальный закон, хотя отдельные отечественные авторы негативно заявляют об «аффектированности концепциями прав человека, международными стандартами» [116, с. 62]. Обеспечивая права подозреваемого (обвиняемого) в уголовном процессе, отечественный законодатель не оставляет в стороне потерпевшего. Так, при введении апелляционных начал было предусмотрено вручение копии протеста прокурора, содержащего просьбу об отмене или изменении приговора по основаниям, которые могут повлечь ухудшение положения обвиняемого, не только последнему, но и потерпевшему независимо от его просьбы (ч. 3 ст. 373 УПК). В научном сообществе и практиками обсуждается введенная в уголовный процесс медиация для разрешения конфликта между обвиняемым и потерпевшим [117–120]. На связь изменения парадигмы с идеей прав человека, предопределяющей назначение уголовного процесса, указывает и В. А. Лазарева [92, с. 11].

Однако, на наш взгляд, нельзя ограничиваться лишь отдельным, хотя и очень важным элементом международно-правового проникновения в уголовный процесс. Погружение института международной правовой помощи по уголовным делам с международного уровня на уровень национального регулирования является еще одним важным моментом трансформации парадигмы уголовного процесса. А ведь данный институт в первую очередь направлен не на обеспечение прав человека, а на основанную на доверии государств совместную борьбу с преступными проявлениями. Сближение наций, глобализация закономерно требуют объединения усилий и в сфере уголовного правосудия, хотя доверие иностранному уголовному процессу также во многом зависит от соблюдения общепризнанных принципов международного права, в том числе связанных с обеспечением прав человека.

По И. Канту, «проблема создания совершенного гражданского устройства зависит от проблемы установления *законосообразных* внешних отношений между государствами и без решения этой последней не может быть решена» [121, с. 429]. В XIX в. профессор Ф. Мартенс отметил точнее: «...государства с отсталым уголовным законодательством и с судебной организацией, не обеспечивающей вполне правосудие, не должны надеяться... на оказание судебной помощи со стороны других, более образованных держав» [21, с. 397]. В условиях взаимозависимого, во многом целостного мира международное право играет принципиально новую роль «в процессе регулирования межгосударственных отношений, ядром которых выступает признание общечеловеческих ценностей» [108, с. 104].

Рассматриваемая парадигма как в целом, так и в уголовном процессе характеризуется хаотичностью и разрозненностью норм, что обусловлено поиском консенсуса различных правовых норм и типов уголовного процесса. На современном этапе развития уголовного процесса Беларуси международно-правовая парадигма проявляется:

- в расширении круга международных договоров, которые являются источником уголовно-процессуального права, с внедрением международно-правовых стандартов;
- активном использовании международной правовой помощи при производстве по уголовным делам;
- появлении возможности судебной (квазисудебной) защиты в международных органах.

Сложно выделить временные рамки этапов проникновения надгосударственного в национальный уголовный процесс, так как каждое государство проходило и проходит свой путь трансформации уголовного процесса.

В национальных памятниках права до присоединения белорусских земель к Российской империи нам не удалось обнаружить проникновение международных правовых норм в национальное уголовно-процессуальное право. Наоборот, Статут ВКЛ 1588 г. не предусматривает никаких исключений для «чужеземцев» при отправлении правосудия по уголовным делам (арт. 1 разд. 1, арт. 29 разд. 4) [122]. Это закономерно вызвано неотъемлемым правом суверена на уголовное судопроизводство, недопустимостью его ограничения и неразвитостью в тот период самого международного права, базированием соответствующих правил нередко на обычаях.

В Древнем мире неприкосновенность дипломатов обеспечивалась не правом, а «божественным покровительством» [123, с. 15]. В тот же период можно отметить и появление зачатков института международной правовой помощи, так как государства закономерно сталкивались с проблемой ограниченности их юрисдикции территорией. Наиболее древним большинство ученых признают институт выдачи [40, с. 210]: выдаче на основе договоренностей подвергались лица, покинувшие землю египетского фараона Рамсеса II [124, с. 325], и рабы, бежавшие из греческих городов-государств [40, с. 210]. Впервые о выдаче бежавших холопов из ВКЛ говорилось в Мирном договоре 1323 г. великого князя Гедымина с Орденом, датским наместником Ревельской земли, епископами и Ригой: «*Если бежит холоп из одной страны в другую, то следует выдать его, когда потребуют*» [125, с. 46]. Во внутреннем законодательстве ВКЛ имелось упоминание о выдаче бежавшей челяди (например, арт. 38 разд. 3 Статута 1588 г. [122, с. 372]). Хотя холопы и челядь в большей своей части в данный период считались объектом, а не субъектом права, но их побег схож с противоправным деянием. Выдача же обвиняемых и осужденных происходила только по двухсторонней договоренности суверенов. С развитием государственности и усовершенствованием межгосударственных отношений трансформировались виды международной правовой помощи по уголовным делам [113, с. 30].

Первый этап интерференции надгосударственного в национальный уголовный процесс можно связать с развитием дипломатического права после 1815 г., так как только в начале XIX в. «государства нашли нужным определить взаимные отношения дипломатических агентов» [126, с. 530]. В Законах о судопроизводстве по делам о преступлениях и проступках, опубликованных в Своде законов Российской империи 1857 г., появляется норма о необходимости «предварительного сношения с Министерством иностранных дел» при необходимости осуществления обыска или выемки в помещениях «иностранных Министров»

(ст. 93(б)) [127, с. 20]. В Своде законов Российской империи 1833 г. такой нормы еще не имелось [128, с. 258]. Устав уголовного судопроизводства 1864 г. расширил указанную норму и предусматривал, что дела о преступлениях лиц, принадлежащих к посольствам и миссиям иностранных держав, возбуждаются не иначе, как после надлежащего дипломатического сношения с непосредственным начальником обвиняемого (ст. 229) [129, с. 105]. Данные нормы в трансформированном виде можно было встретить в уголовно-процессуальных кодексах БССР и действующем УПК (ч. 2 ст. 4, ч. 10 ст. 204, ч. 10 ст. 210). Лишь об изъятиях для послов «в силу трактатов» и о «внеземельности монархов» говорилось в доктрине уголовного судопроизводства того времени [130, с. 95–97].

Ближе к концу XIX в. происходит первое проникновение института международной правовой помощи по уголовным делам в национальное законодательство, и это можно условно обозначить **вторым этапом** интерференции элементов международного права в национальный уголовный процесс. Изначально эти нормы формулируются вне уголовного процесса (в отдельном законодательстве). С начала XIX в. Российская империя начинает активно заключать двухсторонние международные договоры о выдаче. Первоначально они охватывали выдачу политических преступников и военных дезертиров, а также регулировали некоторые иные вопросы международной правовой помощи по уголовным делам (например, передачу вещей). Но уже с середины того же века формируется принцип невыдачи политических преступников и в договорах говорится о выдаче лиц за совершение общеуголовных преступлений. Первой в 1833 г. национальный закон о выдаче принимает Бельгия [131]. В ст. 850 Устава уголовного судопроизводства 1864 г. делается прямая отсылка к трактатам [129, с. 308], а ст. 13 Уголовного уложения 1903 г. гласила, что *«иностранец, учинивший тяжкое преступление или преступление вне пределов России, если не был за то преступное деяние в России осужден, оправдан или освобожден от наказания, в установленном порядке подлежит выдаче»* [132, с. 277]. В 1911 г. был принят Закон Российской империи «О выдаче преступников по требованиям иностранных государств» [133], который «соответствовал... всей экстрадиционной практике, существовавшей в мире 100 лет назад» [134, с. 91], но действовал не долго.

После вступления Беларуси в состав Союза ССР международное сотрудничество свертывается, хотя в Западной Беларуси действовал польский Уголовно-процессуальный кодекс 1928 г., в котором имелся разд. VI «Выдача преступников» [135, с. 435]. С 1922 г. законодательство Беларуси определялось союзным законодательством. До Второй мировой войны

у СССР было сдержанное отношение к международному праву, так как оно считалось сформированным под сильным влиянием капиталистических государств [136, с. 660]. Учитывая закрытый характер советского государства, развитие в национальном законодательстве институт международной помощи по уголовным делам в этот период не получил. Хотя ст. 16 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1924 г. предусматривала, что выдача лиц, привлеченных к следствию или суду, а также осужденных судебными учреждениями, допускается не только в случаях и порядке, установленных международными договорами Союза ССР, но и в соответствии со «специальным законом, издаваемым в порядке общесоюзного законодательства» [137].

В Уголовно-процессуальном кодексе БССР 1923 г. после внесенных в 1927 г. изменений появилась ст. 22-а, устанавливавшая самый общий порядок сношения «с соответствующими судебными и административными органами иностранных государств» для выполнения процессуальных действий за пределами СССР – через Народный комиссариат по иностранным делам. Схожая норма содержалась в ст. 20 УПК БССР 1960 г. [138]. Союзное законодательство носило разъяснительный характер, как, например, постановление Пленума Верховного Суда СССР 1959 г. «О вопросах, связанных с выполнением судами договоров с иностранными государствами об оказании правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам» [139]. Анализируя источники уголовно-процессуального права, авторы советского периода избегали упоминания международных договоров [140, с. 69–74; 141, с. 21].

18 мая 2004 г. был принят Закон Республики Беларусь «О международной правовой помощи по уголовным делам» [142]. Изначально проект закона, разработанный Министерством юстиции Республики Беларусь и внесенный в парламент Советом Министров Республики Беларусь, устанавливал национальную процедуру оказания международной правовой помощи по уголовным делам. Однако в процессе его рассмотрения в Палате представителей Республики Беларусь было справедливо решено, что процессуальные нормы должны быть включены в УПК. 4 января 2008 г. Президент Республики Беларусь подписал Закон Республики Беларусь «О внесении дополнений и изменений в некоторые законы Республики Беларусь по вопросам оказания международной правовой помощи по уголовным делам» [143], в соответствии с которым в УПК появился новый раздел XV «Международная правовая помощь по уголовным делам на основе принципа взаимности». Впервые у органов Республики Беларусь, ведущих уголовный процесс, появился национальный инструмент, на который они могут ссылаться в своих решениях.

Третий этап внедрения стал ответом на злодеяния режима национал-социализма в Германии. Появляются общепризнанные нормы международного права о правах человека в сфере уголовного процесса, которые постепенно адсорбируются национальным уголовным процессом, становятся его принципами. В СССР, учитывая инквизиционный тип уголовного процесса и отсутствие реального отделения функции обвинения от правосудия, такие нормы имплементируются фрагментарно. Так, презумпция невиновности, хотя и в урезанном виде, была сформулирована на конституционном уровне только в 1977 г. [144, с. 38]. В ч. 2 ст. 8 УПК БССР до принятия нового УПК не презюмировалась невиновность лица до вступления приговора в законную силу. Право на защиту подозреваемого (обвиняемого, подсудимого) также ограничивалось, так как защитник мог быть допущен к участию в уголовном деле только «с момента объявления обвиняемому об окончании предварительного следствия и предъявления обвиняемому для ознакомления всего производства по делу» (ч. 1 ст. 49). Значительные изменения в этой сфере произошли с принятием Конституции Республики Беларусь 1994 г. и УПК 1999 г., в которых нашли свое отражения многие общепризнанные нормы в сфере уголовного правосудия.

Параллельно с развитием норм о правах человека на международном и региональном уровне стал развиваться институт международной судебной защиты. Но для его реальной реализации он потребовал изменения национального уголовно-процессуального законодательства, чем был ознаменован **четвертый этап** проникновения международно-права. Государства – члены Совета Европы присоединились к ЕКПЧ. Одновременно ими была признана компетенция ЕСПЧ. В настоящий момент уголовно-процессуальное законодательство этих государств развивается в русле интерпретации норм указанной конвенции данным судом. В их законодательстве также имеются нормы, позволяющие пересмотреть уголовное дело после удовлетворения соответствующей жалобы ЕСПЧ. Аналогичное развитие уголовно-процессуального законодательства Республики Беларусь также возможно с учетом нормы ст. 61 Конституции Республики Беларусь.

В настоящий момент можно вести речь о становлении **пятого этапа** интерференции надгосударственного в национальный уголовный процесс – прямой гармонизации норм уголовно-процессуального права. Предыдущие этапы также предусматривали сближение отдельных уголовно-процессуальных предписаний национальных государств, но такое сближение происходит через международно-правовые инструменты. Прямая гармонизация обусловлена интеграционными явле-

ниями между государствами. Так, в государствах – членах ЕС ведется работа по различным направлениям уголовного процесса с целью анализа национальных предписаний в каждом государстве и создания единых норм, подлежащих последующей имплементации во всех государствах-членах. Попытка создания единых норм в сфере уголовного процесса была предпринята в рамках СНГ путем создания Модельного уголовно-процессуального кодекса в 1995 г. [145]. Однако в настоящий момент можно увидеть, что государства отошли от данного документа при создании национальных кодексов. В то же время создание внутреннего рынка в рамках ЕАЭС закономерно потребует сближения законодательства и в уголовно-процессуальной сфере¹.

Таким образом, международно-правовая парадигма подразумевает систему представлений законодателя, правоприменителя и общества о праве и основанной на нем деятельности, а также соответствующих ценностей в контексте общепризнанных принципов и норм международного права. К настоящему моменту можно говорить о наличии международно-правовой парадигмы уголовного процесса. Последняя подразумевает опосредование в уголовно-процессуальном законодательстве принципов, закрепленных в международных правовых актах, и допущение прямого применения в уголовно-процессуальной деятельности международных договоров.

Проникновение международно-правовых предписаний в национальное уголовно-процессуальное законодательство вызвано необходимостью доведения соответствующих норм до правоприменителя. При этом выделено пять этапов развития такого проникновения:

- 1) обеспечение беспрепятственной деятельности дипломатических агентов;
- 2) закрепление на национальном уровне института международной правовой помощи по уголовным делам;
- 3) имплементация общепризнанных норм о правах человека в сфере уголовного процесса;
- 4) признание на национальном уровне международной судебной (правовой) защиты;
- 5) прямая гармонизация уголовно-процессуального права в рамках наднациональной организации.

¹Подробнее см. разд. 5.1 настоящей монографии.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДОГОВОР КАК ИСТОЧНИК УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА

2.1. Круг международных договоров Республики Беларусь, подлежащих применению в уголовном процессе

Вопрос о международном договоре как источнике уголовно-процессуального права Республики Беларусь, о его месте и роли среди иных источников встал сравнительно недавно, а именно с момента введения в действие УПК. Признание на уровне Конституции Республики Беларусь и отраслевого законодательства международных договоров Республики Беларусь поставило не только перед процессуалистами, но и правоприменителем новые задачи не просто теоретического, но и практического плана. Если проанализировать нормы ст. 1 УПК, то можно заметить, что Республика Беларусь рассматривает положения международных договоров, заключаемых с другими государствами, не только в качестве источников международного права, но одновременно и норм своего национального права. Нормы международных договоров могут являться юридическим основанием при принятии отдельных решений в ходе уголовно-процессуальной деятельности, служить посылком при формировании и формулировании правовой позиции участниками уголовного процесса (включая суд).

Традиционно источником уголовно-процессуального права является внешняя форма выражения его норм, и к ним следует относить любые нормативные правовые акты, в которых содержатся нормы уголовного процесса [106, с. 19], иными словами, такие источники представляют собой совокупность правовых актов, содержащих сведения о правилах поведения, которые должны соблюдаться при производстве по уголовным делам [10, с. 273]. Проанализировав положения ч. 1–3 ст. 1 УПК, можно заключить о регулировании уголовно-процессуальных отношений Конституцией Республики Беларусь и данным кодексом. Это подчеркивается императивностью ч. 2 ст. 1 УПК: установленный УПК

порядок производства по материалам и уголовному делу является единым и обязательным для всех органов и должностных лиц, ведущих уголовный процесс, а также для иных участников уголовного процесса. Из данной нормы можно сделать вывод, что допустимость применения иных источников права в уголовном процессе должна быть предусмотрена непосредственно в самом УПК. Отметим, что в литературе на основе норм УПК РФ высказывались мнения о неправильности понимания данного кодекса как единственного источника уголовно-процессуального права [10, с. 274–275].

Международный договор является разновидностью нормативно-правового договора как источника права и, соответственно, может содержать не только нормы, но и принципы права [146, с. 283, 287]. Следует отметить, что есть и противники признания международного договора источником отраслевого права [147, с. 133], которые основывают свои выводы на дуалистической концепции взаимодействия международного и внутригосударственного права. Для оценки возможности применения международных договоров в ходе производства по материалам и уголовному делу прежде всего требуется обратиться к теориям внутригосударственного действия международно-правовых норм. Можно выделить две основные теории: трансформации и имплементации. Теоретическое обоснование концепции трансформации осуществлено советскими учеными на основании дуалистического подхода во взаимоотношениях международного и национального права. Основоположники данной концепции утверждали, что для преобразования международно-правовой нормы, обязывающей и могущей обязывать только государства, в норму национального права требуется трансформация нормы во внутригосударственный акт [102, с. 226].

Сторонникам теории имплементации важна сущность предмета международного договора. В случае регулирования взаимоотношений исключительно между субъектами международного публичного права требуется лишь создать во внутригосударственном праве основу для этого (уполномочить соответствующие государственные органы для реализации норм). Если же конечной целью действия международного нормативного акта является достижение определенной степени урегулированности отношений, возникающих между субъектами национального права одного или нескольких государств, то «в соответствии с теорией имплементации речь должна идти не о “трансформировании” норм международного права в нормы национального правопорядка, а о применении первых внутри соответствующего государства с санкции вторых» [148, с. 55].

Отдельные авторы в этом случае ведут речь о самоисполнимых и несамоисполнимых нормах международного договора [149, с. 168]. «Само-

исполнимые нормы договора – это такие, которые, будучи соответствующим образом санкционированы государством, в конечном счете предназначены для регулирования внутригосударственных отношений, если это в принципе допускается отечественным правом, хотя именно содержащие такие нормы договоры и требуют прежде всего издания трансформационного или какого-либо иного акта со стороны заключившего международно-правовое соглашение государства» [108, с. 118].

Формулировка несамоисполнимых норм международного договора лишь задает направления действия государства, заключившего договор, она требует создания национальных правовых норм, которые могут значительно различаться в каждом правовом порядке. Немецкие исследователи разграничивают понятия «самоисполнимый» (*self-executing*) и «непосредственно применимый» (*directly applicable*) международный договор. Первый термин характеризует возможность реализации нормы договора на основании акта присоединения без необходимости принятия внутригосударственного имплементирующего акта [150, с. 11]. Непосредственная применимость – свойство нормы международного договора, данное уже на международно-правовом уровне национальному пользователю, которое не требует изменений [151, с. 452].

Для непосредственного применения субъектами национального права самоисполнимых международных договоров требуется санкционирование суверена. «В основе как взаимодействия международного и национального права в целом, так и юридических форм их согласования лежит воля государства» [108, с. 116]. Среди таких форм в науке различают: трансформацию (прямую и опосредованную), инкорпорацию, рецепцию [152, с. 49–53]. Нередко санкционирование осуществляется с помощью отсылки¹, когда в тексте, в нашем случае УПК, идет отсылка к международным договорам в целом либо к конкретному договору или его положению.

Общая (генеральная) отсылка выражается в наличии в национальном праве общего правила, придающего международным нормам в целом либо с определенными условиями силу внутреннего закона [153, с. 97]. Нельзя в полной мере согласиться с М. В. Мещановой, что в Конституции Республики Беларусь отсутствует норма о генеральной отсылке [154, с. 43]. Все же ее можно вывести, проанализировав закрепленные в ст. 116 полномочия Конституционного Суда. Данный орган дает заключения в том числе о соответствии всех внутригосударственных нормативных правовых актов (за исключением самой Конституции) междуна-

¹ С. В. Черниченко относит ее к трансформации [152, с. 50–51], с чем сложно согласиться, так как отсылка к международным договорам (особенно к неопределенному кругу) не создает новой нормы в национальном праве.

родно-правовым актам, ратифицированным Республикой Беларусь. При этом не допускается заключение международных договоров, которые противоречат Конституции (ч. 3 ст. 8 Конституции Республики Беларусь).

В УПК можно увидеть несколько разновидностей частичных отсылок:

1) «если не определено, то...» (ч. 5 ст. 1);

2) «если иное не установлено...» (ч. 1 ст. 3);

3) «в соответствии...» – бланкетный вариант нормы, отсылающий для установления определенных элементов к международному праву (ч. 2 ст. 44, ч. 3 ст. 88, ч. 10 ст. 204, ч. 10 ст. 210, ч. 1 ст. 509);

4) иные варианты («наряду...» – ч. 1 ст. 1, «противоречит...» – п. 1 ст. 481).

На наш взгляд, не вполне верно при сегодняшнем уровне развития межгосударственных отношений указывать, что между источниками внутринационального и международного права складываются лишь «сувязі каардынацыі, узаемазалежнасцяў і ўзаемаўплыву» [105, с. 191], так как возможность непосредственного применения в уголовно-процессуальной деятельности самоисполнимого международного договора с учетом нормы ч. 2 ст. 36 Закона о договорах требует встраивания таких международно-правовых актов в иерархию внутригосударственных актов [155]. Необходимо также учитывать, что нормы международных договоров адресуются, как правило, государствам, но могут быть реализованы только через их органы, правовое регулирование деятельности которых устанавливается в национальном законодательстве [156, с. 56]. Однако белорусский законодатель отошел от господствовавшего в советской науке отрицания самоисполнимости отдельных норм международных договоров [102, с. 225–226] и требования трансформации для перевода нормы международного права в норму национального права [157, с. 34–44].

Приведение национального законодательства в соответствие с международными договорами не всегда возможно, так как с различными государствами заключаются двухсторонние и многосторонние договоры, схожие по предмету регулирования, но различные по содержанию, в том числе предусматривающие установление различных процедур. Так, ч. 1 ст. 72 Конвенции СНГ 1993 г. [158] предусматривает возможность осуществления уголовного преследования только против собственных граждан, подозреваемых в том, что они совершили на территории запрашивающей договаривающейся стороны преступление, а ч. 1 ст. 91 Конвенции СНГ 2002 г. [159] – против собственных граждан, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений на территории запрашивающей договаривающейся стороны, а также в отношении лиц без гражданства и иностранных граждан, находящихся на территории таких государств, в случаях отказа в их выдаче. Можно вывести и обратное пра-

вило: изменение нормы УПК, ранее приведенной в соответствие с положениями международного договора, не приводит к автоматическому неприменению ранее ратифицированного международного договора.

Исследователи выделяют нормы, закрепляющие на международно-правовом уровне стандарты национального судопроизводства [147, с. 491] (например, Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила) [160], Статус иностранных граждан в уголовном судопроизводстве [161], Основные принципы применения программ реституционного правосудия в вопросах уголовного правосудия [162], Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка [163] и др.). Однако такие акты носят рекомендательный характер и не могут применяться напрямую правоприменителем без их имплементации в УПК Беларуси, т. е. они требуются законодателю при совершенствовании национальных уголовно-процессуальных норм.

Не вызывает сомнения распространение возможности непосредственного применения во внутригосударственной сфере исключительно на самоисполнимые нормы международного права [8, с. 198]. Данный тезис подтвержден легально в Российской Федерации на уровне постановления Пленума Верховного Суда [164]. Как видится, для применения самоисполнимого международного договора требуется исследовать его содержание, установив, что ратифицирующий внутригосударственный акт санкционирует его применение на территории Республики Беларусь, а при необходимости содержит условия такого применения. Как показывает практика, в таких случаях органы, ведущие уголовный процесс, в своих решениях ссылаются непосредственно на норму международного договора Республики Беларусь [165–167]. Соответственно, такая норма не трансформируется, она включается в систему источников уголовно-процессуального права Республики Беларусь, инкорпорируется. Именно такие международные договоры, на наш взгляд, могут применяться в ходе производства по материалам и уголовному делу. В случае непосредственного применения норм международных договоров последние действуют практически как специальные по отношению к правилам белорусского законодательства и изымают отдельные отношения из сферы применения национальных правовых норм [30, с. 19].

При применении самоисполнимых международных договоров следует учитывать особенность уголовно-процессуальной формы. Это наиболее важно в процессе собирания доказательств, при котором должна применяться процедура, предусмотренная уголовно-процессуальным законом в широком смысле, иначе собранное доказательство может быть признано недопустимым (ч. 3 ст. 8, ч. 5 ст. 105 УПК). Нередко указанные

договоры не содержат порядок осуществления (производства) процессуального действия, лишь допуская его в межгосударственных отношениях, но сама процедура должна быть закреплена в национальном законодательстве. Международные договоры Республики Беларусь (их отдельные положения), требующие издания внутригосударственных норм, устанавливающих соответствующую процедуру, не могут применяться в уголовном процессе без соответствующей трансформации (примерами таких положений могут служить нормы ст. 63 и 105 Конвенции СНГ 2002 г.).

Проанализировав нормы самого УПК, можно установить, что он допускает использование в уголовном процессе следующих международных договоров Республики Беларусь (по их предмету):

а) определяющих права и свободы человека и гражданина (ч. 4 ст. 1 УПК);

б) содержащих нормы о порядке оказания международной правовой помощи по уголовным делам (ч. 5 ст. 1 УПК);

в) регулирующих гражданское судопроизводство (ч. 4 ст. 148 УПК в связи со ст. 543 ГПК).

Официального перечня международных договоров Республики Беларусь, определяющих права и свободы человека и гражданина, не существует. Определить – значит раскрыть содержание, а также установить, закрепить в нормативном правовом акте. В ч. 3 ст. 21 Конституции Республики Беларусь государство гарантирует права и свободы граждан Беларуси, не только закрепленные в Конституции и законах, но и предусмотренные международными обязательствами Беларуси. Соответственно, исходя из дословного толкования, к указанным договорам можно отнести любые международные договоры Республики Беларусь, в которых закрепляется и раскрывается содержание прав физических лиц, прямо либо косвенно связанных с их участием в уголовном процессе. Это всегда будут договоры, которые регулируют именно правоотношения во внутригосударственном их проявлении, а не договоры, направленные исключительно на внешние отношения (например, о праве международных договоров).

Как видится, о таких международных договорах вела речь В. М. Волженкина, указывая, что в них закрепляется «обязанность каждого государства признать и обеспечить права человека в объеме и значении, предусмотренном договором» [12, с. 106]. Отметим, что УПК ФРГ [168] не содержит норм об источниках уголовно-процессуального права; однако в доктрине процессуалисты через норму ст. 25 Основного закона ФРГ заключают, что нормы международного права являются источником современного уголовно-процессуального права, перечисляя, в част-

ности, ЕКПЧ и Пакт 1966 г., а также Венскую конвенцию [77, с. 29], хотя отдельные немецкие авторы ведут речь исключительно о ЕКПЧ, не указывая другие международные договоры [169, с. 17–22].

Применение в уголовном процессе международных договоров иных, чем определяющих права и свободы человека и гражданина, обусловлено наличием в уголовном деле «иностранного элемента». Исследователи нередко оперируют данным термином, не давая его определения [170, с. 205–207]. В самом широком смысле почти любой элемент уголовного дела может быть иностранным. Обобщенно иностранный элемент в уголовном деле – это либо наличие в деле субъекта правоотношения, являющегося иностранцем (иностранное физическое либо юридическое лицо, лицо без гражданства), либо совершение преступления вне пределов Республики Беларусь, или наступление его последствий вне территории последней, либо нахождение доказательств за пределами заинтересованного государства. Это определение достаточно условно, так как маловероятно, что представителем государственного органа (участника уголовного процесса) выступит иностранный гражданин (это противоречит Закону Республики Беларусь «О государственной службе в Республике Беларусь»).

С принятием в 2004 г. Закона Республики Беларусь «О международной правовой помощи по уголовным делам» законодатель легально допустил оказание международной правовой помощи по уголовным делам на основании международных договоров Республики Беларусь, а при их отсутствии – на основе принципа взаимности (ст. 2). Соответствующая национальная процедура появилась в УПК в 2008 г. (разд. XV), и она носит субсидиарный характер по отношению к нормам международных договоров Республики Беларусь. Последние оперируют различной терминологией: «правовая помощь по уголовным делам» [159], «взаимная юридическая помощь» [171], «помощь в связи с уголовным преследованием» [172], «помощь в связи с уголовно-процессуальными действиями» [173].

Раздел XV УПК Беларуси на основе принципа взаимности регулирует две группы общественных отношений, возникающих при оказании международной правовой помощи по уголовным делам:

- при наличии «пробелов» в действующем международном договоре Республики Беларусь с иностранным государством (ч. 5 ст. 1 УПК). Учитывая нормы большинства международных договоров Республики Беларусь, можно заключить, что процессуальные вопросы разрешения и обеспечения исполнения просьб органов иностранных государств, направления просьб органами, ведущими уголовный процесс, а также процессуальных прав лиц, участвующих в оказании международной правовой помощи по уголовным делам, регулируются национальным законодательством;

- при отсутствии действующего международного договора Республики Беларусь с иностранным государством (ст. 2 Закона Республики Беларусь «О международной правовой помощи по уголовным делам»).

Процессуальные отношения, возникшие в связи с гражданским иском, в случае отсутствия соответствующих норм в УПК регулируются нормами гражданского процессуального законодательства и прежде всего – ГПК (ч. 4 ст. 148 УПК). Из данного правила есть одно исключение: противоречие соответствующих норм УПК. При этом ст. 543 ГПК предусматривает, что если международным договором Республики Беларусь установлены иные правила, чем те, которые содержатся в законодательстве о гражданском судопроизводстве Республики Беларусь, то применяются правила международного договора Республики Беларусь. Из этого можно сделать закономерный вывод, что в уголовном процессе при рассмотрении гражданского иска могут быть применены нормы международного договора Республики Беларусь, регулирующие гражданские процессуальные отношения, при соблюдении двух условий:

- 1) соответствующие процессуальные отношения не урегулированы нормами УПК;

- 2) нормы такого международного договора не противоречат УПК.

Не следует путать сформулированное правило с нормой ст. 153 УПК, которая напрямую допускает применение при рассмотрении гражданского иска международных соглашений и норм права государства, с которым заключены договоры о правовой помощи. Исходя из анализа содержания данной статьи, можно заключить, что законодатель предусмотрел в этом случае допустимость применения соответствующих норм об основаниях, условиях, объеме и способе возмещения вреда, т. е. материальных гражданско-правовых норм. Исключением является ссылка на нормы международных договоров Республики Беларусь о правовой помощи, как следует полагать, по гражданским делам, допускающие применение в Республике Беларусь норм иностранного права. При этом ч. 5 ст. 1 УПК упоминает субсидиарный характер норм УПК лишь по отношению к международным договорам Республики Беларусь, определяющим порядок оказания международной правовой помощи по уголовным делам.

Необходимо отметить, что допустимость разрешения гражданско-правовых претензий лиц, понесших ущерб от преступления, на территории другого государства при возбуждении уголовного дела в Республике Беларусь по просьбе такого иностранного государства может предусматриваться в международных договорах (например, ч. 3 ст. 61 договора между Республикой Беларусь и Литовской Республикой о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам [174]).

При рассмотрении гражданского иска в уголовном процессе может возникнуть необходимость в применении международных договоров Республики Беларусь, связанных с юридической силой документов, выданных компетентными учреждениями иностранного государства вне уголовного процесса, коллизией компетенции судов по рассмотрению гражданского иска, процессуальными сроками. Данные вопросы регулируются прежде всего международными договорами Республики Беларусь, содержащими положения о международной правовой помощи по гражданским делам. Так, ст. 11 договора между Республикой Беларусь и Республикой Болгария о правовой помощи по гражданским делам предусматривает, что «документы, составленные и заверенные в соответствии с установленной формой компетентным органом одной Договаривающейся Стороны, подписанные правомочным лицом этого органа и скрепленные гербовой (официальной) печатью, имеют на территории другой Договаривающейся Стороны доказательную силу без необходимости их легализации» [175]. По поводу коллизии компетенции судов по гражданским делам ч. 3 ст. 18 договора между Республикой Беларусь и Латвийской Республикой о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам указывает, что «в случае возбуждения производства по делу между теми же сторонами, о том же предмете и по тому же основанию в судах обеих Договаривающихся Сторон, компетентных в соответствии с настоящим Договором, суд, возбудивший дело позднее, прекращает производство дела» [176]. Договор между Республикой Беларусь и Республикой Польша о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным, трудовым и уголовным делам в части гражданских дел предусматривает, что «суд аднаго Дагаворнага Боку, абавязваючы працэсуальны бок або ўдзельніка працэсу, які пражывае або знаходзіцца на тэрыторыі другога Дагаворнага Боку, да... дапаўнення, якога не хапае ў іску або заяве, адначасова назначае тэрмін не менш аднаго месяца» (ст. 52). При этом установлено, что вопрос о соблюдении этого срока решает дата штемпеля почтового отделения той договаривающейся стороны, с территории которой отправлен письменный документ, представляющий собой исполнение действия [177].

Если с иностранным государством не заключен соответствующий международный договор, то в отношении юридической силы официальных документов должна применяться Гагская конвенция, отменяющая требование легализации иностранных официальных документов, от 5 октября 1961 г. [178].

В тексте УПК имеется ряд норм, отсылающих к международным договорам. Данные нормы предусматривают:

- возможность применения на территории Республики Беларусь норм уголовно-процессуального законодательства, отличного от УПК (ч. 1 ст. 3). Как видится, с учетом наименования рассматриваемой статьи в данном случае законодатель допускает применение на основе международного договора Республики Беларусь иностранного законодательства в рамках оказания международной правовой помощи. Такой точки зрения придерживаются и авторы Научно-практического комментария к УПК [9, с. 8–9]. При таком понимании указанной нормы приведенный выше перечень международных договоров не расширяется. Однако в настоящий момент действует Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Кабинетом Министров Украины о судоходстве по внутренним водным путям 1998 г. [179], в ст. 14 которого предусмотрено, что «в случае совершения членом экипажа судна одной Договаривающейся Стороны правонарушения на борту этого судна во время его пребывания на внутренних водных путях другой Договаривающейся Стороны власти последней не преследуют указанного члена экипажа по закону без согласия компетентного дипломатического или консульского должностного лица государства флага судна», кроме указанных в данной статье случаев. Следует учитывать, что это соглашение заключено на правительственном уровне и не было ратифицировано, что вызывает вопрос о допустимости его применения в уголовном процессе;
- определение субъектов, пользующихся дипломатическим иммунитетом для целей производства осмотра помещения, обыска и выемки (ч. 10 ст. 204, ч. 10 ст. 210). Указанные нормы, однако, не допускают прямого применения иных норм консульских конвенций, хотя таковые могут содержать обязательства Республики Беларусь в сфере уголовного процесса при производстве с вовлечением иностранцев.

Следует также отметить, что нормы об иммунитете, схожем с дипломатическим, содержатся в иных международных договорах. Например, в соответствии с ч. 2 ст. 8 Конвенции о помощи в случае ядерной аварии или радиационной аварийной ситуации 1986 г. [182] иммунитет от ареста, задержания и судебного разбирательства со стороны обратившегося за помощью государства должен быть предоставлен персоналу предоставляющей помощь стороны или персоналу, действующему от ее имени, о котором было должным образом сообщено запрашивающему государству и который был принят этим государством, в отношении действий или бездействия при выполнении персоналом своих обязанностей. Не может быть подвергнуто преследованию или задержанию или каким-либо другим ограничениям личной свободы на тер-

ритории Беларуси за какое-либо действие или поведение, предшествующее приезду в это государство, лицо, которое является гражданином или обычно проживает в договариваемом государстве и вызывается в суд или трибунал в Республику Беларусь, чтобы выступить в роли свидетеля или эксперта в судебном заседании в этом государстве по гражданскому или торговому делу (ст. 20 Конвенции о международном доступе к правосудию 1980 г. [183]). Эта же норма определяет срок и условия действия этого иммунитета.

Скрытую отсылку к нормам международного права можно найти в ч. 2 ст. 4 УПК, где говорится о «лицах, обладающих правом дипломатической неприкосновенности». Однако ни кодекс, ни иные акты национального законодательства не содержат определения таких лиц. Для определения соответствующего круга лиц требуется обратиться не только к международным договорам Республики Беларусь, например Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 г. [182], Венской конвенции о представительстве государств в их отношениях с международными организациями универсального характера 1975 г. [183], но и обычному международному праву. В соответствии с последним, например, иммунитетом наделяются действующие главы государств и правительств, министры иностранных дел [184].

Нормы об иммунитетах и пределах их действия могут содержать и в иных международных договорах, примеры которых приведены в прил. 1, 2 к настоящему изданию. При этом надо понимать, что содержащиеся в отдельных международных договорах иммунитеты от уголовной юрисдикции подразумевают, что органы уголовного преследования не должны возбуждать уголовное дело, а суды – рассматривать такое дело [108, с. 272], т. е. хотя, например, земельный участок, занимаемый дипломатическим представительством иностранного государства, по мнению современных ученых, остается территорией Республики Беларусь [11, с. 28–47] и на него должно распространяться законодательство Республики Беларусь, но уголовная юрисдикция в отношении этого земельного участка ограничена положениями соответствующих международных договоров Республики Беларусь.

В связи с участием Беларуси в интеграционных образованиях появляются международные договоры, направленные на обеспечение функционирования внутреннего рынка и предусматривающие для этого отдельные уголовно-процессуальные нормы. Так, при расследовании уголовных дел, связанных с нарушением таможенного законодательства ЕАЭС, необходимо руководствоваться ст. 5–7 Договора об особенностях уголовной и административной ответственности за нарушения таможенного законодательства Таможенного союза и государств – чле-

нов Таможенного союза 2010 г. [185]. В данных нормах разграничивается территориальная подследственность на межгосударственном уровне, регулируются доказательственная сила результатов проведения таможенного контроля, оформленных таможенными органами любого из государств-членов, а также действие принципа *ne bis in idem* («не отомстимо дважды за одно») в отношении нарушений таможенного законодательства Таможенного союза и законодательства сторон, контроль за соблюдением которого возложен на таможенные органы, за совершение которых предусмотрена уголовная ответственность законодательством государств-членов (такой вывод можно сделать, исходя из определения преступления, данного в ст. 1 договора). Тем самым, ч. 1 ст. 7 указанного договора расширяет содержание п. 8 ч. 1 ст. 29 УПК, что при действующей редакции ст. 1 УПК требует введения отсылки в норму ст. 29 УПК.

На уровне Союза Беларуси и России действует Соглашение между Республикой Беларусь и Российской Федерацией по вопросам юрисдикции и взаимной правовой помощи по делам, связанным с временным пребыванием воинских формирований Российской Федерации из состава Стратегических сил на территории Республики Беларусь от 6 января 1995 г. [186]. Кроме вопросов оказания международной правовой помощи по уголовным делам этот международный договор позволяет осуществлять уголовный процесс на территории Республики Беларусь иностранным органам в соответствии с законодательством такого государства (ст. 5, 6), допускает передачу подследственности (подсудности) отдельных лиц (дел) (ст. 8). Данное соглашение расширяет в предусмотренных им случаях действие ч. 2 ст. 23 УПК, так как устанавливает при применении законодательства Республики Беларусь о гласности судебного разбирательства учет интересов безопасности воинских формирований (ст. 17).

Беларусь присоединилась к отдельным международным договорам, созданным в рамках Совета Европы и направленным на борьбу с отдельными видами преступлений (Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию 1999 г., Конвенция Совета Европы о противодействии торговле людьми 2005 г., Конвенция Совета Европы по контрафактной медицинской продукции и аналогичной преступной деятельности, представляющей угрозу для здравоохранения 2011 г.¹). Проанализировав нормы данных конвенций, можно установить, что закрепленные в них уголовно-процессуальные нормы требуют своей внутригосударственной рецепции. В то же время нормы о международной правовой помощи подлежат прямому применению: данные конвенции являются основанием для ее оказания в отсутствие соответствующего двухстороннего договора.

¹Ратифицирована Законом Республики Беларусь от 10 июля 2020 г. № 39-3.

Однако, как видим, ч. 4 и 5 ст. 1 УПК указывают на возможность применения в ходе производства по материалам и уголовному делу лишь отдельных международных договоров Республики Беларусь. Данные нормы ограничивают применение в рамках уголовного процесса ч. 2 ст. 36 Закона о договорах, которая указывает, что нормы права, содержащиеся в международных договорах Республики Беларусь, подлежат непосредственному применению, кроме случаев, когда из международного договора следует, что для применения таких норм требуется принятие (издание) внутригосударственного нормативного правового акта, и имеют силу того нормативного правового акта, которым выражено согласие Республики Беларусь на обязательность для нее соответствующего международного договора. Этот вывод можно подтвердить также тем фактом, что в УПК в отношении международных договоров Республики Беларусь не закреплена норма, характерная для некоторых иных системообразующих (кодифицированных) нормативных правовых актов: «...если вступившими в силу международными договорами Республики Беларусь предусмотрены иные правила, чем те, которые установлены настоящим Кодексом, применяются правила международных договоров» (ч. 3 ст. 1.1 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях; аналоги ч. 1 п. 2 ст. 5 Налогового кодекса Республики Беларусь и п. 12 ст. 2 Лесного кодекса Республики Беларусь).

В то же время Республика Беларусь признает приоритет общепризнанных принципов¹ международного права и обеспечивает соответствие им законодательства (ч. 1 ст. 8 Конституции Республики Беларусь). Законодательство Республики Беларусь не раскрывает содержания термина «общепризнанный принцип международного права». Исходя из текста преамбулы Договора о ЕАЭС, прежде всего к таким принципам относятся принципы, перечисленные в ст. 2 Устава ООН. Общепризнанные принципы международного права содержатся в универсальных источниках в виде основополагающих международно-правовых положений [64, с. 210], воплощены в конкретных нормах договорного или обычного права [105, с. 22] и представляют собой основополагающие императивные нормы международного права, принимаемые и признаваемые международным сообществом государств в целом, отклонение от которых недопустимо [164, ч. 4 п. 1]. То есть это нормы, обладающие «высшей степенью обобщенности и нормативности, что означает предопределение ими содержания других норм международного права» [63, с. 57].

¹Однако признаются не нормы международного права, при этом в Конституции наблюдается разграничение общепризнанных принципов и норм (ст. 18 Конституции Республики Беларусь).

К одному из таких принципов относится *pacta sunt servanda* [64, с. 211] – принцип добросовестного выполнения международных обязательств (ст. 26 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. [187]). Следует помнить, что со второй половины XX в. установилось правило: государство не может ссылаться на нормы своей конституции в целях уклонения от обязательств, которые были возложены на него международным правом [188, с. 45], а соответственно, и международным договором, согласие на обязательность которого государство выразило добровольно. Из этого можно сделать вывод, что нормы, содержащиеся в ратифицированном Республикой Беларусь международном договоре, носят приоритетный характер не только над УПК, но и над самой Конституцией. Такая позиция в отношении уголовно-процессуального права поддерживается, например, С. В. Борики [189, с. 12]. В силу ч. 3 ст. 8 Конституции Республики Беларусь не допускается заключение международных договоров, которые противоречат Основному Закону. В период своего действия международный договор обладает приоритетом по отношению к нормативным правовым актам, принятым ранее либо позднее [190, с. 87]. Как указывает П. Н. Бирюков, существование правила о приоритетном (преимущественном) применении международных норм в случае коллизии с национальными нормами права вполне обоснованно и соответствует общей тенденции гармонизации белорусского законодательства с международными обязательствами нашего государства [30, с. 20].

Если вернуться к вышесказанному, то мы можем заметить, что в рамках уголовного процесса возможны две ситуации: 1) применение самоисполнимой нормы международного договора Республики Беларусь; 2) непосредственное санкционирование международного договора Республики Беларусь (его нормы) посредством отсылки в тексте УПК. И если в последней ситуации можно допустить применение акта, подпадающего под определение международного договора Республики Беларусь (ведь в УПК есть отсылки, например, к нормативным правовым актам Совета Министров Республики Беларусь), то в первой ситуации для разрешения коллизии требуется определить место конкретного международного договора в иерархии источников уголовно-процессуального права. Как указывалось, «не может быть в стране твердого и стабильного правопорядка, если не будут четко определены и закреплены место и роль каждого источника права в общей системе форм права» [10, с. 14].

Основываясь на норме ст. 8 Конституции Республики Беларусь, можно констатировать, что общепризнанные принципы международного права имеют верховенство над самой Конституцией. Описанная теоретическая позиция была заложена в Модельном уголовно-процес-

суальном кодексе для государств – участников СНГ 1996 г.: «...обще-признанные принципы и нормы международного права и положения вступивших в силу международных договоров независимого государства имеют преимущественную силу перед положениями законов, регулирующих порядок уголовного судопроизводства, и других актов» (ч. 2 ст. 5).

Говоря о месте международного договора в иерархии источников уголовно-процессуального права, необходимо применять дифференцированный подход: при определении их юридической силы и их приоритета по отношению к УПК к ним «нельзя подходить как к совокупности неких равнозначных институтов, а необходимо учитывать особенности каждого из них и свойственную каждому из них юридическую силу» [146, с. 327; 91, с. 235]. Исходя из определения международных договоров Республики Беларусь, данного в ст. 1 Закона о договорах, в зависимости от уровня заключающего их государственного органа их делят на межгосударственные, межправительственные и международные договоры межведомственного характера.

Надо принимать во внимание, что белорусский законодатель, указав, что международный договор имеет силу того нормативного правового акта, которым выражено согласие Республики Беларусь на обязательность его для нее (ст. 36 Закона о договорах), в любом случае поставил такой договор ниже Конституции, а учитывая, что «кодексы имеют большую юридическую силу по отношению к другим законам» (ч. 2 п. 3 ст. 23 Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах»), то и ниже УПК. По мнению профессора Г. А. Василевича, в иерархии источников конституционного права международные договоры занимают позицию между Конституцией (включая конституционные законы) и законами [191, с. 15].

Схожей позиции придерживается И. И. Пляхимович, указывая, что «международный договор является вторым по своему значению источником права» в Беларуси [64, с. 195], и теоретики международного публичного права [8, с. 205]. Этот вывод можно сделать из нормы ст. 116 Конституции Республики Беларусь, которая позволяет Конституционному Суду признать неконституционными законы, если они не соответствуют ратифицированным международным договорам. Следовательно, ратифицированные международные договоры (в том числе и определяющие права и свободы человека и гражданина) должны применяться в уголовном процессе не наряду с УПК, а в приоритете перед ним. Несмотря на наличие дискуссии о силе и применимости международных договоров, законодатель поставил точку в споре, разграничив два вида договоров: 1) требующих внутригосударственной имплементации и 2) могущих применяться без дополнительного внутригосударственного имплементационного акта.

В случае коллизии УПК и международного договора орган, ведущий уголовный процесс, должен применить нормы последнего [192, с. 49], но только если его применение в уголовном процессе допустимо.

Следует согласиться с мнением профессора Г. А. Василевича, что было бы правильно, если бы отечественная правоприменительная практика ориентировалась на более широкое применение не только норм международных договоров, участницей которых является Республика Беларусь, но и тех актов, которые пока не обязательны для нашего государства, но которые содержат ценные идеи и подходы, вписывающиеся в рамки нашей Конституции [193, с. 19], например ЕКПЧ.

Полагаем возможным сформулировать общие условия применимости международного договора в уголовном процессе Республики Беларусь:

1) регулирует отношения, связанные с деятельностью органов дознания, следствия, прокуратуры и суда по расследованию преступлений, рассмотрению уголовных дел и их разрешению (включая рассмотрение гражданского иска), а также частично по исполнению приговора.

В частности, международный договор применяется при рассмотрении уголовных дел, если международным договором Республики Беларусь установлены иные правила уголовного процесса, чем УПК; либо международным договором Республики Беларусь регулируются отношения, в том числе отношения с иностранными лицами, ставшие предметом судебного рассмотрения [164];

2) не ухудшает в части применения правовое положение кого-либо из участников уголовного процесса – физических лиц по сравнению с нормами УПК.

Исходя из принципа уважения прав человека, в отдельных международных договорах указано, что если внутреннее законодательство предоставляет права в большем объеме, то применяется последнее. Профессор Г. А. Василевич указывает в этом контексте, что «следует стремиться к тому, чтобы нормы международного договора не ущемляли права и свободы, предусмотренные в обычном законе» [63, с. 58];

3) ратифицирован парламентом (если нет прямой отсылки в УПК к международным договорам Республики Беларусь).

Данное условие исходит из предусмотренной п. 2 ст. 97 Конституции Республики Беларусь компетенции по принятию нормативных правовых актов в сфере судопроизводства. Ратификация, осуществляемая «высшим законодательным органом страны в форме принятия специального закона и означающая, что государство в целом как таковое, а не какой-либо отдельный его орган, берет на себя обязательство по строгому выполнению требований, составляющих содержание договорных норм, придает международному договорному акту юридическую силу»

Закона Республики Беларусь и наделяет его свойствами приоритета по отношению к другим законам [146, с. 328]. Такие законы могут создавать границы применения ратифицируемых договоров, так как они могут содержать заявления и оговорки, которые должны соблюдаться;

4) вступил в силу в отношении Беларуси, а в соответствующих случаях между Беларусью и иностранным государством (в большинстве случаев данный момент не совпадает с моментом ратификации) и тем самым стал обязательным для Республики Беларусь, а его действие не было приостановлено, он сам не был прекращен;

5) не требует рецепции (инкорпорации) для своего применения.

Признаки необходимости принятия внутригосударственных мер указал в своем исследовании Ю. В. Трунцевский [194, с. 27].

В литературе указывается на необходимость рассмотрения на Пленуме Верховного Суда Республики Беларусь вопросов о практике применения судами норм международных договоров [63, с. 61].

Таким образом, установлено отсутствие общего регулирования правил взаимодействия уголовно-процессуального закона и международных договоров Республики Беларусь. Формально юридически в уголовном процессе допускается применение международных договоров Республики Беларусь: а) определяющих права и свободы человека и гражданина, б) содержащих нормы о порядке оказания международной правовой помощи по уголовным делам, в) регулирующих гражданское судопроизводство. Однако, исходя из общепризнанного принципа международного права *pacta sunt servanda*, в уголовном процессе должны применяться и иные международные договоры Республики Беларусь (например, консульские конвенции). В ходе исследования сформулированы общие условия применимости международного договора в уголовном процессе Республики Беларусь.

2.2. Международные договоры Республики Беларусь, определяющие права и свободы человека и гражданина

Послевоенный мир осознал важность не только поддержания миропорядка, но и обеспечения и защиты основополагающих прав и свобод человека. На протяжении XX в. было заключено множество конвенций и иных международных договоров, направленных на установление процессуальных гарантий в уголовном процессе посредством закрепления определенного объема прав его участников. Постепенно в рамках меж-

дународного права сложилась отрасль «международное право прав человека», отдельная часть которой включает международные стандарты в области прав человека. Более того, «одним из основных принципов современного международного права является принцип уважения прав и свобод человека» [108, с. 227]. Изначально в поле зрения мирового сообщества в рамках уголовно-процессуальной деятельности попадали права лица, подозреваемого либо обвиняемого в совершении преступления. Со временем заметили дисбаланс в отношении прав жертв преступлений, и на международном либо региональном уровне появились нормы, обеспечивающие процессуальные гарантии потерпевших. В настоящее время имеются международно-правовые документы и о правах иных участников национального уголовного процесса. Данное явление отразилось на источниках уголовно-процессуального права. Как мы установили в предыдущем разделе, уголовно-процессуальный закон Республики Беларусь допускает применение в ходе производства по материалам и уголовным делам международных договоров.

Часть 4 ст. 1 УПК предусматривает возможность применения наряду с УПК международных договоров Республики Беларусь, определяющих права и свободы человека и гражданина. УПК и иные акты законодательства Республики Беларусь не раскрывают понятие «международные договоры, определяющие права и свободы человека и гражданина», не существует официального перечня таких договоров. При этом государство гарантирует права и свободы граждан Беларуси, закрепленные не только в Конституции, законах, но и предусмотренные международными обязательствами Республики Беларусь (ч. 3 ст. 21 Конституции Республики Беларусь).

Прежде всего среди всех международных инструментов в сфере прав человека норма ч. 4 ст. 1 УПК позволяет применять лишь международные договоры. При этом ст. 1 Закона о договорах указывает, что наименование акта и способ его заключения (договор, соглашение, конвенция, решение, пакт, протокол, обмен нотами или письмами и др.) не влияют на обозначение такого акта международным договором Республики Беларусь. В то же время, как мы установили выше, международные договоры дифференцируются по силе. В ст. 1 УПК речь идет о ратифицированных законом международных договорах Республики Беларусь, так как, во-первых, на один уровень с УПК не могут быть поставлены международные договоры, согласие на обязательность которых выражено на уровне иных нормативных правовых актов, нежели закон Республики Беларусь, а во-вторых, согласно п. 2 ст. 97 Конституции Республики Беларусь к компетенции парламента относится рассмотрение законов об

основном содержании и принципах осуществления прав, свобод и обязанностей граждан.

Термин «международные инструменты в сфере прав человека» (*international human rights instruments*) включает все международные договоры и иные соглашения, которые носят как обязательный, так и необязательный (мягкое право) характер, а также другие документы, которые кодифицируют и определяют политические, гражданские, социальные, экономические, культурные и другие фундаментальные права и регулируют их осуществление [195, с. 1]. Соответственно, напрямую в уголовном процессе не могут применяться различного рода декларации (например, Всеобщая декларация прав человека 1948 г.), рабочие программы, а также программы действий, правила, общие принципы, кодексы, рекомендации и иные документы, принятые международными организациями (например, Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме, принятый резолюцией 43/173 Генеральной Ассамблеи ООН 9 декабря 1988 г. [196]). Отдельные авторы ошибочно относят к рассматриваемым договорам Всеобщую декларацию прав человека 1948 г. [9, с. 6]. Исключения составляют документы, принятые в рамках международных организаций, если они являются частью ратифицированного Республикой Беларусь международного договора.

Можно заметить, что в ряде своих заключений и решений, касающихся уголовно-процессуальных правоотношений, Конституционный Суд ссылался на международные договоры в сфере прав человека. При этом часть таких договоров ратифицирована нашим государством: Пакт 1966 г. (заключения № 3-73/98 от 1 декабря 1998 г., № 3-74/98 от 11 декабря 1998 г., № 3-78/98 от 13 мая 1999 г., № 3-928/2014 от 12 июня 2014 г., решения № Р-989/2015 от 2 июля 2015 г., № Р-1089/2017 от 21 июня 2017 г. и др.), Конвенция СНГ о правах (решения № Р-1024/2015 от 29 декабря 2015 г., № Р-1096/2017 от 7 июля 2017 г. и др.), Конвенция о правах ребенка 1989 г. (заключение № 3-69/98 от 14 июля 1998 г.). Однако Конституционный Суд при обосновании правовых позиций ссылается и на ЕКПЧ, принятую Советом Европы и не ратифицированную Беларусь (№ Р-105/2001 от 22 января 2001 г., № Р-112/2001 от 3 апреля 2001 г., № Р-1004/2015 от 27 ноября 2015 г., № Р-1167/2019 от 23 апреля 2019 г. и др.), а также на Всеобщую декларацию прав человека 1948 г.

Исходя из определения, содержащегося в ст. 1 Закона о договорах, международный договор Республики Беларусь обладает следующими признаками:

- 1) должен быть заключен;
- 2) иметь письменную форму;

3) сторонами являются Республика Беларусь и один либо несколько иных субъектов, обладающих правом заключать международные договоры (например, государство, международная организация);

4) регулируется международным правом.

Заключение международного договора предусматривает прохождение последовательности стадий (юридических действий), предусмотренных Законом о договорах, по формированию содержания международного договора, принятию его текста и выражению согласия Республики Беларусь на обязательность для нее международного договора. Учитывая, что п. 2 ч. 1 ст. 97 Конституции Республики Беларусь указывает, что Палата представителей, кроме прочего, рассматривает проекты законов об основном содержании и принципах осуществления прав, свобод и обязанностей граждан, а также о судопроизводстве, а ст. 19 Закона о договорах предусматривает обязательную ратификацию межгосударственных и межправительственных договоров, предметом которых являются вопросы, относящиеся только к сфере законодательного регулирования, но не урегулированные законами Республики Беларусь, декретами и указами Президента Республики Беларусь либо устанавливающие иные правила, чем те, которые содержатся в этих нормативных правовых актах, то еще одним признаком международных договоров, указанных в ч. 4 ст. 1 УПК, является их обязательная ратификация Республикой Беларусь.

Исходя из формулировки анализируемой нормы, хотя исследуемые договоры заключаются между субъектами международного права (прежде всего, государствами), права и свободы они порождают у физических лиц, которые не являются стороной таких договоров и находятся в юрисдикции каждого из договаривающихся государств. В 1951 г. Международный Суд ООН в своем Консультативном заключении по оговоркам к Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него заявил, что участники таких документов не имеют каких-либо индивидуальных преимуществ или неблагоприятных условий либо собственных интересов, но просто общий интерес [197, с. 12]. На государства-участников при этом возлагаются соответствующие обязанности. Так как большинство таких договоров содержит конструкции «каждый...», то гражданство лица не должно приниматься во внимание, а права и свободы должны предоставляться любому человеку, находящемуся в юрисдикции договаривающегося государства. Целью рассматриваемых международных договоров является не взаимный обмен правами между ограниченным числом государств, а защита основных прав людей независимо от их гражданства как против государства их гражданства, так и всех других договаривающихся государств [198, с. 7].

Следовательно, в качестве еще одного признака необходимо рассмотреть: предоставление международным договором прав (свобод) непосредственно физическому лицу. Непринятие во внимание этого признака нередко приводит к неправильному применению исследуемой нормы УПК. Так, Верховный Суд Республики Беларусь в своем обзоре судебной практики в 2007 г. для обоснования позиции суда по уголовным делам указывал на необходимость применения нормы договора о международной правовой помощи по уголовным делам, ссылаясь при этом на ч. 4 ст. 1 УПК [199, с. 55, 56]. Можно посчитать такой подход уловкой, так как ч. 5 ст. 1 УПК, допускающая применение в уголовном процессе международных договоров о международной правовой помощи, появилась только в 2008 г. Однако схожую ошибку можно найти в постановлении президиума областного суда 2016 г. [166].

Закономерно в рамках уголовного процесса органы уголовного преследования и суды должны ограничиваться применением международных договоров, которые определяют права и свободы человека именно в этой сфере и связаны с расследованием преступлений, рассмотрением и разрешением уголовных дел, а также частично с исполнением приговора. Нормой ч. 4 ст. 1 УПК законодатель санкционировал ссылку органом уголовного преследования и судом на нормы соответствующих международных договоров в обоснование своего процессуального решения.

Иные участники уголовного процесса (например, подозреваемый, обвиняемый, потерпевший, защитник) имеют право ссылаться на соответствующие нормы при представлении правовой позиции по уголовному делу, а также в своих ходатайствах, заявлениях и жалобах, так как ст. 2 УПК к задачам уголовно-процессуального закона относит обеспечение законных прав и интересов физических и юридических лиц, которым преступлением причинен физический, имущественный или моральный вред, а также защиту лиц, которые подозреваются, обвиняются в совершении предусмотренных уголовным законом общественно опасных деяний. Учитывая нормы ст. 21, 22 Конституции Республики Беларусь об обеспечении государством прав и свобод граждан Республики Беларусь, а также равенства всех перед законом, правами, определенными в международных договорах Республики Беларусь, могут пользоваться не только подозреваемый, обвиняемый и потерпевший, но и иные участники уголовного процесса, например свидетель.

Отнесение международных договоров в сфере прав человека к уголовному процессу должно осуществляться не только из непосредственного наименования, но и из целей и задач, которые можно уяснить прежде всего из преамбулы.

Несмотря на имеющийся в международных договорах перекоп в закреплении прав различных участников уголовного процесса в пользу обвиняемого (подозреваемого), не следует забывать о необходимости обеспечения прав и свобод потерпевшего, гражданского истца, свидетеля и др. В последние десятилетия на межгосударственном уровне обращено внимание и на обеспечение их прав (например, в рамках Совета Европы принята Конвенция о возмещении ущерба жертвам насильственных преступлений 1983 г. (Беларусь не участвует)).

Учитывая чувствительность затрагиваемых уголовно-процессуальным правом прав человека, большинство международно-правовых актов особое внимание уделяют гарантии прав лиц, вовлекаемых в сферу уголовного процесса. Существуют международные договоры, посвященные исключительно правам и свободам человека (например, Пакт 1966 г., Конвенция СНГ о правах), защитительные (Конвенция ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания 1984 г. [200]), а также по отдельным видам преступлений, в которых упоминаются права в сфере уголовного процесса (например, ст. 11 Конвенции ООН о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников 1989 г., ст. 11 Конвенции Совета Европы о противодействии торговле людьми 2005 г.).

На основе анализа вышеуказанных договоров можно выделить следующие права в сфере уголовно-процессуальных отношений, содержание которых в них устанавливается: право на свободу и личную неприкосновенность (ст. 3, 5, 22 Конвенции СНГ о правах), право на невмешательство в личную и семейную жизнь (ст. 9 Конвенции СНГ о правах), право на доступ к правосудию и справедливое судебное разбирательство¹ (ст. 6, 7, 19, 20 Конвенции СНГ о правах), право на возмещение вреда, причиненного лицу незаконными действиями органа, ведущего уголовный процесс (абз. 2 ч. 4 ст. 5 Конвенции СНГ о правах), право на эффективное восстановление нарушенных прав потерпевшего (ст. 19 Конвенции СНГ о правах), право на обеспечение безопасности участника уголовного процесса, включая потерпевшего и свидетеля (ст. 13 Конвенции ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания 1984 г.).

¹Право на справедливое судебное разбирательство не закреплено в УПК в качестве отдельного принципа уголовного процесса, но может быть косвенно выведено из совокупного анализа задач уголовного процесса («каждый, кто совершил преступление, был подвергнут справедливому наказанию, и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден»), необходимости постановления судом справедливого приговора (с точки зрения материального права) и обеспечения гарантий права обвиняемого на защиту.

В соответствии со ст. 30 Конвенции Совета Европы о противодействии торговле людьми 2005 г. Беларусь обязалась в ограниченной сфере принять законодательные или другие меры, основываясь на ЕКПЧ, чем косвенно обязалась следовать стандартам последней.

Примененная законодателем в ч. 4 ст. 1 УПК конструкция «наряду с настоящим Кодексом» не позволяет установить приоритет между указанными международными договорами и УПК. Как справедливо отмечает Н. В. Сильченко, «без адмыслова адладжаных структураўтваральных сувязяў у сістэме крыніц нацыянальнага права немагчыма пабудаваць дасканалыя прававыя формы ва ўзаемаадносінах з сістэмай крыніц міжнароднага права і імплементаваць належным чынам крыніцы міжнароднага права ў нацыянальную прававую сістэму» [105, с. 179]. «Наряду» означает одинаково, на одинаковых правах, условиях, наравне, на одном, одинаковом уровне (по значению) [201, с. 392]. Тем самым использование такой конструкции закономерно не приводит к правовой определенности при коллизии норм УПК и международного договора, определяющего права и свободы человека и гражданина, что не будет способствовать защите прав и свобод граждан. А правовая определенность является главным элементом более общей идеи – верховенства права [202, с. 45]. Причем неопределенность в рассматриваемом контексте связана не только с конструкцией «наряду», но и с нечетким определением круга международных договоров, которые подразумеваются в исследуемой норме.

Международные договоры не отменяют нормы закона в случае коллизии, а лишь изменяют правила действия последних [147, с. 131]. Можно предположить, что законодатель хотел установить правило, что в случае, если в международном договоре определенное право участника уголовного процесса обеспечивается в большем объеме (улучшает положение лица), нежели в УПК, то дополнительно должна действовать норма такого договора. Хотя данное правило прямо не следует из действующей нормы, с таким выводом сходится правовая позиция, высказанная Конституционным Судом в его решении от 15 июля 2002 г. № Р-144/2002 «Об обеспечении конституционного права осужденных к лишению свободы на судебное обжалование примененных к ним мер взыскания». При анализе исследуемой нормы УПК Конституционный Суд, сославшись на ст. 72 Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах Республики Беларусь»¹, констатировал возможность применения аналогии в уголовном процессе, что «позволяет при осуществлении судебной защиты прав граждан использовать наиболее приемлемый для данного случая

¹Статья 71 действующего Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах».

процессуальный порядок...». При этом в отношении государств, с которыми международный договор не действует, применяются нормы УПК.

Таким образом, исходя из проведенного анализа, можно заключить, что под международными договорами Республики Беларусь, определяющими права и свободы человека и гражданина, в смысле ст. 1 УПК следует понимать ратифицированные Республикой Беларусь регулируемые международным правом международные договоры, сторонами которых являются Республика Беларусь и один либо несколько иных субъектов, обладающих правом заключать международные договоры, предоставляющие непосредственно физическому лицу права (свободы), связанные с расследованием преступлений, рассмотрением и разрешением уголовных дел, а также частично с исполнением приговора.

На наш взгляд, четкое определение юридической силы указанных договоров в уголовном процессе позволит всем участникам уголовного процесса при необходимости ссылаться на нормы международных договоров, определяющих права и свободы человека и гражданина, при обосновании не только своей позиции по уголовному делу в целом, но и отдельных ходатайств, что в настоящий момент на практике не достаточно распространено, возможно, вследствие ограниченной осведомленности о таких нормах даже профессиональных юристов. Указанные изменения смогут обеспечивать в более широком объеме реализацию задач и принципов уголовного процесса.

2.3. Применение международных договоров при оказании международной правовой помощи по уголовным делам

Правильное применение законодательства Республики Беларусь, в том числе международных договоров Республики Беларусь, регулирующего оказание международной правовой помощи по уголовным делам, является гарантией защиты прав и свобод личности, обеспечивает неотвратимость уголовной ответственности, способствует повышению авторитета и престижа государства, укреплению и развитию международного сотрудничества [203]. В первые десятилетия существования Советского Союза вопросы оказания международной правовой помощи по уголовным делам были отнесены к исключительному ведению Союза ССР, но и на союзном уровне законодательство в данной сфере не развивалось, не заключались международные договоры об оказании правовой помощи по уголовным делам [113, с. 35]. Ситуация изменилась с середины 1950-х гг.,

когда СССР начал заключать договоры о правовой помощи и правовых отношениях. Как отмечают исследователи, вопросы выдачи стали рассматриваться в советском законодательстве только с 1957 г. после заключения ряда международных договоров [35, с. 143]. Первоначально такие договоры заключались со странами «социалистического лагеря» и включали положения, выработанные практикой дореволюционной России. На национальном уровне в УПК БССР существовала лишь бланкетная норма о международной правовой помощи по уголовным делам: «порядок сношения судов, прокуроров, следователей и органов дознания с соответствующими учреждениями иностранных государств, а равно порядок выполнения поручений последних определяется законодательством Союза ССР и Белорусской ССР и международными договорами, заключенными СССР и Белорусской ССР с соответствующим государством» (ст. 20).

В настоящий момент международная правовая помощь по уголовным делам в Республике Беларусь оказывается в соответствии с нормами международных договоров Республики Беларусь, а при их отсутствии – на основе принципа взаимности (ст. 2 Закона Республики Беларусь «О международной правовой помощи по уголовным делам», ч. 5 ст. 1 УПК). Учитывая норму УПК, при необходимости получения международной правовой помощи по уголовному делу, расследуемому (рассматриваемому) в Республике Беларусь, правоприменителю необходимо четко представлять международно-правовую базу в данной сфере.

Как указывают исследователи, к настоящему моменту в рамках системы международного права уже сложилась самостоятельная отрасль «право международного сотрудничества в борьбе с преступностью» [108, 488]. Универсальной международной конвенции по вопросу международной правовой помощи по уголовным делам до настоящего момента не существует. Ввиду разнообразия правовых систем государства предпочитают заключать региональные конвенции, часто по отдельным видам международной правовой помощи. Например, европейские государства в рамках Совета Европы приняли в 1957 г. Конвенцию о выдаче [204], в 1959 г. – Конвенцию о взаимной правовой помощи по уголовным делам [205], в 1970 г. – Конвенцию о международной действительности судебных решений по уголовным делам [206], в 1972 г. – Конвенцию о передаче производства по уголовным делам [207], в 1983 г. – Конвенцию о передаче осужденных [208]. Республика Беларусь в отличие от Армении, Молдовы, Российской Федерации, Украины и государств Балтии не является участницей ни одной из этих конвенций. В рамках Экономического сообщества Западноафриканских государств (ECOWAS) в 1992 г. была принята Конвенция о взаимной помощи по уголовным делам [209], а в 1994 г. – Конвенция о выдаче [210]. Ряд конвенций в исследуемой сфере был принят

в рамках Организации американских государств (Панамериканская конвенция по экстрадиции 1981 г. [211], Панамериканская конвенция о взаимной помощи по уголовным делам 1992 г. [212], Панамериканская конвенция об исполнении приговоров за рубежом 1993 г. [213]).

Государства стали объединять свои усилия по борьбе с преступностью, заключая прежде всего двухсторонние договоры о правовой помощи по уголовным делам. В 1990 г. для упрощения двухстороннего переговорного процесса между государствами Генеральная Ассамблея ООН утвердила Типовой договор о выдаче [214], Типовой договор о взаимной правовой помощи в области уголовного правосудия [215], Типовой договор о передаче уголовного судопроизводства [216].

Действующие международные договоры Республики Беларусь в области оказания международной правовой помощи по уголовным делам классифицируются следующим образом.

1. Двухсторонние:

а) подписанные СССР и в отношении которых объявлено правопреемство Республики Беларусь (Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Венгерской Народной Республикой об оказании правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам от 15 июля 1958 г. с Протоколом об изменениях и дополнениях от 19 октября 1971 г. [217] (правопреемство с 4 января 1959 г., в отношении Протокола – с 23 июня 1972 г.), Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Чехословацкой Социалистической Республикой о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 12 августа 1982 г. [218] (правопреемство в отношении Чехии с 4 июня 1983 г., в отношении Словакии – с 1 января 1993 г.), Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Республикой Кипр о правовой помощи по гражданским и уголовным делам от 19 января 1984 г. [219]¹, Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Республикой Куба о правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам от 28 ноября 1984 г. [220] (правопреемство с 7 августа 1986 г.));

б) подписанные Республикой Беларусь:

- распространяющиеся на различные виды международной правовой помощи по уголовным делам (Договор между Республикой

¹ Допустимость применения данного договора спорна. Правопреемство подтверждено нотой МИД от 1 ноября 1996 г. № 12/11640, однако до настоящего момента текст международного договора официально не опубликован (на территории Республики Беларусь после заявления о правопреемстве) на Национальном правовом интернет-портале Республики Беларусь, как того требует ст. 31 Закона о договорах. Договор не был официально опубликован.

Беларусь и Литовской Республикой о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 20 октября 1992 г. [174], Договор между Республикой Беларусь и Латвийской Республикой о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 21 февраля 1994 г. [176], Договор между Республикой Беларусь и Республикой Польша о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным, трудовым и уголовным делам от 26 октября 1994 г. [177], Договор между Республикой Беларусь и Социалистической Республикой Вьетнам о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным, трудовым и уголовным делам от 14 сентября 2000 г. [221], Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Эстонской Республики о сотрудничестве в борьбе с преступностью от 11 февраля 2004 г. [222], Договор между Республикой Беларусь и Сирийской Арабской Республикой о правовой помощи по гражданским и уголовным делам от 23 сентября 2008 г. [223], Договор между Республикой Беларусь и Турецкой Республикой о правовой помощи по гражданским, хозяйственным и уголовным делам от 13 марта 2012 г. [224], Договор между Республикой Беларусь и Республикой Сербия о правовой помощи по гражданским и уголовным делам от 12 марта 2013 г. [225];

- регулирующие вопросы оказания отдельных видов международной правовой помощи по уголовным делам:
- правовую помощь в узком смысле (Договор между Республикой Беларусь и Китайской Народной Республикой о правовой помощи по гражданским и уголовным делам от 11 января 1993 г. [226], Договор между Республикой Беларусь и Республикой Индия о взаимной правовой помощи по уголовным делам от 5 октября 2005 г. [227], Договор между Республикой Беларусь и Исламской Республикой Иран о правовой помощи по гражданским и уголовным делам от 7 ноября 2006 г. [228], Договор между Республикой Беларусь и Республикой Болгария о правовой помощи по уголовным делам от 8 июля 2010 г. [229], Договор между Республикой Беларусь и Боливарианской Республикой Венесуэла о взаимной правовой помощи по уголовным делам от 16 октября 2010 г. [230], Договор между Республикой Беларусь и Арабской Республикой Египет о взаимной правовой помощи по уголовным делам от 20 октября 2010 г. [231], Договор между Республикой Беларусь и Демократической Социалистической Республикой Шри-Ланка о взаимной правовой помощи по уголовным делам от 26 августа 2013 г. [232], Договор между

Республикой Беларусь и Объединенными Арабскими Эмиратами о взаимной правовой помощи по уголовным делам от 22 октября 2014 г. [233], Договор между Республикой Беларусь и Монголией о взаимной правовой помощи по уголовным делам от 4 июня 2018 г. [234], Договор между Республикой Беларусь и Федеративной Республикой Бразилия о взаимной правовой помощи по уголовным делам от 18 июня 2018 г. [235]¹;

- выдачу обвиняемых и осужденных (Договор между Республикой Беларусь и Китайской Народной Республикой о выдаче от 22 июня 1995 г. [236], Договор между Республикой Беларусь и Республикой Индия о выдаче от 16 апреля 2007 г. [237], Договор между Республикой Беларусь и Республикой Болгария о выдаче от 8 июля 2010 г. [238], Договор между Республикой Беларусь и Объединенными Арабскими Эмиратами о выдаче от 22 октября 2014 г. [239], Договор между Республикой Беларусь и Арабской Республикой Египет о выдаче от 15 января 2017 г. [240], Договор между Республикой Беларусь и Монголией о выдаче от 4 июня 2018 г. [241], Договор между Республикой Беларусь и Республикой Сербия о выдаче от 3 декабря 2019 г. [242]²);
- передачу осужденных для отбывания наказания в государстве гражданства, а также и лиц, в отношении которых применены принудительные меры медицинского характера (Договор между Республикой Беларусь и Литовской Республикой о взаимной передаче лиц, осужденных к лишению свободы, для отбывания наказания, и лиц, в отношении которых применены принудительные меры медицинского характера, от 12 июля 1996 г. [243], Договор между Республикой Беларусь и Туркменистаном о взаимной передаче лиц, осужденных к лишению свободы, для дальнейшего отбывания наказания от 17 мая 2002 г. [244], Договор между Республикой Беларусь и Украиной о передаче лиц, осужденных к лишению свободы, для дальнейшего отбывания наказания от 12 июля 2009 г. [245], Договор между Республикой Беларусь и Республикой Молдова о передаче лиц, осужденных к лишению свободы, для дальнейшего отбывания наказания от 24 сентября 2014 г. [246]).

2. Многосторонние:

а) регулирующие вопросы оказания международной правовой помощи (Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 г. с Протоколом

¹ На дату подписания настоящего издания в печать не вступил в силу.

² Вступил в силу 25 мая 2021 г.

к Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 28 марта 1997 г., Конвенция о передаче лиц, страдающих психическими расстройствами, для проведения принудительного лечения от 28 марта 1997 г. [247], Конвенция о передаче осужденных к лишению свободы для дальнейшего отбывания наказания от 6 марта 1998 г. [248], Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 7 октября 2002 г., Соглашение о защите участников уголовного судопроизводства от 28 ноября 2006 г. [249], Конвенция государств – участников СНГ о передаче исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы, от 11 октября 2019 г. [250]¹);

б) регулирующие вопросы борьбы с определенными видами преступлений и предусматривающие возможность оказания международной правовой помощи по уголовным делам субсидиарно (см., например, Конвенцию о борьбе с торговлей людьми и с эксплуатацией проституции третьими лицами от 2 декабря 1949 г. [251], Конвенцию ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ от 20 декабря 1988 г. [252], Международную конвенцию о борьбе с финансированием терроризма от 9 декабря 1999 г. [253], Конвенцию Совета Европы о противодействии торговле людьми от 16 мая 2005 г. [254]).

Государствам при заключении международных договоров, как правило, сложно найти согласованные позиции по всем вопросам, которые должны быть урегулированы в договоре. Последняя группа международных договоров Республики Беларусь предусматривает нормы, связанные непосредственно с сотрудничеством в борьбе с преступностью. Уголовно-процессуальные отношения, как правило, подлежат регулированию внутренним законодательством каждого из государств. Например, ст. 16 Конвенции против транснациональной организованной преступности указывает, что выдача «осуществляется в соответствии с условиями, предусматриваемыми внутренним законодательством». Эта же статья определяет, что если между государствами нет двухстороннего договора о выдаче, данная Конвенция будет основанием для выдачи лица, обвиняемого в совершении упомянутых в Конвенции преступлений [255]. В данном случае государства устанавливают, что соответствующий международный договор позволяет выдать лицо, обвиняемое (осужденное) в совершении преступления, указанного в Конвенции в отношениях между ее государствами-участниками, даже если между такими государствами не заключены иные международные договоры.

¹Вступила в силу 27 мая 2021 г.

Отдельные авторы относят Устав Международной организации уголовного полиции – Интерпол – к близким «по своему содержанию к договорам о правовой помощи по уголовным делам» [10, с. 300]. Такая позиция не является вполне верной, так как в рамках данной организации осуществляется обмен информацией, а оказание правовой помощи строится не на основе Устава, а в соответствии с международными договорами между государствами-участниками [256, с. 96–97]. Более того, Устав Интерпола не является международным договором, так как не был ратифицирован (присоединение не оформлено иным образом) ни одним из государств [257].

Представленная выше классификация международных договоров в сфере оказания международной правовой помощи по уголовным делам должна учитываться практическими работниками при расследовании и рассмотрении уголовных дел. При необходимости получения международной правовой помощи по уголовному делу следует провести проверку на наличие соответствующей основы:

1) имеется ли двухсторонний договор о международной правовой помощи по уголовным делам в широком смысле;

2) является ли иностранное государство одновременно с Республикой Беларусь участником многостороннего договора о международной правовой помощи;

3) предусматривает ли такой договор осуществление договаривающимися сторонами требуемого действия процессуального характера (оказания международной правовой помощи определенного вида);

4) является ли иностранное государство одновременно с Республикой Беларусь участником многостороннего договора по борьбе с определенной категорией преступлений и содержит ли такой договор положение о том, что он является основой для оказания требуемого вида международной правовой помощи в отсутствие двухстороннего договора;

5) вступил ли международный договор в силу для Республики Беларусь и иностранного государства;

6) не высказаны ли Республикой Беларусь или иностранным государством оговорки, которые не позволят применить международный договор к соответствующим общественным отношениям.

При отрицательном ответе на поставленные вопросы необходимо запрашивать оказание международной правовой помощи по уголовным делам на основе принципа взаимности с учетом законодательства иностранного государства.

Аналогичные вопросы должны разрешаться уполномоченными должностными лицами Генеральной прокуратуры Республики Беларусь и Верховного Суда Республики Беларусь при принятии решения

по просьбам органов иностранных государств и просьбам органов уголовного преследования и судов.

Многие процессуальные вопросы в области оказания международной правовой помощи по уголовным делам необходимо детализировать в национальном законодательстве, в том числе и для восполнения пробелов в международных договорах. Например, ст. 36 договора с Сербией о правовой помощи по гражданским и уголовным делам предусматривает возможность создания совместных следственных групп и регламентирует отдельные вопросы их деятельности, которая на территории Беларуси, однако, не регулируется нормами УПК (ни ст. 185, ни разд. XV).

Таким образом, международные договоры об оказании международной правовой помощи по уголовным делам можно классифицировать на ряд групп, что должно помочь практическому работнику установить наличие международно-правовой базы при расследовании или рассмотрении конкретного уголовного дела. Для реализации норм, содержащихся в действующих для Республики Беларусь международных договорах, необходимо предусмотреть соответствующую уголовно-процессуальную форму в национальном законодательстве.

2.4. Применение консульских конвенций органами, ведущими уголовный процесс

После 1991 г. по понятным причинам увеличилось дипломатическое (консульское) присутствие Республики Беларусь и в Республике Беларусь. Упрощение пересечения государственных границ, связанное в том числе с принятием Указа Президента Республики Беларусь № 295 от 24 июля 2018 г., установившего безвизовый порядок въезда в Республику Беларусь, выезда из Республики Беларусь на срок не более тридцати суток со дня въезда для граждан более 70 государств, закономерно ведет к увеличению числа иностранных граждан, посещающих Республику Беларусь. Нередко такие лица могут преступить закон государства пребывания, и в этом случае им потребуются консульская помощь. Однако, как было установлено нами выше при анализе ст. 1 и иных норм УПК, данный нормативный правовой акт не упоминает консульские конвенции среди международных договоров, которые могут применяться при расследовании, рассмотрении и разрешении уголовных дел.

С одной стороны, *de jure* отсутствуют основания для применения консульских конвенций органами, ведущими уголовный процесс, так как такие конвенции нельзя назвать определяющими права и свободы челове-

ка и гражданина либо содержащими нормы об оказании международной правовой помощи по уголовным делам (ч. 4, 5 ст. 1 УПК). Консульские же конвенции предоставляют права и наделяют обязанностями стороны, их заключившие, – государства. Однако именно они часто определяют особенности процессуального статуса иностранцев в уголовном процессе [258, с. 23–24], причем не только имеющих особый статус (консульские должностные лица, консульские служащие и др.). Строго говоря, в таких конвенциях нет норм об оказании международной правовой помощи по уголовным делам. Исключением можно было бы назвать нормы о передаче судебных и несудебных документов или исполнении судебных поручений или же поручений по снятию показаний для судов представляемого государства, которые, однако, относят к консульской правовой помощи, которая носит субсидиарный характер по отношению к международной правовой помощи по уголовным делам [11, с. 140–141], так как в данном случае правовая помощь оказывается не на международном уровне, а между органом, ведущим уголовный процесс, и учреждениями МИДа, расположенными на территории иностранного государства.

Консульские конвенции представляют собой соглашения между государствами, содержащие нормы консульского права, определяющие порядок учреждения консульских представительств, назначения и отзыва, круг деятельности, права, привилегии и иммунитеты консульских должностных лиц и консульских служащих [259, с. 103]. В консульских конвенциях, как правило, не предусматривается принятие внутригосударственного акта для применения их норм, и, соответственно, исходя из содержания ч. 2 ст. 36 Закона о договорах, они должны применяться непосредственно на территории Республики Беларусь.

Проанализировав положения Венской конвенции [260], можно выделить следующие нормы, применимые к уголовно-процессуальным отношениям:

1) связанные с оказанием консульской помощи гражданам государства, являющимся участниками уголовного процесса на территории государства пребывания:

- обязанность безотлагательного уведомления консульского учреждения компетентными органами о том, что в пределах его консульского округа какой-либо гражданин этого государства арестован, заключен в тюрьму, или взят под стражу в ожидании судебного разбирательства, или же задержан в каком-либо ином порядке, *если этот гражданин этого потребует*, с обязательным безотлагательным сообщением такому лицу о соответствующем праве (п. в ч. 1 ст. 36);

- возможность выступать консульскому должностному лицу в качестве представителя гражданина представляемого государства в судах и иных органах в определенных случаях (п. і ст. 5);
- 2) связанные с выполнением поручений следственных органов и судов аккредитующего государства:
 - передача консульским должностным лицом судебных и несудебных документов или исполнение судебных поручений или же поручений по снятию показаний для судов представляемого государства (п. j ст. 5);
- 3) связанные с обеспечением эффективного осуществления консульскими учреждениями функций от имени их государств:
 - свидетельский иммунитет в определенных случаях (ст. 44);
 - неприкосновенность консульских помещений (п. 2 ст. 31);
 - неприкосновенность официальной корреспонденции консульского учреждения (п. 2 ст. 35);
 - неприкосновенность консульского архива и документов (ст. 33, 61);
 - недопустимость ареста или задержания консульского курьера (п. 5 ст. 35);
 - личная неприкосновенность консульских должностных лиц (ст. 41).

Схожие нормы прослеживаются в заключенных Республикой Беларусь в развитие Венской конвенции двухсторонних консульских конвенциях: с Вьетнамом (2008), Казахстаном (1996), Китаем (1993), Польшей (1992), Россией (1995), Румынией (1993), Украиной (2009), Чехией (1972, в порядке правопреемства). Однако последние могут содержать и специальные, нередко более широкие нормы, которые должны учитывать должностные лица органов, ведущих уголовный процесс. Так, в Консульской конвенции с Украиной в ст. 18 предусмотрено в случае, когда «суды или другие компетентные органы государства пребывания намереваются принять любые принудительные меры против судна или поручить провести расследование на борту судна представляемого государства, они заблаговременно информируют консульское учреждение для того, чтобы консульское должностное лицо или его представитель присутствовали при осуществлении этих мер». Данная норма распространяется также на аналогичные действия, предпринятые на суше в отношении капитана судна или члена экипажа, а также в отношении воздушных судов, автомобильных и железнодорожных транспортных средств представляемого государства в той мере, в какой они не противоречат положениям международных соглашений.

Необходимо учитывать, что участником Венской конвенции является 181 государство. Ее нормы необязательны в настоящий момент для Афганистана, Палау, Сан-Марино и некоторых африканских государств.

При анализе уголовно-процессуальных норм в консульских конвенциях следует остановиться прежде всего на праве иностранного гражданина на консульскую помощь и уведомлении об этом праве, так как оно нередко нарушается, что может вести к нарушению права на справедливое судебное разбирательство, а соответственно, указывается как правовое основание при обжаловании приговоров в национальных судах, либо их нарушение является предметом рассмотрения в Международном Суде ООН.

В этом контексте следует сопоставить нормы ст. 115, 125, 126, 512 УПК, содержащие обязанности должностных лиц органов, ведущих уголовный процесс, по уведомлению дипломатического представительства или консульского учреждения о задержании, применении мер пресечения в виде домашнего ареста либо заключения под стражу в отношении иностранного гражданина, с положениями Венской конвенции. Можно заметить, что в 2010 г. указанные нормы УПК были приведены в соответствие с предложением первым п. b п. 1 ст. 36 Венской конвенции.

Появилось дополнительное условие для направления сообщения в МИД для уведомления дипломатического представительства или консульского учреждения, которое мы не находим в уголовно-процессуальных кодексах Казахстана, Кыргызстана и России, – требование иностранного гражданина (лица без гражданства). Указанные выше двухсторонние консульские конвенции не содержат подобного условия. А это значит, что при задержании, например, гражданина Вьетнама у должностных лиц органа, ведущего уголовный процесс, возникает безусловная обязанность сообщить в МИД такую информацию. И мы находим этому подтверждение в п. 2 Положения о порядке информирования Министрства иностранных дел (утв. постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 15 июня 2010 г. № 917) [261], где дана отсылка к необходимости соблюдения международных договоров Республики Беларусь. Хотя здесь следует обратиться к опыту государств – членов ЕС.

В п. 37 преамбулы к директиве № 2013/48/EU от 22 октября 2013 г. «О праве на доступ к адвокату в уголовном процессе и в рамках процедуры Европейского ордера на арест, а также о праве уведомить третью сторону о лишении свободы и общении с третьими лицами и консульскими властями в то время, как они лишены свободы» указывается на наличие у подозреваемого (обвиняемого) права на консульскую помощь, которое реализуется при наличии его согласия [262]. На наш взгляд, допустимы ситуации, когда задержанное (заключенное под стражу лицо) не желает по каким-либо причинам уведомлять об этом консульское учреждение государства гражданства либо у лица может быть граждан-

ство нескольких государств. Поэтому, допустив возможность применения двухсторонних конвенций в указанном вопросе, следует испрашивать согласие соответствующего лица на уведомление.

Венская конвенция не устанавливает срок для уведомления консульского учреждения, ограничиваясь словом «безотлагательно». Английский текст более четко передает темпоральную конструкцию словами «*without undue delay*», т. е. не просто безотлагательно, а без неоправданной задержки, что подчеркивает замысел составителей. Органам уголовного преследования может потребоваться держать лицо *incomunicado* для достижения целей уголовного процесса [263, с. 113]. В связи с этим указанный в УПК срок уведомления МИД «не позднее одних суток» видится не вполне оправданным, особенно в отношении граждан государств, с которыми не подписаны двухсторонние консульские конвенции, устанавливающие максимальные сроки для уведомления (3–4 дня, см. прил. 3).

Видимо, из-за противоречия принципу равенства граждан перед законом и равенства защиты их прав и законных интересов (ст. 20 УПК) отдельные авторы призывают формулировать двухсторонние международные договоры касательно доступа к консульской помощи исходя из содержания национального уголовно-процессуального закона, а действующие договоры – пересмотреть [170, с. 205]. На наш взгляд, такие предложения не соответствуют обязанности государства по защите своих граждан за рубежом. Косвенно давая определенные права гражданам иного государства, Беларусь ожидает, что аналогичные права будут и у гражданина Беларуси в таком ином государстве, что важнее, чем обеспечение равенства прав граждан различных иностранных государств в уголовном процессе Беларуси.

Необходимо отметить, что УПК умалчивает о требовании Венской конвенции и двухсторонних конвенций безотлагательно сообщить задержанному (заключенному под стражу) гражданину иностранного государства о праве требовать уведомления консульского учреждения государства гражданства. Консульская конвенция с Россией еще более вторгается в сферу уголовного процесса, требуя внесения соответствующей записи в материалы уголовного дела (п. 5 ст. 39), имея в виду, по всей видимости, составление протокола уведомления лица. Тот факт, что иностранный гражданин не требует проинформировать о задержании (аресте) свое консульское учреждение, не только не позволяет установить факт соблюдения обязательства по уведомлению о правах, которое возложено на задерживающее (арестовавшее) государство, но также может быть объяснено в некоторых случаях именно тем, что лицо не было проинформировано о его правах, закрепленных в ст. 36 Венской конвен-

ции [264]. Поэтому справедливым для Беларуси видится предложение П. Н. Бирюкова дополнить соответствующие нормы УПК РФ следующим требованием: «Задержанному или заключенному под стражу иностранцу разъясняется право связаться с представительством своего государства и право посещения его консульским должностным лицом» [30, с. 149].

Как видим, наличие уже таких отличий требует допущения применения норм консульских конвенций в ходе производства по материалам и уголовных делам, что позволит также избежать затрат государства¹, связанных с рассмотрением иска в Международном Суде ООН.

Стоит заметить, что нарушение норм консульских конвенций, не инкорпорированных в УПК, может стать предметом судебного рассмотрения лишь в Международном Суде ООН по иску одного из договаривающихся государств к другому (при условии подписания обоими Факультативного протокола к Венской конвенции) либо искового заявления к соответствующим должностным лицам в национальном суде. Возможно, поэтому мы не находим норм, аналогичных ст. 115, 125, 126, 512 УПК, в УПК Украины, ст. 1 которого указывает, что международные договоры, согласие на обязательность которых предоставлено Верховной радой Украины, включены в уголовное процессуальное законодательство Украины, хотя уголовно-процессуальные кодексы отдельных государств содержат структурные элементы (главы, разделы), регулирующие вопросы, связанные с дипломатическим и консульским иммунитетом в уголовном процессе (гл. 57 УПК Казахстана, разд. 61 УПК Польши, гл. 50 УПК Туркменистана).

В литературе и судебной практике иностранных государств ведется полемика о признании субъективного права на консульскую помощь из нормы ст. 36 Венской конвенции [265, с. 571].

С позицией, что последняя порождает право индивидуума на консульскую помощь и информирование о нем, согласились Международный Суд ООН и Межамериканский суд по правам человека. Первый в решении по делу ФРГ против США (дело *LaGrand*) [266] указал, что Венская конвенция предоставляет субъективное право иностранным гражданам, задержанным в течение длительного периода времени или приговоренным к суровым наказаниям, без промедления быть уведомленными о своем праве общаться с их консульствами. Далее он постановил, что государства – участники Венской конвенции, которые не смогли сделать такое уведомление своевременно, не могут позднее сослаться на процедурные недостатки, чтобы запретить иностранным гражданам прибегать к средствам судебной защиты (обжалования). Тем самым Меж-

¹ Республика Беларусь не признает юрисдикцию Международного Суда ООН в разрешении споров из Венской конвенции.

дународный Суд ООН отклонил некоторые основания, по которым суды США отказывали в пересмотре дел из-за нарушения права на консульскую помощь. Позже было указано, что в каждом случае необходимо рассмотреть, действительно ли неуведомленному лицу тем самым был причинен процессуальный вред (пострадали его права) в ходе дальнейшего разбирательства [267]. Как указывают авторы, в решении по делу *LaGrand* Международный Суд ООН впервые вторгся в национальный уголовный процесс [268, с. 69]. Межамериканский суд по правам человека высказал мнение, что право задержанного иностранного гражданина быть проинформированным о праве на консульскую помощь относится к международному праву прав человека [269]. Немецкие суды полагают, что п. b п. 1 ст. 36 Венской конвенции «создает право обвиняемого, устанавливающее его процессуальный статус» [270], что приводит к дискуссии в литературе [271, с. 20]. О процессуальном праве на встречу с представителем иностранного государства высказываются российские процессуалисты [258, с. 26].

При таком подходе исследуемые нормы Венской конвенции могут применяться в уголовном процессе Республики Беларусь наравне с УПК на основании ч. 4 ст. 1 УПК.

Однако указанная позиция все еще не является общепризнанной. Такой вывод можно сделать и из буквального прочтения двухсторонних консульских конвенций, заключенных Беларусью. Так, в конвенциях с Казахстаном, Китаем, Россией, Украиной сказано про информирование о положениях соответствующих статей конвенций, а не о правах, как это указано в Венской конвенции.

В судебной практике США известен ряд случаев неуведомления консульских учреждений о задержании (аресте) иностранных граждан, приговоренных к смертной казни. Однако суды при обжаловании со ссылкой на наличие процессуального нарушения из-за отсутствия такого неуведомления не отменяли приговоры. Так, в деле *Фаулдер против Техаса* суд, отказывая в удовлетворении апелляционной жалобы, отметил, что консул Канады не смог бы предоставить информацию, которую не предоставили либо не могли бы предоставить адвокаты обвиняемого [265, с. 578]. В то же время Верховный Суд США в своих решениях подтвердил, что Венская конвенция «возможно, предоставляет лицу право на консульскую помощь после ареста», но федеральные апелляционные суды не считают такое право обязательным к исполнению (*enforceable*) [272, с. 44].

При задержании (заключении под стражу) иностранного гражданина он находится в менее выгодном положении, нежели гражданин, из-за незнания системы уголовной юстиции, национальных обычаев [265, с. 605]. Консульская помощь может уравновесить его положение с гражданином

государства задержания. Вопрос о допустимости применения консульских конвенций в уголовном процессе важен с точки зрения возможности признания неуведомления гражданина иностранного государства о праве на уведомление о его задержании (заключении под стражу) дипломатического представительства или консульского учреждения для реализации права на консульскую помощь существенным нарушением уголовно-процессуального закона в смысле ч. 1 ст. 391 УПК. В этом вопросе можно согласиться с Федеральным конституционным судом ФРГ, который указал, что согласно немецкому уголовно-процессуальному законодательству неосуществление информирования в соответствии с требованиями международного публичного права представляет собой процессуальное нарушение, на котором может основываться апелляционная жалоба по правовым вопросам в соответствии с § 337 УПК ФРГ, и это само по себе гарантирует, что нарушение международного публичного права не останется «без последствий» [270]. А уже, исходя из представленных обоснований, суд апелляционной инстанции должен решать, помешало ли суду такое нарушение всесторонне, полно и объективно исследовать обстоятельства уголовного дела и повлияло ли или могло повлиять оно на постановление законного и обоснованного приговора.

Хотя иные уголовно-процессуально релевантные нормы консульских конвенций направлены не на защиту субъективного права, а больше на обеспечение консульской функции, они должны соблюдаться должностными лицами органов, ведущих уголовный процесс, а соответственно, должны быть им известны.

Статья 5 Венской конвенции включает в консульскую функцию с соблюдением практики и порядка, принятых в государстве пребывания, представительство или обеспечение надлежащего представительства граждан представляемого государства в судебных и иных учреждениях государства пребывания. Данная норма уточняется в двухсторонних консульских конвенциях: консульское должностное лицо может без особой доверенности представлять гражданина в судах и других органах государства пребывания, если гражданин представляемого государства не может осуществлять в государстве пребывания защиту своих прав и интересов в связи с его отсутствием в государстве пребывания или по другим причинам (п. f ст. 13 конвенции с Казахстаном). Соответственно, у органа, ведущего уголовный процесс, может возникнуть обязанность допустить консульское должностное лицо в качестве представителя, «как иное лицо», предусмотренное в норме п. 28 ст. 6 УПК. При этом надо понимать предварительный характер представительства консульского должностного лица. Оно не может использовать все права представляемого лица, не может участвовать в процессе вместе с представляемым

лицом, что не позволяет понимать его как представителя в смысле ст. 58 УПК. С учетом отсутствия формулировки об оказании юридической помощи консульское должностное лицо не может исполнять функции защитника. Таким образом, в уголовном процессе оно может представлять интересы потерпевшего, гражданского истца или гражданского ответчика, которые являются гражданами государства, которое оно представляет, и не могут временно (например, из-за болезни, карантина) явиться в суд либо органы уголовного преследования. В комментарии к англоязычному тексту указано, что в данной норме имеются в виду как физические, так и юридические лица [263, с. 97–98].

Согласно п. j ст. 5 Венской конвенции консульское должностное лицо имеет право передавать судебные и несудебные документы или исполнять судебные поручения или же поручения по снятию показаний для судов представляемого государства. Однако, участвуя тем самым в собирании доказательственной информации, оно должно действовать в соответствии с действующими международными соглашениями или при отсутствии таких соглашений – в порядке, не противоречащем законам и правилам государства пребывания. Исходя из определения доказательства, содержащегося в ч. 1 ст. 88 УПК, для их допустимости в уголовном процессе требуется их получение в порядке, предусмотренном законом, а ч. 3 ст. 105 УПК уточняет, что они должны быть получены «органом, ведущим уголовный процесс», коим консульское должностное лицо не является (если только оно само не осуществляет производство по материалам и уголовному делу), в установленном Кодексом порядке. В рассматриваемом же случае порядок закреплен в п. 6 Консульского устава Республики Беларусь (утвержден Указом Президента Республики Беларусь от 19 февраля 1996 г. № 82) [273] и консульских конвенциях, заключенных нашим государством. Соответственно, для признания собранных в соответствии с п. j ст. 5 Венской конвенции доказательств допустимыми прежде всего следует признать допустимым применение консульских конвенций в уголовном процессе.

Консульские конвенции расширяют список лиц, обладающих свидетельским иммунитетом: работники консульского учреждения не обязаны давать показания по вопросам, связанным с выполнением ими своих функций, или предоставлять относящуюся к их функциям официальную корреспонденцию и документы, а также показания, разъясняющие законодательство представляемого государства (ч. 3 ст. 44 Венской конвенции). В последней части важно отметить, что конвенции в отношениях с Вьетнамом и Украиной, наоборот, позволяют указанным лицам давать свидетельские показания в качестве экспертов относительно законодательства представляемого государства, если на это имеется согласие главы консульского учреждения, однако указанные лица имеют право от-

казаться давать свидетельские показания в качестве экспертов (ст. 38). Консульская конвенция с Польшей указывает, что члены семей сотрудников консульского учреждения, а также частные домашние работники не обязаны давать показаний в отношении фактов, связанных с деятельностью консульского учреждения (ч. 3 ст. 18). Схожая норма в отношении членов семей консульских должностных лиц и сотрудников консульства, если они проживают вместе с ними, применяется в отношении Чехии.

Часть 4 ст. 35 Консульской конвенции с КНР предписывает органам, ведущим уголовный процесс, когда это возможно, выслушивать показания у вышеуказанных лиц на дому или в помещении консульского учреждения или же принимать от них письменные показания. Аналогичное правило заложено в ч. 5 ст. 16 Консульской конвенции, действующей в отношениях с Чехией.

Также в дополнение к ч. 2 ст. 4 и п. 1 ч. 3 ст. 60 УПК ст. 44 Венской конвенции позволяет консульскому должностному лицу отказаться давать показания, и к нему не могут применяться никакие меры принуждения или наказания за это.

УПК содержит лишь отдельные нормы, связанные с дипломатическим иммунитетом, – ч. 10, 11 ст. 204 (осмотр помещений), ч. 10 ст. 210 (обыск и выемка), распространяя его и на консульские учреждения, хотя они обладают иммунитетом иного объема (см. прил. 2). Данные нормы будут применяться независимо от наличия договорных отношений в сфере консульских отношений с иностранным государством, так как они не содержат соответствующей оговорки. Венская конвенция предоставляет более широкую неприкосновенность, в том числе и в рамках производства по материалам и уголовным делам. Прежде всего схожие правила должны распространяться на все следственные действия в помещениях дипломатических представительств (ст. 22 Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 г.) и помещениях, занимаемых консульскими учреждениями (ч. 2 ст. 31 Венской конвенции), так как власти государства пребывания не могут вступать в помещения дипломатического представительства иначе, как с согласия главы представительства, а в ту часть консульских помещений, которая используется исключительно для работы консульского учреждения, иначе, как с согласия консульского учреждения, назначенного им лица или главы дипломатического представительства представляемого государства. Соответственно, это должно являться общим правилом для производства следственных действий, закрепляемым в ст. 192 УПК. Подобный подход был сформулирован в ст. 549 Модельного УПК для государств – участников СНГ.

Неприкосновенны также официальная корреспонденция консульского учреждения (ч. 2 ст. 35 Венской конвенции) и консульский архив

(ст. 33, 61 Венской конвенции), а соответственно, в отношении них нельзя производить выемку либо иные следственные действия.

Статьи 22, 30, 37 Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 г. предоставляют помещениям дипломатического представительства, предметам их обстановки и другому находящемуся в них имуществу, а также средствам передвижения представительств и частным резиденциям дипломатического агента и некоторых иных категорий работников дипломатического представительства иммунитет не только от обыска, но и от ареста. Соответственно, в отношении данного имущества недопустимо наложение ареста.

Если вышеперечисленные нормы консульских конвенций о неприкосновенности имущества и свидетельском иммунитете будут нарушены, то встает вопрос об оценке доказательств, полученных в результате такого нарушения. На наш взгляд, в случае признания консульских конвенций источником уголовно-процессуального права, безусловно действует норма ч. 5 ст. 105 УПК об отсутствии юридической силы таких доказательств как полученных с нарушением закона, так как последний в данной норме понимается в широком смысле. К аналогичному выводу пришел Верховный Суд ФРГ в ходе рассмотрения материалов дела по обвинению атташе генконсульства Турции в Гамбурге в агентской деятельности на разведывательную службу: негласные прослушивание и запись телефонных переговоров с соединения, оборудованного в служебных помещениях консульства, нарушают международно-правовые принципы неприкосновенности консульских помещений и консульского иммунитета, и их результаты не могут использоваться в качестве доказательства в уголовном процессе – по крайней мере в случае, если лежащее в основе подозрение касается преступлений, которые могут быть связаны с осуществлением консульских функций [274]. Обратное решение было принято в связанном уголовном деле в отношении соучастника атташе – социального работника гамбургского учреждения исполнения наказаний. Верховный Суд ФРГ признал, что полученные с указанными нарушениями результаты прослушивания и записи переговоров, в отличие от процесса против атташе, могут быть использованы в качестве доказательства по делу данного соучастника, поскольку это лицо не подпадает под действие названных международно-правовых принципов и не находилось в консульских помещениях [275]. Таким образом, мы видим, что консульские иммунитеты в отношении имущества могут распространяться только на лиц, которые осуществляют соответствующую деятельность.

Личная неприкосновенность распространяется на дипломатического агента (глава представительства или член дипломатического персонала представительства), членов семей дипломатического агента, членов ад-

министративно-технического персонала представительства и членов их семей, дипломатического и консульского курьеров, консульских должностных лиц (ст. 29, 37, 38 Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 г., ч. 5 ст. 35, 41 Венской конвенции). Они не могут быть задержаны, заключены под стражу, хотя консульские должностные лица могут быть заключены под стражу на основании постановления компетентных судебных властей в случае совершения тяжкого преступления, а также во исполнение судебных постановлений, вступивших в законную силу. Такой широкий иммунитет не распространяется также на лиц, которые являются гражданами государства пребывания или постоянно в нем проживают. Важными в ходе производства по материалам и уголовным делам могут быть нормы о начале и окончании действия иммунитета. Такие нормы позволяют принять решение об уголовном преследовании лица, которое уже не занимает соответствующую должность либо не является членом семьи.

Если против консульского должностного лица возбуждается уголовное дело, это лицо должно явиться в компетентные органы. Однако необходимо иметь в виду, что нормы консульских конвенций с Вьетнамом (ст. 37) и Украиной (ст. 35) распространяют на консульских должностных лиц в полном объеме иммунитеты дипломатических агентов, а соответственно, указанные исключения в отношении этих государств не могут быть применены (ст. 29 Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 г.).

Разрешение о привлечении лица – иностранного гражданина, пользующегося дипломатической неприкосновенностью, к уголовной ответственности испрашивается через МИД у соответствующего аккредитующего иностранного государства в соответствии с Венской конвенцией о дипломатических сношениях 1961 г., или Венской конвенцией [276].

Учитывая указанные выше нормы двухсторонних консульских конвенций о расследованиях на борту судов и воздушных судов (а в отношении Украины также автомобильных и железнодорожных транспортных средств), определенным образом данные международные договоры сужают пределы действия УПК, что предусмотрено в его ч. 1 ст. 3. И поэтому государственные органы Республики Беларусь, должностные лица, уполномоченные осуществлять уголовное преследование, не вправе принимать необходимые меры по возбуждению уголовного дела, выявлению лиц, совершивших преступление, привлечению виновных к предусмотренной законом Республики Беларусь ответственности, если деяниями, относящимися к внутренним делам судна, не нарушаются безопасность и общественный порядок в Республике Беларусь, за исключением случаев, когда это осуществляется по личной просьбе капитана судна, или с его

разрешения, или с разрешения консульского должностного лица представляемого государства. Также при осуществлении следственных действий на борту судна либо в отношении его капитана и членов экипажа требуется информирование консульского должностного лица соответствующего государства, дабы оно или его представитель имели возможность присутствовать при производстве таких действий (ст. 18 Консульской конвенции с Украиной). Данные нормы изменяют предписанную УПК процедуру.

Таким образом, по итогам исследования нами установлено, что УПК *de jure* не позволяет применять консульские конвенции в ходе производства по материалам и уголовным делам, за исключением отдельных их норм (определение пределов действия УПК, определение круга лиц, обладающих иммунитетом в уголовном процессе). В данных конвенциях содержатся уголовно-процессуально релевантные нормы:

- о консульской помощи подозреваемому (обвиняемому) и необходимости уведомления о праве на такую помощь;
- о возможности консульского должностного лица выступать представителем гражданина представляемого им государства перед судами и другими органами;
- о неприкосновенности личности консульского должностного лица и отдельных консульских служащих и членов их семей, консульского курьера, помещений, занимаемых консульским учреждением, официальной корреспонденции консульского учреждения и консульского архива.

Необходимо строго соблюдать нормы консульских конвенций об уведомлении граждан иностранных государств о праве на консульскую помощь. В противном случае вышестоящим судам важно изучить представленные сторонами обоснования для решения вопроса о том, не мешало ли суду нарушение соответствующей нормы консульской конвенции всесторонне, полно и объективно исследовать обстоятельства уголовного дела и не повлияло ли или могло ли повлиять оно на постановление законного и обоснованного приговора.

Требуется внесение изменения в ст. 1 УПК с целью расширения круга международных договоров, применяемых при производстве по материалам и уголовным делам, а также ознакомление в ходе обучения и повышения квалификации работников органов, ведущих уголовный процесс, с вышеуказанными нормами. Нормы об особенностях производства следственных действий в помещениях дипломатических представительств и помещениях, занимаемых консульскими учреждениями, должны являться общим правилом, закрепляемым в ст. 192 УПК, а не распространяться лишь на осмотр, обыск и выемку.

ОКАЗАНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ
ПРАВОВОЙ ПОМОЩИ НА ОСНОВАНИИ
ПРИНЦИПА ВЗАИМНОСТИ

3.1. Общие вопросы оказания
международной правовой помощи
по уголовным делам

Интернационализация человеческой деятельности закономерно ведет к развитию транснациональной преступности, а расследование соответствующих уголовных дел требует собирания доказательств, обеспечения присутствия участников уголовного процесса на территории иностранных государств. Именно поэтому изначально сформировавшийся в качестве института международного публично-права институт международной правовой помощи по уголовным делам в большинстве государств проник, спустился в национальную систему права.

Как и предлагал автор настоящего исследования [277], белорусский законодатель в 2008 г. пошел по пути внедрения в уголовно-процессуальный закон межотраслевого института международной правовой помощи по уголовным делам. Трансценденция данного института происходила на основе накопленной Беларусью международно-правовой базы в данной сфере.

При анализе исследуемого института прежде всего требуется разграничить отдельные термины, применяемые в законодательстве и международных договорах. В научной литературе часто не делается различия между сотрудничеством и взаимодействием по уголовным делам [278, с. 194]. Из-за неразработанности данных понятий в научной литературе, например, российский законодатель не совсем точно озаглавил часть пятую УПК РФ [279] – «Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства», вместе с тем единственный раздел данной части включает в свое наименование термин «взаимодействие». Но данные понятия являются разноуровневыми, как указывает Г. Гилберт, соответственно макро- и мезо уровнями [280, с. 33–35]. Не совпадает

и этимология данных слов. Сотрудничество – «участие в общем деле» [281, с. 738] – строится между субъектами международного права, прежде всего государствами. Его целью является достижение единых задач в борьбе с преступностью. Сотрудничество является наиболее высоким уровнем совместной деятельности государств в сфере международной борьбы с преступностью, так как оно осуществляется на уровне государств как субъектов международного права. Государственные органы в рамках такого сотрудничества взаимодействуют.

Взаимодействие есть «взаимная поддержка» [281, с. 76], т. е. оно представляет собой обоюдно направленную деятельность двух и более субъектов, деятельность согласованную, служащую интересам всех участвующих субъектов, а значит, под взаимодействием по уголовным делам как деятельностью в рамках сотрудничества государств «следует понимать взаимную [общую для сторон] информационную, оперативную, процессуальную и организационную поддержку наделенных соответствующей компетенцией государственных органов [двух и более государств] в целях предупреждения и расследования предусмотренных уголовным законом общественно опасных деяний, осуждения виновных лиц и приведения приговоров суда в исполнение» [282, с. 98]. Следует согласиться с Н. И. Пашковским, который указывает, что эта деятельность также связана с «защитой прав, законных интересов лиц, которые принимают участие в уголовном судопроизводстве» [50, с. 12]. Л. Гардоцкий в 1970-х гг. отмечал, что различными являются понятия «сотрудничество по уголовным делам» и «взаимопомощь по уголовным делам» [283, с. 61]. Но некоторые исследователи ошибочно низводят понятие международного сотрудничества к «деятельности по получению и оказанию помощи» [47, с. 4], а Н. М. Кипнис дает определение понятия «международное сотрудничество», используя термины «взаимодействие» и «оказание правовой помощи» [284, с. 702].

В уголовно-процессуальной литературе выделяют процессуальные и непроцессуальные формы взаимодействия следователя с органами дознания [285, с. 10]. Такая классификация применима и к формам взаимодействия по уголовным делам в рамках сотрудничества государств. В процессуальной форме, т. е. форме, которая регулируется в уголовно-процессуальном законодательстве, осуществляется оказание международной правовой помощи по уголовным делам. К непроцессуальным формам взаимодействия по уголовным делам можно отнести обмен информацией (в том числе оперативной, о национальном законодательстве, о судимости), разработку модельного законодательства и международных соглашений, деятельность оперативного характера. Органы различных государств, ведущие уголовный процесс, взаимодействуют прежде всего в процессуальной форме.

В отличие от сотрудничества и взаимодействия понятие «международная правовая помощь» носит более однонаправленный характер, так как подразумевает наличие интереса только запрашивающей стороны, хотя при этом не отвергается наличие потенциального интереса у запрашиваемой стороны в получении в будущем аналогичной правовой помощи. Как указывает Ю. В. Францифоров, если сотрудничество представляет собой совместную продолжительную деятельность, то помощь является краткосрочной деятельностью, связанной с просьбой или поручением. При этом он соглашается, что международное сотрудничество по уголовным делам включает в себя правовую помощь [286, с. 18–19].

В отечественной и российской специальной литературе вопрос о понятии международной правовой помощи по уголовным делам авторы затрагивают редко. Анализ двух определений провел В. П. Шупилов. Приводимые им определения венгерского юриста Ф. Маркуша и французского профессора К. Ломбуа не раскрывают содержания понятия правовой помощи. Данное самим В. П. Шупиловым определение правовой помощи по уголовным делам не отражает в полной мере целей осуществления действий «компетентными органами одной из договаривающихся стран» и не указывает иных, кроме договоров, оснований их осуществления [287, с. 86]. В определении взаимной правовой помощи, данном Б. М. Рахимовым [288, с. 14], расширен круг субъектов данной деятельности и одновременно ограничен круг действий, которые могут осуществляться в ее рамках. В. Ш. Табалдиева [289, с. 29–30] в своем определении не раскрывает сущности деятельности, осуществляемой в рамках международной правовой помощи по уголовным делам. Немецкие исследователи в области международной правовой помощи по уголовным делам О. Лагодны и В. Шомбург понимают под ней в широком смысле «выдачу, помощь в исполнении приговоров, передачу уголовного преследования и, прежде всего, иную правовую помощь (правовую помощь в узком смысле)» [290, с. 3]. П. Попп полагает, что правовая помощь есть «материальная поддержка деятельности государственного органа другим подобным органом», считая, что таковая возможна в производстве, которое, как правило, заканчивается судебным решением [291, с. 4]. Т. С. Гавриш, не указывая на узкий характер, относит к международной правовой помощи по уголовным делам только «деятельность компетентных органов запрашиваемого государства по проведению на ее территории процессуальных действий в связи с исполнением следственных или судебных поручений...» [48, с. 130]. Аналогичный подход прослеживается в исследовании М. П. Глумина [46, с. 11–12].

Выделение международной правовой помощи в узком смысле можно заметить в законодательстве многих государств. Так, из смысла абз. 2

ст. 59 и частей I–IV Закона ФРГ «О международной правовой помощи по уголовным делам» можно заключить, что правовая помощь в узком смысле представляет собой «любую поддержку, которая предоставляется для иностранного процесса по уголовному делу» и которая не связана с фактом передачи лица [290, с. 3, 281]. Только в узком смысле понимает международную правовую помощь законодатель в § 1 Закона Финляндии «О международной правовой помощи по уголовным делам» [292], причисляя к ней вручение судебных решений, повесток и иных судебных документов, допрос свидетелей, экспертов, сторон, получение заключения эксперта, проверки, передачу документов и объектов, которые могут иметь доказательственное значение, обыск, выемку, принудительные меры для получения доказательств либо обеспечения исполнения решения о конфискации, проведение уголовного процесса, обмен информацией. Международная правовая помощь по уголовным делам понимается в широком смысле в Модельном УПК для государств – участников СНГ [145], Конвенциях СНГ 1993 и 2002 гг., большинстве международных договоров Республики Беларусь, регулирующих рассматриваемые вопросы. Как мы видим, авторы и законодатель пытаются дать определение через перечисление видов международной правовой помощи, нередко относя все иные виды к международной правовой помощи по уголовным делам в узком смысле, что не раскрывает самой природы явления.

Существующие международные договоры, оперируя терминами «правовая помощь по уголовным делам» [159], «взаимная юридическая помощь» [171], «взаимная правовая помощь» [205], «помощь в связи с уголовным преследованием» [172], «помощь в связи с уголовно-процессуальными действиями» [173], не дают их легального определения. С принятием Закона Республики Беларусь «О международной правовой помощи по уголовным делам» появилось легальное определение международной правовой помощи по уголовным делам, под которой в ст. 1 Закона понимается «выполнение органами Республики Беларусь, ведущими уголовный процесс, процессуальных и иных действий по просьбе органов иностранных государств¹, компетентных принимать решения по вопросам оказания международной правовой помощи по уголовным делам, а также выполнение аналогичных действий органами иностранных государств, ведущими уголовный процесс, по прось-

¹Под просьбой органа иностранного государства в УПК понимается просьба органа иностранного государства, компетентного принимать решения по вопросам оказания международной правовой помощи по уголовным делам, об оказании международной правовой помощи по уголовному делу на основе принципа взаимности (п. 9 ст. 6 УПК).

бе органов Республики Беларусь, ведущих уголовный процесс¹, в соответствии с международными договорами Республики Беларусь или на основе принципа взаимности».

Подобное легальное определение, по нашему мнению, является довольно общим и не дает конкретного представления о деятельности, осуществляемой в процессе международной правовой помощи по уголовным делам. Кроме того, приведенным в Законе определением в понятие правовой помощи включаются любые действия, осуществляемые по просьбе компетентного органа другого государства. Некоторые действия в литературе относят к «неформальной помощи по уголовным делам» [278, с. 193], которая находится вне уголовного процесса и включает в себя деятельность оперативно-розыскного и административного характера. Поэтому точка зрения Н. И. Пашковского, что правовая помощь по уголовным делам в широком смысле «практически» есть взаимодействие по уголовным делам [293], представляется не совсем точной.

Необходимо сохранить в понятии международной правовой помощи по уголовным делам кроме процессуальных и «иные действия», так как под процессуальными в ст. 6 УПК понимаются действия, предусмотренные УПК и производимые в соответствии с ним, а при оказании международной правовой помощи по уголовным делам могут быть произведены действия, предусмотренные, например, законодательством иностранного государства. Следует придать правовой характер «действиям», указав задачи, выполнению которых они служат.

Таким образом, под **международной правовой помощью по уголовным делам** в широком смысле следует понимать выполнение на основании международных договоров или принципа взаимности органами, ведущими уголовный процесс, по просьбе компетентных органов иностранных государств процессуальных и иных облеченных в уголовно-процессуальную форму действий для своевременного и полного расследования преступлений, осуждения лиц, виновных в совершении преступлений, исполнения наказаний и ресоциализации осужденных [282, с. 100].

Последнее определение дает представление о международной правовой помощи по уголовным делам как о деятельности и форме взаимодействия. Такая деятельность должна осуществляться строго в рамках предписанной законом процедуры, что характеризует рассматриваемую форму взаимодействия по уголовным делам как процессуальную.

¹Под просьбой органа, ведущего уголовный процесс, в УПК понимается просьба органа, ведущего уголовный процесс, об оказании международной правовой помощи по уголовному делу на основе принципа взаимности (ч. 3 ст. 88 УПК).

Международная правовая помощь по уголовным делам понимается также как законодательно закреплённая процедура (порядок выполнения вышеуказанных процессуальных и иных действий). Данная процедура условно включает три этапа:

1) направление просьбы (составление просьбы органом Республики Беларусь, ведущим уголовный процесс, либо органом иностранного государства; проверка просьбы компетентным органом государства составления);

2) разрешение компетентным органом Республики Беларусь (ст. 494 УПК) либо иностранного государства просьбы;

3) исполнение органом, ведущим уголовный процесс, просьбы.

В отношении некоторых видов международной правовой помощи следует также говорить о наличии правовых последствий *post factum* (например, невозможность осуществления уголовного преследования без согласия Республики Беларусь за совершение преступления, которое не было предметом просьбы о выдаче, или невозможность уголовного преследования лица в иностранном государстве за преступление, осуществление уголовного преследования за которое передано Республике Беларусь).

Международная правовая помощь по уголовным делам есть также межотраслевой институт права [52, с. 15–16] (обособленная группа взаимосвязанных правовых норм, регулирующих общественные отношения в сфере деятельности по оказанию международной правовой помощи по уголовным делам). Межотраслевой характер рассматриваемого института права вытекает из содержания его норм. В большинстве своем они устанавливают процедуру сношения органов нескольких государств, ведущих уголовный процесс, что указывает на их принадлежность к уголовно-процессуальному праву. При этом такие нормы имеют специфическое функциональное назначение. Однако к данному институту относятся и уголовно-материальные нормы права (например, нормы, определяющие деяния, при совершении которых может быть допущена выдача лица). Кроме того, основополагающие начала института заложены в международном публичном праве, ведь изначально данный институт формировался в рамках международных договоров и только затем, с появлением процессуальных норм в законодательстве ряда государств, постепенно был интегрирован на национальном уровне. Ряд принципов международной правовой помощи по уголовным делам и на данном этапе развития института носят международно-правовой характер. Предметом правового регулирования данного института являются общественные отношения, складывающиеся в связи с направлением и исполнением должностными лицами органов Республики Беларусь, ведущих уголовный процесс, просьб об оказании международной правовой помощи.

Раздел XV УПК регулирует две группы общественных отношений, возникающих при оказании международной правовой помощи по уголовным делам на основе принципа взаимности:

- при наличии «пробелов» в действующем международном договоре Республики Беларусь с иностранным государством (ч. 5 ст. 1 УПК). Учитывая нормы большинства международных договоров Республики Беларусь, можно заключить, что процессуальные вопросы разрешения и обеспечения исполнения просьб органов иностранных государств, направления просьб органами, ведущими уголовный процесс, а также прав лиц, участвующих в оказании международной правовой помощи по уголовным делам, регулируются национальным законодательством;
- при отсутствии действующего международного договора Республики Беларусь с иностранным государством.

Для всех видов международной правовой помощи по уголовным делам присущи общие начала, которые заключены в принципах ее оказания. Исходя из сущности исследуемой деятельности, а также учитывая сложившееся в доктрине мнение [12, с. 69–72; 46, с. 23], принципы международной правовой помощи по уголовным делам можно условно подразделить на три группы: универсальные принципы международного права (принцип межгосударственного сотрудничества, уважение и соблюдение прав и свобод человека, равноправие государств, уважение и соблюдение государственного суверенитета, невмешательство во внутренние дела, добросовестное выполнение государствами своих обязательств), общие принципы национального уголовного права и процесса (законность, обеспечение неотвратимости ответственности за совершенное противоправное деяние, обеспечение подозреваемому, обвиняемому и осужденному права на квалифицированную юридическую помощь, осуществление правосудия на основе состязательности и равенства сторон, стимулирование правоупотребительного поведения граждан и др.), специальные принципы (противодействие только общеуголовным преступлениям, принцип двойной наказуемости, принцип конкретности, или специальности).

Для правильного понимания специфики международной правовой помощи по уголовным делам следует подробнее остановиться на последней группе принципов.

Принцип противодействия только общеуголовным преступлениям. Общеуголовными преступлениями можно считать виновные общественно опасные деяния, которые подлежат наказанию в соответствии с уголовным законодательством большинства государств и не носят политического характера [256, с. 32]. Общеуголовные преступления наносят вред общепризнанным защищаемым всеми государствами благам

(жизнь человека, половая свобода человека, отношение собственности и т. д.) независимо от государственного строя, господствующей идеологии, религии и т. п. Преступления, которые тесно связаны с конкретным государством (политические, воинские, финансовые), в большинстве своем исключены из состава преступлений, в борьбе с которыми сотрудничают государства. Органы, ведущие уголовный процесс, при совместных действиях должны обращать внимание только на ту квалификацию преступлений, относительно которой имеется согласованность.

В Средние века и Новое время международная правовая помощь по уголовным делам оказывалась, как правило, только в отношении «политических преступников», а в XIX в. с принятием Закона Бельгии о выдаче [131, с. 1–2] в практику вошло правило не оказания помощи, если ее необходимость вызвана совершением лицом политического преступления. До настоящего времени нет единого подхода к пониманию «*политического преступления*» [294, с. 107]. В то же время наметилась тенденция к исключению ряда составов из разряда политических, что можно заметить при анализе дополнительных протоколов к Европейской конвенции о взаимной правовой помощи по уголовным делам 1959 г. и Европейской конвенции о выдаче 1957 г.

В XVIII – начале XIX в. заключаемые договоры о выдаче предусматривали взаимодействие в отношении дезертиров (например, Конвенция о выдаче беглых между Россией и Пруссией 1804 г. [295]), но современные международные договоры исключают из числа преступлений, по отношению к которым может оказываться правовая помощь, воинские преступления, т. е. деяния, совершенные против интересов воинской службы.

|| Так, Азербайджану было отказано в выдаче А. по обвинению в дезертирстве со ссылкой на невозможность выдачи лица за совершение воинского преступления, не являющегося преступлением в соответствии с обычным уголовным правом (п. ж ч. 1 ст. 89 Конвенции СНГ 1993 г.) [296].

Взаимодействие по уголовным делам, возбужденным по факту нарушения налогового, валютного или таможенного законодательства, как правило, невозможно в силу необходимости защиты запрашиваемым государством своих законных интересов. Однако в Европейскую конвенцию о выдаче [204] Вторым дополнительным протоколом в 1978 г. были внесены изменения, которые допускают выдачу лица за правонарушения в связи с налогами, сборами, пошлинами и валютными операциями, если такое правонарушение совпадает по характеру в обоих государствах. При этом в выдаче не может быть отказано на том основании, что законодательство запрашиваемого государства не предусматривает таких же по характеру налогов или сборов или не содержит таких же по

характеру положений, касающихся налогов, сборов, пошлин и валютных операций, как и законодательство запрашивающего государства.

Следует учитывать, что если в деянии, квалифицируемом как политическое, воинское либо финансовое, имеется состав общеуголовного преступления и для всестороннего и полного исследования обстоятельств уголовного дела либо привлечения лица к уголовной ответственности необходимо взаимодействовать с учреждениями юстиции иностранного государства, то, по нашему мнению, необходимо возбудить уголовное дело по факту совершения соответствующего общеуголовного преступления.

Принцип двойной наказуемости. Для уголовного преследования лица необходимо наличие факта совершения им уголовно наказуемого деяния. При оказании международной правовой помощи по уголовным делам совершенное лицом деяние должно быть предусмотрено в уголовных законах обоих взаимодействующих государств. В запрашивающем государстве уголовная наказуемость есть основание уголовного преследования лица, а в запрашиваемом – основание признания опасности деяния для охраняемых общественных отношений и необходимости взаимодействия с органами другого государства, ведущими уголовный процесс. Данный принцип позволяет также исключить запросы по преступлениям, не представляющим большой общественной опасности. При этом двойная наказуемость не означает полное совпадение законодательных предписаний обоих государств в отношении преступления. Необходимо, чтобы уголовные законы данных государств защищали аналогичные общественные отношения от подобных деяний и не имели различия в субъекте и форме вины. Наиболее выражен данный принцип при выдаче обвиняемых и осужденных, осуществлении уголовного преследования лица, передаче осужденного для отбывания наказания в стране его гражданства. Необходимо отметить, что в рамках гармонизации уголовно-процессуального права ЕС происходит отход от необходимости подтверждения двойной наказуемости деяния (подробнее – в разд. 5.2).

Принцип конкретности, или специальности. Взаимодействуя по уголовным делам, государство в определенной степени поступает своим суверенитетом. Особенно если в ходе взаимодействия происходит передача лиц между юрисдикциями либо производятся процессуальные действия, сопряженные с принуждением. В связи с этим государство закономерно желает ограничить сферу использования другим сувереном результатов взаимодействия только в рамках конкретного уголовного дела, что находит свое закрепление в международных договорах о правовой помощи. Для преодоления подобного ограничения необходимо запросить согласие первого государства. В то же время,

как отметил Федеральный Верховный Суд ФРГ, «принцип специально-сти служит только для защиты прав запрашиваемого о выдаче государства... но не для защиты выдаваемого, который из него не может получить никаких прав» [297, с. 135].

Международная правовая помощь по уголовным делам как урегулированное нормами права общественное отношение закономерно предопределяет наличие объекта и субъекта правоотношения. Объектом международной правовой помощи по уголовным делам является поддержка ведущегося в иностранном государстве уголовного процесса. Она заключается в содействии беспрепятственному проведению последнего. Субъект международной правовой помощи по уголовным делам есть лицо, обладающее в соответствии с законом способностью иметь и осуществлять права, а также нести обязанности при оказании помощи в ходе предупреждения, раскрытия преступлений, рассмотрения уголовных дел в суде и исполнения приговоров. Субъекты международной правовой помощи по уголовным делам есть лица активные. К ним, в частности, следует относить государственные органы и должностных лиц. Международные организации, в отличие от надгосударственных органов (например, Палата обвинителя Международного уголовного суда, обвинитель Международного трибунала по бывшей Югославии), не являются субъектами международной правовой помощи по уголовным делам, взаимодействие строится в их рамках. Понятие «субъект международной правовой помощи по уголовным делам» следует отличать от «участника международной правовой помощи по уголовным делам». Исходя из содержания п. 49 ст. 6 УПК, последнее является более широким понятием и включает в себя всех лиц, вовлеченных в уголовный процесс в рамках оказания международной правовой помощи (прежде всего, физические лица, наделяемые определенными процессуальными правами при оказании международной правовой помощи, например лицо, задержанное либо к которому применена мера пресечения на основании решения об исполнении просьбы органа иностранного государства либо в связи с нахождением в международном розыске с целью выдачи, передаваемый осужденный, вызываемый свидетель).

Отдельно выделяют так называемые компетентные органы (учреждения). Данный термин встречается, как правило, в международных договорах о правовой помощи и правовых отношениях. Проанализировав формулировки международных договоров, можно определить компетентный орган (учреждение) как «государственный орган, в компетенцию которого в соответствии с законодательством иностранного государства входит принятие решений по вопросам оказания международной правовой помощи» [298, с. 25]. «Тот, кто... обязан занимать-

ся производством следствия по известному уголовному делу, далеко не всегда вправе от своего имени обращаться с судебными поручениями непосредственно к... иностранным властям» [23, с. 82], – писал И. Ивановский в XIX в. Компетентные органы государств могут осуществлять взаимодействие по уголовным делам непосредственно. Договаривающиеся стороны определяют компетентные органы при заключении каждого конкретного международного договора, либо они определяются в соответствии с национальным законодательством, хотя, например, договор между СССР и Кипром о правовой помощи по гражданским и уголовным делам предусматривает сношение лишь «в дипломатическом порядке», т. е. через МИД. Аналогичный порядок применяется в международной практике в случае отсутствия международного договора.

Исходя из положений ст. 5, 6 Закона Республики Беларусь «О международной правовой помощи по уголовным делам», Генеральная прокуратура Республики Беларусь и Верховный Суд Республики Беларусь компетентны принимать решения при оказании международной правовой помощи иным государствам. Таким образом, законодательство Республики Беларусь определяет, что указанные государственные органы являются компетентными органами Республики Беларусь при оказании международной правовой помощи по уголовным делам в отсутствие предписаний международных договоров. В то же время, например, ст. 2 Договора между Республикой Беларусь и КНР о правовой помощи по гражданским и уголовным делам в качестве компетентного («центрального») учреждения Республики Беларусь называет Министерство юстиции. Аналогичной практики придерживаются и большинство государств ЕС. По нашему мнению, передача в ведение одного государственного органа вопросов, связанных с оказанием международной правовой помощи по всем категориям дел, будет способствовать упрощению взаимоотношений с аналогичными иностранными учреждениями. Кроме того, передача вопросов, связанных с оказанием международной правовой помощи по уголовным делам от органа, призванного осуществлять государственное обвинение, на разрешение органу государственного управления в сфере юстиции, независимому от сторон в уголовном процессе, – Министерству юстиции Республики Беларусь – устранил ведомственную заинтересованность при оказании международной правовой помощи по уголовным делам и будет способствовать всемерной защите прав граждан в уголовном процессе.

Законодатель в ст. 494 УПК четко разграничил компетенцию Генеральной прокуратуры Республики Беларусь и Верховного Суда Республики Беларусь в решении вопросов оказания международной правовой помощи. Генеральная прокуратура Республики Беларусь принимает решения по просьбам органов иностранных государств, связанным

с уголовным преследованием и исполнением наказания, а также производством процессуальных действий, не указанных в названной статье, и просьбам органов уголовного преследования, а Верховный Суд Республики Беларусь – по просьбам органов иностранных государств, связанным с исполнением судебных решений по уголовным делам и вручением процессуальных и иных документов по уголовным делам, находящимся в производстве судов, а также просьбам судов.

Во взаимодействии по уголовным делам с учреждениями юстиции иностранных государств участвуют и иные государственные органы Республики Беларусь [113, с. 28–29].

По характеру участия во взаимодействии по уголовным делам субъекты можно разделить на «исполнителей» (непосредственно исполняют просьбы иностранных учреждений юстиции), «запрашивающих» (направляют просьбы для исполнения в иностранном государстве) и «посредников» (органы, которые уполномочены взаимодействовать с национальными государственными органами и компетентными органами иностранных государств). Подобное деление носит условный характер, так как, например, Генеральная прокуратура Республики Беларусь, являясь «посредником» при необходимости оказания правовой помощи в проведении отдельных процессуальных действий, будет «исполнителем» при разрешении вопроса о выдаче. В то же время круг «посредников» в Республике Беларусь можно ограничить Генеральной прокуратурой Республики Беларусь и Верховным Судом Республики Беларусь (названы в УПК и Законе Республики Беларусь «О международной правовой помощи по уголовным делам»), Министерством юстиции Республики Беларусь (названо в ряде международных договоров Республики Беларусь), МИД (орган, являющийся по определению связующим между различными государствами), НЦБ Интерпола в Республике Беларусь (действует исходя из обычая, так как прямое указание в законодательстве отсутствует). В то же время «исполнителем» или «запрашивающим» может быть любой из предусмотренных законодательством органов Республики Беларусь, ведущих уголовный процесс.

С развитием межгосударственных отношений и уголовного процесса международная помощь по уголовным делам постепенно дифференцируется. Как справедливо отмечает Н. И. Марышева, различие видов международной правовой помощи «зависит от содержания просьбы и характера дела, субъекта помощи, оснований ее оказания и степени “вторжения” в сферу суверенной власти государства» [299, с. 28]. Пытаясь свести международную правовую помощь по гражданским и уголовным делам к единым разновидностям, автор допустила несколько недочетов: указала неправильное наименование такого вида, как выда-

ча обвиняемых и осужденных, оставила за пределами правовой помощи по уголовным делам исполнение судебных решений иностранных государств, отнеся к ним только передачу осужденных [299, с. 29–40]. По нашему мнению, для выделения видов международной правовой помощи по уголовным делам (в широком смысле) необходимо проанализировать действующие международные договоры Республики Беларусь в исследуемой сфере. На основании такого анализа, учитывая однородность действий, осуществляемых в процессе оказания международной правовой помощи по уголовным делам, а также принимая во внимание нормы раздела XV УПК, следует выделять:

- правовую помощь по уголовным делам (проведение следственных и иных действий, облеченных в уголовно-процессуальную форму, вызов лица для производства процессуальных действий, передача на время лица для производства процессуальных действий, вручение процессуальных и иных документов, передача предметов и др.) (ст. 469–472, 479–482, 489, 490, 497–500, 505, 506 УПК);

- выдачу лица для осуществления уголовного преследования и (или) отбывания наказания (ст. 469, 470, 474–476, 479, 481, 484–486, 489, 497, 502, 503, 507–519 УПК);

- осуществление уголовного преследования лица (ст. 469, 470, 477, 481, 488, 497 УПК);

- исполнение судебного решения иностранного государства по уголовному делу (ст. 469, 470, 478, 481, 497, 504 УПК);

- передачу лица для отбывания наказания на территории государства его гражданства (ст. 469, 470, 473, 478, 479, 481, 483, 489, 497, 501, 504 УПК).

Для сравнения отметим, что нормы об аналогичных видах международной правовой помощи по уголовным делам можно найти в УПК Казахстана, России и Украины: правовая помощь по уголовным делам в узком смысле (гл. 59 УПК Казахстана [300], ст. 453–457, 468 УПК РФ, ст. 549, 551–572 УПК Украины [301]), выдача лица для осуществления уголовного преследования и отбывания наказания (гл. 60 УПК Казахстана, ст. 460–467 УПК РФ, гл. 44 УПК Украины), осуществление (продолжение) уголовного преследования лица (гл. 61 УПК Казахстана, ст. 458, 459 УПК РФ, гл. 45 УПК Украины), передача лица для отбывания наказания на территории государства его гражданства (признание и исполнение приговоров) (гл. 62 УПК Казахстана, ст. 469–472 УПК РФ, гл. 46 УПК Украины).

Характерные черты каждого из указанных видов международной правовой помощи по уголовным делам будут рассмотрены в соответствующих разделах настоящей главы.

Следует иметь в виду, что в ст. 494 УПК приводится незакрытый перечень разнообразных действий, которые могут осуществляться в рамках

международной правовой помощи, но которые нельзя считать ее видами. В п. 6 ч. 1 этой статьи указывается, что Генеральная прокуратура Республики Беларусь принимает решения по просьбам органов иностранных государств и просьбам органов уголовного преследования о принятии мер по установлению местонахождения лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления либо осужденного, а также лица, пропавшего без вести. Однако данная деятельность относится к оперативно-розыскным мероприятиям (международному розыску), и порядок ее производства не урегулирован в иных статьях УПК. Кроме того, ч. 2 ст. 3 Закона Республики Беларусь «О международной правовой помощи по уголовным делам» не предусматривает возможность оказания международной правовой помощи в порядке, установленном Законом Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности».

Пункт 12 ч. 1 ст. 494 УПК предусматривает возможность производства в рамках международной правовой помощи по уголовным делам иных процессуальных действий. Однако, учитывая принудительный характер законодательства в области уголовного процесса, перечень возможных действий должен быть определен в законе четко. Поэтому правильным нам видится указать, что в рамках международной правовой помощи по уголовным делам могут проводиться иные действия, предусмотренные УПК либо иностранным уголовно-процессуальным законодательством, если на применение последнего дал разрешение компетентный орган Республики Беларусь.

Как мы установили в гл. 2, международная правовая помощь оказывается в соответствии с международными договорами, действующими между заинтересованными государствами. Но наличие общей цели – борьба с преступностью – заставило государства оказывать правовую помощь и при отсутствии соответствующего межгосударственного трактата. В этом случае запрашиваемое государство закономерно ожидает, что запрашивающее государство в случае необходимости также окажет правовую помощь. Взаимность не подразумевает количественное равенство. Ведь, по В. И. Далю, русское слово «взаимность» происходит от слова «взаем», которое означает «съ отдачей, съ возвратомъ, на веру» [302, с. 190]. Иными словами, государство доверяет другому государству и полагает, что в случае возникновения необходимости ему также будет оказана помощь. Такая взаимность является современным принципом в международных отношениях. В 2004 г. закон закрепил возможность оказания международной правовой помощи по уголовным делам на основании принципа взаимности, определив его как «принцип, в соответствии с которым международная правовая помощь по уголовным делам оказывается на основе письменного обязательства

от имени государства оказать аналогичную правовую помощь». По нашему мнению, в этом случае подтверждается не принцип взаимности (как это указано в ст. 453 УПК РФ), а непосредственно сама взаимность.

Данный принцип применяется в отношении всех видов международной правовой помощи и подразумевает обязательство оказать правовую помощь по уголовному делу при отсутствии международного договора между Республикой Беларусь и другим государством. Исходя из принципа уважения суверенитета государств, международная правовая помощь в отсутствие договора не может являться обязанностью. Но так как государства стремятся к мирному сосуществованию и имеют общую цель в уменьшении уровня преступности, то государство может удовлетворить просьбу об оказании правовой помощи, поступившую от другого государства в отсутствие договора между ними, при наличии гарантий аналогичного поведения этого другого государства. В соответствии с практикой в этом случае запрашивающее государство направляет письменное заверение в том, что оно обязуется в аналогичной ситуации на основании просьбы оказать правовую помощь органам Республики Беларусь, ведущим уголовный процесс. В различных странах на подтверждение взаимности уполномочены различные органы. Например, в Швейцарии – Бундесрат (высший законодательный орган) [303, с. 846], в России – альтернативно Верховный Суд, Следственный комитет, Министерство иностранных дел, Министерство юстиции, Министерство внутренних дел, Федеральная служба безопасности или Генеральная прокуратура. В соответствии с ч. 3 ст. 494 УПК обязательство от имени Республики Беларусь оказать международную правовую помощь по уголовным делам на основе принципа взаимности уполномочены давать Генеральная прокуратура Республики Беларусь и Верховный Суд Республики Беларусь. По нашему мнению, следует презюмировать добросовестность большинства государств и наделить Президента Республики Беларусь полномочием утверждать для правоприменителей перечень государств, в отношении которых принцип взаимности не применяется (даже при наличии письменного обязательства), куда включались бы государства, нарушающие свои международные обязательства по оказанию международной правовой помощи.

При возникновении необходимости в оказании международной правовой помощи по уголовному делу на территории иностранного государства орган уголовного преследования либо суд должны составить просьбу. Единым основанием для инициирования процедуры оказания международной правовой помощи по уголовным делам ст. 469 УПК называет просьбу органа иностранного государства. Без наличия просьбы органа иностранного государства международная правовая помощь по

уголовным делам оказываться не может. Может быть исполнена просьба органа только субъекта международного права (не исполняются просьбы территориальных образований – «непризнанных государств»). Просьба должна быть выражена в письменной форме, заверена подписью должностного лица органа иностранного государства и скреплена печатью правильной круглой формы с изображением государственного герба соответствующего иностранного государства (гербовой печатью). Просьба, как правило, составляется на государственном языке иностранного государства. Хотя, например, в ст. 17 Конвенции СНГ 2002 г. предусмотрена возможность направления просьб на русском языке в государства, которые участвуют в данной Конвенции. Просьба органа иностранного государства об оказании международной правовой помощи по уголовным делам может быть поименована иным образом либо содержаться в письме. Так, международные договоры Республики Беларусь и законодательство иностранных государств упоминают в качестве просьбы требования, поручения, запросы, *comission rogatoire, lettres rogatoires, letters rogatory, carta de ruego, carta rogatoria, Ersuchschreiben*.

Обязательные реквизиты просьбы об оказании международной правовой помощи по уголовным делам формулируются в международном договоре либо в национальном законодательстве запрашиваемого государства. Просьба об оказании международной правовой помощи по уголовным делам, направляемая в Республику Беларусь, должна содержать:

- положения о ее сути (производство одного либо нескольких процессуальных действий);
- сведения об уголовном деле, фактических обстоятельствах и правовой квалификации деяния;
- текст положений уголовного закона иностранного государства, которыми предусматривается ответственность за деяние;
- сведения о размере причиненного вреда;
- иные сведения, необходимые для ее исполнения (ст. 469 УПК).

До исполнения просьба органа иностранного государства и прилагаемые к ней письменные обязательства, документы и материалы проходят проверку на соответствие законодательству Республики Беларусь (в том числе требованиям гл. 50 и 51 УПК) в Генеральной прокуратуре Республики Беларусь или Верховном Суде Республики Беларусь (в зависимости от компетенции). До принятия решения данные органы могут запросить дополнительную информацию, необходимую для принятия решения либо исполнения просьбы. В случае необходимости органу иностранного государства может быть дан срок для предоставления дополнительных материалов.

По результатам рассмотрения может быть принято одно из следующих решений:

- об исполнении просьбы органа иностранного государства в полном объеме либо в определенной части.

Данное решение принимается Председателем Верховного Суда Республики Беларусь, его заместителем в форме постановления, Генеральным прокурором Республики Беларусь, его заместителем – в форме поручения (за исключением решений о выдаче лица иностранному государству для осуществления уголовного преследования и (или) отбывания наказания и о выдаче на время лица иностранному государству для производства процессуальных действий с его участием в качестве обвиняемого, которые принимаются в форме постановлений). Структура постановления традиционна: вводная, описательно-мотивировочная и резолютивная части. В постановлении (поручении) указывается орган (органы), ведущий уголовный процесс, которому поручено исполнение просьбы либо организация ее исполнения, сроки исполнения и иная необходимая для исполнения информация (например, разрешение применить процессуальное законодательство иностранного государства, сведения о представителях органа иностранного государства, которые могут участвовать при исполнении просьбы (ч. 2 ст. 497 УПК)). Кроме того, для возможности реализации права на судебную защиту, предусмотренного ст. 60 Конституции Республики Беларусь, копия постановления о выдаче лица иностранному государству для осуществления уголовного преследования и (или) отбывания наказания и о выдаче на время лица иностранному государству для производства процессуальных действий с его участием в качестве обвиняемого в течение 24 часов с момента вынесения вручается лицу, указанному в таком постановлении. О том, что просьба будет исполняться, сообщается и органу иностранного государства, ее направившему. Полагаем необходимым установить в УПК срок для исполнения просьбы органа иностранного государства, который не должен превышать 1 месяца, но в исключительных случаях мог бы быть продлен компетентным органом Республики Беларусь;

- об отсрочке в исполнении просьбы органа иностранного государства.

Глава 51 УПК содержит основания для отсрочки исполнения только просьб органа иностранного государства о выдаче лица иностранному государству для осуществления уголовного преследования и (или) отбывания наказания и о передаче предметов, поэтому решение об отсрочке исполнения правомочны принять только Генеральный прокурор Республики Беларусь или его заместитель. В ч. 3 ст. 495 УПК, на наш взгляд, ошибочно указана форма, в которую облекается такое решение, – по-

ручение. В данном случае необходимо вести речь о принятии решения в форме постановления, так как выполнение каких-либо действий органу уголовного преследования не поручается, а об отсрочке сообщается органу иностранного государства. При этом, на наш взгляд, следует сообщать органу иностранного государства причины отсрочки;

- об отказе в исполнении просьбы органа иностранного государства.

Данное решение принимается при наличии оснований, указанных в гл. 51 УПК, и облекается в форму постановления. Генеральная прокуратура Республики Беларусь или Верховный Суд Республики Беларусь уведомляют орган иностранного государства об обстоятельствах, препятствующих исполнению просьбы. Так как при исполнении просьбы органа иностранного государства в определенной части в иной ее части в исполнении отказывается, то орган иностранного государства должен быть уведомлен о причинах частичного отказа.

Полагаем допустимым для оперативности взаимодействия органов уголовного преследования Республики Беларусь с аналогичными иностранными органами при условии взаимности направление просьб о международной правовой помощи посредством каналов Международной организации уголовной полиции (Интерпол).

Часто невозможно предусмотреть ход процессуального действия и сформулировать в полном объеме круг вопросов, подлежащих выяснению при его производстве. Поэтому при производстве процессуальных действий возникает потребность в присутствии лица, в полной мере владеющего информацией по уголовному делу. При оказании международной правовой помощи нередко допускается присутствие представителя органа иностранного государства (следователя, следственного судьи, работника полиции, детектива и др.) Для этого необходимо наличие соответствующей просьбы органа иностранного государства и разрешение Генерального прокурора Республики Беларусь, Председателя Верховного Суда Республики Беларусь, их заместителей. Процессуальное положение такого представителя схоже с процессуальным положением специалиста. При производстве процессуальных действий он вправе с разрешения следователя или судьи задавать вопросы лицам, участвующим в его производстве, осуществлять дословную запись, а если это не запрещено законодательством Республики Беларусь – применять технические средства. На практике иногда орган иностранного государства просит разрешить его представителям произвести следственное действие (например, допрос) на территории Республики Беларусь [304]. В этом случае Генеральная прокуратура Республики Беларусь обоснованно разрешает только присутствовать данным лицам при производстве следственного действия органом уголовного преследования Республики Беларусь.

Анализируя нормы разд. XV УПК, можно установить, что законодатель выделяет общие и специальные условия оказания международной правовой помощи по уголовным делам, а также общие и специальные основания для отказа в ее оказании. Под условием оказания международной правовой помощи по уголовным делам понимается предписание УПК, которое должно быть соблюдено органом иностранного государства для того, чтобы компетентный орган Республики Беларусь мог принять решение об исполнении просьбы такого органа иностранного государства. Основание для отказа в оказании международной правовой помощи по уголовным делам есть юридический факт, при наличии которого компетентный орган Республики Беларусь принимает решение (императивное основание) либо может принять решение (факультативное основание) об отказе в исполнении просьбы органа иностранного государства.

Как общие условия оказания международной правовой помощи по уголовным делам, так и общие основания для отказа в ее оказании едины для всех видов международной правовой помощи.

Общим условием оказания международной правовой помощи по уголовным делам на основе принципа взаимности ст. 470 УПК называется наличие:

1) заверенной копии решения органа иностранного государства, ведущего уголовный процесс, о производстве соответствующих процессуальных действий (требуется в случаях, указанных в ст. 471, 472, 474, 475, 479, 480 УПК);

2) письменного обязательства органа иностранного государства об оказании международной правовой помощи по уголовным делам на основе принципа взаимности;

3) письменного обязательства органа иностранного государства о соблюдении условий, предусмотренных ст. 471–480 УПК (в зависимости от вида международной правовой помощи по уголовным делам);

4) иных документов и материалов, которые необходимы для исполнения просьбы органа иностранного государства и указаны в УПК либо запрошены Генеральной прокуратурой Республики Беларусь или Верховным Судом Республики Беларусь;

5) заверенного письменного перевода на один из государственных языков Республики Беларусь просьбы органа иностранного государства и прилагаемых к ней документов и материалов, указанных выше.

Процессуальные документы, направляемые органом иностранного государства в рамках международной правовой помощи, должны быть сопровождены письменным переводом на белорусский или (и) русский язык, если иное не предусмотрено международными договорами Республики Беларусь. В законодательстве отдельных государств предусмотре-

ны иные правила в отношении языка направляемых документов. Так, § 8 Закона Финляндии «О международной правовой помощи по уголовным делам» допускает составление органом иностранного государства просьбы и прилагаемых документов вместо финского или шведского на английском языке [305]. Правильность перевода должна быть официально удостоверена. Несмотря на императивность п. 5 ст. 470 УПК, просьба об оказании международной правовой помощи по уголовным делам и направляемые с ней документы и материалы, составленные на государственном языке Республики Беларусь, не подлежат переводу.

Перевод направляемых органу иностранного государства документов на государственный язык исполняющего государства подчеркивает равенство суверенных государств и распространено в иностранном законодательстве (например, ч. 1 ст. 8 Закона Хорватии «О международной правовой помощи по уголовным делам»). Неприемлемым следует считать требование составления самой просьбы на государственном языке иностранного государства, так как должностное лицо органа Республики Беларусь, ведущего уголовной процесс, не владеет таковым. Как справедливо было отмечено в решении Федерального Верховного Суда ФРГ «чрезмерно требовать от судьи принять ответственность за иноязычный текст, который переведен с немецкого языка» [306, с. 2050], даже если соответствующее должностное лицо владеет иностранным языком. По нашему мнению, в случае непринятия органом иностранного государства заверенного перевода просьбы органа, ведущего уголовный процесс, должен составляться документ параллельно на двух языках с подписью должностного лица органа, ведущего уголовный процесс, проставленной после подписи переводчика, удостоверившего правильность перевода. Считаем также правильным указание в документах географических наименований в соответствии с правилами, принятыми в запрашиваемом государстве.

Исходя из нормы ст. 1 Конституции Республики Беларусь, в оказании международной правовой помощи отказывается в случае, если ее оказание может нанести ущерб суверенитету Республики Беларусь, национальной безопасности Беларуси, правам и свободам граждан либо противоречит законодательным актам Республики Беларусь, а также международным договорам Республики Беларусь (п. 1 ст. 481 УПК). Следует отметить, что нередко компетентные органы государств используют данное основание для отказа в оказании международной правовой помощи по уголовным делам в случае, если не имеется других оснований для отказа.

Под государственным суверенитетом понимается верховенство государственной власти внутри страны и ее независимость во внешней сфере. Если просьба органа иностранного государства будет направлена

на ограничение полноты одной из ветвей власти Республики Беларусь, будет представлять угрозу территориальной целостности Республики Беларусь, в оказании международной правовой помощи по уголовным делам безоговорочно будет отказано, если такое ограничение не предусмотрено законодательством Республики Беларусь (например, исполнение судебного решения иностранного государства по уголовному делу).

Национальная безопасность в соответствии с п. 4 Концепции национальной безопасности Республики Беларусь (утв. Указом Президента Республики Беларусь от 9 ноября 2010 г. № 575 [307]) представляет собой состояние защищенности национальных интересов Республики Беларусь от внутренних и внешних угроз. Ущерб национальной безопасности может быть нанесен, в частности, если при исполнении просьбы органа иностранного государства может быть осуществлено разглашение сведений, составляющих охраняемую законодательством тайну (например, государственные секреты) либо в значительной степени пострадают экономические интересы государства.

В соответствии со ст. 2 Конституции человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства. В соответствии со ст. 23 Конституции ограничение прав и свобод личности допускается только в случаях, предусмотренных законом, в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц. Некоторые случаи ограничения прав граждан (например, неприкосновенности личности, неприкосновенности жилища и иных законных владений) предусмотрены в УПК. Если же при исполнении просьбы органа иностранного государства возникает угроза нанесения ущерба правам и свободам граждан, не предусмотренная в законодательстве Республики Беларусь, то в оказании международной правовой помощи по уголовным делам будет отказано. Так, например, в исполнении просьбы о передаче лица для отбывания наказания может быть отказано, если осужденное лицо может быть подвергнуто в иностранном государстве пыткам либо негуманному или унижительному наказанию. Данное основание вытекает из ст. 3 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания. В исполнении просьбы органа иностранного государства о выдаче лица для отбывания наказания следует отказывать, если при рассмотрении уголовного дела судом иностранного государства было нарушено право обвиняемого на защиту.

Несоответствие уголовно-процессуального закона Республики Беларусь иностранному закону, например расхождение в порядке осуществления определенных процессуальных действий, законодатель не

рассматривает как их противоречие, о чем свидетельствует положение ч. 2 ст. 497 УПК, в соответствии с которой допускается при исполнении просьбы органа иностранного государства применение процессуально-го законодательства иностранного государства, если это не противоречит законодательным актам Республики Беларусь.

Уголовный процесс на всей территории Республики Беларусь ведется в соответствии с УПК независимо от места совершения преступления. Часть 1 ст. 3 УПК предусматривает единственное исключение из этого правила – наличие действующего международного договора Республики Беларусь, определяющего возможность применения иностранного законодательства при производстве по материалам либо уголовному делу. Так, ст. 27 Договора между Республикой Беларусь и Турецкой Республикой о правовой помощи по гражданским, хозяйственным и уголовным делам предусматривает, что запрашиваемый орган может применить по просьбе запрашивающего органа законодательство государства последнего в той мере, в какой это не противоречит законодательству государства запрашиваемого органа. Вопреки норме ст. 3 УПК в самом кодексе содержится еще одно, указанное выше (ч. 2 ст. 497), исключение из правила о применении на территории Республики Беларусь норм национального УПК. Для устранения противоречия следует внести изменение в ч. 1 ст. 3 УПК.

При оказании международной правовой помощи по уголовным делам на основе принципа взаимности не должны нарушаться международные обязательства Республики Беларусь. Так, в исполнении просьбы о передаче лица для отбывания наказания должно быть отказано, если осужденный был ранее выдан Республике Беларусь третьим государством и согласие этого государства на передачу лица не получено.

Только Республика Беларусь вправе признавать в пределах своих границ деяние преступлением. Соответственно, исходя из общего смысла справедливости, международная правовая помощь не может оказываться органами Республики Беларусь, ведущими уголовный процесс, если на территории Беларуси деяние не признается преступлением (п. 2 ст. 481 УПК).

В случае если не соблюдено одно из условий оказания международной правовой помощи по уголовным делам, предусмотренное в гл. 50 УПК, в исполнении просьбы органа иностранного государства отказывается (п. 3 ст. 481 УПК).

В оказании международной правовой помощи по уголовным делам будет отказано, если иностранное государство не соблюдает принцип взаимности (п. 4 ст. 481 УПК). О несоблюдении иностранным государством принципа взаимности может свидетельствовать содержание его законодательства (например, законодательство США и Великобритании

не предусматривает возможности выдачи лица в отсутствие международного договора с иностранным государством), безосновательный отказ Республике Беларусь либо иному государству в оказании международной правовой помощи по уголовным делам; органом иностранного государства не рассмотрена просьба органа Республики Беларусь, ведущего уголовный процесс. В случае непредставления органом иностранного государства письменного обязательства об оказании международной правовой помощи по уголовным делам на основании принципа взаимности, на наш взгляд, в оказании правовой помощи отказывается в связи с несоблюдением условий, предусмотренных в гл. 50 УПК.

Отказ в оказании международной правовой помощи следует отличать от возврата материалов за невозможностью исполнения. На практике возврат материалов производится, например, если в тексте нет просьбы органа иностранного государства как таковой [308], отсутствуют документы, подлежащие выемке [309], было лицо, которое должно быть допрошено [310], и т. п. Такой возврат осуществляется уже после принятия Генеральным прокурором или его заместителем поручения об исполнении просьбы органа иностранного государства. В случае смерти лица, указанного в просьбе о выдаче для осуществления уголовного преследования и (или) отбывания наказания, на наш взгляд, следует не отказывать в выдаче, а сообщить органу иностранного государства о невозможности исполнения просьбы о выдаче по не зависящим от сторон обстоятельствам, так как отсутствуют основания для отказа в исполнении просьбы органа иностранного государства.

Закономерным является возникновение при оказании международной правовой помощи расходов, связанных с покрытием издержек вызываемым лицом, издержек на хранение и транспортировку вещественных доказательств, с содержанием лиц под стражей и их этапированием, проведением экспертиз, участием защитника, розыском лиц и т. д. В ст. 162 и 163 УПК раскрываются содержание и порядок взыскания процессуальных издержек, но издержки, которые возникают при оказании международной правовой помощи по уголовным делам, имеют свою специфику. В международной практике принято, что, как правило, просьбы органов иностранных государств исполняются на территории исполняющего государства за счет последней. Подобные положения мы можем найти и в двухсторонних договорах Республики Беларусь. Распределение расходов при оказании международной правовой помощи на основе принципа взаимности в законодательстве Беларуси не определено. Государства самостоятельно определяют, какие процессуальные издержки и за чей счет должны возмещаться при оказании международной правовой помощи (например, подобные нормы о распределе-

нии расходов можно найти в законодательстве Австрии, Германии, Испании, Казахстана, Португалии, Швеции, Швейцарии).

Принимая во внимание сложившуюся практику, видится целесообразным дополнить гл. 18 УПК статьей, которая содержала бы следующие нормы:

1. Расходы, возникающие при оказании международной правовой помощи по уголовным делам на основе принципа взаимности, возмещаются, как правило, за счет средств республиканского бюджета (казны), если иностранное государство придерживается аналогичной практики.

2. Государство, которому оказывается международная правовая помощь по уголовным делам на основе принципа взаимности, возмещает расходы:

1) на проведение экспертизы (суммы, выплачиваемые государством организации, в которой работал эксперт, если он выполнял свои обязанности в порядке служебного задания, и суммы, израсходованные государственными судебно-экспертными учреждениями на приобретение расходных материалов, использовавшихся для проведения экспертизы, и текущий ремонт экспертного (специального) оборудования)¹;

2) на возмещение лицу, в отношении которого постановлен оправдательный приговор, если такое возмещение предусмотрено законодательством Республики Беларусь;

3) возникшие за пределами территории Республики Беларусь при оказании международной правовой помощи;

4) возникшие при оказании международной правовой помощи по уголовным делам, если в соответствии с законодательством Республики Беларусь они не могут быть возмещены за счет средств республиканского бюджета (казны)².

3. Совет Министров Республики Беларусь может определить иные условия, при которых расходы в целом либо частично возмещаются за счет государства, которому оказывается международная правовая помощь по уголовным делам на основе принципа взаимности.

4. При выдаче лица для осуществления уголовного преследования и (или) отбывания наказания за счет средств республиканского бюджета (казны) возмещаются расходы, возникающие на территории Республики Беларусь и связанные с содержанием под стражей, рассмотрением прось-

¹ Аналогичное положение можно найти в ст. 20 Европейской конвенции о взаимной правовой помощи по уголовным делам 1959 г., и оно соотносится с соответствующими процессуальными издержками, указанными в п. 5 и 81 ч. 1 ст. 162 УПК.

² Например, если государство не придерживается аналогичной практики возмещения расходов по месту их возникновения.

бы о выдаче лица и транспортировкой лица, если государство, которому лицо выдается, придерживается аналогичной практики [311, с. 217–218].

Необходимость ссылки на аналогичную практику связана с тем, что, например, законодательство США и Азербайджана [312, с. 2] предусматривает возмещение всех расходов, возникающих при выдаче, запрашивающей стороной. Следует также допустить, чтобы по решению суда, полномочного разрешать жалобу на постановление о выдаче лица, расходы, связанные с выдачей лица, могли бы возмещаться за счет ответственности, принадлежащей выдаваемому лицу.

Требования к содержанию просьбы органа, ведущего уголовный процесс, направляемой в иностранное государство, установлены в ч. 2 ст. 491 УПК.

При указании наименования органа, ведущего уголовный процесс, составившего просьбу, следует указывать также его адрес и другие данные должностного лица, которому должен быть направлен ответ.

Фамилия, имя, отчество физического лица указываются в тех просьбах об оказании международной правовой помощи, когда это лицо вызывается, или в случае необходимости его передачи либо выдачи на время для производства процессуальных действий, или в других случаях, когда содержание просьбы связано с конкретным физическим лицом. Помимо данных о физическом лице, указанных в п. 4 ч. 2 ст. 491 УПК, целесообразно также указывать и место его рождения в случаях, когда место жительства и место нахождения этого лица неизвестны и органу иностранного государства будет необходимо устанавливать его местонахождение. Также в просьбе может быть отражено положение об установлении наличия средств физического лица, находящихся на счетах в банках, в случаях предъявления к физическому лицу исковых требований в связи с причинением вреда в ходе совершения преступления.

Под родом занятий физического лица следует понимать в том числе его должность и место работы, занятие предпринимательской деятельностью. Наименование юридического лица следует приводить в соответствии с его уставными документами. Если место нахождения юридического лица не совпадает с юридическим адресом, то следует указывать и юридический адрес. При необходимости указываются также банковские реквизиты юридического лица.

В просьбе может быть указан способ ее исполнения. Например, сообщается о необходимости составления протокола следственного действия в соответствии с УПК Беларуси. При составлении просьбы, содержащей положение о вызове в Республику Беларусь лица для производства процессуальных действий с его участием в качестве потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика, их представителя, свидетеля,

эксперта, орган, ведущий уголовный процесс, должен указать порядок и размер возмещения расходов, связанных с вызовом лица. Такой порядок предусмотрен в п. 1–4, 10 ст. 162 УПК. Размер возмещения расходов указан в постановлении Совета Министров Республики Беларусь № 1775 от 30 декабря 2006 г. «Об отдельных суммах, подлежащих выплате в уголовном, гражданском, административном и хозяйственном процессах» [313].

В просьбе органа, ведущего уголовный процесс, о производстве допроса на территории иностранного государства следует отражать вопросы, которые необходимо поставить при производстве допроса. При необходимости проведения других следственных действий в просьбе отражаются, какие обстоятельства должны быть установлены. Например, какие предметы должны быть обнаружены и изъяты при проведении выемки и обыска, какие обстоятельства должны быть проверены при проведении следственного эксперимента и т. д.

К просьбе органа, ведущего уголовный процесс, прикладываются документы (их заверенные в установленном порядке копии) и материалы, с предоставлением которых иностранное государство связывает оказание международной правовой помощи по уголовным делам, а также документы, указанные в ч. 2–4 ст. 492 УПК. Если законодательство иностранного государства связывает оказание международной правовой помощи с предоставлением письменных обязательств, аналогичных указанным в ст. 471–480 УПК, а при выдаче лица – письменного обязательства о неприменении к такому лицу смертной казни, то такие письменные обязательства прикладывает к просьбе не орган, ведущий уголовный процесс, ее составляющий, а Генеральная прокуратура Республики Беларусь или Верховный Суд Республики Беларусь в соответствии с компетенцией (ч. 3, 4 ст. 494 УПК). Перевод просьбы, как правило, обеспечивает орган, ведущий уголовный процесс, в производстве которого находится уголовное дело, но может быть обеспечен и Генеральной прокуратурой Республики Беларусь либо Верховным Судом Республики Беларусь.

Состав прилагаемых документов и материалов предусмотрен законодательством иностранного государства, международным договором или указывается органом иностранного государства.

К просьбе органа, ведущего уголовный процесс, о производстве следственных действий (обыск, выемка, освидетельствование и др.) на территории иностранного государства следует прилагать копии постановлений о производстве соответствующих следственных действий, заверенные подписями и гербовой печатью. На наш взгляд, кроме копий указанных постановлений следует прикладывать и копии постановлений о возбуждении уголовного дела и принятии его к своему производству, а также о привлечении лица в качестве обвиняемого.

При направлении материалов уголовного дела органу иностранного государства для осуществления уголовного преследования следует заверить гербовой печатью органа, ведущего уголовный процесс, каждый лист, находящихся в деле документов.

Орган, ведущий уголовный процесс, как правило, не может самостоятельно сношаться с органами иностранных государств. Законодатель уполномочил Генерального прокурора Республики Беларусь, Председателя Верховного Суда Республики Беларусь и их заместителей принимать решение о направлении просьб органов, ведущих уголовный процесс, органу иностранного государства, в связи с этим такие просьбы направляются для их проверки в Генеральную прокуратуру Республики Беларусь и Верховный Суд Республики Беларусь.

Все международные договоры о правовой помощи по уголовным делам предусматривают возможность проведения в порядке оказания международной правовой помощи различных процессуальных действий, в том числе следственных и судебных действий, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством договаривающихся государств. Данная деятельность представляет собой правовую помощь по уголовным делам в узком смысле. Как правило, просьба органа иностранного государства исполняется в соответствии с нормами УПК.

Но на практике могут возникнуть проблемы, так как в уголовно-процессуальном законодательстве каждого государства, как правило, закреплён закрытый перечень следственных (судебных) действий, которые производятся в рамках уголовного процесса, а также четко описаны формальные требования к их проведению.

Не всегда нормы о порядке производства процессуальных действий идентичны в различных государствах. Возможные несоответствия законодательного регулирования производства следственных (судебных) действий в различных государствах были частично рассмотрены А. И. Баstryкиным [29, с. 34–35]. Во-первых, запрашиваемое следственное (судебное) действие может отсутствовать в УПК (так, ст. 209 УПК Польши предусматривает проведение вскрытия трупа, которое в Беларуси производится в рамках экспертного исследования, ст. 122 УПК Молдовы позволяет органу уголовного преследования произвести воспроизведение события на месте происшествия, ст. 282 УПК Туркменистана позволяет с санкции прокурора перехватывать сообщения). Во-вторых, компетентный орган иностранного государства может испрашивать проведение следственного (судебного) действия, которое в соответствии с УПК может быть произведено только в рамках определенной стадии уголовного процесса (например, ст. 308 УПК Польши в отличие от ст. 173 УПК Беларуси предусматривает возможность производства до возбуждения уго-

ловного дела осмотра тела подозреваемого лица¹). В-третьих, возможно несоответствие по кругу участников следственного (судебного) действия либо характеру ограничения их прав (так, УПК Молдовы допускает возможность приглашения адвоката для представления интересов свидетеля в органе уголовного преследования и сопровождения при участии в процессуальных действиях², а § 111с УПК ФРГ позволяет ограничить права в форме наложения запрета на земельный участок либо прав на него). В-четвертых, иностранным уголовно-процессуальным законом может быть предусмотрена особая процедура принятия и утверждения процессуальных решений (например, в соответствии со ст. 165, 182 УПК РФ обыск в жилище может быть произведен только на основании вынесенного в соответствии с ходатайством следователя постановления судьи, что отличается от предусмотренного ст. 210 УПК порядка проведения обыска на основании санкционированного прокурором постановления следователя). В-пятых, возможно отличие обязательных процедурных действий при проведении следственных (судебных) действий (например, перед началом допроса в судебной инстанции свидетель дает клятву в соответствии со ст. 108 УПК Молдовы).

Такие формальные расхождения либо отсутствие определенных видов следственных (судебных) действий в законодательстве Республики Беларусь не должны являться препятствием в оказании международной правовой помощи. В данном случае в соответствии с ч. 2 ст. 497 УПК Генеральный прокурор Республики Беларусь, Председатель Верховного Суда Республики Беларусь, их заместители в своем решении об исполнении просьбы органа иностранного государства (исполнении в определенной части) могут разрешить органу, ведущему уголовный процесс, применить процессуальное законодательство иностранного государства. Для такого применения необходимо объективированное волеизъявление – просьба – органа иностранного государства. На наш взгляд, содержащаяся в ст. 497 УПК формулировка «если это не противоречит законодательным актам Республики Беларусь» (до 12 февраля 2008 г. норма ст. 472 УПК гласила о непротиворечии УПК) не дает возможности применения иностранного уголовно-процессуального права в вышеуказанных случаях. Правильнее говорить об отсутствии противоречия не законодательным актам Республики Беларусь, а государственной воле законодателя

¹ С 1 января 2012 г. в Республике Беларусь допускается проведение освидетельствования подозреваемого до возбуждения уголовного дела в соответствии с ч. 2 ст. 173 УПК.

² С 31 января 2018 г. УПК допускает участие в производстве адвоката свидетеля (ст. 60¹).

[31, с. 60], которая выражается в общих положениях и началах уголовного процесса, т. е. в задачах и принципах уголовного процесса.

Необходимо также понимать, что применение процессуального права иностранного государства не ведет к превращению органа, его применяющего, в иностранный орган, ведущий уголовный процесс. Применяется только иностранный регулятор процессуальных отношений. На практике компетентные органы иностранных государств просят предупредить лицо перед допросом об уголовной ответственности за дачу ложных показаний, о праве отказаться от ответа на вопрос, который может вести к уголовной ответственности лица либо его родственников (со ссылкой на соответствующие статьи уголовного закона иностранного государства) [314; 315], уведомить защитника обвиняемого о времени производства следственного действия [316], выполнить определенные формальные требования, предъявляемые иностранным уголовно-процессуальным законом к составлению процессуальных документов [317].

Как известно, в процессе производства следственных действий происходит собирание и проверка доказательств. УПК признает допустимыми только те доказательства, которые были получены органом Республики Беларусь, ведущим уголовный процесс, в установленном данным Кодексом порядке и из предусмотренных законом источников (ч. 3 ст. 105 УПК). С 2008 г. после внесения изменений в УПК на территории Беларуси признается юридическая сила доказательств, полученных с территории иностранного государства в порядке оказания международной правовой помощи. Однако норму ст. 455 УПК РФ следует признать более удачной, чем норма ч. 3 ст. 88 УПК Беларуси. В первой четко указано, кто должен получить доказательства на территории иностранного государства, чтобы они были признаны допустимыми (должностными лицами иностранного государства). Кроме того, УПК РФ в отличие от белорусского признает силу доказательств, передаваемых вместе с уголовным делом или материалами для осуществления уголовного преследования. Такая разница происходит из различия в процедуре осуществления уголовного преследования по просьбе органа иностранного государства. В Республике Беларусь после поступления уголовного дела в порядке исполнения просьбы органа иностранного государства, как правило, возбуждается уголовное дело и предметы, прилагаемые к переданному уголовному делу, после их оценки могут быть приобщены к возбужденному уголовному делу в качестве доказательств.

По нашему мнению, не следует применять правило о действительности доказательств, если они были собраны с нарушением законодательства соответствующего иностранного государства (так, в США суд не принимает показания обвиняемого, если ему при аресте не были проци-

тированы так называемые правила Миранды [318, с. 214]) или принципов уголовного процесса Республики Беларусь (например, не могут считаться допустимыми доказательства, полученные с применением к лицу насилия либо в результате допроса лиц, указанных в ч. 2 ст. 60 УПК).

Кроме предусмотренных в УПК следственных (судебных) действий в порядке оказания международной правовой помощи могут производиться и такие процессуальные действия, как вручение документов гражданину Республики Беларусь, находящемуся за границей, и вызов свидетеля, потерпевшего, эксперта, гражданского истца, гражданского ответчика, их представителей в Республику Беларусь.

Как указывалось выше, в соответствии с п. 6 Консульского устава Республики Беларусь консул может по поручению «следственных органов и судов» вручить процессуальный документ гражданину Республики Беларусь, находящемуся за границей, либо допросить его. Но данные действия могут быть выполнены только при наличии согласия со стороны этого гражданина. В противном случае орган Республики Беларусь, ведущий уголовный процесс, вынужден обращаться через компетентные органы с соответствующей просьбой. Вручение процессуального документа производится в порядке, предусмотренном внутренним законодательством, с составлением документа, который содержал бы сведения о дате и месте вручения, лице, его вручившем, и подпись лица о получении документа.

В связи с тем что вручение процессуального или иного документа по уголовному делу влечет определенные юридические последствия для лица, которому они вручаются, должно быть обеспечено понимание лицом сущности вручаемого документа. Обязательным является вручение процессуального или иного документа, составленного или имеющего перевод на государственный язык Республики Беларусь. Документы, составленные на иных языках, могут быть вручены только при наличии согласия лица. Такое согласие должно быть отражено в протоколе.

В случае если вручение документа невозможно из-за того, что местонахождение лица, которому надлежит вручить процессуальный или иной документ по уголовному делу, неизвестно, орган, ведущий уголовный процесс, обязан принять меры для установления местонахождения этого лица (ст. 248 УПК).

Статья 498 УПК называет две причины неисполнения просьбы:

- отказ лица принять процессуальный или иной документ по уголовному делу, составленный не на государственном языке Республики Беларусь (составляется протокол);
- неустановление местонахождения лица, которому надлежит вручить процессуальный или иной документ по уголовному делу, в срок,

определенный для исполнения просьбы органа иностранного государства (протокол не составляется).

Одним из вручаемых процессуальных документов может быть повестка о вызове для дачи показаний. Таким образом могут быть вызваны находящиеся на территории иностранного государства свидетель, потерпевший, эксперт, гражданский истец, гражданский ответчик, их представители. Данные лица могут быть гражданами Республики Беларусь или иностранного государства, а также лицами без гражданства. Так как они находятся в юрисдикции иного государства, то их вызов обладает определенными особенностями, вытекающими из суверенитета иностранного государства. Международными договорами не допускается вызов подозреваемого или обвиняемого, но в отношении последнего может быть направлена просьба о выдаче.

В настоящий момент явка свидетеля, потерпевшего, эксперта, гражданского истца, гражданского ответчика, их представителей возможна только на добровольной основе, т. е. с их согласия, хотя до 80-х гг. XVIII в. в конвенциях явка свидетеля провозглашалась обязательной [23, с. 39]. Вызов лица в иностранное государство для производства процессуальных действий с его участием в качестве потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика, их представителя, свидетеля, эксперта состоит из следующей последовательности действий:

- вручение вызова лицу, в отношении которого поступила просьба органа иностранного государства.

Вызовом при этом является и повестка органа иностранного государства, ведущего уголовный процесс. По нашему мнению, как и при вручении процессуальных и иных документов по уголовному делу, принудительное вручение вызова, составленного или не имеющего перевода на государственный язык Республики Беларусь, недопустимо;

- разъяснение лицу, в отношении которого поступила просьба, добровольности его явки по вызову в иностранное государство для участия в процессуальных действиях на его территории, а также условий, предусмотренных ст. 471 УПК.

Орган, ведущий уголовный процесс, уведомляя лицо о вызове в качестве свидетеля, потерпевшего, эксперта, гражданского истца, гражданского ответчика, их представителей в иностранное государство, как правило, предупреждает его, если отсутствует гарантия свидетельского иммунитета в иностранном государстве, и сообщает о возможных последствиях добровольной явки лица в орган иностранного государства. Кроме того, лицу должны быть разъяснены порядок и размеры возмещения расходов органом иностранного государства;

- выяснение, согласно ли лицо, в отношении которого поступила просьба, на участие в процессуальных действиях на территории иностранного государства.

На наш взгляд, в протоколе вызова лица отражаются все указанные выше действия, а не только вручение вызова, хотя о разъяснении добровольности явки по вызову в иностранное государство для участия в процессуальных действиях на его территории, а также условий, предусмотренных ст. 471 УПК, может быть составлен отдельный протокол. Протокол в обязательном порядке скрепляется гербовой печатью органа, ведущего уголовный процесс, и направляется в Генеральную прокуратуру Республики Беларусь.

Обеспечение явки лица в иностранное государство для производства процессуальных действий с его участием в качестве потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика, их представителя, свидетеля, эксперта не возлагается на органы, ведущие уголовный процесс.

Вызываемые участники уголовного процесса наделяются иммунитетом, называемым некоторыми авторами «свидетельским иммунитетом» [12, с. 177], который заключается в невозможности их привлечения в иностранном государстве к уголовной, административной или гражданско-правовой ответственности, взятия под стражу либо иного ограничения личной свободы или наказания за даваемые ими показания, заключения, а также деяния, которые эти лица совершили до пересечения государственной границы иностранного государства. Вызываемое лицо также не может быть выдано третьему государству. В случае совершения преступления (кроме дачи заведомо ложных показаний, отказа либо уклонения от дачи показаний, исполнения возложенных на эксперта обязанностей и т. п.) в момент нахождения на территории иностранного государства лицо подлежит ответственности на общих основаниях, но только за вновь совершенное преступление. В соответствии с международной практикой предоставление подобной гарантии ограничивается во времени. Иммунитет прекращает свое действие, во-первых, если лицо после отъезда из иностранного государства добровольно возвращается в него; во-вторых, если лицо, имея возможность покинуть территорию иностранного государства до истечения непрерывного срока в 30 суток с момента получения официального уведомления о том, что его присутствие на территории иностранного государства более не требуется, продолжает оставаться в иностранном государстве. В этот срок не засчитывается время, в течение которого лицо по независящим от него обстоятельствам не могло покинуть территорию иностранного государства. После прекращения действия иммунитета иностранное государство может, но не обязано совершать действия, указанные в п. 1

ч. 1 ст. 471 УПК. На практике Генеральная прокуратура Республики Беларусь, уведомляя лицо о вызове в качестве свидетеля в иностранное государство, предупреждает его об отсутствии свидетельского иммунитета в иностранном государстве и возможных последствиях добровольной явки лица в учреждение юстиции иностранного государства [317].

Процессуальные действия с участием вызванных на территорию Республики Беларусь участников уголовного процесса производятся в соответствии с нормами УПК. На наш взгляд, исключением в связи с наличием у них иммунитета является отсутствие необходимости предупреждать их об ответственности за отказ или уклонение от дачи показаний, исполнение обязанностей эксперта и за дачу заведомо ложных показаний (ср. ч. 1 ст. 9 Конвенции СНГ 2002 г.), им лишь указывается на необходимость говорить только правду. По окончании производства процессуальных действий, для участия в производстве которых лицо вызывалось, орган, ведущий уголовный процесс, должен письменно уведомить лицо о том, что в его присутствии на территории Республики Беларусь более нет необходимости. С этого момента начнет течь срок для прекращения действия «свидетельского иммунитета».

Если лицо, с участием которого необходимо провести процессуальное действие на территории Беларуси, содержится в иностранном государстве под стражей, то оно может быть по просьбе органа, ведущего уголовный процесс, временно передано для производства процессуальных действий. В просьбе следует указать срок, в течение которого требуется присутствие лица на территории Республики Беларусь. УПК не содержит нормы о возможности содержания лица, которое в уголовном процессе Республики Беларусь выступает в качестве потерпевшего или свидетеля, под стражей (ср. ст. 126, 512, 512¹ УПК). Но, учитывая нормы ч. 2 ст. 496 УПК, по решению Генерального прокурора Республики Беларусь или его заместителя условие о содержании лица под стражей при нахождении его на территории Республики Беларусь и до передачи органу иностранного государства может быть выполнено. При этом основанием содержания лица под стражей должно быть решение компетентного органа иностранного государства (аналогично п. 2 ст. 512¹ УПК). Срок пребывания лица на территории Беларуси устанавливается органом иностранного государства и не должен быть превышен. После того как орган, ведущий уголовный процесс, более не нуждается в присутствии переданного лица либо срок его передачи истекает, такое лицо должно быть незамедлительно возвращено в иностранное государство. В этом случае на гражданина Республики Беларусь не распространяется гарантия, предусмотренная ч. 3 ст. 10 Конституции Республики Беларусь, которая говорит о невозможности исключительно выдачи гражданина

Беларуси иностранному государству. В случае необходимости участия лица в производстве процессуальных действий в качестве обвиняемого необходимо направлять просьбу о выдаче лица на время.

Соответственно, если лицо, с участием которого необходимо провести процессуальное действие на территории иностранного государства, отбывает наказание в виде лишения свободы на территории Беларуси, то оно может быть по просьбе органа иностранного государства временно передано для производства процессуальных действий на территории иностранного государства исключительно в качестве потерпевшего или свидетеля (ст. 472 УПК). Условиями исполнения просьбы органа иностранного государства, содержащей положение о вызове лица для производства процессуальных действий, является направление вместе с просьбой заверенной копии решения органа иностранного государства, ведущего уголовный процесс, о производстве соответствующих процессуальных действий и письменного обязательства:

- о содержании лица под стражей и возвращении его на территорию Республики Беларусь в срок, установленный Генеральным прокурором Республики Беларусь или его заместителем,
- о предоставлении вызываемому лицу свидетельского иммунитета,
- об освобождении из-под стражи и беспрепятственном возвращении в Беларусь при поступлении соответствующего уведомления Генеральной прокуратуры Республики Беларусь и возмещении в этом случае лицу расходов, связанных с возвращением в Республику Беларусь.

Для передачи на время лица для производства процессуальных действий на территории иностранного государства требуется согласие передаваемого лица. Такое согласие отбирается в письменной форме администрацией исправительного учреждения [319].

В рамках оказания международной правовой помощи по уголовным делам могут быть собраны доказательства не только в виде показаний или заключения эксперта. Преступная деятельность, как любая деятельность, оставляет после себя в материальном мире следы, которые могут находиться и за пределами государства суда. В этом случае для полного и объективного расследования уголовного дела возникает необходимость в истребовании таких следов либо их носителей. Передаются, как правило, только предметы, которые могут иметь значение доказательства в уголовном деле, т. е. вещественные доказательства (орудия преступления, предметы, сохранившие на себе следы преступления, объекты преступных действий и т. п.). Просьба о передаче предметов может быть связана с просьбой о выдаче лица для осуществления уголовного преследования и (или) отбывания наказания либо поступить вне связи с такой просьбой. В случае если в исполнении просьбы о выдаче лица

отказывается или она не может быть исполнена (например, из-за смерти лица), это не влечет автоматического отказа в исполнении просьбы о передаче предметов. Например, выдача гражданина Республики Беларусь невозможна, но передача органу иностранного государства добытых преступным путем ценностей может быть разрешена.

Законодатель предусмотрел в качестве условия исполнения просьбы о передаче предмета предоставление заверенной копии решения органа иностранного государства, ведущего уголовный процесс, о производстве соответствующих процессуальных действий, не раскрыв, в чем должны заключаться «соответствующие процессуальные действия». Если имелось в виду приобщение предметов в качестве вещественного доказательства, то такое постановление может быть издано только после оценки доказательства, а значит, при наличии его у следователя. Для проведения опознания также не требуется выносить решение, а протокол составляется в ходе производства опознания. Данное требование будет справедливо только для изъятия предметов при проведении выемки либо получения образцов для сравнительного исследования.

При рассмотрении вопроса о передаче предмета могут возникнуть две проблемы:

1) передаваемый предмет необходим для осуществления производства по уголовному делу в Республике Беларусь, и тогда исполнение просьбы о передаче этого предмета следует отсрочить (ч. 2 ст. 490 УПК);

2) передаваемый предмет принадлежит на праве собственности либо ином вещном праве третьему лицу. Для предотвращения гражданско-правовых споров орган иностранного государства представляет письменное обязательство: а) по истечении установленных Генеральным прокурором Республики Беларусь или его заместителем сроков безвозмездно (все расходы должен нести орган иностранного государства) вернуть предмет на территорию Республики Беларусь либо б) по окончании производства по уголовному делу с согласия Генерального прокурора Республики Беларусь или его заместителя безвозмездно передать предмет непосредственно лицам, имеющим право на этот предмет, если такие лица не откажутся его принять. Должно быть также предоставлено письменное обязательство о том, что вещные и иные права третьих лиц на предмет будут сохранены. В случае возникновения гражданско-правового спора (например, добытые ценности были проданы третьему лицу) предметы в любом случае подлежат возврату органу, ведущему уголовный процесс.

Таким образом, сформулировав международную правовую помощь по уголовным делам в широком смысле как выполнение на основании международных договоров или принципа взаимности органами, веду-

щими уголовный процесс, по просьбе компетентных органов иностранных государств процессуальных и иных облеченных в уголовно-процессуальную форму действий для своевременного и полного расследования преступлений, осуждения лиц, виновных в совершении преступлений, исполнения наказаний и ресоциализации осужденных, следует отметить, что данная деятельность органов Республики Беларусь, ведущих уголовный процесс, регулируется в едином законодательном акте, регламентирующем уголовно-процессуальные отношения, – УПК. Специальными принципами международной правовой помощи по уголовным делам являются противодействие только общеуголовным преступлениям, принцип двойной наказуемости и принцип конкретности.

Для инициирования процедуры оказания международной правовой помощи по уголовным делам необходимо наличие соответствующей просьбы органа иностранного государства. При соблюдении органом иностранного государства общих и специальных условий оказания международной правовой помощи по уголовным делам и отсутствии оснований для отказа в ее оказании компетентный орган Республики Беларусь может принять решение об исполнении просьбы. В УПК следует установить срок для исполнения просьбы органа иностранного государства, а также разрешить вопрос о распределении расходов, возникающих при оказании международной правовой помощи по уголовным делам.

УПК не в полной мере регулирует вопросы, связанные с производством процессуальных и иных облеченных в процессуальную форму действий в порядке оказания международной правовой помощи по уголовным делам. В ходе дальнейшего совершенствования уголовно-процессуального законодательства следует пересмотреть норму о возможности применения процессуального законодательства иностранного государства. Последнее не должно противоречить лишь задачам и принципам уголовного процесса Республики Беларусь, но никак не законодательным актам Республики Беларусь. Аналогично доказательства, собранные на территории иностранного государства, могут иметь доказательственную силу в уголовном процессе Республики Беларусь, только если при их собирании не были нарушены нормы процессуального законодательства иностранного государства и принципы уголовного процесса Республики Беларусь. Требуется также продолжить четкое установление оснований для содержания лиц под стражей, включив в них решение компетентного органа иностранного государства о заключении лица под стражу или назначении ему наказания в виде лишения свободы в случае передачи Республике Беларусь на время лица для производства процессуальных действий.

3.2. Выдача лица для осуществления уголовного преследования и (или) отбывания наказания

Государства прилагают усилия для предотвращения и пресечения преступных деяний, раскрытия совершенных преступлений и наказания виновных лиц, так как борьба с преступностью является социальной функцией любого государства. С устранением препятствий в передвижении общественно опасных лиц по территории различных государств появляется необходимость объединения усилий государств, которое было закреплено в Уставе ООН как сотрудничество в разрешении международных проблем в социальной области (п. 3 ст. 1, п. b ст. 55) [320]. С ростом мобильности обвиняемым и осужденным стало намного проще покинуть территорию государства после совершения преступления. Цифровизация человеческой деятельности позволяет совершать общественно опасные деяния вдали от места нахождения. Власть же каждого государства естественно ограничена его территорией, за пределами которой его законы теряют свою силу, на определенное время государство лишается возможности осуществить судебную власть в соответствии со своим законодательством ввиду отсутствия виновного лица в его юрисдикции.

Из-за необходимости возвращения в свою территориальную юрисдикцию скрывшихся обвиняемых и осужденных возник такой вид международной правовой помощи по уголовным делам, как выдача обвиняемых и осужденных. Легального определения выдачи не имеется. В научной литературе существует множество определений выдачи обвиняемых и осужденных (преступников), в той или иной мере характеризующих это явление [28, с. 21–29]. Д. Никольский в XIX в. охарактеризовал выдачу как «совокупность юридических действий, посредством которых одно государство выдает другому лицу, обвиняемое в совершении преступления в пределах последнего государства, которое имеет право суда и наказания» [20, с. 29]. В. М. Волженкина под выдачей понимает «процедуру, согласно которой государство, под чьей уголовной юрисдикцией преследуется лицо, запрашивает и получает это лицо из страны, где оно скрылось, с целью последующего привлечения к уголовной ответственности или для обеспечения исполнения приговора» [12, с. 183], Л. И. Галенская – «процесс передачи преступника в соответствии с нормами международного права другому государству для применения уголовного наказания» [24, с. 122]. Достаточно громоздкое определение выдачи лица дают Ю. В. Францифоров и Н. В. Несмачная, включив в него и правовую основу ее осуществления, и варианты выбора государства, которому лицо выдается, перечень

которых не может быть исчерпывающим [286, с. 29]. В немецкой доктрине выдача есть «передача уголовно преследуемого лица или осужденного из-под суверенной власти одного государства, где данное лицо находится, под власть другого государства для целей уголовного преследования или приведения в исполнение приговора» [321, с. 5].

К недостаткам большинства приведенных определений можно отнести отсутствие вариантов выдачи, которые отличают данный вид международной правовой помощи от передачи осужденного, указания на основание производства выдачи – просьбу либо перечисление в определении случаев, при которых выдача возможна, хотя такие случаи зависят от положений конкретного международного договора, национального законодательства либо политической ситуации. Некорректным нам также видится само применение термина «выдача преступника», так как тогда сужается круг субъектов, подлежащих выдаче, ограничиваясь только осужденными, ведь употребление в отношении обвиняемого термина «преступник» противоречит презумпции невиновности, провозглашенной в ст. 26 Конституции Республики Беларусь. Использование данного термина больше свойственно представителям международного права. К сожалению, иногда неправильные термины используются в законодательстве. Например, Закон Азербайджана именуется «О выдаче лиц, совершивших преступления (экстрадиции)», а Исландии – «О выдаче преступников и другой помощи в уголовном процессе» [322]. Глава 44 УПК Украины названа «Выдача лиц, совершивших уголовное правонарушение (экстрадиция)».

Не соответствует международной практике выдача подозреваемых, о которой упоминает М. П. Глумин [46, с. 21] и говорится в ч. 2 ст. 492 УПК. Выдача возможна только если в отношении лица собраны достаточные доказательства, подтверждающие его вину. Кроме того, в соответствии с нормами ст. 492 УПК к просьбе органа, ведущего уголовный процесс, содержащей положение о выдаче лица для осуществления уголовного преследования, прилагаются заверенные копии постановлений органа, ведущего уголовный процесс, о заключении под стражу такого лица и о привлечении его в качестве обвиняемого (аналогичную норму можно найти в ч. 2 ст. 67 Конвенции СНГ 2002 г.).

Под выдачей лица для осуществления уголовного преследования и (или) отбывания наказания (экстрадицией) следует понимать такой вид международной правовой помощи по уголовным делам, в процессе которого обвиняемое либо осужденное в одном государстве лицо передается на основании просьбы этому государству другим для осуществления уголовного преследования либо исполнения приговора. Целью

экстрадиции является осуществление правосудия в отношении скрывшихся лиц и проведение в жизнь принципа неотвратимости наказания.

Как мы установили выше, передаваемые в рамках выдачи лица должны обладать статусом обвиняемого либо осужденного в уголовном процессе запрашивающего государства. С этой целью в соответствии с ч. 2 ст. 492 УПК к соответствующей просьбе органа, ведущего уголовный процесс, для осуществления уголовного преследования лица прилагаются заверенные копии постановлений органа, ведущего уголовный процесс, о заключении под стражу такого лица и о привлечении его в качестве обвиняемого; для отбывания наказания – заверенная копия вступившего в законную силу приговора о назначении этому лицу наказания, а если осужденный отбыл часть наказания – информация об отбытой части наказания. Аналогичные документы должен приложить к просьбе орган иностранного государства (абз. 1 ч. 1 ст. 475 УПК). В случае необходимости может быть дан срок для предоставления дополнительных материалов.

Вопросы экстрадиции урегулированы кроме УПК в ч. 3 ст. 10 Конституции Республики Беларусь и ст. 5 Закона Республики Беларусь «О гражданстве Республики Беларусь» [323], где провозглашен принцип невыдачи граждан Беларуси, если иное не предусмотрено в международном договоре, а также в ст. 7 УК. В данной статье говорится, что *«иностранный гражданин или лицо без гражданства, совершившие преступления вне пределов Республики Беларусь и находящиеся на территории Республики Беларусь, могут быть выданы иностранному государству»* в соответствии с международным договором либо на основании принципа взаимности [324]. В последнем случае указано на необходимость соблюдения требований белорусского законодательства, которые сосредоточены в разд. XV УПК.

Основанием для начала экстрадиционного производства является просьба органа иностранного государства, которая направляется по дипломатическим каналам либо через компетентные органы. Орган, ведущий уголовный процесс, составляет просьбу о выдаче в соответствии с требованиями, предъявляемыми законодательством иностранного государства, а также ст. 491 УПК. Кроме формального оформления просьбы Генеральной прокуратурой Республики Беларусь на основании ч. 3 и 4 ст. 494 УПК может быть дано соответствующее письменное обязательство. На практике иногда представляется заверение о содержании лица под стражей в соответствии с основными международными стандартами в отношении осужденных [325]. Письменное обязательство от имени Республики Беларусь оформляется в виде письма на официальном бланке Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, подписывается Генеральным прокурором Республики Беларусь или его заместителем и скре-

пляется гербовой печатью. Следует признать, что даваемое Генеральной прокуратурой Республики Беларусь обязательство неприменения к выданному лицу смертной казни противоречит ст. 109 Конституции Республики Беларусь, но его обеспечение позволяет возратить обвиняемого либо осужденного в юрисдикцию Республики Беларусь для продолжения уголовного преследования, оставляя право применения исключительной меры наказания запрашиваемому иностранному государству. Давая подобную гарантию, Генеральная прокуратура Республики Беларусь обязуется, что государственное обвинение не будет требовать в суде применения к лицу смертной казни. Тем самым международным обязательством Республики Беларусь ограничивается судебское усмотрение при назначении наказания. Можно также отметить, что гарантия неприменения к выданному Республике Беларусь лицу смертной казни заложена в Конвенции СНГ 2002 г. (ст. 81), договорах с Вьетнамом (ст. 70), Польшей (ст. 67), Индией (ст. 15), Болгарией (ст. 5) и Монголией (ст. 4).

На территории Беларуси в отношении выдаваемого лица, как правило, уголовное преследование не ведется. Следовательно, его нельзя именовать обвиняемым или осужденным. В связи с этим в уголовном процессе появились новые участники, привнесенные извне:

- лицо, задержанное в связи с нахождением в международном розыске с целью выдачи (ст. 508 УПК);
- лицо, к которому применена мера пресечения в виде заключения под стражу в связи с нахождением в международном розыске с целью выдачи (ст. 508 УПК);
- лицо, задержанное на основании решения об исполнении просьбы органа иностранного государства (ст. 507 УПК);
- лицо, к которому применена мера пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста на основании решения об исполнении просьбы органа иностранного государства (ст. 507 УПК);
- лицо, в отношении которого вынесено постановление о его выдаче на время иностранному государству для производства процессуальных действий с его участием в качестве обвиняемого (ст. 507 УПК).

В ст. 507 и 508 УПК определены права, которыми указанные лица наделяются, и обязанности, которые на них возлагаются. Данные права:

- обеспечивают доступ перечисленных участников к процессуальной информации, повышают степень их осведомленности о ходе рассмотрения просьбы органа иностранного государства о выдаче;
- обеспечивают возможность отстаивать свои права и законные интересы;
- реализуют конституционное право на юридическую помощь.

Лицо, задержанное либо к которому применена мера пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста на основании решения об исполнении просьбы органа иностранного государства, появляется в уголовном процессе с момента применения к лицу соответствующей меры принуждения. Лицо, в отношении которого вынесено постановление о его выдаче на время иностранному государству для производства процессуальных действий с его участием в качестве обвиняемого, появляется в уголовном процессе с момента вынесения соответствующего постановления Генеральным прокурором Республики Беларусь или его заместителем. Приобретая соответствующий процессуальный статус, лицо приобретает целый комплекс процессуальных правомочий, позволяющих ему защищать свои права и отстаивать законные интересы.

Важнейшим конституционным правом указанных в ст. 507 УПК лиц является право на юридическую помощь. Целый ряд положений данной статьи выступает в качестве гарантий осуществления данного права лицом, задержанным либо к которому применена мера пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста на основании решения об исполнении просьбы органа иностранного государства: знать об обстоятельствах, послуживших основанием для его задержания либо применения к нему меры пресечения, немедленно по задержании либо объявлении постановления о применении к нему меры пресечения получить от органа дознания, осуществившего задержание, либо прокурора или его заместителя, применивших меру пресечения, письменное уведомление о его правах, высказывать свое мнение и давать объяснения, иметь защитника или нескольких защитников и др.

Впервые на законодательном уровне данному лицу предоставлена возможность высказывать свое мнение и давать объяснения. Данное право может быть реализовано при взятии объяснений прокурором, а также в суде. Предмет объяснений лица, задержанного либо к которому применена мера пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста на основании решения об исполнении просьбы органа иностранного государства, не предъявленное ему в иностранном государстве обвинение, а соблюдение органом иностранного государства условий для исполнения просьбы о выдаче лица и наличие основания для отказа в исполнении такой просьбы.

Важной является также возможность получения юридической консультации адвоката за счет средств местного бюджета с момента задержания либо применения меры пресечения в виде заключения под стражу (но не домашнего ареста). Такой адвокат может быть в последующем избран защитником лица. Кроме того, несмотря на отсутствие в перечне права участвовать при рассмотрении судом жалоб на поста-

новление о выдаче лица иностранному государству для осуществления уголовного преследования и (или) отбывания наказания, данное право у лица имеется исходя из нормы ч. 1 ст. 516 УПК (но только в случае, если само лицо подало жалобу).

Лицо, в отношении которого вынесено постановление о его выдаче на время иностранному государству для производства процессуальных действий с его участием в качестве обвиняемого, также вправе иметь защитника или нескольких защитников, отказаться от защитника и защищать себя самостоятельно, прекратить полномочия своего защитника.

Широко может быть реализовано право указанных лиц на обжалование решений и действий органов, ведущих уголовный процесс.

Объем прав, предоставляемых ст. 507 УПК лицу, в отношении которого вынесено постановление о его выдаче на время иностранному государству для производства процессуальных действий с его участием в качестве обвиняемого, уже, так как на время выдается лицо, которое в уголовном процессе Республики Беларусь имеет статус осужденного со своими правами и обязанностями.

Свои права, указанные в ст. 507 УПК, лица могут реализовывать лично либо через одного или нескольких защитников, хотя ряд прав может быть реализован только указанными лицами лично (п. 1, 3, 6, 10 ч. 1, п. 2 ч. 2 ст. 507 УПК).

Обязанность письменного уведомления о правах, содержащихся в ч. 1 ст. 507 УПК, возложена на орган дознания, осуществивший задержание, либо прокурора или его заместителя, применивших меру пресечения. Такое уведомление производится сразу же после применения к лицу меры принуждения. В этот же момент, на наш взгляд, лицу должны быть сообщены обстоятельства, послужившие основанием для применения к нему меры принуждения.

Помимо процессуальных прав, предоставляемых лицу, задержанному либо к которому применена мера пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста на основании решения об исполнении просьбы органа иностранного государства, закон возлагает на него обязанность подчиняться законным распоряжениям органа, ведущего уголовный процесс.

Лицо, задержанное либо к которому применена мера пресечения в виде заключения под стражу в связи с нахождением в международном розыске с целью выдачи, является временным участником. В последующем при поступлении просьбы органа иностранного государства о его выдаче иностранному государству для осуществления уголовного преследования и (или) отбывания наказания оно либо приобретает процессуальный статус лица, задержанного либо к которому примене-

на мера пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста на основании решения об исполнении просьбы органа иностранного государства (после вынесения Генеральным прокурором Республики Беларусь или его заместителем постановления об исполнении просьбы органа иностранного государства), либо освобождается (при непоступлении просьбы органа иностранного государства о выдаче либо при отказе в исполнении такой просьбы).

Учитывая вышесказанное, данное лицо обладает почти всеми правами, которые имеет лицо, задержанное либо к которому применена мера пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста на основании решения об исполнении просьбы органа иностранного государства, за исключением прав, связанных с постановлением об исполнении просьбы органа иностранного государства о выдаче лица. Оно также обязано подчиняться законным распоряжениям органа, ведущего уголовный процесс.

С введением в УПК разд. XV законодатель расширил функции защитника. Теперь защитник осуществляет процессуальную деятельность в целях обеспечения прав и интересов также лица, задержанного либо к которому применена мера пресечения на основании решения об исполнении просьбы органа иностранного государства либо в связи с нахождением в международном розыске с целью выдачи (п. 9 ст. 6 УПК). Вместе с этим законодатель расширил и уголовно-процессуальную функцию защиты, привнеся в уголовный процесс Республики Беларусь иностранный элемент, что является не совсем правильным. Несмотря на наименование «защитник», данное лицо не противостоит стороне обвинения, так как органы Республики Беларусь, ведущие уголовный процесс, не вправе разрешать вопросы обвинения выдаваемого лица по существу. На наш взгляд, данного участника следовало именовать «представитель». Задача защитника в рамках оказания международной правовой помощи по уголовным делам – следить за соблюдением законодательства Республики Беларусь и международных договоров Республики Беларусь в процессе выдачи, за соблюдением прав (в том числе процессуальных) лиц, указанных в ст. 507, 508 УПК. Для привлечения защитника к участию в рассмотрении просьбы органа иностранного государства данным лицам должно быть своевременно и соответствующим образом разъяснено их право иметь защитника.

При определении круга лиц, участвующих в качестве защитников лиц, подлежащих выдаче, законодатель ориентируется на общие положения уголовного процесса Республики Беларусь (ч. 2 ст. 44 УПК), которые исходят из того, что защиту в уголовном процессе могут осуществлять только профессиональные юристы – адвокаты. При этом предусматривается, что адвокаты – граждане иных, чем Республика Беларусь, государств

осуществляют защиту, только если это предусмотрено международными договорами (в настоящий момент такой договор действует только с Литвой). Использование помощи иностранного адвоката было известно еще во времена действия Статута Великого княжества Литовского 1566 г. (ст. 34 разд. 4) [326, с. 117]. А в ФРГ защитник при рассмотрении просьбы о выдаче, как правило, работает с иностранным адвокатом [327, с. 210]. Учитывая, что УПК уравнивал в правах стороны, должны быть созданы все условия для установления между подзащитным и защитником доверительных отношений, в том числе и путем разрешения привлечения для консультирования по вопросам права субъекта близкого подзащитному культурного и языкового пространства. Кроме того, не исключено, что у задержанного может быть заключен гражданско-правовой договор на оказание юридической помощи с определенным адвокатом из государства его гражданства, хотя возможности защитнику-иностранцу участвовать в производстве по выдаче лица противостоит также ст. 7 Закона Республики Беларусь «Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Республике Беларусь», согласно которой адвокаты иностранных государств, действующие в соответствии с международными договорами Республики Беларусь, могут оказывать юридическую помощь на территории Республики Беларусь после включения их в Реестр адвокатов в порядке, определяемом Министерством юстиции Республики Беларусь.

По нашему мнению, поскольку лица, указанные в ст. 507, 508 УПК, как правило, не владеют государственным языком Республики Беларусь, участие защитника должно быть обязательным (п. 3 ч. 1 ст. 45 УПК).

Законодатель, предусмотрев право лица, в отношении которого вынесено постановление о его выдаче на время иностранному государству для производства процессуальных действий с его участием в качестве обвиняемого, иметь защитника, не указав, кто может быть защитником такого лица и какими правами такой защитник наделяется, хотя в п. 7 ч. 2 ст. 509 УПК данное лицо упоминается. На наш взгляд, так как это лицо имеет статус осужденного в уголовном процессе Республики Беларусь, то его защитником может быть лицо, указанное в ч. 2 ст. 44 УПК. Защитник такого лица должен обладать правами, указанными в п. 2, 8, 9 ч. 2 ст. 509 УПК, а также знакомиться с копией постановления о выдаче представляемого лица на время иностранному государству для производства процессуальных действий с его участием в качестве обвиняемого, участвовать при рассмотрении судом жалоб на постановление о выдаче представляемого лица на время иностранному государству для производства процессуальных действий с его участием в качестве обвиняемого.

Статья 509 УПК не определяет момент начала участия защитника в рассмотрении просьбы органа иностранного государства о выдаче

лица. Исходя из нормы ч. 4 ст. 44, ст. 507, 508 УПК, можно заключить, что защитник должен быть допущен к участию в рассмотрении данной просьбы с момента фактического задержания лица, применения к нему меры пресечения либо вынесения постановления о выдаче лица на время иностранному государству для производства процессуальных действий с его участием в качестве обвиняемого.

Для осуществления своих функций по защите прав и интересов лиц, указанных в ст. 507, 508 УПК, защитник наделен рядом прав. Он самостоятельно реализует свои права, но средства и методы осуществления защиты избирает нередко с учетом воли подзащитного. Если сравнить права защитника и указанных представляемых лиц, то можно прийти к выводу, что они производны от прав последних. Однако в отличие от подзащитного защитник имеет право независимо от усмотрения судьи участвовать при рассмотрении судом жалоб на постановление о выдаче защищаемого им лица иностранному государству для осуществления уголовного преследования и (или) отбывания наказания или на постановление о выдаче на время этого лица иностранному государству для производства процессуальных действий с его участием в качестве обвиняемого, а также требовать внесения в протокол судебного заседания записей об обстоятельствах, которые, по его мнению, должны быть отмечены. Высказывать же мнение защитник может только в суде, но не при рассмотрении Генеральной прокуратурой Республики Беларусь просьбы органа иностранного государства, что видится нам не совсем правильным с точки зрения процессуальной экономии.

Обязанностью защитника является явка по вызовам органа, ведущего уголовный процесс. При невозможности явки защитник должен уведомить вызвавший его орган в течение 24 часов (в ч. 4 ст. 509 УПК не указано, с какого момента). Если в дальнейшем защитник не сможет явиться по вызовам органа, ведущего уголовный процесс, то приглашается другой защитник.

В неотложных случаях, когда органу иностранного государства необходимо задержать и заключить под стражу лицо, которое в последующем будет запрошено для выдачи, до направления просьбы о выдаче, в Республику Беларусь направляется просьба о применении к лицу меры пресечения с целью выдачи. К направляемой просьбе необходимо приложить правовые основания для содержания лица под стражей в иностранном государстве (заверенные копии соответствующих документов). Кроме того, орган иностранного государства должен представить письменное обязательство о последующем направлении просьбы о выдаче этого лица для осуществления уголовного преследования и (или) отбывания наказания. Последняя должна быть представлена оформлен-

ной в соответствии с требованиями УПК в течение 40 суток с момента фактического задержания лица (ч. 1 ст. 513 УПК). Данный срок не подлежит продлению. В рамках международного розыска лиц в качестве просьбы о применении к лицу меры пресечения до поступления просьбы о выдаче лица для осуществления уголовного преследования и (или) отбывания наказания может применяться извещение Интерпола (Международной организации уголовной полиции) «Разыскиваемый международный преступник (арест с целью экстрадиции)», что на практике может вызывать проблемы с защитой прав затронутых лиц [328, с. 207].

Задержание и применение к лицу меры пресечения до поступления просьбы о его выдаче для осуществления уголовного преследования и (или) отбывания наказания возможно в исключительных случаях и не может являться нормой. К исключительным случаям следует отнести: наличие оснований полагать, что лицо покинет территорию Республики Беларусь; продолжит преступную деятельность; продолжение совершения преступления и др.

Таким образом, кроме лиц, указанных в ч. 2 ст. 107 УПК, задержание может быть применено к лицу:

- в отношении которого вынесено постановление об исполнении просьбы органа иностранного государства о применении к лицу меры пресечения с целью выдачи;
- в отношении которого вынесено постановление об исполнении просьбы органа иностранного государства о выдаче лица для осуществления уголовного преследования и (или) отбывания наказания;
- в связи с нахождением в международном розыске с целью выдачи.

Субъектом задержания назван исключительно орган дознания. Максимальный срок задержания по указанным основаниям соответствует сроку, указанному в ч. 3 ст. 108 УПК, и составляет 72 часа с момента фактического задержания. По истечении данного срока задержанное лицо либо освобождается, либо к нему применяется мера пресечения в соответствии со ст. 512 УПК.

Предусмотрены два основания освобождения лица, задержанного на основании решения об исполнении просьбы органа иностранного государства либо в связи с нахождением в международном розыске с целью выдачи:

- установление обстоятельств, являющихся основаниями для отказа в его выдаче.

Основанием освобождения является постановление Генерального прокурора Республики Беларусь или его заместителя об отказе в исполнении просьбы органа иностранного государства (ст. 495 УПК);

- истечение срока задержания.

Как и в ч. 2 ст. 114 УПК, в данном случае лицо освобождается руководителем администрации места содержания под стражей, и при этом должна быть уведомлена Генеральная прокуратура Республики Беларусь.

До разрешения вопроса о выдаче к выдаваемому лицу может быть применена мера пресечения в виде заключения под стражу (на основании решения об исполнении просьбы органа иностранного государства и к лицу, находящемуся в международном розыске с целью выдачи) или домашнего ареста (на основании решения об исполнении просьбы органа иностранного государства). В разных странах подобное заключение под стражу называется по-разному: «экстрадиционный арест» – ст. 589 УПК Казахстана, «заключение под стражу для выдачи» – ст. 525 УПК Кыргызстана, «временный арест» и «содержание под стражей для обеспечения выдачи лица (экстрадиционный арест)» – ст. 583, 584 УПК Украины, «заключение под стражу лица, подлежащего выдаче» – ст. 402 УПК Эстонии. В Республике Беларусь данная мера пресечения специального наименования не имеет.

До вынесения постановления о применении к лицу, находящемуся в международном розыске с целью выдачи, меры пресечения прокурор или его заместитель (по месту содержания лица под стражей, а если лицо не было задержано – по месту обнаружения) обязаны в каждом случае взять у лица объяснения по факту объявления его в международный розыск с целью выдачи. Данные объяснения могут содержать указание на наличие оснований для отказа в исполнении последующей просьбы органа иностранного государства о выдаче лица. Такой обязанности в отношении лица, подлежащего заключению под стражу на основании решения об исполнении просьбы органа иностранного государства, в УПК не имеется, что не в полной мере отвечает принципам процессуальной экономии и равенства граждан перед законом.

О применении к лицу меры пресечения в порядке ст. 512 УПК в течение 24 часов прокурор или его заместитель, вынесшие соответствующее постановление:

1) должны уведомить:

- Генеральную прокуратуру Республики Беларусь (для сообщения об этом органу иностранного государства, если была направлена просьба);
- родственников лица, если они проживают на территории Республики Беларусь.

По нашему мнению, ст. 512 УПК необоснованно сузила право заключенного под стражу лица уведомить членов семьи или близких родственников о месте содержания лица, указанное в ст. 507 и 508 УПК. В данных

статьях не ограничено место проживания лиц, подлежащих уведомлению, и, исходя из п. 1, 37 и 53 ст. 6 УПК, их перечень шире.

Кроме того, с учетом ч. 8 ст. 126 УПК при применении меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении лиц, дети которых остаются без попечения родителей, не позднее следующего дня после принятия указанного решения следует уведомить управление (отдел) образования районного, городского исполнительного комитета, местной администрации района в городе по месту жительства этих лиц для обеспечения государственной защиты детей;

– при применении меры пресечения в виде заключения под стражу к лицу, находящемуся в международном розыске с целью выдачи, Национальное центральное бюро Интерпола в Республике Беларусь (для сообщения об этом в Генеральный секретариат Интерпола и Национальному центральному бюро Интерпола в государстве – инициаторе розыска);

2) сообщают в МИД (для уведомления посольства или консульства государства, гражданином которого является это лицо).

Статья 513 УПК устанавливает сроки содержания лица под стражей, домашним арестом и порядок их продления. Установление срока содержания под стражей и круга лиц, полномочных его продлевать, выступает в качестве важнейшей гарантии законности. Оснований для продления законодатель не указал.

На наш взгляд, основанием для установления срока содержания под стражей (домашним арестом) лиц для рассмотрения просьбы органа иностранного государства о выдаче должно быть содержание решения органа иностранного государства о применении к лицу меры пресечения. Как правило, такой срок устанавливается не более двух месяцев с момента фактического задержания. Максимальным же сроком содержания под стражей в ст. 513 УПК названы 12 месяцев с момента задержания.

Исходя из положений ст. 60 Конституции Республики Беларусь («каждому гарантируется защита его прав и свобод компетентным, независимым и беспристрастным судом...»), наиболее правильным нам видится заключение лица под стражу с целью последующей выдачи только на основании судебного решения. Данная норма является наиболее демократичной и применяется в большинстве цивилизованных стран мира. В Республике Беларусь заключение под стражу происходит на основании санкционированного прокурором постановления. Прокурор нередко выносит свое решение заочно, не только не допрашивая лицо, но и не знакомясь с материалами дела, следовательно, прокурор не всег-

да может оценить опасность лица для общества и формально руководствуется лишь нормами УПК.

Так, на территории Республики Беларусь была задержана и заключена под стражу гражданка России С., находившаяся по постановлению суда г. Красносулинска в межгосударственном розыске за совершение кражи. Впоследствии российская сторона сообщила, что требование о выдаче С. направляться не будет, так как уголовное дело в отношении нее было прекращено вследствие изменения обстановки [329]. В 2005 г. на территории Беларуси был задержан и заключен под стражу гражданин Армении М., но Прокуратура Армении сообщила, что уголовное дело в отношении него «подлежит прекращению по истечении срока давности» [330].

Указанные граждане необоснованно были лишены свободы и не имели возможности воспользоваться своим правом на защиту. Суд же призван рассматривать дело как независимый орган, выслушивая мнение сторон обвинения и защиты о целесообразности заключения лица под стражу с целью выдачи. Санкционирование заключения под стражу независимым судом признается наиболее правильным в литературе [331, с. 33] и названо целесообразным для закрепления в УПК в п. 49.3 Концепции совершенствования законодательства Республики Беларусь. В настоящий момент ст. 517 и 518 УПК допускают возможность обжалования и судебной проверки задержания, заключения под стражу, домашнего ареста или продления срока содержания под стражей, домашнего ареста в рамках экстрадиционной процедуры. Кроме этого, ст. 519 УПК предусмотрела возможность возмещения вреда, причиненного лицу, задержанному либо к которому применена мера пресечения для разрешения вопроса о его выдаче.

Следует отметить, что выдача обвиняемых и осужденных – одно из суверенных прав государства. Ни одно правительство не обязано принимать к себе лиц, выдача которых ему предлагается. Если ранее государства определяли список преступлений, за которые выдача допустима или, наоборот, недопустима, то в настоящий момент большинство стран ограничиваются указанием на минимальное наказание в отношении преступления, за которое лицо может быть выдано. В немецкой доктрине уже выработан специальный термин для таких ограничений – выдачеспособность (*Auslieferungsfähigkeit*) [327, с. 14]. Учитывая нормы п. 6, 7 ч. 1 ст. 484, ч. 4 ст. 491 УПК, следует считать допустимой выдачу, если лицо 1) обвиняется в совершении преступления, за которое законодательством Республики Беларусь и запрашивающего государства предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок не менее одного года или более строгое (подобный срок свидетельствует

о тяжести преступления и, следовательно, возможности применения в отношении такого обвиняемого меры пресечения в виде заключения под стражу [287, с. 87]), либо 2) приговорено к лишению свободы за деяние, признаваемое в законодательстве Республики Беларусь и запрашивающего государства преступлением, и срок не отбытого наказания составляет не менее шести месяцев.

Выбор подобных сроков вызван в том числе и тем, что рассмотрение вопроса о выдаче лица иностранному государству (особенно с привлечением судебной власти) требует определенных временных и финансовых затрат.

Проанализировав международные договоры и законодательство Республики Беларусь, можно выделить императивные и факультативные основания для отказа в выдаче. В случае наличия императивного основания Генеральный прокурор Республики Беларусь или его заместитель обязаны вынести постановление об отказе в исполнении просьбы органа иностранного государства. При наличии факультативного основания решение принимается в зависимости от обстоятельств по внутреннему убеждению должностного лица.

Отказ в исполнении просьбы о выдаче лица не должен означать попустительство безнаказанности со стороны нашего государства. Если лицо не обладает дипломатическим иммунитетом и в его выдаче отказано по основаниям, указанным в п. 1, 2, 6, 7, 11, 12, 15 ч. 1 ст. 484 УПК, то при наличии достаточных оснований по соответствующей просьбе органа иностранного государства, а в отношении граждан Республики Беларусь и постоянно проживающих на территории Республики Беларусь лиц без гражданства и без просьбы может быть осуществлено уголовное преследование на территории Республики Беларусь.

В случае отказа в удовлетворении просьбы органа, ведущего уголовный процесс, о выдаче недопустимо говорить, что лицо нельзя привлечь к уголовной ответственности на территории Беларуси и следует выносить постановление о прекращении производства по уголовному делу, а так иногда поступают суды [332, с. 14]. Суду необходимо провести судебное разбирательство в отсутствие обвиняемого (ч. 2 ст. 294 УПК), уведомив последнего о месте и времени рассмотрения уголовного дела путем направления соответствующей просьбы органу иностранного государства.

В исполнении просьбы органа иностранного государства о выдаче отказывается, если лицо, в отношении которого поступила просьба, в момент вынесения постановления Генеральным прокурором Республики Беларусь или его заместителем является гражданином Респуб-

ки Беларусь. Именно такая формулировка соответствует ст. 10 Конституции Республики Беларусь.

После восстановления независимости государствами, входившими ранее в состав Советского Союза, наибольшее тяготение друг к другу продолжается между Беларусью и Россией, что связано прежде всего с тесным переплетением экономических и личных связей. Проявлением этих отношений стало подписание 8 декабря 1999 г. Договора о создании Союзного государства [333]. Союзное государство базируется на принципах суверенного равенства государств-участников, добровольности, добросовестного выполнения ими взаимных обязательств. Граждане обоих государств беспрепятственно путешествуют по его территории, среди них имеется и значительное число трудовых мигрантов. На практике изредка, но возникают ситуации, связанные с просьбой о выдаче гражданина России, направляемой Беларусью третьими государствами, и наоборот. Достаточно вспомнить резонансное дело блогера Александра Лапшина, гражданина Израиля, России и Украины, выданного Беларусью на основании действующего международного договора (Конвенция СНГ 2002 г.) и установленной национальным законодательством процедуры Азербайджану [334]. По мнению Министерства иностранных дел Российской Федерации, в рамках вышеуказанного Договора принято принципиальное решение выравнивать права граждан одного и другого государства во всех без исключения областях, что также требует единой политики в области экстрадиции [335]. Однако есть ли для этого правовые основания?

Исходя из нереализованности до настоящего момента международной правосубъектности Союзного государства [336, с. 74], несмотря на формальное провозглашение в ст. 14 Договора о создании Союзного государства, спорным и требующим дополнительного глубокого анализа является вопрос о существовании гражданства Союзного государства. Ограничения содержит и сама рассматриваемая норма: *«до принятия союзного нормативно-правового акта в области гражданства правовое положение граждан Союзного государства регулируется национальными законодательными актами государств-участников, договорами между ними в данной области»* и самим Договором. Соответствующего союзного акта не было принято до настоящего момента, а законодательства Беларуси и России не устанавливают статус гражданина Союзного государства. Более того, в международных договорах между двумя государствами до настоящего момента проводится разграничение гражданства Беларуси и России (например, Соглашение между Республикой Беларусь и Российской Федерацией об обеспечении равных прав граждан Республики Беларусь и Российской Федерации на свободу передвижения, вы-

бор места пребывания и жительства на территориях государств – участников Союзного государства от 24 января 2006 г.).

О том, что граждане одного договаривающегося государства не обладают полным объемом прав и обязанностей гражданина другого договаривающегося государства, говорит ч. 5 ст. 14 Договора о создании Союзного государства: «...*граждане Союзного государства пользуются равными правами и несут равные обязанности на территории другого государства-участника, если иное не предусмотрено законодательными актами государств-участников, договорами между ними*». К тому же следует учитывать, что указанный договор не имеет прямого действия и многие его декларативные нормы прописываются в отдельно заключаемых международных договорах и национальных нормативных правовых актах.

Статья 10 Конституции Республики Беларусь предоставляет исключительно гражданам Республики Беларусь гарантию невыдачи иностранному государству. Данная гарантия в некоторых случаях может быть ограничена международным договором Республики Беларусь. То есть в случае взятия на себя соответствующих международных обязательств Республика Беларусь может выдать иностранному государству и своего гражданина. На данный момент такого договора Беларусь не подписала. Статья 61 Конституции Российской Федерации в принципе исключает экстрадицию собственного гражданина.

Все международные договоры Республики Беларусь о правовой помощи по уголовным делам и о выдаче указывают в качестве основания для отказа в выдаче принадлежность лица, выдача которого требуется, к гражданству «запрашиваемой Договаривающейся Стороны», «вызываемой Договаривающейся Стороны» либо «Договаривающейся Стороны, к которой обращено требование» (например, ст. 55 Договора между Союзом Советских Социалистических Республик и Венгерской Народной Республикой об оказании правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам, ст. 64 Договора между Республикой Беларусь и Литовской Республикой о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, ст. 57 Конвенции СНГ 1993 г., ст. 3 Договора между Республикой Беларусь и Объединенными Арабскими Эмиратами о выдаче). Аналогичные формулировки можно найти в международных договорах Российской Федерации. То есть стороны рассмотренных договоров всегда предусматривают исключение экстрадиции граждан именно того государства, к которому обращена просьба о выдаче, так как признается и уважается право защиты таких лиц сувереном. Соответственно, гипотетически допускаемая норма о невыдаче гражданина Союзного государства не сможет применяться в отношении государств, с которыми заключены действующие договоры о правовой

помощи по уголовным делам и о выдаче, либо потребуется внесение необходимых изменений в такие договоры, что вынудит искать взаимного согласия договаривающихся государств. При этом норма п. 1 ч. 1 ст. 484 УПК о том, что просьба о выдаче лица иностранному государству не исполняется, если лицо, в отношении которого поступила такая просьба, является гражданином Республики Беларусь, будет подлежать изменению для применения ее на основании принципа взаимности с государствами, с которыми не заключен соответствующий международный договор. Следовательно, претерпит изменение и п. 1 ч. 1 ст. 464 УПК РФ.

Нужно иметь в виду, что в силу желания Республики Беларусь присоединиться в будущем к Европейской конвенции о выдаче 1957 г., ст. 6 последней также указывает на право государства отказать в выдаче исключительно своих граждан, хотя каждое договаривающееся государство и может при присоединении к данной конвенции сделать заявление о своем понимании термина «граждане». Российская Федерация при ратификации указанной конвенции сделала заявление, что согласно ст. 61 (ч. 1) Конституции Российской Федерации гражданин Российской Федерации не может быть выдан другому государству (ст. 1 Федерального закона от 1 декабря 1999 № 190-ФЗ «О ратификации Европейской конвенции о выдаче, Дополнительного протокола и Второго дополнительного протокола к ней»). В то же время Дания в декларации к данной конвенции указала, что в целях данного акта под гражданами понимаются граждане Дании, Финляндии, Исландии, Норвегии или Швеции, а также постоянные жители этих государств. Схожие заявления сделали все указанные Скандинавские государства. Декларации к Европейской конвенции о выдаче касательно возможности невыдачи иностранных граждан-резидентов при определенных условиях сделали также Венгрия, Люксембург и Нидерланды.

В декларации, сделанной Нидерландами, прослеживается отход уголовного права в большей части Европы от кары как главной цели и движение в направлении реабилитации оступившегося члена общины. Данное государство распространило термин «гражданин» также на иностранцев *«настолько интегрировавшихся в нидерландское общество, что они могут быть уголовно преследуемы в Королевстве Нидерланды за деяние, в отношении которого запрашивается выдача»*. Аналогичную декларацию сделал Люксембург.

В литературе отмечается, что широкая практика невыдачи третьему государству постоянно проживающих иностранных граждан имеется именно у Скандинавских стран [337, с. 29–61]. Соответствующие нормы имеются в отдельных двухсторонних договорах о выдаче, за-

ключенных этими государствами с третьими государствами (например, в ст. 5 Договора о выдаче между Данией и США 1972 г. указано, что «Дания не связана необходимостью выдачи граждан Дании, Финляндии, Исландии, Норвегии или Швеции» [338, с. 37–43], в ч. 2 ст. 5 Договора о выдаче между Австралией и Норвегией 1985 г. указано, что «если Австралия запросит выдачу лица, которое является резидентом Норвегии и гражданином Дании, Финляндии, Исландии или Швеции, в выдаче может быть отказано с указанием причин...» [339, с. 72–79]). И такая практика больше связана не с попыткой обеспечения реабилитации запрашиваемого лица, а с необходимостью обеспечения равного отношения к гражданам в рамках стран Северной Европы, которая законодательно закреплена в ст. 2 Договора 1962 г. о сотрудничестве между Данией, Финляндией, Исландией, Норвегией и Швецией [340] словами «при разработке законов и постановлений в любой из Северных стран граждане всех других Северных стран должны рассматриваться на равном правовом положении с гражданами первой упомянутой страны. Это правило применяется во всех сферах, подпадающих под юрисдикцию Договора о сотрудничестве».

Возможность непередачи резидента в рамках системы европейского ордера на арест поставлена в зависимость от обязательства запрашиваемого государства осуществить исполнение приговора в соответствии с национальным законодательством такого государства (п. 6 ст. 4 рамочного решения Совета ЕС от 13 июня 2002 г. о Европейском ордере на арест и процедурах передачи лиц между государствами-членами [341]).

На данный момент нам не известны иные примеры международных договоров либо норм национального права (даже в Скандинавских странах), которые позволяли бы суверенному государству отказывать в выдаче иностранного гражданина третьему государству лишь по основанию принадлежности его к гражданству определенного другого государства. В то же время отсутствие договора о выдаче между государствами, а также внутрисударственных предписаний о выдаче на основании принципа взаимности позволяет государству отказать в экстрадиции и на основании постоянного проживания лица на территории запрашиваемого государства, и просто при наличии у такого лица гражданства какого-либо (например, так называемого союзного) государства.

Следует отметить, что государства, входившие ранее в состав Британской империи и входящие в настоящий момент в Содружество наций, могут руководствоваться Лондонской программой по выдаче 1966 г. (*The London scheme for extradition within the Commonwealth*) [342]. В ч. 3 ст. 15 данной программы в качестве факультативного основания к отказу в выдаче рассматривается гражданство либо постоянное резидентство

(независимо от принадлежности к гражданству либо подданству определенного государства) лица в запрашиваемом государстве.

В исследуемом вопросе интересным является судебная практика Европейского союза, государства-члены которого не заключали соглашений, исключающих выдачу третьим странам граждан других государств-членов. Известно дело, рассмотренное в рамках преюдициального производства Судом ЕС № С 182/15 по запросу Верховного Суда Латвии (экстрадиционное дело гражданина Эстонии А. Петрухина).

Гражданин Эстонии, задержанный в 2015 г. в Латвии по запросу Российской Федерации, ссылался на то, что договоры между балтийскими государствами и право ЕС гарантируют ему на территории Латвии равную защиту с гражданами этого государства. Так как ст. 62 Договора между Российской Федерацией и Латвийской Республикой о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам не допускает выдачу граждан Латвии Российской Федерации, то и он не может быть выдан.

Суд ЕС постановил, что если государство-член, в которое переехал гражданин Союза – гражданин другого государства-члена, получает запрос о выдаче от третьего государства, с которым первое государство-член заключило договор о выдаче, оно должно проинформировать государство-член, гражданином которого является такое лицо, и, если это последнее государство-член запросит, передать ему этого гражданина в соответствии с положениями рамочного решения Совета ЕС от 13 июня 2002 г. о Европейском ордере на арест и процедурах передачи лиц между государствами-членами при условии, что это государство-член обладает юрисдикцией в соответствии со своим национальным законодательством для судебного преследования такого лица за правонарушения, совершенные за пределами своей национальной территории. Если какое-либо государство-член получает запрос от третьего государства, ходатайствующего о выдаче гражданина другого государства-члена, то это первое государство-член должно удостовериться в том, что выдача не наносит ущерба правам, указанным в ст. 19 Хартии основных прав ЕС [343].

Как мы видим, Суд ЕС не установил нарушения принципа недискриминации граждан. Последний он рассматривал в контексте недопустимости уклонения от ответственности. При этом Суд отметил, что при условии, что в государстве гражданства действует уголовно-правовой принцип гражданства, лицо может быть передано в такое государство на основании направленного Европейского ордера на арест (соответственно, запрашиваемое государство обязано было проинформировать государство гражданства о такой возможности). Еще одним выходом могло бы быть установление в национальном уголовном законе

запрашиваемого государства нормы о допустимости наказания резидента-гражданина другого государства ЕС за преступление, совершенное на территории вне ЕС. Таким образом, применение всех доступных инструментов сотрудничества и правовой помощи, предусмотренных европейским правом, позволяет соблюсти баланс между необходимостью исключить риск ухода от ответственности и гарантией фундаментальных свобод и принципов права ЕС [344, с. 444].

Исходя из вышесказанного, исключение выдачи иностранного гражданина для осуществления уголовного преследования и (или) отбывания наказания с учетом действующего законодательства Республики Беларусь приведет к нарушению международно-правового принципа *aut dedere aut judicare* и принципа национального уголовного права – неотвратимости ответственности. Многие международные договоры Республики Беларусь предусматривают взаимную обязанность договаривающихся сторон возбуждать уголовное преследование против своих граждан, подозреваемых в совершении преступлений на территории другой договаривающейся стороны, особенно если в их выдаче отказано (например, ст. 61 Договора между Республикой Беларусь и Литовской Республикой о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, ст. 5 Договора между Республикой Беларусь и Объединенными Арабскими Эмиратами о выдаче, п. 1 ст. 4 Конвенции о борьбе с незаконным захватом воздушных судов 1970 г., п. 3 ст. 15 Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г.). Данные нормы являются альтернативой невыдаче исключительно собственных граждан.

Для того чтобы реализовать указанный принцип международного права, Республика Беларусь должна обладать юрисдикцией для уголовного преследования. Статья 6 УК предусматривает, что иностранный гражданин, совершивший преступление вне пределов Республики Беларусь, подлежит ответственности по данному Кодексу в случаях совершения тяжких и особо тяжких преступлений, направленных против интересов Республики Беларусь. В иных случаях иностранные граждане могут быть привлечены к уголовной ответственности независимо от уголовного права места совершения деяния в отношении преступлений, перечисленных в ч. 3 ст. 6 УК (геноцид, экоцид, преступления против безопасности человечества и т. д.). Схожие правила можно найти в ст. 12 УК РФ. Тем самым, если Беларусь откажет в выдаче гражданина Российской Федерации третьему государству за преступление, совершенное в последнем, не получив просьбы о выдаче такого лица от России, она сама не сможет уголовно преследовать такого иностранного гражданина и по-

ставит его в привилегированное положение по сравнению с гражданами Республики Беларусь, нарушив принцип неотвратимости ответственности. Российская Федерация же не всегда сможет вести против такого своего гражданина уголовное преследование (например, из-за ненаказуемости подобного деяния) для направления просьбы о его выдаче Республике Беларусь (как это было в случае с А. Лапшиным [345]). Все сказанное действует и в отношении белорусских граждан на территории Российской Федерации.

Вернувшись к анализу ст. 10 Конституции Республики Беларусь, заметим, что ее конструкция в отличие от российского аналога позволяет говорить о равном отношении к гражданам Беларуси и России в исследуемой сфере, так как и те и другие могут быть выданы на основании международного договора (белорусская норма не устанавливает абсолютного запрета на выдачу собственных граждан).

Лицо, которому в соответствии с Законом Республики Беларусь «О предоставлении иностранным гражданам и лицам без гражданства статуса беженца, дополнительной защиты, убежища и временной защиты в Республике Беларусь» [346] предоставлены статус беженца, дополнительная защита, убежище или временная защита в Республике Беларусь, не подлежит выдаче, если оно не может быть выдворено за пределы Республики Беларусь в соответствии с законодательными актами Республики Беларусь. На момент вынесения постановления Генеральным прокурором Республики Беларусь или его заместителем должен вступить в силу Указ Президента Республики Беларусь о предоставлении убежища, постановление Совета Министров Республики Беларусь о предоставлении временной защиты, решение Департамента по гражданству и миграции МВД о предоставлении статуса беженца, дополнительной защиты. В этом случае лицо не может быть выдано ни одному государству, даже если оно дает согласие на выдачу. На наш взгляд, в случае если в момент рассмотрения просьбы о выдаче лица рассматривается его ходатайство о защите в Республике Беларусь, следует отложить принятие решения Генеральной прокуратурой до момента вынесения решения по существу ходатайства лица.

Не совсем правильная формулировка п. 3 ст. 484 УПК может необоснованно привести к отказу в исполнении просьбы органа иностранного государства. Иностранцы граждане и не проживающие постоянно в Республике Беларусь лица без гражданства, совершившие преступление вне пределов Беларуси, подлежат ответственности в соответствии с УК, только если ими совершены особо тяжкие преступления, направленные против интересов Республики Беларусь (ч. 2 ст. 6 УК). Исходя из между-

народной практики, следует отказывать в исполнении просьбы о выдаче, если лицо, в отношении которого поступила такая просьба, совершило деяние, которое не является преступлением в соответствии с УК. Несовпадение в юридической квалификации либо в описании отдельных признаков состава преступления, за совершение которого запрашивается выдача, не может являться основанием для отказа в выдаче, так как учитываются фактические обстоятельства деяния и его наказуемость по законам обоих государств [203]. Основанием для отказа в исполнении просьбы о выдаче является также освобождение лица от уголовной ответственности или отбывания наказания за преступление, послужившее основанием для этой просьбы, в связи с принятием (изданием) правовых актов Республики Беларусь об амнистии или о помиловании. Принятие акта об амнистии в иностранном государстве во внимание не принимается.

Не подлежит выдаче лицо, если в государстве, органом которого была направлена просьба о выдаче, в отношении этого лица уголовное преследование будет осуществляться либо приговор будет приводиться в исполнение для его преследования по признаку расы, пола, вероисповедания, гражданства, этнической принадлежности, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений. Данная норма УПК коррелирует с обстоятельствами, при которых иностранцы не могут быть выдворены за пределы Беларуси, установленными в ст. 17¹ Закона Республики Беларусь от 4 января 2010 «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь» [347]. При этом законодатель в УПК упустил еще одну гарантию, установленную в данном законе: иностранцы не могут быть выдворены за пределы Республики Беларусь в иностранное государство, где им угрожают пытки.

В связи с тем что преступления, аналогичные по составу содержащимся в гл. 37 УК, угрожают интересам исключительно государства гражданства, в международной практике их исключили из возможных для выдачи. Однако если в составе воинского преступления содержатся признаки общеуголовного преступления (убийство, причинение тяжких телесных повреждений и др.), в выдаче не следует отказывать.

Учитывая древнеримский принцип *ne bis in idem* («не отомстимо дважды за едино»), лицо не подлежит выдаче, если в момент вынесения постановления Генеральным прокурором Республики Беларусь или его заместителем в отношении этого лица имеются неотмененное постановление органа уголовного преследования об отказе в возбуждении уголовного дела или о прекращении уголовного преследования,

производства по уголовному делу либо вступившие в законную силу приговор или постановление (определение) суда Республики Беларусь о прекращении производства по уголовному делу по тому же деянию, в связи с которым поступила эта просьба, либо лицо, в отношении которого поступила просьба, отбыло наказание или к нему были применены иные меры уголовной ответственности за преступление, послужившее основанием для такой просьбы (например, лицо было осуждено с условным неприменением наказания).

Если в отношении такого лица в Республике Беларусь осуществляется уголовное преследование за то же деяние, в отношении которого поступила просьба органа иностранного государства, то выдача лица допускается (основание для отказа является факультативным). В случае если лицо уголовно преследуется на территории Республики Беларусь или отбывает наказание за иное преступление, то его выдача может быть отсрочена (ст. 485 УПК).

Не подлежит выдаче лицо, если в соответствии с законодательством Республики Беларусь (ст. 83–85 УК) или иностранного государства на момент вынесения постановления Генеральным прокурором Республики Беларусь или его заместителем истек срок давности привлечения такого лица к уголовной ответственности или исполнения в отношении его обвинительного приговора.

В соответствии с ч. 3 ст. 24 Конституции Республики Беларусь смертная казнь является исключительной мерой наказания, и государство стремится к ее отмене. Смертная казнь может применяться только «в соответствии с законом», под которым в Конституции нашей суверенной страны понимается Закон Республики Беларусь. За ограничение применения смертной казни выступил также Конституционный Суд [348]. Поэтому лицо не подлежит выдаче, если в соответствии с уголовным законом иностранного государства к нему может быть применена смертная казнь, а в соответствии с УК Беларуси – нет. Исключением из этого правила является предоставление иностранным государством обязательства о неприменении к лицу смертной казни.

В соответствии со ст. 59 УК допускается применение смертной казни – расстрела – в качестве исключительной меры наказания за некоторые особо тяжкие преступления, сопряженные с умышленным лишением жизни человека при отягчающих обстоятельствах (до отмены смертной казни). В ч. 2 этой же статьи установлены ограничения в применении смертной казни в отношении отдельных категорий лиц. Если судом иностранного государства назначена лицу смертная казнь за аналогичное преступление, за которое предусмотрена смертная казнь

и в Республике Беларусь, то в данном случае просьба иностранного государства о выдаче может быть удовлетворена при условии неприменения смертной казни к лицам, указанным в ч. 2 ст. 59 УК.

Генеральный прокурор Республики Беларусь и его заместитель не имеют права вынести постановление о выдаче лица для осуществления уголовного преследования и (или) отбывания наказания, если судом Республики Беларусь в порядке гл. 57 УПК вынесено постановление о признании постановления о выдаче лица иностранному государству для осуществления уголовного преследования и (или) отбывания наказания незаконным и его отмене, отмене меры пресечения и освобождении лица и такое постановление не было отменено.

Если преступление, в котором обвиняется лицо, в отношении которого поступила просьба о выдаче, в Республике Беларусь (ч. 2 ст. 26 УПК) или иностранном государстве преследуется в порядке частного обвинения, лицо не подлежит выдаче.

Если лицо, в отношении которого поступила просьба о выдаче, было ранее выдано на основании просьбы органа Республики Беларусь, ведущего уголовный процесс, третьим государством и согласие этого государства на выдачу не получено, то выдача невозможна. Тем самым Республикой Беларусь гарантируется соблюдение принципа конкретности.

Законодатель запретил выдачу лиц, которые совершили преступление, в связи с которым поступила просьба о выдаче, на территории Республики Беларусь или против интересов Республики Беларусь. Если иностранец совершит преступление против интересов другого государства на территории Республики Беларусь, он также не подлежит выдаче. Отметим, что в Конвенции СНГ 2002 г. (ч. 2 ст. 89) аналогичное основание для отказа в выдаче является факультативным.

Если просьба органа иностранного государства о выдаче включает ряд отдельных преступлений, некоторые из которых не отвечают условиям ст. 484 УПК (например, о сроке наказания), то Генеральная прокуратура Республики Беларусь может исполнить такую просьбу в отношении остальных преступлений.

Иногда просьбу о выдаче могут направить органы нескольких государств. Условно можно выделить два вида таких коллизий: а) лицо истребуется по обвинению в совершении одного и того же преступления (например, государством совершения и государством гражданства либо государствами, чьим интересам причинен ущерб); б) лицо истребуется по обвинению в совершении различных преступлений. При подобной коллизии вопрос решается по усмотрению Генерального прокурора Республики Беларусь или его заместителя. Так как лицо не может быть

выдано сразу нескольким государствам, то Республика Беларусь вынуждена одному государству выдать лицо, а остальным – отказать в его выдаче. При этом Генеральный прокурор Республики Беларусь или его заместитель одновременно с выдачей могут дать согласие на последующую выдачу лица иному запрашивающему государству. Но следует учитывать, что в доктрине и законодательстве других государств предпочтение отдается государству, на территории которого было совершено преступление. Если преступление совершено на территории нескольких государств или преступлений было несколько, то принимаются во внимание такие факты, как гражданство, тяжесть преступления и срок направления просьбы о выдаче. В литературе также справедливо отмечено, что в целях процессуальной экономии следует все просьбы в отношении одного лица одновременно рассматривать на предмет допустимости выдачи.

В случае если Генеральным прокурором Республики Беларусь или его заместителем было вынесено постановление о выдаче лица иностранному государству для осуществления уголовного преследования и (или) отбывания наказания, а орган иностранного государства не примет это лицо в соответствии с правилами ст. 502 УПК, такому государству может быть отказано в исполнении просьбы о выдаче в отношении того же лица за то же преступление.

В случае отказа в выдаче запрашиваемому государству сообщаются причины отказа.

При решении вопроса об отказе в исполнении просьбы органа иностранного государства – участника Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности от 14 декабря 2000 г. о выдаче лица следует учитывать норму п. 16 ст. 16 Конвенции о том, что *«до отказа в выдаче запрашиваемое Государство-участник, в надлежащих случаях, проводит консультации с запрашивающим Государством-участником, с тем чтобы предоставить ему достаточные возможности для изложения его мнений и представления информации, имеющей отношение к изложенным в его просьбе фактам»*. Таким образом, норма Конвенции должна быть учтена в ходе принятия решения в соответствии со ст. 495 УПК.

Выше были приведены основания отказа в выдаче в зависимости от обязательности их для органа, разрешающего вопрос о выдаче. Основания отказа в выдаче можно подразделять также по характеру на конституционные (например, невыдача собственных граждан), зависящие от взаимности, или международно-правовые (например, невыдача беженцев) и специальные (например, уголовно-правовые: *ne bis in idem*, истечение сроков давности).

Еще в XIX в. встал вопрос о пределах уголовного преследования выданного лица [349, с. 491]. Государство, стремясь к достижению общей цели – уменьшению уровня преступности, передает лицо из своей юрисдикции другому государству для уголовного преследования или исполнения приговора только в связи с определенным деянием выдаваемого. Лицо не может быть подвергнуто в иностранном государстве уголовному преследованию, осуждено либо задержано для отбывания наказания, выдано третьему государству за иное преступление. С этой целью орган иностранного государства представляет вместе с просьбой письменное обязательство (ч. 1 ст. 475 УПК). Однако в целях процессуальной экономии Генеральный прокурор либо его заместитель могут принять решение о разрешении иностранному государству уголовно преследовать, осудить, исполнить наказание или выдать лицо третьему государству в связи с иным преступлением. В противном случае если будет обнаружено иное преступление, совершенное выданным лицом до выдачи и не указанное в просьбе о выдаче, то орган иностранного государства должен направить в Генеральную прокуратуру Республики Беларусь просьбу дать согласие на осуществление уголовного преследования или исполнение приговора по новому преступлению.

Следует признать, что решение Генерального прокурора Республики Беларусь или его заместителя об осуществлении уголовного преследования на территории иностранного государства в отношении лица, ранее выданного Республикой Беларусь этому иностранному государству по обвинению в совершении или за совершение иного преступления, является соответствующим решением Генерального прокурора Республики Беларусь или его заместителя для уголовного преследования лица за преступление, не являвшееся ранее основанием для выдачи. После прекращения уголовного преследования и (или) отбывания наказания либо освобождения от наказания (в течение 45 суток) лицо вправе свободно покинуть территорию государства, которому оно было выдано, о чем также отбирается письменное обязательство. Если лицо, имея возможность, не покинет в течение 45 суток территорию иностранного государства или покинет, но добровольно вернется на его территорию, иностранное государство может не соблюдать указанные обязательства. Срок в 45 суток преследует две цели: он ограничивает принцип конкретности определенной продолжительностью, а во-вторых, дает возможность выданному лицу после окончания проводимых на основании выдачи процедур задержаться в иностранном государстве, не боясь, из-за преступления, которое не было основой для выдачи, быть привлеченным к ответственности [350, с. 102].

Несмотря на вышесказанное, судебная практика показывает, что суды Республики Беларусь не всегда знают положения международных договоров и не знакомы с принципом конкретности при оказании международной правовой помощи: осуждают выданное лицо, инкриминируя ему преступления, о которых не упоминалось в требовании о выдаче [351, с. 27–28; 352, с. 29–30; 353, с. 22–23], либо прибавляют к наказанию, назначенному лицу, выданному для привлечения к уголовной ответственности, ранее неотбытое наказание [354, с. 27–28]. В то же время Верховный Суд Республики Беларусь разъяснил судам принцип конкретности в своем письме от 14 февраля 2003 г. [332, с. 9]. При рассмотрении уголовного дела в отношении выданного лица указанные в ст. 301 УПК пределы судебного разбирательства определяются не только обвинением, предъявленным в порядке, установленном УПК, но и содержанием решения компетентного органа иностранного государства об удовлетворении просьбы органа, ведущего уголовный процесс, о выдаче, а также самой такой просьбы.

На наш взгляд, можно воспользоваться опытом Украины и закрепить пределы уголовной ответственности выданного лица в УПК (ст. 576 УПК Украины).

Говоря об органах, рассматривающих вопросы о выдаче, можно условно выделить три системы: 1) классическую (административную), при которой вопрос разрешается исключительно исполнительной властью, в том числе и прокуратурой (Беларусь, Исландия, Казахстан, Кыргызстан, Латвия, Россия, Швейцария); 2) судебную, в которой вопрос решает судебный орган (Азербайджан, Болгария, Великобритания, Молдова, Норвегия, Румыния); 3) судебно-административную (смешанную), которая совместила в себе две предыдущие: решение судебной власти носит консультативный характер, но если суд отказал в выдаче, то это решение, как правило, является окончательным (Австрия, Германия, Франция, Хорватия, Швеция, Эстония).

В Республике Беларусь со времен СССР сохраняется административный порядок разрешения просьб органов иностранных государств о выдаче лица. Однако законодатель, учитывая нормы ст. 60 Конституции Республики Беларусь, допустил возможность обжалования постановления Генерального прокурора Республики Беларусь или его заместителя в суд (гл. 57 УПК), что сближает процедуру рассмотрения о выдаче лица в Республике Беларусь с практикой, принятой в большинстве государств – членов ЕС. Однако для объективного разрешения вопроса о выдаче лица Республикой Беларусь, по нашему мнению, следует перейти к третьей системе: принятие решения о наличии юридических оснований для выдачи лица иностранному государству судом, а затем

уже на основании постановления судьи о поддержании выдачи окончательное политическое решение вопроса о выдаче, с учетом сложившихся межгосударственных отношений, Генеральным прокурором Республики Беларусь, его заместителем.

Выдача лица иностранному государству, как правило, ведет к вынесению в отношении него приговора и лишению его свободы, т. е. ограничивается одно из основных прав человека – право на свободу и неприкосновенность. Для недопущения необоснованного ограничения данного права, закрепленного в Конституции Республики Беларусь за всеми гражданами, такое решение не может быть окончательно принято без участия судебной власти. Еще в XIX в. российский юрист Д. Никольский отмечал, что «выдача как особая форма международного уголовного судопроизводства должна быть всецело вверена органам судебной власти» [20, с. 267]. Аналогичное мнение высказали и ученые на Оксфордской сессии Института международного права в 1880 г.: «Было бы желательно, чтобы в стране убежища судебная власть была призвана оценивать запрос о выдаче после состязательных прений» [355]. Положение о разрешении допустимости выдачи судом закреплено в уголовно-процессуальных кодексах Польши (разд. 65), Эстонии (§ 446), Законе ФРГ «О международной правовой помощи по уголовным делам» (§ 30). Кроме того, норма о том, что выдача возможна только по решению суда, заложена в конституциях Польши (ч. 5 ст. 55) [356, с. 694], Португалии (ч. 7 ст. 33) [357, с. 758], Румынии (ч. 4 ст. 19) [358, с. 65].

Нормы разд. XV УПК об обжаловании носят праввосстановительный характер и позволяют восстановить нарушенные в результате незаконных и необоснованных решений должностных лиц права и законные интересы лиц, вовлеченных в процедуру оказания международной правовой помощи по уголовным делам. Статья 515 УПК расширяет круг лиц, обладающих правом обжалования. К ним отнесены лица, в отношении которых вынесены постановление о выдаче лица иностранному государству для осуществления уголовного преследования и (или) отбывания наказания или постановление о выдаче на время лица иностранному государству для производства процессуальных действий с его участием в качестве обвиняемого, а также их защитники. Срок обжалования составляет 10 суток с момента получения копии соответствующего постановления. Жалоба подается в областной, Минский городской суды по месту нахождения этих лиц.

Закон четко регламентирует в ст. 516 УПК процедуру рассмотрения жалоб судом. Судебная проверка законности постановлений о выдаче лица иностранному государству для осуществления уголовного преследования и (или) отбывания наказания и о выдаче на время лица ино-

странному государству для производства процессуальных действий с его участием в качестве обвиняемого проводится единолично судьей соответственно областного, Минского городского судов. Срок судебной проверки – не позднее одного месяца со дня поступления жалобы в суд. Форма судебной деятельности – закрытое судебное заседание. В судебном заседании присутствуют прокурор, лицо, подавшее жалобу, и (или) его защитник. В связи с тем что жалобу вправе подать и защитник, считаем, что в судебном заседании имеет право присутствовать и не подавшее жалобу лицо, в отношении которого вынесено соответствующее постановление. Администрация места содержания лица под стражей (администрация исправительного учреждения) обязана обеспечить доставку лица, подавшего жалобу, либо лица, по поводу которого жалобу подал его защитник, в судебное заседание для рассмотрения жалобы.

Предметом судебной проверки является законность и обоснованность соответствующего постановления Генерального прокурора Республики Беларусь или его заместителя. Проверяется его соответствие УПК. На наш взгляд, исходя из нормы ч. 5 ст. 1 УПК, а также приведенных нами в предыдущей главе доводов, суд должен проверить соответствие указанного постановления и международным договорам Республики Беларусь с определенным иностранным государством. Однако суд не вправе входить в разрешение вопроса о виновности лица и иных вопросов, связанных с разрешением дела по существу.

По результатам судебной проверки законности постановления о выдаче лица иностранному государству для осуществления уголовного преследования и (или) отбывания наказания или о выдаче на время лица иностранному государству для производства процессуальных действий с его участием в качестве обвиняемого судья выносит одно из следующих постановлений:

1) о признании постановления о выдаче лица иностранному государству для осуществления уголовного преследования и (или) отбывания наказания или о выдаче на время лица иностранному государству для производства процессуальных действий с его участием в качестве обвиняемого законным и об оставлении жалобы без удовлетворения;

2) о признании постановления о выдаче лица иностранному государству для осуществления уголовного преследования и (или) отбывания наказания незаконным, его отмене, отмене меры пресечения и освобождении лица из-под стражи, домашнего ареста;

3) о признании постановления о выдаче на время лица иностранному государству для производства процессуальных действий с его участием в качестве обвиняемого незаконным и его отмене.

В случае если при рассмотрении жалобы судья выявил нарушения закона, ущемляющие права и свободы граждан, он вправе в соответствии с ч. 3 ст. 33 УПК вынести частное постановление, в котором обращается внимание соответствующих должностных лиц на данные обстоятельства и факты нарушения закона, требующие принятия необходимых мер.

Постановление суда, принятое по итогам рассмотрения жалобы, может быть в течение 10 суток с момента его вынесения опротестовано прокурором и (или) обжаловано лицом, подавшим жалобу, или его защитником в Верховный Суд Республики Беларусь. Если постановление не было опротестовано (обжаловано), оно по истечении 10 суток с момента вынесения вступает в силу, в противном случае его исполнение приостанавливается.

Срок рассмотрения жалобы судьей Верховного Суда Республики Беларусь – в течение трех суток со дня поступления в суд протеста (жалобы). Рассмотрение осуществляется единолично судьей в закрытом судебном заседании. Обязательным является участие в рассмотрении прокурора.

Постановление судьи Верховного Суда Республики Беларусь по вопросу выдачи лица иностранному государству для осуществления уголовного преследования и (или) отбывания наказания или по вопросу выдачи на время лица иностранному государству для производства процессуальных действий с его участием в качестве обвиняемого является окончательным и не может быть обжаловано (опротестовано). Оно в течение 24 часов направляется лицу, подавшему жалобу, и прокурору. На наш взгляд, в случае если жалобу подавал защитник либо был подан протест прокурором, постановление судьи Верховного Суда Республики Беларусь должно быть направлено и лицу, в отношении которого было вынесено обжалуемое изначально постановление Генерального прокурора Республики Беларусь или его заместителя.

Постановление суда, в результате принятия которого в исполнении просьбы органа иностранного государства было отказано, в соответствии с ч. 2 ст. 115 Конституции Республики Беларусь является обязательным для Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, и лицо не может быть выдано (п. 12 ч. 1 ст. 484 УПК).

В случае если лицо уголовно преследуется в Республике Беларусь за иное преступление, то его выдача может быть отложена до момента окончания такого преследования или исполнения приговора (ст. 485 УПК). Решение об отсрочке выдачи, на наш взгляд, следует принимать и в случае, если выдаваемое лицо находится в состоянии тяжелого заболевания. После отпадения оснований отсрочки (прекращение уголовного преследования лица, приведение приговора в исполнение, отбытие

наказания либо освобождение от него) просьба органа иностранного государства рассматривается заново Генеральным прокурором Республики Беларусь или его заместителем. Если отсрочка исполнения просьбы о выдаче может повлечь истечение срока давности привлечения к уголовной ответственности или затруднить расследование преступления, то на основании просьбы органа иностранного государства лицо может быть выдано на время для производства процессуальных действий с его участием в качестве обвиняемого на территории иностранного государства (ст. 476 УПК). При этом орган иностранного государства должен гарантировать, что выданное на время лицо будет содержаться под стражей и будет возвращено в Республику Беларусь по окончании производства процессуальных действий, для которых оно было выдано, но не позднее определенного срока, а также не будет подвергаться без соответствующего решения Генерального прокурора Республики Беларусь или его заместителя в этом иностранном государстве уголовному преследованию, за исключением преступления, послужившего основанием для такой просьбы, а также не будет осуждено либо задержано в целях отбывания наказания за преступление, совершенное им до пересечения государственной границы этого иностранного государства. Согласие лица для его выдачи иностранному государству на время не требуется. В отличие от передачи лица на время для производства процессуальных действий срок выдачи на время ограничивается 3 месяцами, но может быть продлен Генеральным прокурором Республики Беларусь или его заместителем.

При положительном решении вопроса о выдаче лица иностранному государству для осуществления уголовного преследования и (или) отбывания наказания и после истечения срока на обжалование постановления о выдаче, а если оно было обжаловано – после вступления в силу постановления судьи (ст. 516 УПК) Генеральная прокуратура Республики Беларусь сообщает органу иностранного государства о месте, дате и времени фактической передачи лица органу иностранного государства. Если иностранное государство не примет лицо в установленный срок, то Генеральная прокуратура Республики Беларусь может либо освободить лицо, либо повторно назначить место, дату и время фактической передачи лица органу иностранного государства. Такой срок не может превышать 15 суток с первоначально установленной даты его передачи. В случае если орган иностранного государства повторно не примет лицо, оно подлежит освобождению, и в последующем может быть отказано в его выдаче тому же иностранному государству в связи с совершением того же деяния (п. 3 ч. 2 ст. 484 УПК).

Большинство международных договоров о выдаче предусматривают обязанность запрашивающего государства уведомить запрашиваемое государство о результатах уголовного преследования в отношении выданного лица. Такие уведомления направляет Генеральная прокуратура Республики Беларусь на основании данных, полученных от органов, ведущих уголовный процесс и инициировавших выдачу лица. Но практика показывает, что последние без напоминания Генеральной прокуратуры Республики Беларусь не пересылают копии окончательных решений в отношении выданных лиц. Поэтому предлагается установить в УПК предельный срок (1 месяц) для уведомления Генеральной прокуратуры Республики Беларусь органом, ведущим уголовный процесс, о результатах уголовного преследования.

Перевозка лица по территории независимого государства под стражей представителей иностранного государства нарушает принцип суверенитета. Поэтому для транзитной перевозки лица, выдаваемого для осуществления уголовного преследования и (или) отбывания наказания либо выдаваемого на время для производства процессуальных действий с его участием в качестве обвиняемого (а также передаваемого на время иностранному государству для производства процессуальных действий с его участием в качестве свидетеля или потерпевшего либо передаваемого для отбывания наказания в государстве, гражданином которого оно является), требуется получение разрешения компетентных органов государства транзита. Транзитная перевозка – вспомогательное процессуальное действие по отношению к соответствующим видам международной правовой помощи по уголовным делам. Просьбу о транзитной перевозке, как правило, направляет орган иностранного государства, инициировавшего оказание основного вида международной правовой помощи по уголовным делам (в случаях, когда перевозка лица по территории Республики Беларусь будет осуществляться наземным транспортом (железнодорожным либо автомобильным) или воздушным транспортом с промежуточной посадкой на территории Республики Беларусь). При осуществлении транзитной перевозки воздушным транспортом без осуществления посадки на территории Республики Беларусь направления просьбы органом иностранного государства не требуется. В случае непредвиденной посадки на территории Республики Беларусь, как видится исходя из сложившейся международной практики, следует незамедлительно (в соответствии с нормами международных договоров в течение 24 часов) направить просьбу о транзитной перевозке (хотя УПК об этом не говорит).

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что выдача обвиняемых и осужденных есть вид международной правовой помощи

по уголовным делам, в процессе которого обвиняемый либо осужденный в одном государстве передается на основании просьбы этому государству другим для осуществления уголовного преследования либо исполнения приговора. В целях дальнейшего совершенствования норм УПК Республики Беларусь о выдаче необходимо: установить судебный порядок санкционирования заключения под стражу с целью последующей выдачи; исключить возможность выдачи лица, если в иностранном государстве ему угрожают пытки; установить в УПК пределы уголовной ответственности выданного лица; обязать органы уголовного преследования Республики Беларусь уведомлять Генеральную прокуратуру Республики Беларусь в течение месяца о результатах уголовного преследования выданного лица; урегулировать вопросы транзита выданных лиц через территорию Республики Беларусь воздушным транспортом в случае экстренной посадки.

Нами также установлено, что в настоящий момент невыдача третьему государству Республикой Беларусь граждан Российской Федерации и Российской Федерацией граждан Республики Беларусь по основанию одной лишь принадлежности их к гражданам Союзного государства не в полной мере будет соответствовать международно-правовым обязательствам и национальному уголовному и уголовно-процессуальному законодательству обоих государств.

На наш взгляд, также следует закрепить процедуру рассмотрения вопроса о наличии юридических оснований для выдачи лица иностранному государству судом с последующим принятием политического решения о выдаче иностранца Генеральным прокурором Республики Беларусь или его заместителем. Лицо, представляющее интересы лица, подлежащего выдаче, нельзя именовать защитником. Правильнее применение термина «представитель». Требуется наделить правом давать объяснения при задержании (заключении под стражу) всех лиц, подлежащих выдаче.

3.3. Уголовное преследование по просьбе органа иностранного государства

Для справедливого разрешения уголовного дела оптимальным является его расследование органами уголовного преследования и рассмотрение в суде по месту совершения преступления или месту причинения ущерба от него. Поэтому государства стремятся обеспечить присутствие субъекта преступного деяния в своей территориальной

юрисдикции. Такое обеспечение достигается прежде всего применением предусмотренных законом мер пресечения. Если субъект преступления находится вне юрисдикции государства, то он может быть возвращен путем выдачи при достижении государствами соответствующей договоренности. Но, как мы установили выше, в ряде случаев в выдаче лица может быть отказано. Подобный отказ по мотивам, например, угрозы применения смертной казни не должен в обязательном порядке вести к безнаказанности лица, совершившего преступление. В этом случае начинает действовать вторая альтернатива принципа *aut dedere aut judicare* («или выдай, или суди») и государство – место нахождения лица может осуществить уголовное преследование лица. Таким было классическое понимание передачи производства по уголовному делу.

Осуществление уголовного преследования как вид международной правовой помощи представляет собой прием (передачу) проведения уголовного процесса на различных его стадиях: от возбуждения уголовного дела до вступления приговора в силу (но исключая последний этап). Как правило, просьбы об осуществлении уголовного преследования поступают на досудебных стадиях. После вступления приговора в законную силу речь можно вести об ином виде международной правовой помощи – исполнении судебного решения иностранного государства по уголовному делу¹. Их общей целью является недопущение уклонения лица, совершившего преступление, от уголовной ответственности.

Кроме случая невыдачи, институт осуществления уголовного преследования применяется в отношении лиц, пользующихся иммунитетом от юрисдикции. Лица, обладающие в стране совершения преступления иммунитетом от уголовного преследования, должны быть преданы правосудию в государстве своего гражданства. Например, как мы указывали выше, в соответствии со ст. 31, 37 Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 г. иммунитетом от уголовной юрисдикции государства пребывания пользуются дипломатический агент и некоторые иные лица, а в соответствии с ч. 1 ст. 43 Венской конвенции «консульские должностные лица и консульские служащие не подлежат юрисдикции судебных или административных органов государства пребывания в отношении действий, совершаемых ими при выполнении консульских функций». Международными договорами либо законодательством Республики Беларусь предоставлен также иммунитет от юрисдикции представителям некоторых международных организаций (см. например, Указ Президента Республики Беларусь № 265 от 15 мая 2001 г. «Об обеспечении

¹ Будет рассмотрен в следующем разделе.

условий для деятельности Постоянного представительства Российской Федерации при уставных и других органах Содружества Независимых Государств» [359], Соглашение между Республикой Беларусь и Комиссией Европейских сообществ об учреждении, привилегиях и иммунитетах Представительства Комиссии Европейских сообществ в Республике Беларусь 2008 г. [360], п. 1 Указа Президента Республики Беларусь № 221 от 30 апреля 2009 г. «Об условиях деятельности на территории Республики Беларусь постоянных полномочных представителей государств – участников Содружества Независимых Государств при уставных и других органах Содружества Независимых Государств» [361], ст. 14 Соглашения между Республикой Беларусь и Евразийским экономическим союзом об условиях пребывания Суда Евразийского экономического союза на территории Республики Беларусь 2016 г. [362]) и военнослужащим иностранных армий [363, ст. 5]. Но исключение из юрисдикции государства совершения преступления не освобождает лицо от личной (национальной) юрисдикции государства гражданства (см. ч. 1 ст. 6 УК). Мнение В. М. Волженкиной, что «без письменного согласия иностранного государства, под юрисдикцию которого подпадает гражданин, страна его гражданства самостоятельно осуществить уголовное преследование невыданного лица неполномочна» [12, с. 236], следует признать не совсем точным, так как в этом случае действует национальный принцип (принцип гражданства) [364, с. 269–270; 365, с. 33], который и позволяет стране гражданства осуществлять свою юрисдикцию.

Для правильного рассмотрения уголовного дела судом все собранные в государстве совершения преступления материалы по делу должны быть переданы в государство суда. В большинстве международных договоров институт, регулирующий возникающие при этом правоотношения, именуется «осуществление уголовного преследования» [298, с. 24]. **Осуществление уголовного преследования** как вид международной правовой помощи представляет собой согласованные передачу и прием от одного государства другому суверенного права по установлению факта и обстоятельств совершения преступления, лиц, его совершивших, и обеспечению применения к таким лицам наказания либо иных предусмотренных уголовным законом мер. Данный вид международной правовой помощи по уголовным делам включает в себя возбуждение уголовного дела по просьбе органа иностранного государства, принятие и передачу производства по уголовному делу. Следует согласиться с Л. Гардоцким, что в 1970-х гг. осуществление уголовного преследования («передача уголовного преследования») уже функционировало как самостоятельный институт международной правовой помощи [283, с. 61].

Исходя из целей уголовного преследования, его осуществление по просьбе органа иностранного государства возможно при нахождении лица, подозреваемого в совершении преступления, на территории Республики Беларусь. В отношении граждан Республики Беларусь и постоянно проживающих в Республике Беларусь лиц без гражданства принятие производства в соответствии с ч. 1 ст. 6 УК возможно при совершении любого из деяний, признаваемых преступлением уголовным законом Республики Беларусь (действуют принципы гражданства и двойной наказуемости). Часть 2 ст. 6 УК позволяет осуществлять уголовное преследование иностранного гражданина и не проживающего постоянно на территории Республики Беларусь лица без гражданства по просьбе органа иностранного государства только в случае совершения ими особо тяжкого преступления, что не в полной степени соответствует принципу *aut dedere aut judicare*. Необходимо при условии взаимности осуществлять уголовное преследование иностранцев в отношении преступлений любой тяжести, если их выдача невозможна либо в некоторых случаях отказа в выдаче. При этом возбуждение экстрадиционной процедуры не является обязательным условием для принятия производства по уголовному делу.

В отношении преступлений против мира и безопасности человечества, военных преступлений, а также ряда иных преступлений, подлежащих преследованию на основании международных договоров Республики Беларусь, применяется универсальный принцип действия закона в пространстве, закрепленный в ч. 3 ст. 6 УК. Осуществление уголовного преследования по уголовным делам такого рода возможно, даже если преступление было совершено за пределами Республики Беларусь и запрашивающего иностранного государства, но последним возбуждено уголовное дело.

Осуществление уголовного преследования на территории Республики Беларусь по просьбе органа иностранного государства может производиться в случае, если на территории соответствующего иностранного государства уже было возбуждено уголовное дело (так как должны быть представлены его материалы), но по нему еще не было принято окончательное решение (приговор суда, постановление о прекращении предварительного расследования и т. п.). Направление просьбы об осуществлении уголовного преследования без направления материалов уголовного дела (или их заверенных копий) не дает возможности произвести полное расследование, и в таких случаях отказывается в исполнении просьбы [366]. Материалы уголовного дела должны быть сопровождаемы письменным переводом на белорусский или (и) русский язык, если

иное не предусмотрено международными договорами Республики Беларусь. Правильность перевода должна быть официально удостоверена.

Генеральный прокурор Республики Беларусь или его заместитель могут дать поручение об осуществлении уголовного преследования лица, только если такое лицо подлежит уголовной ответственности в соответствии с уголовным законом Беларуси и такое лицо не подлежит освобождению от уголовной ответственности или отбывания наказания за преступление, послужившее основанием для этой просьбы, в связи с принятием правового акта Республики Беларусь об амнистии. Если на момент принятия решения Генеральным прокурором Республики Беларусь или его заместителем издан Указ Президента Республики Беларусь о помиловании лица за совершение преступления, указанного в просьбе органа иностранного государства, то в исполнении просьбы отказывается.

Учитывая древнеримский принцип *ne bis in idem* и норму п. 8, 9 ч. 1 ст. 29 УПК, в отношении лица не может быть осуществлено повторное уголовное преследование за то же деяние. Если в отношении такого лица в Республике Беларусь осуществляется уголовное преследование за то же деяние, в отношении которого поступила просьба органа иностранного государства, то в исполнении просьбы органа иностранного государства не отказывается.

Уголовное преследование в отношении лица не осуществляется, если в соответствии с законодательством Республики Беларусь (ст. 83, 85 УК) или иностранного государства на момент вынесения постановления Генеральным прокурором Республики Беларусь или его заместителем истек срок давности привлечения такого лица к уголовной ответственности.

Пункт 4 ст. 487 УПК говорит об отказе в исполнении просьбы органа иностранного государства, если не представлены материалы уголовного дела или их заверенные копии, а также их заверенный письменный перевод на один из государственных языков Республики Беларусь. Но представление материалов уголовного дела или их заверенных копий, а также заверенного их перевода есть условие исполнения соответствующей просьбы (ст. 477 УПК), а следовательно, при их непредставлении должно действовать общее основание отказа – несоблюдение условия, указанного в УПК (п. 3 ст. 481 УПК). В данной статье такое основание для отказа излишне.

Так как общим правилом является проведение предварительного расследования и судебного разбирательства по месту совершения преступления (ч. 1 ст. 184 УПК), которое в рассматриваемом случае находится вне юрисдикции Республики Беларусь, то Генеральному прокурору Республики Беларусь или его заместителю при вынесении поручения об

исполнении просьбы об осуществлении уголовного преследования следует, руководствуясь ч. 2 ст. 184 УПК, решить вопрос о подследственности, определив ее местом нахождения подозреваемого лица или большинства свидетелей. Территориальную подсудность следует определить, исходя из ч. 3 ст. 271 УПК, местом окончания предварительного расследования. При этом исключение предусматривается только для территориальной подследственности и подсудности. Предметная подследственность определяется ст. 182 УПК, предметная и персональная подсудность – ст. 267–270, 272 УПК.

На основании анализа положений международных договоров Республики Беларусь о правовой помощи и правовых отношениях по уголовным делам, норм разд. XV УПК и судебной практики в процессуальном плане можно выделить две разновидности осуществления уголовного преследования как вида международной правовой помощи:

1) осуществление уголовного преследования посредством *принятия возбужденного* компетентными органами иностранного государства *уголовного дела* к производству органом уголовного преследования Республики Беларусь;

2) осуществление уголовного преследования посредством *возбуждения уголовного дела* органом уголовного преследования Республики Беларусь.

Так, ч. 2 ст. 73 Конвенции СНГ 1993 г. указывает, что *«при направлении запрашивающей Договаривающейся Стороной возбужденного уголовного дела расследование по этому делу продолжается запрашиваемой Договаривающейся Стороной в соответствии со своим законодательством»*. Аналогичная норма содержится в ч. 2 ст. 92 Конвенции СНГ 2002 г. В таких случаях орган уголовного преследования Республики Беларусь выносит постановление о принятии уголовного дела к своему производству, а законодатель придает доказательствам, имеющимся в материалах уголовного дела, а также принятым по нему процессуальным решениям юридическую силу на территории Республики Беларусь.

Большинство же двухсторонних договоров, как, например, договор с Литовской Республикой (ч. 1 ст. 61), указывают, что запрашиваемое государство возбуждает в соответствии со своим законодательством уголовное преследование против своих граждан, подозреваемых в совершении преступлений на территории запрашивающего государства. Аналогичной позиции придерживается законодатель в УПК. Такой вывод можно сделать, например, из анализа ст. 477, в которой говорится о передаче не доказательств, а предметов, *«которые служили орудиями и средствами совершения преступления, или сохранили на себе следы преступления...»*, т. е. повторяется формулировка ст. 96 УПК, но не говорится

об этих предметах как о вещественных доказательствах. В этом случае независимо от стадии уголовного процесса, на которой дело находилось в иностранном государстве, на территории Республики Беларусь производство начинается со стадии возбуждения уголовного дела [367; 368] и проводится в соответствии с положениями УПК Республики Беларусь. Передаваемые в соответствии со ст. 477 УПК предметы после их оценки могут быть приобщены к уголовному делу в качестве вещественных доказательств. Переданные материалы уголовного дела не имеют для органа предварительного расследования и суда заранее установленной силы и особого процессуального значения. Они выступают носителем фактических данных, который следует оценивать в соответствии с УПК. После оценки вместе с переводом они на основании ч. 3 ст. 88 УПК могут быть приобщены к уголовному делу в качестве иных документов.

Срок предварительного расследования начинает исчисляться со дня вынесения органом предварительного расследования Республики Беларусь постановления о возбуждении уголовного дела. В качестве повода к возбуждению уголовного дела при передаче производства по нему используется предусмотренное ст. 170 УПК сообщение должностных лиц государственных органов, выразившееся в принятом на основании п. 9 ч. 1 ст. 494 УПК поручении Генерального прокурора Республики Беларусь или его заместителя по результатам рассмотрения просьбы органа иностранного государства. После производства проверочных действий выносятся постановления о возбуждении уголовного дела и о принятии его к своему производству.

Отдельно отметим договор между Республикой Беларусь и Латвийской Республикой о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1994 г. (ст. 57, 58), где говорится о «*возбуждении или продолжении уголовного преследования*», т. е. в последнем случае стороны могут выбирать разновидность осуществления уголовного преследования.

Органы уголовного преследования и суды иностранного государства производят процессуальные действия по переданным уголовным делам только в порядке оказания международной правовой помощи (на основании просьбы органа Республики Беларусь, ведущего уголовный процесс).

Принимая к своему производству уголовное дело, орган уголовного преследования должен разрешить вопрос о мере пресечения. Может быть применена мера пресечения, предусмотренная УПК Беларуси, а также оставлена без изменения, изменена или отменена мера пресечения, примененная органом иностранного государства. Если ранее в отношении лица была применена мера пресечения в виде залога, то

изначально следует направить органу иностранного государства данные о депозитном счете органа предварительного расследования Республики Беларусь, на который переводится сумма залога.

Лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный или моральный вред, при передаче производства по уголовному делу не лишается права на его возмещение. Оно может в соответствии с гл. 17 УПК предъявить гражданский иск до момента окончания судебного следствия, и в случае признания лица гражданским истцом такой иск будет рассматриваться судом вместе с переданным уголовным делом.

Если лицо, в отношении которого поступила просьба органа иностранного государства об его уголовном преследовании за совершенное на территории этого государства преступление, совершило также преступление и на территории Республики Беларусь, в связи с чем органом уголовного преследования Республики Беларусь возбуждено уголовное дело и производится по нему предварительное расследование, то уголовные дела в соответствии со ст. 164 УПК могут быть соединены в одном производстве.

В отличие от выдачи лица для осуществления уголовного преследования и (или) отбывания наказания при осуществлении уголовного преследования по просьбе органа иностранного государства не может применяться принцип конкретности (недопустимости уголовного преследования, выходящего за рамки просьбы), так как лицо находится на территории Республики Беларусь и применяется УПК Беларуси. А ст. 18 УПК указывает на то, что орган уголовного преследования обязан всесторонне, полно и объективно исследовать обстоятельства уголовного дела, т. е. он не связан содержанием просьбы органа иностранного государства. Следователь вправе принять постановление о прекращении предварительного расследования и уголовного преследования. Однако установив, что в юрисдикции иностранного государства иностранным гражданином или постоянно не проживающим на территории Республики Беларусь лицом без гражданства было совершено иное деяние, содержащее признаки преступления, принять постановление о возбуждении уголовного дела либо об отказе в возбуждении уголовного дела орган уголовного преследования Республики Беларусь некомпетентен [369]. О выявлении преступления орган уголовного преследования Республики Беларусь извещает орган иностранного государства, а если им собраны материалы, которые могут стать источником доказательств, то они могут быть переданы в порядке оказания международной правовой помощи. В случае возбуждения им уголовного дела и направления просьбы об уголовном преследовании лица также за совершение другого преступления орган уголовного преследования Республики Беларусь

во исполнение поручения Генерального прокурора или его заместителя об исполнении этой просьбы, руководствуясь ст. 164 УПК, может принять решение о соединении обоих уголовных дел в одном производстве.

В случае если в результате расследования будет установлено, что преступление совершено иным лицом – гражданином иностранного государства, передавшего производство по уголовному делу и оно находится на территории такого государства, следует рассмотреть вопрос о передаче осуществления уголовного преследования соответствующему государству. Другими словами, допустима обратная передача производства по уголовному делу.

При осуществлении уголовного преследования на основании просьбы органа иностранного государства возникает вопрос: насколько суд ограничен при постановлении приговора договоренностью с иностранным государством о передаче осуществления уголовного преследования, как мы это отмечали при анализе выдачи лица? Пределы судебного разбирательства представляют собой установленные законом ограничения предмета судебного разбирательства [284, с. 665], т. е. какие вопросы могут быть разрешены судом, а какие – нет. Статья 301 УПК ограничивает пределы судебного разбирательства рамками постановления о привлечении в качестве обвиняемого (заявления о совершенном преступлении – по делам частного обвинения): *«только в отношении обвиняемого и лишь по тому обвинению, которое ему предъявлено»* в установленном УПК порядке. Тем самым пределы судебного разбирательства устанавливаются в отношении лиц и в отношении обвинения [9, с. 807]. В то же время при наличии по уголовному делу элемента международной правовой помощи могут возникнуть дополнительные ограничения для возможности рассмотрения отдельных вопросов уголовного дела в суде. Такая ситуация возникает в случае принятия производства по возбужденному уголовному делу. Тогда пределы судебного разбирательства ограничены не только обвинением, предъявленным органами уголовного преследования Республики Беларусь, но и процессуальными решениями, связанными с обвинением, принятыми органами уголовного преследования запрашивающего государства в рамках возбужденного ими дела и не отмененными к моменту рассмотрения дела.

|| Так, на основании ст. 73 Конвенции СНГ 1993 г. орган уголовного преследования Республики Беларусь принял к своему производству из Российской Федерации уголовное дело в отношении А., обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 111 (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью – аналог ч. 3 ст. 147 УК) и п. «в» ч. 4 ст. 162 (разбой в крупном размере – аналог ч. 3 ст. 207 УК) УК РФ. В материалах

переданного уголовного дела было также неотменное постановление о прекращении уголовного преследования по п. «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ (убийство, совершенное группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой; из корыстных побуждений или по найму, а равно сопряженное с разбоем, вымогательством или бандитизмом, – аналог п. 6, 12, 15 ч. 2 ст. 139 УК). Орган уголовного преследования Республики Беларусь направил уголовное дело в суд с постановлением о привлечении А. в качестве обвиняемого за совершение преступлений, предусмотренных п. 6, 12, 15 ч. 2 ст. 139 и ч. 3 ст. 207 УК. Суд первой инстанции изменил квалификацию, и приговором Брестского областного суда А. был осужден за совершение преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 147 и ч. 3 ст. 207 УК. Пересматривая уголовное дело, суд апелляционной инстанции поддержал постановленный приговор, указав, что расследование уголовного дела продолжилось на территории Республики Беларусь без нового возбуждения уголовного дела, а соответственно, запрашиваемой стороной приняты не только материалы уголовного дела и доказательства, но и процессуальные решения, вынесенные по делу, имеющие правовое значение и влияющие на дальнейшее движение дела. По данному уголовному делу пределы судебного разбирательства определялись не только предъявленным в Беларуси обвинением, но и процессуальными решениями, принятыми органом уголовного преследования и судом запрашивающей стороны [370, с. 36–37]. В рассмотренном примере препятствием был п. 9 ч. 1 ст. 29 УПК: в отношении лица имелось неотменное постановление следователя о прекращении производства по уголовному делу по тому же обвинению.

Пределы судебного разбирательства следует отграничивать от пределов судебного усмотрения при постановлении приговора по рассматриваемым уголовным делам. При осуждении назначаемое наказание за совершенное преступление не должно быть более строгим, чем наказание, предусмотренное законодательством запрашивающего государства (абз. 2 ч. 3 ст. 91 Конвенции СНГ 2002 г.). Данное положение международного договора Республики Беларусь коррелирует с нормой предложения второго ч. 1 ст. 6 УК: наказание назначается в пределах санкции статьи УК, но не должно превышать верхнего предела санкции, предусмотренной законом государства, на территории которого было совершено преступление. Например, при осуществлении уголовного преследования за совершенные на территории Российской Федерации преступления по поручению Генеральной прокуратуры Российской Федерации не может быть назначено наказание в виде конфискации¹ имущества, так как она отсутствует в системе наказаний, предусмотренных ст. 44 УК РФ [370, с. 40].

¹В настоящий момент исключена из системы наказаний Республики Беларусь.

О результатах уголовного преследования в обязательном порядке уведомляется Генеральная прокуратура Республики Беларусь.

Направление органом, ведущим уголовный процесс, просьбы об осуществлении уголовного преследования аналогично исполнению такой просьбы органа иностранного государства; только в этом случае уже Республика Беларусь уступает частично свой суверенитет. Решение о направлении просьбы об осуществлении уголовного преследования принимается, как правило, в отношении иностранного гражданина или лица без гражданства, которые находятся на территории соответствующего иностранного государства, и при этом их выдача является невозможной [371] либо Республике Беларусь в их выдаче отказано.

На практике иностранные государства изредка, но отказывают Республике Беларусь в выдаче граждан Беларуси для осуществления уголовного преследования. В таких случаях закономерно предлагается передать материалы для уголовного преследования такого гражданина в государстве его нахождения. Возникает вопрос: правомерна ли такая передача уголовного преследования в отношении собственного гражданина?

Нормы УПК не содержат оснований для отказа в передаче осуществления уголовного преследования иностранному государству. Соответственно, учитывая отличие от нормы ст. 458 УПК РФ (аналог – ст. 517 УПК Кыргызстана), говорящей о направлении материалов уголовного дела *исключительно* в отношении *иностранных граждан*, неправильно будет связывать возможность запроса органами уголовного преследования Республики Беларусь оказания данного вида международной правовой помощи с принадлежностью подозреваемого (обвиняемого) к гражданству определенного государства, а сама возможность такой передачи должна предопределяться больше законодательством запрашиваемого иностранного государства. Указанная норма УПК РФ, не предусматривающая возможность передачи осуществления уголовного преследования в отношении граждан данного государства, оправданно подвергается критике в научной литературе [372, с. 15–16, 20]. Хотя отдельные ученые предлагают изменить данную норму только для применения к лицам с двойным гражданством, одно из которых является российским [373, с. 297].

Исходя из целей уголовного преследования, его осуществление по просьбе органа, ведущего уголовный процесс, возможно при нахождении подозреваемого (обвиняемого) на территории иностранного государства.

Статья 10 Конституции Республики Беларусь не позволяет осуществить исключительно выдачу гражданина Республики Беларусь иностранному государству. В процессе выдачи лица для осуществления уголовного преследования обвиняемое в одном государстве лицо передается на основании просьбы этому государству другим для осуществления уголовного преследования. То есть Основной Закон Республики Беларусь запрещает государству при отсутствии соответствующего международного договора передавать гражданина из своей юрисдикции (из-под своей защиты), когда в уголовном преследовании больше заинтересовано именно такое иностранное государство (преступление совершено против его граждан, против интересов такого государства, ущерб возник на его территории и т. п.). Установленный запрет выдачи своих граждан имеет целью защиту их от возможного нарушения прав этих граждан в ходе следствия, судебного разбирательства и отбывания наказания в другом государстве. В процессе же осуществления уголовного преследования как вида международной правовой помощи лицо уже находится в иностранной юрисдикции, оно, скорее всего, добровольно согласилось быть во власти иного суверена, покинув пределы государства гражданства на основании права, закрепленного в ст. 30 Конституции Республики Беларусь, а наше государство передает лишь свое право уголовно преследовать и судить такое лицо на основании материалов (доказательств), собранных и передаваемых органами уголовного преследования, которым Беларусь доверяет, гарантируя защиту своему гражданину и за рубежом (ч. 1 ст. 10 Конституции Республики Беларусь). Такая защита предполагает принятие мер против нарушения прав собственных граждан в иностранном государстве, ведь даже выдача, основанная на конституционно допустимом международном договоре, не лишает гражданина такой защиты [64, с. 264, 269]. Исходя из данных умозаключений, можно констатировать: в передаче осуществления уголовного преследования в отношении собственных граждан следует отказать, если есть веские основания полагать, что в иностранном государстве могут быть нарушены права таких граждан, гарантированные Основным Законом нашей страны (например, их могут подвергнуть унижающему достоинство обращению или наказанию).

Для эффективности передачи уголовного преследования запрашиваемое иностранное государство должно обладать юрисдикцией в отношении преступления, совершенного иностранным гражданином вне пределов его территории. При этом следует иметь в виду, что ряд государств – членов ЕС не имеют юрисдикции для осуждения иностранного гражданина, совершившего преступление на территории иного го-

сударства, и граждане первого государства не являются потерпевшими по такому делу [343]. На уровне органов ООН отмечается, что во избежание возникновения убежищ государствам, осуществляющим уголовное преследование в отношении граждан других государств, важно осуществлять его так же строго, как и в отношении собственных граждан [374, с. 4].

Стоит иметь в виду, что некоторые международные договоры Республики Беларусь указывают на обязанность договаривающегося государства осуществлять уголовное преследование лишь против собственных граждан, подозреваемых (обвиняемых) в том, что они совершили преступление на территории запрашивающей договаривающейся стороны (ч. 1 ст. 72 Конвенции СНГ 1993 г., ч. 1 ст. 57 Договора между Республикой Беларусь и Латвийской Республикой о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1994 г. и др.).

Однако такие положения международных договоров не препятствуют на основании ч. 5 ст. 1 УПК передавать осуществление уголовного преследования иностранному государству в отношении лиц, не являющихся гражданами последнего, на основании принципа взаимности.

Абзац второй ч. 1 ст. 91 Конвенции СНГ 2002 г. в противовес своей предшественнице прямо предусматривает возможность передачи осуществления уголовного преследования в отношении лиц без гражданства и иностранных граждан, находящихся на территории договаривающегося государства, в случаях отказа в их выдаче. При этом под такими иностранными гражданами должны пониматься и граждане запрашивающего государства, которые являются иностранными для запрашиваемого государства.

В этом контексте видится интересной позиция казахстанского законодателя, который подчеркивает субсидиарный характер передачи осуществления уголовного преследования по отношению к выдаче лица без ссылки на гражданство последнего (ч. 2 ст. 596 УПК Казахстана): *«уголовное дело может быть передано иностранному государству при условии, что выдача лица (экстрадиция), подлежащего привлечению к уголовной ответственности, невозможна или в выдаче (экстрадиции) данного лица Республике Казахстан отказано».*

После получения просьбы органа Республики Беларусь, ведущего уголовный процесс, орган иностранного государства должен вынести решение об исполнении такой просьбы. На основании этого решения органу, ведущему уголовный процесс, следует вынести постановление (определение) о приостановлении производства по уголовному делу. С этого момента он не вправе производить какие-либо процессуальные

действия по данному уголовному делу иначе, как на основании просьбы органа иностранного государства в порядке оказания международной правовой помощи.

На практике суды сталкиваются с проблемой, когда при рассмотрении уголовного дела в судебном заседании становится известно, что обвиняемый иностранец находится в государстве своего гражданства. По нашему мнению, в этом случае судье следует либо, как было указано выше, действовать в порядке ч. 2 ст. 294 УПК, либо на основании ст. 302 УПК приостановить производство по уголовному делу и направить его прокурору для рассмотрения вопроса о возможности направления просьбы об осуществлении уголовного преследования в орган иностранного государства.

После того как орган иностранного государства сообщит о результатах уголовного преследования, производство по приостановленному уголовному делу необходимо прекращать мотивированным постановлением (определением) по основаниям, предусмотренным п. 13 ч. 1 ст. 29 УПК.

Таким образом, осуществление уголовного преследования является видом международной правовой помощи по уголовным делам, представляющим собой согласованные передачу и прием от одного государства другому суверенного права по установлению факта и обстоятельств совершения преступления, лиц, его совершивших, и обеспечению применения к таким лицам наказания либо иных предусмотренных уголовным законом мер. Установлена допустимость передачи осуществления уголовного преследования иностранному государству не только в отношении граждан такого государства, но и иностранцев (включая граждан запрашивающего государства). В этом случае следует удостовериться в наличии у иностранного государства права судить гражданка Республики Беларусь (или иного иностранца).

Противное утверждение (отрицание допустимости передачи Республикой Беларусь иностранному государству осуществления уголовного преследования в отношении собственных граждан) позволяло бы гражданам Республики Беларусь избегать наказания за свои преступления, что вело бы к нарушению конституционного принципа равенства граждан перед законом (ст. 22 Конституции Республики Беларусь) и уголовно-правового принципа неотвратимости ответственности (ст. 3 УК), создавая необоснованное преимущество для скрывшегося перед иными соотечественниками. Отмечено, что в случае принятия производства по уголовному делу, возбужденному органом уголовного преследования иностранного государства, пределы судебного разбирательства определяются не только по общему правилу – предъявленным обвинением (ст. 301 УПК), но и дополнительно – процессуальными решениями, принятыми органом уголовного преследования и судом запрашивающего государства.

3.4. Оказание международной правовой помощи, связанной с исполнением приговора в иностранном государстве

С каждым годом контакты между государствами становятся все более тесными, упрощается процесс пересечения государственных границ, больше граждан посещают иностранные государства. Такие граждане, находясь в иностранном государстве, за совершенное ими противоправное деяние могут быть осуждены иностранным судом. Аналогичное решение может принять белорусский суд в отношении иностранных граждан. Возможна и иная ситуация: в отношении лица в одном государстве уже вынесено окончательное судебное решение в форме обвинительного приговора, но лицо скрывается от исполнения приговора на территории другого государства и не может быть последним выдано. В связи с этим в международной практике получили развитие два института (вида международной правовой помощи по уголовным делам): передача лица для отбывания наказания в стране гражданства и исполнение решений иностранных судов по уголовным делам¹.

Исходя из целей уголовной ответственности, законодатель стремится к социальной адаптации осужденных и защите их прав и законных интересов [375]. Нахождение осужденного в заключении вдали от родственников не содействует его перевоспитанию и способствует рецидиву. Такие осужденные пребывают в чуждом им языковом пространстве, что может вести к конфликтам. Для недопущения подобных негативных последствий на V Конгрессе ООН в 1975 г. было принято решение о введении в практику института передачи осужденных к лишению свободы для дальнейшего отбывания наказания в стране своего гражданства [376, с. 26]. В 1978 г. ряд социалистических стран подписали в Берлине Конвенцию о передаче лиц, осужденных к лишению свободы, для отбывания наказания в государстве, гражданами которого они являются [377]. Можно сказать, что эта конвенция стала первым актом, подробно уре-

¹Важно отметить, что в разд. XV УПК законодатель смешал эти два вида международной правовой помощи по уголовным делам. Если проанализировать соответствующие нормы, можно установить, что нормы об исполнении судебного решения иностранного государства по уголовному делу применяются для регламентации процедуры в отношении лица, передаваемого иностранным государством Республике Беларусь для отбывания наказания. Данные нормы могут быть применены и к передаче исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы, и (или) применения мер уголовно-правового характера.

гулировавшим сугубо вопросы передачи осужденных. Члены Совета Европы смогли сформулировать аналогичную конвенцию только в 1983 г.

Передачу лица для отбывания наказания в государстве своего гражданства можно определить как такой вид международной правовой помощи по уголовным делам, при котором осужденный к лишению свободы в одном государстве отдается на основании просьбы государству его гражданства для дальнейшего исполнения последним признанного приговора, постановленного в первом государстве [378, с. 110]. Цель передачи осужденного совпадает с целями уголовной ответственности. Только в государстве постановления приговора основная цель – социальная справедливость (возмездие за причинение ущерба лицам или интересам этого государства), а для государства гражданства главное – перевоспитать оступившегося и сделать его социальной адаптацию максимально безболезненной. При передаче осужденного для отбывания наказания в государство его гражданства государство «делегировать» другому суверену право исполнять приговор. Исходя из принципа уважения суверенитета государств, подобная передача не может являться обязательной.

При всей схожести с выдачей лиц передача осужденных является отдельным видом международной правовой помощи. Во-первых, при передаче необходимо волеизъявление трех субъектов: передача производится не только при достижении соглашения о ней между органами двух государств, но и с учетом мнения наказуемого субъекта. Во-вторых, передача осуществляется только для исполнения приговора. В-третьих, при передаче государство, где отбывает наказание осужденный, более заинтересовано в возмездии (именно его или его граждан интересы были нарушены), оно постановило приговор и на его территории это лицо отбывает наказание. Государство передает свое суверенное право исполнять приговор. При выдаче же для приведения в исполнение приговора судебное решение выносится в государстве, которому лицо выдается. В-четвертых, при выдаче компетентный орган только проверяет отсутствие оснований для отказа в выдаче, а при передаче необходимо признание приговора в иностранном государстве. В-пятых, если отбросить универсальный принцип действия уголовного закона в пространстве, то при передаче лицо, как правило, подсудно передающей стороне, а не принимающей, как при выдаче.

Вопросы передачи осужденных для отбывания наказания в стране своего гражданства урегулированы, кроме разд. XV УПК, также в ч. 3 ст. 63 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь. Данная норма допускает передачу только «*в порядке, установленном международными договорами Республики Беларусь*», не учитывая возможность

передачи лица на основе принципа взаимности. По нашему мнению, необходимо дополнить данную статью словами *«либо на основе принципа взаимности и с соблюдением законодательства Республики Беларусь»*.

Следует учитывать, что многие вопросы, возникающие при передаче осужденного, правомочен разрешать только суд (вид и срок наказания, срок начала и окончания наказания, вид исправительного учреждения), и, следовательно, эти вопросы носят уголовно-процессуальный характер.

Обязательным условием осуществления передачи осужденного является вступление приговора в отношении него в законную силу. По нашему мнению, суду при постановлении приговора в отношении иностранного гражданина следует разъяснить возможность передачи его для отбывания наказания в государстве, гражданином которого он является. Отметим, что ст. 4 Московской конвенции указывает, что *«о возможности передачи и ее юридических последствиях осужденному либо его законному представителю должно быть письменно разъяснено должностными лицами центральных или территориальных органов управления уголовно-исполнительной системы Государства вынесения приговора»*. Схожая норма заложена в ст. 3 Ашхабадской конвенции.

Осужденный, подлежащий передаче, должен обладать гражданством запрашивающего иностранного государства и при этом не иметь гражданства Республики Беларусь, так как *«за лицом, являющимся гражданином Республики Беларусь, не признается принадлежность к гражданству иностранного государства, если иное не предусмотрено международными договорами»* (ст. 11 Закона Республики Беларусь «О гражданстве Республики Беларусь»). Следует отметить, что в соответствии со ст. 2 Московской конвенции могут передаваться и осужденные лица без гражданства, постоянно проживающие на территории государств, подписавших Конвенцию.

Для передачи осужденного требуется его согласие, которое отбирается в письменной форме администрацией исправительного учреждения. Сложно согласиться с мнением К. Е. Колибаба, что такое условие является результатом «неоправданного смешения понятий прав человека и гуманности» [379, с. 95]. Ведь у осужденного могут быть тесные связи с государством осуждения, он может опасаться преследования в государстве своего гражданства или того, что условия содержания под стражей в стране гражданства не отвечают международным стандартам. Кроме того, лицо само определяет время своего возвращения в государство гражданства.

До передачи осужденного судом Республики Беларусь в иностранное государство для отбывания наказания должно поступить письменное обязательство иностранного государства исполнить приговор. Та-

кое обязательство дается, как правило, после признания приговора суда Республики Беларусь судом иностранного государства и определения срока и порядка отбывания наказания на территории иностранного государства. Передача может быть осуществлена до отбытия осужденным наказания, но так как разрешение передачи осужденного требует определенного времени и расходов, то законодатель предусмотрел в ст. 473 УПК, что она возможна, если на момент получения просьбы, оформленной в соответствии с требованиями УПК, срок неотбытого наказания в виде лишения свободы составляет шесть и более месяцев.

Предусматриваются два основания отказа в исполнении просьбы органа иностранного государства, содержащей положение о передаче лица для отбывания наказания, основанных на материально-правовых нормах иностранного государства:

- деяние, за которое лицо осуждено в Республики Беларусь, не признается преступлением уголовным законом иностранного государства,
- в соответствии с уголовным законом иностранного государства истек срок давности либо имеются иные законные основания для неисполнения наказания (например, принят акт амнистии).

В случае если лицо осуждено за преступление, совершенное на территории Республики Беларусь и не возместило вред, причиненный преступлением, в исполнении просьбы органа иностранного государства также отказывается.

В соответствии с п. 4 ч. 1 ст. 494 УПК решение о передаче лица, осужденного к лишению свободы, для отбывания наказания в государстве, гражданином которого оно является, принимает Генеральная прокуратура Республики Беларусь. Однако, исходя из норм ст. 402 УПК, вопросы, связанные с приведением приговора в исполнение, в том числе вопросы перевода из исправительного учреждения одного вида в другое, решает суд. Виды исправительных учреждений и условия отбывания наказания в них не одинаковы в различных странах. Следовательно, вопрос перевода лица для отбывания наказания в другую страну должен решать суд по месту отбывания иностранным гражданином наказания. Соответствующее дополнение необходимо внести в ч. 2 ст. 402 УПК.

После принятия решения об исполнении просьбы органа иностранного государства передача лица для отбывания наказания в стране гражданства состоит в уведомлении органа иностранного государства о месте, дате и времени передачи и фактической передаче лица органу иностранного государства. До момента фактической передачи осужденный имеет право отказаться от передачи (например, он может быть условно-досрочно освобожден [380]).

Исполнение решений иностранных судов как вид международной правовой помощи по уголовным делам получило свое развитие в конце XX в., так как оно ведет к применению решения иностранной судебной власти на территории суверенного государства. Ранее господствовала теория, сформулированная Ф. Мартенсом: «...приговор уголовный является применением... публичных законов данной страны, которые не могут распространяться на чужую территорию» [21, с. 468]. Принятая в 1970 г. Европейская конвенция о международной действительности судебных решений по уголовным делам стала первым международным договором, закрепившим основные положения данного вида международной правовой помощи по уголовным делам.

Указанный вид международной правовой помощи по уголовным делам заставляет государство во многом поступиться своим суверенитетом: признать и исполнить решение, принятое в иностранной юрисдикции. Но принцип взаимности призван компенсировать данный недостаток во благо взаимодействующим государствам.

Исполнение судебного решения суда иностранного государства можно охарактеризовать как вид международной правовой помощи по уголовным делам, при котором признается и принимается к исполнению решение, вынесенное судом иностранного государства по уголовному делу, в отношении лица, находящегося на территории государства исполнения решения, передаваемого либо выдаваемого этому государству. Можно отметить, что инициатором передачи осужденного для отбывания наказания в стране его гражданства может быть государство осуждения либо государство исполнения приговора (гражданства), а запрашивает исполнение решения суда всегда государство его вынесения. Это подтверждается и в ст. 4 Ашхабадской конвенции, которая предусматривает, что к ответу на запрос компетентного органа государства назначения наказания прикладывается заверенная копия решения компетентного органа или суда о признании и принятии к исполнению судебного решения (приговора) с установлением срока и по возможности порядка и условий отбывания осужденным наказания, не связанного с лишением свободы, и (или) исполнения меры уголовно-правового характера после передачи исполнения наказания. При передаче осужденного уступается полномочие по исполнению основного наказания в виде лишения свободы, а при исполнении судебного решения могут быть исполнены и иные виды наказания, в том числе и дополнительное наказание.

На территории стран СНГ особое развитие исследуемый вид международной правовой помощи получил при исполнении приговоров

в части гражданского иска. Так, в соответствии со ст. 51 Конвенции СНГ 1993 г. могло производиться только признание решений судов по уголовным делам о возмещении ущерба. А в п. «б» ч. 1 ст. 54 и ч. V разд. IV Конвенции СНГ 2002 г. предусмотрено уже взаимное исполнение приговоров в отношении любых видов наказания, а также в части возмещения ущерба. Конвенция также предусматривает два случая исполнения приговора, постановленного судом иностранного государства:

- 1) выдача осужденного, не отбывшего часть наказания, для привлечения к уголовной ответственности на территории иного государства;
- 2) отказ в выдаче лица для приведения в исполнение приговора, вынесенного судом иного государства.

Белорусский законодатель, исходя из содержания норм ст. 478, 488 УПК, добавил к этим случаям передачу (передачу исполнения наказания в отношении) гражданина Республики Беларусь для отбывания наказания в Республике Беларусь, предусмотрев требующееся для этого согласие передаваемого лица. Из-за смешения двух видов международной правовой помощи по уголовным делам возможны случаи отказа выдачи обвиняемых (осужденных) Республике Беларусь, если они отбывают наказание на территории иностранного государства (они могут не дать согласие на такую передачу), что будет вести к уклонению лиц от уголовной ответственности.

Следует также обратить внимание на распространение норм УПК об исполнении судебного решения иностранного государства по уголовному делу исключительно на лиц, отбывающих наказание на территории иностранного государства. Такая формулировка исключает из правового регулирования УПК процедуру признания и принятия к исполнению приговора в случае отказа Республикой Беларусь в выдаче лица для приведения в исполнение такого приговора, вынесенного судом иного государства, – основание, заложенное в ч. 1 ст. 109 Конвенции СНГ 2002 г., так как в этой ситуации лицо находится на территории Республики Беларусь.

Для того чтобы принять судебное решение иностранного государства к исполнению, необходимо первоначально его признать, о чем указано в Конвенции СНГ 2002 г. и Ашхабадской конвенции. Этого требует, например, Польша при передаче граждан Республики Беларусь. И на практике есть случаи признания судебных решений Республики Польша. Признанным может быть только решение, вынесенное компетентным судом иностранного государства, если при его вынесении не были нарушены принципы уголовного процесса Республики Беларусь (п. 1 ст. 481

УПК). При принятии постановления Председатель Верховного Суда Республики Беларусь или его заместитель должны учесть, в частности, что:

- судебное решение не должно быть принято заочное, без участия обвиняемого (данное правило заложено в ч. 1 ст. 294 УПК);
- в процессе производства уголовного дела не должно быть нарушено право обвиняемого на защиту, а если лицо не владело языком судопроизводства, ему должен быть предоставлен переводчик;
- не должно признаваться судебное решение, которое связано с конфискацией имущества, если заинтересованные лица не могли защитить свои интересы либо такое решение не соответствует решению суда Республики Беларусь, вынесенному в порядке гражданского судопроизводства;
- в ходе уголовного процесса на территории иностранного государства не должны нарушаться иные права и свободы человека.

Просьба органа иностранного государства об исполнении судебного решения иностранного государства по уголовному делу может быть исполнена только после вступления этого решения в законную силу. Предоставляется заверенная копия судебного решения и справка об отбытой части наказания. Исполняются судебные решения, вынесенные, как правило, в отношении граждан Республики Беларусь¹. УПК позволяет применять данный институт не только к судебным решениям, содержащим в качестве основного наказания лишение свободы (в том числе и пожизненное), но и другие виды наказания, что подтверждается п. 5 ст. 488. Оставление гражданина Республики Беларусь без защиты государства гражданства в заключении на территории государств с невысокими пенитенциарными стандартами противоречит принципу гуманности и ст. 10, ч. 3 ст. 25, ст. 59 Конституции Республики Беларусь. Прием своего гражданина, хотя он и приносит определенные расходы, следует признать имеющим обязательный характер. В Республике Беларусь данное обязательство можно вывести из формулировки ст. 30 Конституции Республики Беларусь: *«граждане Республики Беларусь имеют право беспрепятственно возвращаться»* в Республику Беларусь.

На момент получения просьбы, оформленной в соответствии с требованиями УПК, срок неотбытого наказания в виде лишения свободы должен составлять шесть и более месяцев. Деяние должно быть наказуемым в соответствии с уголовным законом в обоих государствах. Судебные решения иностранных государств, содержащие иные, нежели ли-

¹ С учетом норм Московской конвенции допускается применение в отношении лиц без гражданства, постоянно проживающих на территории государства исполнения.

шение свободы, виды наказания, могут быть приняты для исполнения в Республике Беларусь независимо от отбытой их части. Однако наказание, назначенное по приговору, должно быть реальным, а не условным [381]. Хотя данное правило перестает быть абсолютным со вступлением в силу Ашхабадской конвенции.

Не подлежит исполнению судебное решение иностранного государства, если в соответствии с законодательством Республики Беларусь (ст. 83–85 УК) или иностранного государства на момент вынесения постановления Председателем Верховного Суда Республики Беларусь или его заместителем истек срок давности привлечения такого лица к уголовной ответственности или исполнения в отношении его обвинительного приговора. Учитывая принцип *ne bis in idem* и норму п. 8, 9 ч. 1 ст. 29 УПК, в отношении лица не может быть осуществлено повторное уголовное преследование за то же деяние.

Наличие возможности отказа в исполнении просьбы органа иностранного государства об исполнении судебного решения иностранного государства по уголовному делу из-за отсутствия в УК (ст. 48 УК) вида наказания, назначенного судебным решением иностранного государства (п. 5 ст. 488 УПК), по нашему мнению, противоречит ст. 10 Конституции Республики Беларусь. Защита гражданина Республики Беларусь гарантирована за пределами страны, и государство должно предпринять все возможные меры для репатриации лица, если лицо того желает. Следует отметить, что, например, п. 4 ст. 98 Договора с Польшей предусматривает для обеспечения интересов своих граждан конверсию наказания.

Председатель Верховного Суда Республики Беларусь или его заместитель могут принять постановление об исполнении просьбы органа иностранного государства об исполнении судебного решения иностранного государства по уголовному делу, только если лицо, указанное в таком судебном решении, подлежит уголовной ответственности в соответствии с уголовным законом Беларуси.

Пункты 1, 2, 6 ст. 488 УПК называют в качестве оснований для отказа в исполнении просьбы органа иностранного государства несоблюдение условий исполнения просьбы органа иностранного государства, поименованных соответственно в п. 1, 3, 4 ст. 478 УПК. А следовательно, при их несоблюдении должно действовать общее основание отказа – несоблюдение условий, указанных в УПК (п. 3 ст. 481 УПК). В данной статье такие основания для отказа излишни.

Порядок исполнения судебного решения иностранного государства по уголовному делу установлен в ст. 504 УПК. Председатель Верховного Суда Республики Беларусь либо его заместитель, приняв постановление

об исполнении просьбы органа иностранного государства, содержащей положение об исполнении судебного решения иностранного государства по уголовному делу, при нахождении осужденного иностранным судом на территории Беларуси направляет постановление для исполнения одному из судей Верховного Суда Республики Беларусь, который рассматривает его единолично с участием прокурора. В судебное заседание вызывается лицо, в отношении которого вынесено судебное решение иностранного государства. Если вопрос касается исполнения судебного решения в части гражданского иска, может быть вызвано также лицо, которое является гражданским истцом в уголовном процессе иностранного государства. Вопрос рассматривается в судебном заседании в соответствии с нормами ч. 1, 2, 7, 9, 13 ст. 402² УПК. По результатам рассмотрения судья выносит постановление. В постановлении судья должен в соответствии с УК Беларуси определить такое же наказание, какое указано в судебном решении иностранного государства. Конечно, УК в части санкций может отличаться от иностранного уголовного закона.

Если в белорусском уголовном законе предусмотрен меньший предельный срок лишения свободы (или меньшее наказание) за совершение аналогичного деяния, чем в судебном решении иностранного государства, то суд определяет максимальный срок лишения свободы (максимальное наказание), предусмотренный в УК за совершение такого деяния (ч. 4 ст. 504 УПК). В УПК не урегулирован случай, когда УК Беларуси будет предусматривать меру наказания более строгую, чем в государстве вынесения судебного решения. По нашему мнению, ужесточение наказания в отношении граждан недопустимо, и в этом случае наказание должно быть назначено ниже низшего предела, предусмотренного уголовным законом Республики Беларусь (что подтверждает постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь [203, ч. 2 п. 22]). Если наказание в виде лишения свободы за совершенное преступление не предусмотрено, то судья Верховного Суда Республики Беларусь, на наш взгляд, должен определить наказание, наиболее соответствующее назначенному по судебному решению иностранного государства. Однако замена лишения (ограничения) свободы штрафом недопустима.

Если одновременно с исполнением судебного решения иностранного государства это же лицо было выдано Республике Беларусь (либо оно уже отбывает наказание в Республике Беларусь), то недопустимо сложение наказаний по судебному решению иностранного государства и приговору суда Республики Беларусь, наказания исполняются последовательно. Отбытая часть наказания в государстве вынесения судебного решения и содержание под стражей засчитываются в срок наказания.

То же касается и иных приговоров суда Республики Беларусь в отношении переданного лица.

Постановление судьи Верховного Суда Республики Беларусь, на наш взгляд, как и постановления об исполнении приговора, не может быть обжаловано (опротестовано) в апелляционном порядке (ср. ст. 377, 402, 402² УПК). Во всем ином такое постановление подлежит исполнению в соответствии со ст. 401 УПК.

Ни один суд Республики Беларусь не имеет права пересмотра судебного решения иностранного суда. Только государство постановления приговора вправе принимать решения по вопросам обжалования или пересмотра такого судебного решения. В случае изменения судебного решения судом иностранного государства решение о его исполнении на территории Республики Беларусь должно приниматься в соответствии с вышеописанной процедурой. При отмене судебного решения судом иностранного государства, на наш взгляд, осужденный должен незамедлительно освобождаться по постановлению Председателя Верховного Суда Республики Беларусь, его заместителя. В случае отмены судебного решения и направления уголовного дела в иностранном государстве на новое рассмотрение вопрос о возбуждении уголовного дела на территории Республики Беларусь в отношении лица, в отношении которого исполняется судебное решение иностранного государства, должен разрешать Генеральный прокурор Республики Беларусь, его заместитель на основании соответствующей просьбы органа иностранного государства.

При принятии в Республике Беларусь или государстве вынесения судебного решения акта амнистии он должен быть применен к лицу, в отношении которого исполняется судебное решение иностранного государства. Так, Конституционный Суд не раз отмечал в своих решениях о состоянии конституционной законности в Республике Беларусь, что правоприменители не применяют законы об амнистии к гражданам, осужденным судами других государств и переданным в Республику Беларусь для отбывания наказания в отсутствие международного договора, что противоречит конституционному принципу равенства всех перед законом [382; 383]. Соответственно, такое лицо может быть помиловано компетентными органами обоих государств.

В дальнейшем рассмотрение вопросов, связанных с исполнением приговора суда иностранного государства, а точнее уже постановления Верховного Суда Республики Беларусь (замена наказания, условий его отбывания, освобождение от отбывания наказания и т. д.), осуществляется в соответствии с законодательством Республики Беларусь в порядке, установленном УПК (ст. 402–403 УПК).

Аналогичным образом, на наш взгляд, должен разрешаться вопрос об исполнении судебного решения иностранного государства о применении принудительных мер безопасности и лечения, если это предусмотрено международным договором Республики Беларусь (например, с Литвой, Польшей, Туркменистаном, Украиной). В настоящий момент УПК не регулирует данные правоотношения.

Для принятия решения о направлении органу иностранного государства просьбы об исполнении приговора Республики Беларусь к ней следует прилагать: 1) удостоверенные копии приговора и решений вышестоящих судебных инстанций; 2) справку о вступлении приговора в силу; 3) справку об отбытой части наказания; 4) письменное согласие осужденного, заверенное начальником исправительного учреждения (если наказание связано с лишением свободы); 5) справку об исполнении дополнительного наказания; 6) справку о гражданстве лица; 7) сведения о личности осужденного и состоянии его здоровья (если имеются); 8) сведения о причиненном преступлением ущербе и его возмещении. В случае необходимости могут быть приложены дополнительные документы. Правовым последствием исполнения органом иностранного государства просьбы суда об исполнении приговора Республики Беларусь является невозможность уголовного преследования лица за то же деяние на территории Республики Беларусь.

На основании изложенного можно отметить, что законодатель не совсем четко разграничил в УПК два вида международной правовой помощи по уголовным делам: передачу осужденного для отбывания наказания в государстве своего гражданства и исполнение решения суда иностранного государства по уголовному делу.

На основе анализа международно-правовых актов можно установить, что в процессе передачи осужденного для отбывания наказания в государстве своего гражданства осужденный к лишению свободы в одном государстве на основании просьбы отдается государству его гражданства для дальнейшего исполнения последним признанного приговора, постановленного в первом государстве. Оказание данного вида международной правовой помощи по уголовным делам преследует прежде всего должное перевоспитание и ресоциализацию осужденного. При этом передача осужденного (передача исполнения наказания) может производиться только с согласия осужденного. А для обеспечения возможности скорейшей передачи следует обязать суд при постановлении приговора в отношении иностранного гражданина разъяснить возможность передачи его (передачи наказания) для отбывания наказания (исполнения) в государстве, гражданином которого он является. Решение о передаче иностранного гражданина, осужденного судом Респу-

блики Беларусь, на наш взгляд, должен принимать суд по месту отбывания наказания, а не Генеральная прокуратура Республики Беларусь. Исполнение судебного решения суда иностранного государства можно охарактеризовать как вид международной правовой помощи по уголовным делам, при котором признается и принимается к исполнению решение, вынесенное судом иностранного государства по уголовному делу, в отношении лица, находящегося на территории государства исполнения решения, передаваемого либо выдаваемого этому государству.

3.5. Перспективные направления совершенствования национального законодательства в сфере международной правовой помощи по уголовным делам

Развитие общественных отношений, современных технологий, совершенствование уголовного процесса подразумевают необходимость изменения многих правовых институтов, в том числе и международной правовой помощи по уголовным делам. Направления совершенствования правового регулирования во многом связаны с деятельностью по расследованию преступлений, рассмотрению уголовных дел и их разрешению, а также по исполнению приговора. В последнее время новеллы обусловлены выходом многих традиционных либо новых институтов уголовно-процессуального права за пределы территории отдельно взятого государства, приобретением ими транснационального характера.

Проанализировав действующие международные договоры Республики Беларусь и нормы иностранного уголовно-процессуального закона, можно выделить следующие перспективные направления для совершенствования национального законодательства о международной правовой помощи по уголовным делам:

- 1) влияние развития информационных технологий на формы международной правовой помощи по уголовным делам (видеоконференц-связь, снятие информации, передаваемой по телекоммуникационным сетям, обеспечение и передача электронных доказательств);
- 2) международный розыск, арест и конфискация нажитых преступным путем имущества и доходов;
- 3) совместные следственные группы;
- 4) расширение вариантов передачи производства по уголовному делу либо его результатов;

5) упрощение существующих процедур оказания международной правовой помощи по уголовным делам.

Как видится, в ходе законодательной регламентации процессуальных действий, указанных выше в п. 1, 2 и оказываемых на основе взаимности, необходимо в качестве условия предусмотреть наличие у запрашивающего государства соответствующей возможности.

Возможность оказания международной правовой помощи с использованием видеоконференцсвязи, а также действий, указанных в п. 2–4, предусматривается в отдельных международных договорах Республики Беларусь. Однако соответствующие нормы не являются самоисполнимыми и требуется национальная имплементация, установление процедуры в уголовно-процессуальном законе.

С развитием в конце XX в. техники в уголовном процессе появилась возможность проведения процессуальных действий дистанционно с помощью видеоконференцсвязи. В хозяйственном процессе уже отмечены случаи успешного применения видеоконференцсвязи между государствами (Беларусь и Казахстан) при разрешении дел [384]. Применение подобного новшества стало допустимым и в рамках международной правовой помощи по уголовным делам (ст. 105 Конвенции СНГ 2002 г., ст. 3 Договора с Сербией, ст. 13 Договора с Бразилией). При этом только в Договоре с Бразилией прописана процедура производства следственного действия дистанционно (проведение слушания посредством видеоконференции) и полученные в этом случае сведения в соответствии с ч. 3 ст. 105, ч. 3 ст. 88 в связи с ч. 5 ст. 1 УПК могут быть признаны допустимым доказательством. В иных случаях использование средств видеоконференцсвязи должно быть урегулировано во внутреннем законодательстве, как это сделано в § 69 (внутригосударственная) и 468, 489⁴¹ (в рамках оказания международной правовой помощи) УПК Эстонии.

Применение технических средств при производстве процессуальных действий допускает ч. 3 ст. 192 УПК, а подробная регламентация проведения допроса, очной ставки, предъявления для опознания с использованием систем видеоконференцсвязи с 2016 г. регламентирована в ст. 224¹, 343¹, ч. 9 ст. 385 УПК. Нормы, допускающие видеоконференцсвязь, содержатся в УПК РФ (ч. 4 ст. 240, ч. 6.1 ст. 241, ст. 278¹), УПК Казахстана (ст. 213, 370), УПК Кыргызстана (ч. 7 ст. 202, ч. 3 ст. 280). Однако данные нормы не учитывают специфику производства следственных действий в рамках международной правовой помощи. Соответственно, в уголовно-процессуальных кодексах государств – участников ЕАЭС необходимо предусмотреть схожие предписания для применения видеоконференцсвязи при производстве отдельных процессуальных действий и в судеб-

ном заседании в порядке оказания международной правовой помощи. Учитывая карательный характер уголовного процесса, необходимо законодательно обеспечить соблюдение прав участников уголовного процесса и достоверность полученных доказательств в ходе такой процедуры.

Процессуальные действия могут производиться с применением видеоконференцсвязи только при наличии к тому оснований, так как хотя и минимально, но принцип непосредственного восприятия судом доказательств нарушается. Использование видеоконференцсвязи должно способствовать экономии денежных средств при оказании международной правовой помощи, ибо участник уголовного процесса может быть заслушан непосредственно органом, ведущим уголовный процесс, без вызова лица на территорию иностранного государства. Кроме того, вызов лица для допроса может быть затруднен, например оно отбывает в иностранном государстве наказание, связанное с лишением свободы и иностранное государство не может временно его передать для производства процессуальных действий. Лицо также может опасаться за свою безопасность и отказывается явиться на территорию иностранного государства по вызову органа, ведущего уголовный процесс. Следует признать допустимым и дистанционное участие в судебном заседании (в том числе и по пересмотру дела переданного для отбывания наказания в государстве гражданства осужденного).

Для производства процессуального действия с использованием видеоконференцсвязи в порядке оказания международной правовой помощи необходимо направить просьбу, в которой, по нашему мнению, дополнительно должны быть указаны лицо, которое следует привлечь к участию (заслушиваемое лицо), его процессуальный статус, причины использования видеоконференцсвязи, данные лиц, производящих процессуальное действие. Так как заслушиваемое лицо находится в иностранной юрисдикции, то необходимо его согласие на участие в производстве процессуального действия с использованием видеоконференцсвязи. Такое лицо, явившись по вызову органа иностранного государства, может также отказаться от дачи показаний, но только в случаях, предусмотренных уголовно-процессуальным законом одного из государств. К процедуре производства процессуального действия должны применяться правила запрашивающего государства, если они не противоречат принципам и задачам уголовного процесса запрашиваемого государства.

Со стороны запрашиваемого государства процессуальное действие с применением видеоконференцсвязи должно поддерживать должностное лицо, в компетенцию которого входит производство соответствующего процессуального действия (например, следователь, следственный

судья, судья и т. п.). Оно определяет время для производства процессуального действия, вызывает заслушиваемое лицо, отождествляет явившееся лицо с лицом, которое должно быть заслушано в соответствии с просьбой об оказании международной правовой помощи. Как правило, к участию в процессуальных действиях с применением видеоконференцсвязи привлекаются переводчики. По нашему мнению, переводчики должны привлекаться к участию в процессуальном действии в обоих государствах, если должностные лица не владеют единым языком. Если же должностные лица могут общаться напрямую, но переводчик необходим для заслушиваемого лица, то он должен участвовать в запрашиваемом государстве, так как перевод может быть необходим большее время, нежели только в процессе видеоконференцсвязи.

Ход процессуального действия с применением видеоконференцсвязи в обязательном порядке должен быть записан на хранитель информации в запрашивающем государстве. При этом на протяжении всей трансляции должно быть очевидным, что на заслушиваемое лицо не оказывается никакого влияния, должно быть наблюдаемо все помещение и лица, в нем находящиеся. В противном случае доказательства, полученные в ходе процессуального действия, могут быть признаны недопустимыми. В целом из-за снижения уровня коммуникативного контакта с заслушиваемым лицом изменяется тактика проведения процессуальных действий [385, с. 213].

В ходе производства процессуального действия с применением видеоконференцсвязи должностным лицом запрашиваемого государства составляется протокол, который подписывается всеми участниками процессуального действия. Копия протокола направляется почтой (а в неотложных случаях и по каналам факсимильной (электронной) связи) в запрашивающее государство. В протоколе должны быть отражены технические условия проведения видеоконференцсвязи.

Участие обвиняемого в судебном заседании дистанционно не противоречит принципу состязательности, так как он имеет возможность участвовать в исследовании доказательств, может представлять доказательства, заявлять ходатайства. Для всемерного обеспечения обвиняемому (подозреваемому) права на защиту, по нашему мнению, необходимо разрешить участвовать на территории обоих государств при проведении процессуальных действий с применением видеоконференцсвязи защитникам. Если участие защитника является обязательным, то данное условие должно быть императивным.

Иные виды использования информационных технологий при оказании международной правовой помощи по уголовным делам в насто-

ящий момент находятся вне правового регулирования в Республике Беларусь. В то же время снятие информации, передаваемой по телекоммуникационным системам, осуществляется в рамках оперативно-розыскной деятельности и на территории иностранных государств. Правовая регламентация передачи подобных сведений предпринята в рамках государств – членов ЕС, о чем будет сказано в разд. 5.2 настоящей работы.

В рамках расследования уголовных дел также запрашиваются и передаются электронные доказательства. Информация, содержащаяся в электронной почте, время и содержание сообщений в социальных сетях и т. п. могут храниться у поставщиков соответствующих услуг, находящихся вне государства расследования. И если на территории Республики Беларусь можно говорить об иных носителях информации как источнике доказательств (ст. 100 УПК), то в рамках оказания международной правовой помощи законодатель оперирует термином «предмет», описание которого в ст. 480 и 490 УПК соотносится с описанием такого источника доказательств, как «вещественное доказательство» (ст. 96 УПК), которое сложно применить к электронным доказательствам. Часто электронные доказательства передаются на бумажном либо электронном носителе в физическом виде, что может вести к временным затратам, а это недопустимо по многим преступлениям в сфере компьютерной информации. В связи с этим важно предусмотреть законодательные возможности для передачи электронной информации в электронной форме, чтобы обеспечить безопасный и быстрый обмен информацией с иностранными государствами.

Учитывая создание Таможенного союза в рамках ЕАЭС, а также наличие внутреннего рынка ЕАЭС, актуальным является розыск, наложение ареста и конфискация нажитых преступным путем имущества и доходов на транснациональном уровне. Соответствующие нормы заложены в ряде международных договоров Республики Беларусь (например, ст. 46, 54, 55 Конвенции ООН против коррупции 2003 г. [386], ст. 13, 14 Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г., ст. 3 Договора с Сербией, п. 7 ст. 2, ст. 19 Договора с Болгарией, п. «а» ч. 3 ст. 1, ст. 12 Договора с ОАЭ, п. «g» ч. 4 ст. 1, ст. 18 Договора с Шри-Ланкой, п. «g» ч. 4 ст. 1, ст. 18 Договора с Монголией, п. «а» ч. 4 ст. 1, ст. 15–18 Договора с Бразилией). Однако в отношении процедуры в них нередко идет отсылка к внутреннему законодательству. Казахстан и Россия имплементировали нормы, допускающие изъятие имущества по просьбе органа иностранного государства, а в случае признания соответствующего решения суда иностранного государства – и его конфискацию, в свое национальное законодательство (ст. 577 УПК Казахстана, гл. 55.1 УПК РФ). При этом перед законодателем стоит непростая

задача сведения норм различных международных договоров Республики Беларусь в единые нормы УПК.

Несмотря на противоречащую презумпции невиновности допустимость п. 7 ст. 12 Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности возложения обязанности доказывания законности происхождения предполагаемых доходов от преступления или другого имущества, подлежащего конфискации, на обвиняемого («лицо, совершившее преступление»), белорусский законодатель в 2015 г. включил данные обстоятельства в предмет доказывания (п. 5 ч. 1 ст. 89 УПК). При этом обязанность доказывания обстоятельств, имеющих значение по уголовному делу, лежит на органе уголовного преследования, а в судебном разбирательстве – на государственном или частном обвинителе, за исключением уголовных дел ускоренного производства, рассматриваемых без участия государственного обвинителя (ч. 2 ст. 102 УПК). О противоречии имплементированного в немецкое законодательство конвенционного предписания конституционному праву не свидетельствовать против себя (*Schweigerecht*) отмечают в литературе [387].

Отметим, что российский законодатель исходил, по всей видимости, из возможности отыскания имущества и наложения ареста на него на основании имеющихся норм о внутригосударственных следственных действиях (обыск, выемка) и мерах принуждения, так как в гл. 55.1 УПК РФ устанавливается лишь порядок признания и принудительного исполнения приговора, постановления суда иностранного государства в части конфискации находящихся на территории Российской Федерации доходов, полученных преступным путем. В УПК Казахстана, хоть и с отсылками, регламентированы все этапы процессуальной работы с подобным имуществом. Учитывая, что конфискация больше не является видом наказания в Беларуси, конструкция нормы о признании и исполнении судебного решения иностранного государства по уголовному делу, содержащаяся в УПК Беларуси, не может быть применена в рассматриваемом случае.

На наш взгляд, в ходе трансформации норм указанных международных договоров в национальное уголовно-процессуальное право должны быть разрешены вопросы подсудности соответствующих просьб органа иностранного государства, установлены условия и основания отказа в исполнении таких просьб, а также порядок их рассмотрения, форма и содержание решения суда по результатам рассмотрения и порядок его исполнения. Устанавливая соответствующие правовые механизмы в транснациональном масштабе, законодатель должен обеспечить каждому возможность защиты своих прав и свобод компетентным, независимым и беспристрастным судом в определенные законом сроки. На ос-

новании ст. 44 и 60 Конституции Республики Беларусь лица, чьи вещные права и законные интересы непосредственно нарушаются применением подобной конфискации, должны быть наделены возможностью обратиться за защитой в суд. Имплементация соответствующих норм позволит повысить эффективность международного сотрудничества Республики Беларусь по вопросам противодействия организованной преступности.

Для того чтобы преодолеть ограничения юрисдикции отдельного государства, с конца XX в. в практике международных отношений для расследования преступлений стали создаваться межгосударственные *ad hoc* квазиорганы в форме совместных следственных (следственно-оперативных) групп, т. е. групп, состоящих из следователей – граждан нескольких государств. Следственные группы не надо путать с такими надгосударственными органами, как Палата обвинителя Международного уголовного суда, обвинитель Международного трибунала по бывшей Югославии и т. п. Отличие подобных органов прежде всего юрисдикционное. Надгосударственные органы обладают международной юрисдикцией, а совместные следственные группы – «политерриториальной юрисдикцией» [388]. По нашему мнению, данная юрисдикция ограничена суверенитетом государств-участников, условиями межгосударственного решения, на основе которого действует группа, и полномочиями лица, представляющего конкретную страну. Возможность создания совместных следственных групп в настоящий момент предусмотрена действующими для Беларуси Конвенцией СНГ 2002 г. (ст. 63), Конвенцией ООН против транснациональной организованной преступности (ст. 19), отдельными двухсторонними договорами (например, ст. 36 Договора с Сербией). Но для правомерной и эффективной деятельности таких групп на территории конкретного государства необходимо регулирование их полномочий и деятельности на национальном уровне, как это сделано, например, в ст. 578 УПК Казахстана, ст. 571 УПК Украины, § 471 УПК Эстонии.

Решение о создании совместной следственной (следственно-оперативной) группы должно приниматься на основании просьбы органа иностранного государства при наличии соответствующего международного договора или на условиях взаимности. То есть для принятия решения необходимо наличие государства, которое инициирует процесс создания данного межгосударственного квазиоргана. На инициативу (просьбу) следует ответить в течение предусмотренного в международных соглашениях срока (например, 15 дней после получения), а при создании совместной следственной группы на условиях взаимности – в сроки, предусмотренные в самой просьбе. Решение принимается совместно компетентными органами государств, на территории которых будет

производится расследование, и носит межгосударственный характер (может быть оформлено соглашением). Просьба, а затем и само решение должны в обязательном порядке, кроме данных, свойственных просьбе об оказании международной правовой помощи по уголовным делам (ст. 469 УПК), содержать список лиц, которые войдут в состав группы.

Целями создания совместной следственной группы являются быстрота и всесторонность расследования преступлений. В соответствии с Конвенцией СНГ 2002 г. основаниями создания совместной следственной группы можно считать необходимость расследования преступления, совершенного одним или несколькими лицами: 1) на территории более чем одного государства или 2) затрагивающего интересы более чем одного государства.

Совместная следственная группа создается для расследования конкретного преступления или преступлений и действует ограниченный период времени. Ограничение устанавливается сроками предварительного расследования. По нашему мнению, в данном случае должны применяться сроки и порядок их продления, предусмотренные законодательством страны – инициатора создания совместной следственной группы.

Члены совместной следственной группы действуют комиссионно. В рамках своей деятельности они взаимодействуют и обмениваются информацией непосредственно без необходимости соблюдения формальностей, предусмотренных при оказании международной правовой помощи. Члены совместной следственной группы должны согласовывать основные направления расследования, порядок и тактику проведения следственных действий. При этом необходимо учитывать вышеуказанную ограниченность юрисдикции совместной следственной группы. Ее образование не позволяет вести уголовный процесс органу уголовного преследования одного государства на территории другого. Только члены совместной следственной группы, являющиеся гражданами Республики Беларусь, могут производить процессуальные действия на территории Беларуси, они же составляют и подписывают соответствующие процессуальные документы (постановления, протоколы). Для участия в процессуальном действии представителей иных государств необходимо наличие соответствующей просьбы и разрешения компетентного органа запрашиваемого государства, если не предусмотреть иное в УПК.

При производстве процессуального действия применяется законодательство государства проведения. При этом следует учитывать, что соответственно применяется и законодательство, регулирующее вопросы судебного контроля и прокурорского надзора за деятельностью органов предварительного расследования. При необходимости член сов-

местной следственной группы, производящий следственное действие, в соответствии с законодательством своего государства ходатайствует о санкционировании его постановления прокурором или о принятии решения о производстве следственного действия судом. Аналогичным образом должна осуществляться судебная проверка законности процессуального действия.

Координация деятельности группы должна, как правило, поручаться представителю страны, инициировавшей создание совместной следственной группы. Решение об этом принимает Генеральный прокурор (иное аналогичное должностное лицо) государства-инициатора. Координация, по нашему мнению, включает:

- разрешение спорных вопросов;
- обращение через компетентные органы к третьему государству, представители которого не входят в состав группы, с целью получения правовой помощи по расследуемому делу;
- решение о целесообразности производства следственных действий, о достаточности собранных доказательств по делу, о возможном прекращении производства по делу и др.

Решения о возбуждении уголовного дела, прекращении производства по уголовному делу и иные наиболее важные решения принимаются высшими должностными лицами государств, на которых возложена обязанность уголовного преследования (например, в Беларуси – Генеральным прокурором).

Если в ходе расследования будет получена информация о факте совершения преступления, не входящего в предмет расследования совместной следственной группы, то такая информация должна быть передана для принятия по ней решения органам уголовного преследования государства, на территории которого она была получена.

Как мы установили в предыдущих разделах, международные договоры Республики Беларусь и УПК (на основе принципа взаимности) позволяют передавать осуществление уголовного преследования органам иностранного государства (и принимать от них), принимать к исполнению судебные решения, вынесенные в иностранном государстве и предусматривающие наказание. Тем самым обеспечивается транснациональный трансфер производства по уголовному делу на большинстве стадий ординарного уголовного процесса. В то же время гл. 46 УПК предусматривает производство по уголовному делу о применении принудительных мер безопасности и лечения, в результате которого лицу не назначается наказание. Однако к такому лицу по результатам рассмотрения уголовного дела могут быть применены принудительные меры, ограничиваю-

щие его права на свободу передвижения. При этом лицо, совершившее общественно опасные деяния, предусмотренные уголовным законом, в состоянии невменяемости или заболевшее после совершения преступления психическим расстройством (заболеванием), лишаящим его возможности сознавать значение своих действий или руководить ими, может являться иностранным гражданином. В аналогичную ситуацию могут попасть граждане Республики Беларусь. Для возвращения таких граждан под юрисдикцию государства гражданства был заключен ряд международных договоров (с Литвой 1996 г., Конвенция СНГ о передаче лиц, страдающих психическими расстройствами, для проведения принудительного лечения 1997 г.) либо включены соответствующие нормы в договоры о правовой помощи по уголовным делам (нормы об исполнении судебных решений по уголовным делам – разд. 4 ч. 2 Договора с Польшей).

Сложно согласиться с М. А. Фроловой, считающей передачу лиц, страдающих психическими расстройствами, для проведения принудительного лечения самостоятельным видом (направлением) «международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства» [389, с. 13]. Принятие таких лиц на территорию Республики Беларусь посредством процедуры признания и исполнения судебного решения нам видится наиболее законосообразным, так как применение принудительных мер на территории Беларуси должно осуществляться не на основании судебного решения иностранного государства, а на основании постановления суда Республики Беларусь, трансформирующего первое. Данный вывод подтверждается ч. 2 ст. 32, ч. 2 ст. 34 Закона «Об оказании психиатрической помощи» [390], позволяющими оказывать психиатрическую помощь принудительно на основании определения (постановления) суда, под которым в законе суверенного государства может пониматься только суд Республики Беларусь. Целесообразным является внесение соответствующих изменений в ст. 478, 488, 504 УПК, хотя отдельные авторы и высказываются против включения подобных норм в УПК, что обусловлено наличием в Российской Федерации специального закона в рассматриваемой сфере [391, с. 58]. Однако если проанализировать нормы гл. 46 УПК, можно заметить, что уголовное производство не прекращается вынесением определения (постановления) судом, так как прекращение (изменение) принудительных мер безопасности и лечения также отнесено к компетенции суда (ст. 450 УПК, ч. 5 ст. 44 Закона «Об оказании психиатрической помощи»), а в некоторых случаях в отношении лица может быть возобновлено уголовное дело (ст. 451 УПК).

Традиционная процедура оказания международной правовой помощи по уголовным делам трудоемкая и достаточно затратная во вре-

менном и финансовом плане. Ее механизмы отстают от ускоряющихся процессов современных общественных отношений. В последние десятилетия наметились тенденции к поиску инструментов, упрощающих традиционные процедуры. Наибольшего успеха в этом плане достигли государства – члены ЕС, о чем будет сказано в разд. 5.2 настоящей работы. Однако надо заметить, что упрощение возможно при достижении государствами определенного уровня доверия, которое возможно в рамках интеграционных образований. В этом аспекте можно говорить о предложенном В. В. Милинчуком едином судебном пространстве [392, с. 90]. Соответственно, сложно устанавливать упрощенные процедуры в национальном законодательстве на основе принципа взаимности без должного надгосударственного регулирования.

В ходе дальнейшего совершенствования уголовно-процессуально-го законодательства необходимо регламентировать порядок применения видеоконференцсвязи при оказании международной правовой помощи по уголовным делам и порядок деятельности совместных следственных групп, важно предусмотреть законодательные возможности для передачи электронной информации в электронной форме, чтобы обеспечить безопасный и быстрый обмен информацией с иностранными государствами. В ходе трансформации норм о розыске, наложении ареста и конфискации нажитых преступным путем имущества и доходов на транснациональном уровне в национальное уголовно-процессуальное право должны быть разрешены вопросы подсудности соответствующих просьб органа иностранного государства, установлены условия и основания отказа в исполнении таких просьб, а также порядок их рассмотрения, форма и содержание решения суда по результатам рассмотрения и порядок его исполнения с обеспечением каждому возможности защиты своих прав и свобод. Чтобы обеспечить возможность передачи лиц, страдающих психическими расстройствами, для осуществления принудительных мер безопасности и лечения, следует внести изменения в соответствующие нормы о признании и исполнении судебных решений иностранных государств. Целесообразно также искать пути для упрощения процедур оказания международной правовой помощи по уголовным делам без ущерба правам и законным интересам их участников.

ВЛИЯНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ НА НАЦИОНАЛЬНЫЙ УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

В связи с необходимостью обеспечения действия международно-правовых предписаний деятельность по проверке соблюдения процессуальных гарантий при производстве по уголовному делу в XX в. преодолела государственные границы и вышла на международный уровень. Были созданы международные органы, в которые могут обратиться граждане (в том числе участники уголовного процесса) с целью защиты нарушенных прав, признаваемых в универсальном измерении. Соответствующие нормы были закреплены в конституциях многих государств.

Все государства – члены ЕАЭС, присоединившись к Факультативному протоколу к Пакту 1966 г. [393], признали компетенцию КПЧ «принимать и рассматривать сообщения» от лиц, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения государством-участником какого-либо из прав, изложенных в Пакте. Последним компетенцию КПЧ в 2009 г. признал Казахстан. Учитывая, что в Пакте 1966 г. провозглашаются и определенные уголовно-процессуальные гарантии, такое признание компетенции может закономерно приводить к оценке действий и решений органов, ведущих уголовный процесс, на соответствие нормам данного международного правового акта. Армения и Россия, являясь членами Совета Европы, признают компетенцию ЕСПЧ, в который в основном направляют свои жалобы граждане этих государств.

Конституция Республики Беларусь гарантирует каждому право в соответствии с международно-правовыми актами, ратифицированными Республикой Беларусь, обращаться в международные организации с целью защиты своих прав и свобод, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты (ст. 61). Данная норма является легальной основой для обеспечения международной правовой защиты по уголовным делам в Республике Беларусь. Причем отдельные исследователи указывают, что эта статья допускает обязательность для государственных органов решений международных организаций [64, с. 1027]. Схожие нормы можно найти в ч. 2 ст. 61 Конституции Армении, ч. 2 ст. 41 Конституции Кыргызстана и ч. 3 ст. 46 Конституции Рос-

сии, хотя в конституционных предписаниях Армении и Кыргызстана не указывается на необходимость исчерпания всех имеющихся внутригосударственных средств правовой защиты. Отсутствие подобной нормы в Конституции Казахстана можно объяснить непризнанием этим государством компетенции какого-либо международного органа в момент принятия Основного Закона на референдуме в 1995 г. Если учесть, что «Республика Казахстан уважает принципы и нормы международного права» (ст. 8 Конституции), а одним из таких принципов называют принцип добросовестного выполнения международных обязательств [64, с. 211], то указанное выше правило действует для всех государств – членов ЕАЭС.

Как следует из содержания конституционного предписания, для реализации права на международную правовую защиту должны быть соблюдены два условия:

1) уголовное дело должно пройти все внутригосударственные процедуры, предусмотренные для обеспечения прав участников уголовного процесса.

Данное условие связано с недопустимостью подмены национальных судов судебными и квазисудебными органами международных организаций. Кроме того, данное условие основывается на обязательстве каждого государства-участника, взятом в соответствии с п. «а» ч. 3 ст. 2 Пакта 1966 г., обеспечить любому лицу, признаваемые в Пакте права и свободы которого нарушены, эффективное средство правовой защиты.

Возникает вопрос о понимании момента исчерпания внутригосударственных процедур. Согласно п. 2 ст. 5 Факультативного протокола к Пакту 1966 г. должны быть исчерпаны «все *доступные* средства правовой защиты». Как нам видится, если исходить из исчерпаемости внутригосударственных процедур, то данное условие должно достигаться в соответствии с предписаниями именно внутригосударственного права. Профессор Г. А. Василевич понимает под такой исчерпаемостью «использование гражданином всех легальных (предусмотренных законом) возможностей для защиты своих прав и свобод внутри государства» [63, с. 226]. Учитывая, что в теории надзорное производство является исключительной стадией уголовного процесса [106, с. 15, 208–209], для Беларуси можно рассмотреть две ситуации.

Если приговор (постановление, определение) может быть обжалован в апелляционном порядке, то исчерпаемость внутригосударственных процедур наступает одновременно со вступлением приговора (постановления, определения) в законную силу. Причем для обращения в международную организацию в таком случае уголовное дело в обязательном порядке должно пройти стадию апелляционного производства либо должно быть доказано наличие неустранимых объективных препятствий для рассмотрения уголовного дела в данном производстве.

В том случае, если приговор (определение, постановление) не подлежит обжалованию в апелляционном порядке (ч. 1 ст. 377, ч. 5 ст. 370 УПК), например приговор Верховного Суда Республики Беларусь, принимаемая во внимание в целом доступность надзорного производства, так как подача надзорных жалоб не ограничена их количеством, исходя из разумности, на наш взгляд, достаточно осуществления однократного обращения к должностному лицу высшей судебной инстанции с получением отказа в принесении протеста в порядке надзора (ч. 2 ст. 404, ч. 3 ст. 408 УПК). В случае же если уполномоченные должностные лица приносят протесты в порядке надзора, исчерпанием внутригосударственных процедур следует считать отказ суда в удовлетворении надзорного протеста на уровне Верховного Суда Республики Беларусь (судебной коллегией по уголовным делам либо Президиумом или Пленумом в зависимости от того, кем из них рассматривается уголовное дело в порядке надзора впервые – ст. 407 УПК).

При этом не должны быть пройдены в обязательном порядке такие средства правовой защиты, как рассмотрение вопроса о помиловании и производство по вновь открывшимся обстоятельствам, так как они, по мнению КПЧ, являются исключительными (*extraordinary remedy*) [394, п. 10.4; 395, п. 6.1], хотя Комитет считает, что и ходатайство о пересмотре судебного решения в порядке надзора (*supervisory review*) не является обязательным для исчерпания, так как такой пересмотр ограничивается вопросами права [394, п. 11.6] и его доступность зависит от усмотрения должностного лица суда либо прокуратуры.

Схожее отношение к надзорному производству можно установить в решениях ЕСПЧ. Однако у последнего «нет абсолютно непримиримого отношения к надзорной инстанции, и процедура пересмотра окончательного судебного решения» данным судом не ставится под сомнение [396, с. 36]. При проверке предварительного исчерпания внутригосударственных средств правовой защиты учитывается рассмотрение дел высшей инстанцией только по прямому обязательному для судебного рассмотрения обращению заинтересованной стороны, а не в результате акта уполномоченного органа [396, с. 35], коим в Беларуси является протест в порядке надзора. В Российской Федерации предпринималось несколько попыток реформирования надзорного производства, однако результаты не смогли обеспечить эффективность внутригосударственных средств правовой защиты [397, с. 127];

2) признание юрисдикции международной организации и ее соответствующих органов (комитет, суд и т. п.) должно быть осуществлено международным договором, ратифицированным Республикой Беларусь.

Соблюдение юрисдикции является обязательным, в противном случае право на доступ к осуществлению правосудия не может быть осуществлено [398, с. 47]. Так, Республикой Беларусь ратифицирован Факультативный протокол к Пакту 1966 г. и тем самым наше государство признает компетенцию КПЧ принимать и рассматривать сообщения от подлежащих его юрисдикции лиц, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения данным государством-участником какого-либо из прав, изложенных в Пакте 1966 г. Республика Беларусь ратифицировала в 2004 г. Факультативный протокол к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1999 г. [399], признав тем самым компетенцию Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин принимать и рассматривать сообщения, связанные с нарушением нашим государством указанной конвенции. Данный протокол ратифицирован всеми государствами – членами ЕАЭС. Казахстан и Россия признали также компетенцию Комитета ООН против пыток и Комитета ООН по ликвидации расовой дискриминации. Армения в 2019 г. подписала Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающийся процедуры сообщений, 2011 г. [400], которым государства признают компетенцию Комитета ООН по правам ребенка принимать сообщения от детей о нарушении их прав, предусмотренных Конвенцией.

Конвенцией СНГ о правах предусматривалось создание Комиссии по правам человека с возможностью обращения в нее только договаривающихся государств, но соответствующие внутригосударственные процедуры не были выполнены. Беларусь не является членом Совета Европы. Следовательно, проверка на предмет возможности международной правовой защиты в отношении деятельности, осуществляемой в рамках уголовного процесса Республики Беларусь, допускается только в рамках двух указанных Комитетов ООН.

Е. В. Рябцева именуется названные выше условия соответственно уголовно-процессуальным и институциональным аспектом международной судебной защиты по уголовным делам [398, с. 9].

Закладывая в законодательство уголовно-процессуальный аспект, важно предусмотреть не только переход рассмотрения вопросов уголовного дела на международно-правовой уровень, но и имплементацию решения международной организации (ее органов) в национальном уголовном процессе (их юридическую силу). Провозглашение в Конституции возможности обратиться в международную организацию для защиты своих прав остается декларативным, если во внутригосударственном законодательстве не создан механизм, допускающий пересмотр в нашем случае уголовного дела после того, как оно стало предметом изучения в международной организации. Другими словами, предусмо-

трев выход из национального уголовного процесса, необходимо установить в законодательстве возможность возврата.

Среди европейских государств нет единообразия в создании механизма возвращения к рассмотрению уголовного дела после его рассмотрения международной организацией (ее органом) на предмет нарушения прав человека. Прежде всего государства можно условно разделить на 4 группы в зависимости от подхода к отражению в УПК круга международных организаций (их органов), решение (соображение) которых может вызвать пересмотр уголовного дела (см. прил. 4):

1) перечисляют конкретные организации (их органы):

а) в большинстве государств это ЕСПЧ (Азербайджан, Германия, Испания, Молдова, Россия, Франция, Эстония);

б) ЕСПЧ и отдельные комитеты ООН (Грузия – все вышеперечисленные комитеты, Литва – КПЧ);

2) указывают в целом на международный суд, действующий на основании ратифицированного таким государством международного договора (Армения, Латвия, Украина);

3) наиболее широко указывают на международные органы в соответствии с международными договорами (Кыргызстан, Польша);

4) не регулируют соответствующие вопросы в УПК (Беларусь, Казахстан, Италия).

Однако последняя группа государств скорее исключение. И если в Казахстане такое отсутствие может быть обосновано неурегулированностью данного вопроса в Конституции, то в Италии Конституционным судом было принято постановление № 113 от 7 апреля 2011 г., которым была объявлена не соответствующей Конституции ст. 630 УПК Италии в той части, в которой она не предусматривает отдельного основания для пересмотра приговора (уголовного постановления об осуждении) с целью добиться возобновления процесса, когда это необходимо, в соответствии с п. 1 ст. 46 ЕКПЧ, на основании окончательного решения ЕСПЧ [401]. Итальянский законодатель до настоящего момента не реализовал данное решение Конституционного суда Итальянской Республики, не внес изменения в УПК Италии.

Пересмотр дела на основании решения международной организации либо ее органа возможен в рамках различных процедур (см. прил. 4):

- возобновление производства по вновь открывшимся обстоятельствам (Грузия, Латвия);

- возобновление производства в связи с новыми обстоятельствами (Армения, Кыргызстан, Россия);

- возобновление производства (Германия, Литва, Польша, Франция, Эстония);

- пересмотр дела (Азербайджан (пересмотр дела по новым обстоятельствам, связанным с нарушением прав и свобод), Испания, Молдова (в ревизионном порядке)).

Как мы видим, в большинстве исследованных государств уголовное дело пересматривается в порядке, аналогичном белорусскому возобновлению производства по вновь открывшимся обстоятельствам (гл. 43 УПК).

Исходя из принятой национальной практики в соответствующих производствах, можно различать адресата подачи соответствующего ходатайства для первоначального рассмотрения на предмет наличия оснований для пересмотра (возобновления):

- суд (ст. 456 Уголовно-процессуального кодекса Азербайджанской Республики, ст. 426.8 УПК Армении, ст. 312 Уголовно-процессуального кодекса Грузии, ст. 443 УПК Кыргызстана, ст. 458 Уголовно-процессуального кодекса Литвы, ст. 464¹ УПК Молдовы, ч. 5 ст. 415 УПК РФ, ст. 463 УПК Украины);

- прокурор (ст. 657 Уголовно-процессуального кодекса Латвии).

Во всех исследованных нами правовых системах правом пересмотра (возобновления производства) обладают суды различного уровня (например, Пленум Верховного Суда (Азербайджан), апелляционный суд (Грузия), суд, принявший решение (Кыргызстан), Верховный Суд (Латвия, Литва), Высшая судебная палата (Молдова), Президиум Верховного Суда (Россия), Большая палата Верховного Суда (Украина)).

Соображения КПЧ на основании индивидуальных жалоб (сообщений) не являются юридически обязывающими, хотя и признаются формой непосредственной международно-правовой защиты для индивида [402, с. 77] (но не судебной защиты). Данные решения КПЧ представляют собой своеобразный сигнал государству о нарушении права, предусмотренного Пактом 1966 г., и призыв к восстановлению нарушенного права, т. е., по сути дела, к устранению нарушения международного обязательства [403, с. 111]. Если в связи с конкретным делом КПЧ приходит к выводу о наличии нарушения, государству-участнику предлагается устранить это нарушение в соответствии с содержащимся в п. 3 ст. 2 Пакта 1966 г. обязательством обеспечить эффективное средство правовой защиты в случае нарушений Пакта [404, с. 36].

Учитывая, что в ряде своих соображений КПЧ проверял сообразность действий в рамках уголовного процесса положениям Пакта 1966 г. (например, соображение по сообщению № 1100/2002 *Бандажевский в. Беларусь* [405]), как нам видится, белорусский законодатель мог бы предусмотреть в качестве повода для осуществления прокурором проверки по вновь открывшимся обстоятельствам (ст. 420 УПК) решение междуна-

родной организации, принятое в соответствии с международными правовыми актами, ратифицированными Республикой Беларусь, на основании обращения участника уголовного процесса, так как такое решение направляется не только заявителю, но и соответствующему государству.

Отсутствие реальной процедуры имплементации результатов международной правовой защиты по уголовным делам в Республике Беларусь и Казахстане создает неравенство граждан в рамках ЕАЭС, а соответственно, препятствует свободе движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, так как у граждан Армении, Кыргызстана и России могут быть опасения при осуществлении предпринимательской и трудовой деятельности в Беларуси и Казахстане без предоставления правовой защиты на привычном им уровне.

В отсутствие соответствующего правового основания украинские коллеги считают возможным использовать соображения КПЧ (и схожих органов) как уже имеющееся основание для производства по вновь открывшимся обстоятельствам [406, с. 65] – «иные обстоятельства, которые не были известны суду во время судебного рассмотрения при принятии судебного решения и которые сами по себе или вместе с ранее выявленными обстоятельствами доказывают неправильность приговора или постановления, которые следует пересмотреть» (п. 4 ч. 2 ст. 459 УПК Украины – аналог п. 4 ч. 2 ст. 418 УПК Беларуси). Такое решение проблемы, на наш взгляд, может носить лишь временный характер до внесения соответствующих изменений в УПК.

Следует учитывать, что установление международной организацией (ее органом) в своем решении факта нарушения в ходе производства по материалам и уголовному делу органами, ведущими уголовный процесс, прав человека, предусмотренных в международном договоре, ратифицированном Республикой Беларусь, в сущности, не всегда должно вести к возобновлению производства по уголовному делу по вновь открывшимся обстоятельствам. В ходе проверки прокурором может быть выявлено, что установленные международной организацией (ее органом) факты составляют существенное нарушение уголовно-процессуального закона либо объективную сторону состава преступления. В первом случае могут наличествовать основания для пересмотра уголовного дела в порядке надзорного производства, а во втором – для возбуждения уголовного дела и последующего рассмотрения вопроса о наличии оснований возобновления производства по уголовному делу по вновь открывшимся обстоятельствам, предусмотренных п. 1–3 ч. 2 ст. 418 УПК.

В иных же случаях указанные факты (вновь открывшиеся обстоятельства) в материалах дела не отражаются и нуждаются в самостоятельном расследовании [407, с. 6–7; 408, с. 22].

В п. 3 ч. 4 ст. 442 УПК Кыргызстана указано, что «новыми обстоятельствами являются... установление международными органами, в соответствии с международными договорами Кыргызской Республики, нарушения прав и свобод человека при рассмотрении судом Кыргызской Республики данного уголовного дела» [409]. Тем самым в новом УПК Кыргызстана законодатель предусмотрел возможность реализации ч. 2 ст. 41 Конституции Кыргызской Республики посредством введения нового основания для возобновления производства по уголовному делу, хотя данное государство, как и Республика Беларусь, не является участником ЕКПЧ. Наименование данного обстоятельства «новым» использовано и в некоторых других государствах (ст. 426.4 УПК Армении, ч. 4 ст. 413 УПК РФ). Однако в УПК Беларуси данное понятие используется как синоним понятия «вновь открывшиеся обстоятельства» (ч. 3 ст. 419) [410, с. 46].

Как видно, в большинстве государств признается, что международная правовая защита направлена не на рассмотрение конкретного уголовного дела по существу, а на разрешение вопроса о соблюдении государством при разрешении уголовного дела конвенционных норм. В случае обнаружения нарушения конвенционных норм необходимо установить, насколько такое нарушение повлияло на постановление законного, обоснованного и справедливого приговора и что необходимо предпринять, чтобы устранить последствия такого нарушения, восстановить положение, существовавшее до нарушения. Данный вопрос должен решаться внутригосударственным правом, а при нарушении в ходе производства по материалам и уголовным делам – в уголовно-процессуальном законе.

На наш взгляд, опираясь на действующее законодательство Беларуси, установление прокурором нарушения прав человека в ходе производства по уголовному делу на основании содержания сообщения КПЧ следует считать вновь открывшимся обстоятельством, так как подобное нарушение в ходе расследования либо рассмотрения уголовного дела может быть в отдельных случаях сопоставимо с преступными действиями должностных лиц органов, ведущих уголовный процесс.

При конструировании нормы УПК следует исходить из того, что вопрос, связанный с возвращением в национальный уголовный процесс, должен разрешаться высшим должностным лицом органов прокуратуры и высшей судебной инстанцией, так как в данной ситуации происходит непосредственное взаимодействие, сближение правовой системы Республики Беларусь с международной правовой системой и именно эти органы могут взаимодействовать с международными организациями. Вопрос о правовых последствиях признания международной организацией нарушения прав и свобод человека в ходе производства по

материалам и уголовному делу в рамках правовой системы Беларуси должна решать прокуратура, так как в соответствии со ст. 125 Конституции Республики Беларусь прокуратура осуществляет надзор за точным и единообразным исполнением законов, декретов, указов и иных нормативных актов должностными лицами и гражданами, а также надзор за исполнением законов при расследовании преступлений, соответствием закону судебных решений по уголовным делам.

Исходя из вышесказанного, норму можно сконструировать следующим образом: «Если Генеральный прокурор Республики Беларусь или лицо, исполняющее его обязанности, на основании решения (соображения) международной организации, компетенция которой признана Республикой Беларусь в ратифицированном международном договоре Республики Беларусь, установит наличие оснований для возобновления производства по вновь открывшимся обстоятельствам, он возбуждает производство по вновь открывшимся обстоятельствам своим мотивированным постановлением, о чем уведомляет обвиняемого, его защитника, потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и их представителей. В постановлении Генеральный прокурор Республики Беларусь или лицо, исполняющее его обязанности, поручает прокурору по территориальности организовать расследование установленных обстоятельств. При этом расследование производится в соответствии с правилами глав 22–26 настоящего Кодекса. Материалы расследования прокурор со своим мнением направляет Генеральному прокурору Республики Беларусь или лицу, исполняющему его обязанности.

Если Генеральный прокурор Республики Беларусь или лицо, исполняющее его обязанности, не установит в решении (соображении) международной организации, компетенция которой признана Республикой Беларусь в ратифицированном международном договоре Республики Беларусь, оснований для возобновления производства по вновь открывшимся обстоятельствам, он отказывает в этом своим мотивированным постановлением, о чем сообщает лицу, подавшему жалобу в международную организацию, которое может обжаловать его в Верховный Суд Республики Беларусь.

При наличии оснований для возобновления производства по уголовному делу в материалах расследования Генеральный прокурор Республики Беларусь или лицо, исполняющее его обязанности, направляет дело со своим заключением, копией решения (соображения) международной организации, компетенция которой признана Республикой Беларусь в ратифицированном международном договоре Республики Беларусь, и материалами в Верховный Суд Республики Беларусь. При отсутствии оснований для возобновления производства по уголовному делу Гене-

ральный прокурор Республики Беларусь или лицо, исполняющее его обязанности, своим мотивированным постановлением прекращает возбужденное им производство по вновь открывшимся обстоятельствам.

Заключение прокурора, подготовленное в соответствии с настоящей статьей, рассматривается Президиумом Верховного Суда Республики Беларусь в судебном заседании в соответствии с правилами статьи 411 настоящего Кодекса».

Необходимо отметить, что уголовный процесс Беларуси становится предметом рассмотрения международных судебных инстанций и косвенным путем. Так, нами установлено, что по крайней мере в 17 производствах перед ЕСПЧ ставился вопрос о нарушениях, связанных с производством по материалам и уголовному делу в Республике Беларусь. Все эти производства были связаны с оказанием международной правовой помощи по уголовным делам на территории государств – участников Совета Европы по запросам нашего государства. Так, в деле *Puzan v. Украина* ЕСПЧ указал, что заявитель не подтвердил, что «его предыдущий опыт уголовного преследования в Беларуси связан с какими-либо обстоятельствами, которые могут обосновывать серьезный риск жестокого обращения или несправедливого судебного разбирательства в будущем» (п. 34) [411].

Таким образом, нами установлено, что в национальных уголовно-процессуальных законах государств – членов ЕАЭС в разной степени реализуется возможность для имплементации решений (соображений) международных организаций по защите прав человека. Статья 61 Конституции Республики Беларусь является легальной основой для обеспечения международной правовой защиты по уголовным делам в Республике Беларусь. Однако она не обеспечивается нормами УПК. Подобное неравенство возможностей для граждан в рамках ЕАЭС косвенно препятствует свободе движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы. С этой целью необходимо предусмотреть в качестве повода для осуществления прокурором проверки по вновь открывшимся обстоятельствам (ст. 420 УПК) решение международной организации, принятое в соответствии с международно-правовыми актами, ратифицированными Республикой Беларусь. Учитывая, что каждое такое решение направляется государству, в отношении которого оно принято, рассмотрение вопроса о возобновлении производства по вновь открывшимся обстоятельствам должно осуществляться Генеральным прокурором Республики Беларусь или лицом, исполняющим его обязанности, на основании решения без обязательного обращения участника уголовного процесса.

ГАРМОНИЗАЦИЯ
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

5.1. Понятие, значение
и допустимость гармонизации
уголовно-процессуального законодательства

В современном мире с развитием мобильных технологий, активным передвижением граждан, созданием интеграционных экономических образований и в целом глобализацией общественных отношений закономерно наблюдается сближение правовых систем. Если интеграция рассматривается больше в политическом аспекте, то термин «гармонизация» применяется к правовым системам и праву. На первый взгляд интеграция в экономической сфере не должна затрагивать уголовно-правовую составляющую правовой системы. Более того, государства традиционно сдерживаются от вторжения в сферу уголовного наказания и уголовного процесса в рамках интеграционных образований. Считается, что право наказывать как составляющая судебной власти является неотъемлемым элементом суверенитета государства. Аналогичные настроения существуют и в ЕС: в немецкоязычной литературе много раз критиковался принцип взаимного признания в рамках уголовного процесса из-за страха идентификации его с «принципом максимальной наказуемости» или сближением европейских уголовно-процессуальных законодательств на самом нижнем уровне [412, с. 13].

Препятствием для сближения уголовного закона в целом и уголовно-процессуального в частности является тот факт, что уголовное право все еще рассматривается как основа национального суверенитета и тем самым упорно защищаются национальные интересы. Попытки гармонизации в рассматриваемой сфере связываются большинством государств с потерей суверенных прав. Политическому процессу сближения уголовно-правовой процедуры не хватает также научного фундамента, с помощью которого можно было бы вести разъяснительную работу [57, с. 4].

Про национальный суверенитет государства вспоминают также в связи с тем, что нормы уголовно-процессуального права строятся на понимании прав и свобод человека, сложившемся в данном конкретном государстве с присущими ему историческими правовыми традициями. В то же время если рассматривать ЕАЭС, то два из пяти государств-участников являются членами Совета Европы, и для них обязательны нормы международных договоров, заключенных в рамках этой международной организации, в том числе нормы ЕКПЧ, что не может не сказаться на соответствующих нормах их уголовно-процессуального закона. Более того, нормы конвенций Совета Европы в сфере международной правовой помощи по уголовным делам учитывались при заключении Конвенции СНГ 2002 г. о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам.

При анализе сближения уголовно-процессуального законодательства в литературе (прежде всего, англо- и немецкоязычной) можно встретить разнообразные термины: гармонизация (*harmonisation, Harmonisierung*), унификация (*unification, Vereinheitlichung*), конвергенция (*convergence, Konvergenz*), кодификация (*codification, Kodifizierung*). Авторы не всегда делают разграничение между этими терминами. Так, указывается, что гармонизация уголовного права и уголовного процесса не есть унификация, а лишь сближение составляющих различных уголовных юрисдикций и создание общих правовых рамок [413, с. 61]. Можно заметить, что наиболее четкому разграничению подвергаются «гармонизация» и «унификация». Последняя представляет собой более «жесткое» сближение: подмена норм нескольких государств общей нормой либо нормой одного из государств. В гармонизации же государствам задаются только общие направления сближения, а они сами вольны выбирать пути его осуществления с учетом местных правовых традиций и политических предпочтений. Аппроксимация (*approximation*) и конвергенция в большинстве случаев являются синонимами сближения [414–416].

Следует учитывать, что сближение уголовно-процессуального права может происходить не только на межгосударственном уровне, но и внутри государства. Поэтому если рассматривать методы сближения, то следует выделить:

- заключение международных договоров (возможность делать оговорки может поставить под сомнение единообразие применения);
- наднациональное нормотворчество (позволяет сблизить нормы и, как правило, использовать судебный орган для толкования);
- «мягкое право» (принятие модельных законов, которые не гарантируют идентичность, но могут стать дополнением к наднациональному праву на период достижения консенсуса);

- судебное разъяснение (при формировании единой внутрисударственной практики верховные либо конституционные суды нередко ссылаются на международные стандарты, судебную практику ЕСПЧ и т. д.).

Сближение права может носить характер целенаправленной деятельности субъектов (скоординированное, формальное, организованное сближение, *co-ordination*) либо быть спонтанным [417, с. 123, 353–362] (проявляется в односторонней либерализации национального права, ведущей к созданию схожих правовых механизмов [418, с. 264]). Последнее более характерно для частного права.

Надо отметить, что у сближения уголовно-процессуального права имеются и противники. Так, отдельные авторы сомневаются, может ли национальное уголовное право (в широком смысле), которое направлено на охрану правовых ценностей публичного, экономического и общественного порядка, вообще быть предметом правового сближения [57, с. 6].

В соответствии с преамбулой и ст. 1 Договора о ЕАЭС [419] его стороны, «руководствуясь принципом суверенного равенства государств, необходимостью безусловного соблюдения принципа верховенства конституционных прав и свобод человека и гражданина... движимые стремлением гарантировать устойчивый рост деловой активности, сбалансированную торговлю и добросовестную конкуренцию», заключили договор для того, чтобы в рамках Союза обеспечивать свободу движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы. В настоящий момент в указанном договоре у ЕАЭС не имеется компетенции в сфере уголовно-правовой политики. В то же время Договор о ЕАЭС четко не очерчивает круг отраслей, законодательство в которых может стать предметом гармонизации в рамках данного интеграционного образования. Например, можно отметить установление возможности гармонизации законодательства в сфере административной/уголовной ответственности в отдельных сферах (см. п. 14 ч. 1 ст. 51, ч. 1 ст. 89 Договора о ЕАЭС, п. 9 ч. 4 Протокола № 15 Договора о ЕАЭС).

Сближение уголовно-процессуального права вызывается прежде всего гармонизацией законодательства отдельных государств, под которой понимают сближение законодательства государств, направленное на установление сходного (сопоставимого) нормативного правового регулирования в отдельных сферах (ст. 2 Договора о ЕАЭС) либо замену многочисленных и разнообразных национальных правил по определенному вопросу единым правилом [420, с. 589], которое будет общим и понятным для всех, хотя в литературе отмечается, что единого определения гармонизации в правовой сфере не существует, и не всегда данный термин отделяют от иных схожих [56, с. 626]. Можно согласиться, что гармонизация сближает правовые системы, оставляя определенные разли-

чия [421, с. 31]. При гармонизации в уголовно-правовой сфере возникает фундаментальная проблема: значение приобретает различие культур и это затрагивает самую сущность [422, с. 38]. Гармонизация направлена на преодоление различий и минимизацию противоречий в праве, однако делает это главным образом на уровне принципов, идей и руководящих положений [423, с. 38], так как ее осуществление не означает прямое действие норм, принятых в рамках международной организации, гармонизация лишь позволяет дать общие ориентиры развития институтов национальных законодательств. Гармонизация представляет собой эффективный метод достижения стандартизации и правовой стабильности без необходимости попираТЬ национальное эго [424, с. 312].

В целом усиление сотрудничества государств в политической, экономической, культурной и иных сферах является закономерной предпосылкой для гармонизации правовых предписаний. Хотя более важной, чем экономическое сближение, предпосылкой формирования сходных правовых стандартов в сфере уголовного процесса на общемировом пространстве становится «дальнейшая гуманизация и социализация права как инструмента реализации универсальной концепции прав человека» [425, с. 40]. Гармонизация в сфере уголовного правосудия должна оцениваться как определенная мера по обеспечению прав человека в уголовном процессе, а не как основание для создания единого (унифицированного) уголовного процесса [426, с. 291].

Исходя из вышесказанного, под **гармонизацией уголовно-процессуального законодательства** в межгосударственном смысле следует понимать сближение уголовно-процессуальных норм государств на основе установления общей нормы-идеи, которая имплементируется каждым государством в национальное законодательство сообразно сложившейся правовой традиции. При этом общая норма-идея может быть заимствована полностью или частично у одного из государств, участвующих в процессе гармонизации, либо выработана на основе консенсуса.

Можно выделить внутреннюю и внешнюю гармонизацию уголовно-процессуального права. Внутренняя свойственна для федеративных и конфедеративных государств (хотя с принятием единого Уголовно-процессуального кодекса Швейцарии в 2005 г., например, произошла внутренняя унификация, а не гармонизация уголовно-процессуального права, так как одновременно утратили силу 26 кантональных кодексов). Внешняя гармонизация может строиться на двухстороннем (например, в рамках Союза Беларуси и России), региональном (ЕС, ЕАЭС, Совет Европы и др.) либо международном уровне (например, ООН, Организация экономического сотрудничества и развития).

Гармонизация уголовно-процессуальных норм может быть прямой (на основе международно-правовых обязательств соответствующего государства) и косвенной (сближение законодательства с нормами иностранных государств, в том числе в рамках интеграционных образований, либо с нормами международных договоров, где государство не является участником, либо судебной практикой судебных органов в организациях, в которых оно не участвует).

В литературе выделяют три возможные ступени прямой гармонизации в сфере уголовно-процессуального права [56, с. 627]:

- 1-я ступень – государства преобразовывают общие нормативные обязательства в национальное право – реализация таких норм носит национальный характер. Например, в ч. 1 ст. 111 Конвенции СНГ 2002 г. говорится о том, что ходатайство о признании и исполнении приговора рассматривается компетентным судом запрашиваемой договаривающейся стороны в соответствии с ее внутренним законодательством, и такой порядок установлен, например, в ст. 504 УПК;

- 2-я ступень – прямо применяемые общие нормы для ряда государств (например, членов интеграционного образования) – выбор порядка реализации и детализации общей нормы – сохраняется за законодателем каждого из государств;

- 3-я ступень – прямо применяемые общие нормы для ряда государств – создание общего процессуального кодекса, наличие общей следственной и судебной практики (таких примеров еще не имеется, и вряд ли подобное сближение можно отнести к гармонизации).

Косвенная гармонизация, которую можно назвать сближением законодательных предписаний (определение общих направлений в правовом регулировании общественных отношений в определенной сфере), проявляется при создании законопроектов и изучении опыта законодательного регулирования в иных государствах на академическом уровне. Так, до внедрения в уголовный процесс Беларуси нового института – досудебного соглашения о сотрудничестве – существовала практика применения соответствующих норм в Казахстане и Российской Федерации. В результате был принят законопроект, хотя и схожий с нормами УПК РФ, но все-таки принципиально отличающийся.

Все государства – члены ЕАЭС ранее входили в состав СССР и имплементировали в республиканское уголовно-процессуальное законодательство нормы общесоюзных Основ законодательства. После восстановления независимости новые государства во многом сохранили теоретические основы и приняли обновленные уголовно-процессуальные кодексы. В 1996 г. Межпарламентской ассамблеей государств –

участников Содружества Независимых Государств был принят Модельный уголовно-процессуальный кодекс [145]. Однако нормы этого рекомендательного документа в малой степени были восприняты государствами-участниками при проведении ими реформы уголовного процесса советского образца. О единых основах уголовного процесса государств – участников ЕАЭС говорит схожесть перечня принципов уголовного процесса, закрепленных в их УПК. Однако, хотя во всех этих государствах уголовное и уголовно-процессуальное право служит защите общественно признанных благ, существует значительная разница в уголовно-правовой политике каждого из государств. Различаются построение судебных органов уголовной юстиции, условия и порядок применения мер уголовно-процессуального принуждения, правила собирания и оценки доказательств, объем прав участников уголовного процесса. В последние годы появилось различие и в понимании соотношения принципов законности и целесообразности в уголовном процессе.

Оторванное развитие национальных уголовных правопорядков в рамках все более глубоких интеграционных процессов в сфере экономики, культуры и политики таит в себе угрозу региональных отклонений в рамках единого Союза. Такие отклонения не будут способствовать равному отношению ко всем гражданам государств – членов ЕАЭС, находящихся в разных странах. Особенно четко можно заметить такое различие в сфере доказательственного права. Как оценить доказательство, собранное вне территории Беларуси? Следует ли руководствоваться нормами законодательства государства, где были собраны такие доказательства? Что делать, если нормы такого государства о допустимости доказательств в уголовном процессе не в полной мере соответствуют принципам уголовного процесса Беларуси?

Открытие таможенных границ, отсутствие пограничного контроля между Российской Федерацией и Республикой Беларусь, сближение рынков товаров, труда, капитала и услуг приведет к активному использованию интеграционных процессов в своих общественно опасных целях преступниками. При этом следует признать недопустимым сохранение действующей «медленной» структуры взаимодействия органов государств – членов ЕАЭС, ведущих уголовный процесс. Ускоряется развитие экономических отношений, чему способствует цифровизация и мобильность рабочей силы. В таких условиях оказание международной правовой помощи по уголовным делам не должно базироваться на правилах, сформулированных еще в первой половине XX в.

Создание нового межгосударственного образования со своим институциональным механизмом возлагает на должностных лиц институ-

тов ЕАЭС функции по принятию решений, обязательных для всех государств-членов, а также отдельные функции по распределению финансов данной международной организации. Приложение № 32 к Договору о ЕАЭС предоставляет должностным лицам органов ЕАЭС и членам их семей, проживающим вместе с ними в государстве пребывания, иммунитет от уголовной, гражданской и административной ответственности за сказанное или написанное ими и за все действия, совершенные ими в качестве должностных лиц. В отношении указанных лиц без соответствующего согласия не допускается также проведение процессуальных действий. Все это является, на наш взгляд, коррупциогенным фактором и может привести к совершению преступлений, которые окажутся вне юрисдикции органов уголовного преследования государств-членов, несмотря на взятое на себя ЕАЭС обязательство осуществлять сотрудничество с соответствующими органами государственной власти и управления государств-членов в целях обеспечения надлежащего отправления правосудия и выполнения предписаний правоохранительных органов, а также предупреждения любых злоупотреблений в связи с привилегиями и иммунитетами, предусмотренными в Договоре о ЕАЭС (п. 17 Приложения № 32 к Договору о ЕАЭС).

Активизация передвижения граждан государств-членов по территории ЕАЭС при развитии свободы рынка рабочей силы (труда) будет закономерно вести к росту преступлений с иностранным элементом. Учитывая конституционные предписания, государства-члены должны обеспечивать защиту своих граждан за рубежом. Кроме того, свободное передвижение в рамках свободы рынка труда предполагает отсутствие каких-либо препятствий для трудовых мигрантов на всей территории ЕАЭС. Косвенно к таким препятствиям следует относить и различие в процессуальных гарантиях участников уголовного процесса на территории государств-членов. Указанное различие может тормозить реальную свободу передвижения капитала, товаров и услуг.

На наш взгляд, основой для гармонизации уголовно-процессуального права должны стать принципы уголовного процесса, закрепленные в УПК государств – членов ЕАЭС и сформулированные в международных договорах, в том числе в ЕКПЧ. Так как Армения и Россия являются членами Совета Европы, то во внимание следует принимать и судебную практику ЕСПЧ в сфере уголовного процесса. Следует также учитывать, что Кыргызстан в основу своей Национальной программы «Права человека» на период 2002–2010 гг. закладывал принципы взаимоотношений человека и государства, признанные международным сообществом, закрепленные в том числе и в ЕКПЧ [427]. Указанную практику ЕСПЧ сле-

дует обобщать и применять при толковании принципов правоприменителями государств – членов ЕАЭС. Такая практика позволит выработать общие стандарты в сфере уголовного процесса, которые можно будет в последующем закрепить в актах ЕАЭС.

Следует учитывать и косвенную гармонизацию уголовно-процессуальных норм при ратификации международных договоров, которые не подлежат внутригосударственной имплементации. В этом случае общие нормы могут «вмонтироваться» в национальное законодательство [193, с. 17].

Учитывая также, что процессуальное право тесно связано с материальным, можно отметить, что гармонизация последнего закономерно вызовет сближение процессуальных норм. Например, Конституционный Суд отметил, что для добросовестного исполнения обязательств, принятых Республикой Беларусь в рамках ЕАЭС, предполагается гармонизация законодательного регулирования общественных отношений в отдельных сферах, в том числе уголовно-правовой [428]. К настоящему моменту в ЕАЭС можно заметить гармонизацию лишь материальных уголовных норм и то, что она носит спорадический характер. Так, ч. 2 ст. 3 Договора об особенностях уголовной и административной ответственности за нарушения таможенного законодательства Таможенного союза и государств – членов Таможенного союза предусматривает обязательство государств-членов принять меры по внесению изменений в свое законодательство, предусматривающее уголовную ответственность за нарушения таможенного законодательства Таможенного союза и приведению к единообразному определению противоправности таких деяний [185].

Необходимо отметить, что уголовно-процессуальная терминология уже вышла на надгосударственный уровень ЕАЭС: в Таможенном кодексе ЕАЭС [429] говорится об «основаниях для возбуждения уголовного дела» (п. 9 ст. 125), «проверке сообщения о преступлении» (п. 7 ст. 136 и др.), «возбуждении уголовного дела» (п. 12 ч. 1 ст. 435). В то же время УПК Казахстана не знает такого института, как возбуждение уголовного дела. Статья 435 Таможенного кодекса ЕАЭС оперирует термином «прекращение уголовного дела», свойственным уголовному процессу Казахстана и России. Белорусскому уголовному процессу известен институт прекращения производства по уголовному делу. Это говорит о необходимости привлечения процессуалистов при осуществлении гармонизации норм в рамках ЕАЭС.

При создании интеграционных образований в сфере экономической политики гармонизация законодательства направлена на устранение неблагоприятных для надлежащего функционирования общего рынка

различий в конкретных отраслях права в рамках национальной правовой системы каждого отдельного государства-члена [430, с. 108], т. е. гармонизация является «инструментом» решения основных задач, стоящих перед такими образованиями [431, с. 14]. Принимая во внимание основные цели ЕАЭС (ст. 4 Договора о ЕАЭС), в качестве цели гармонизации уголовно-процессуального права можно рассматривать обеспечение стабильного развития экономик государств-членов в интересах повышения жизненного уровня их населения. И данную цель можно рассматривать в двух аспектах. Во-первых, свобода движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы может быть реализована, только если граждане (в том числе являющиеся участниками и должностными лицами юридических лиц) не будут опасаться подвергнуться большему уголовно-процессуальному принуждению в другом государстве-члене (если преступно оступятся) либо меньшей защите как потерпевшие. Во-вторых, дабы исключить преступное использование экономических свобод, последние должны быть уравновешены упрощением транснациональных формальностей в рамках производства по материалам и уголовным делам, хотя в европейской литературе высказывались и иные мнения о целях гармонизации уголовно-процессуального права: устранение возможных пробелов для граждан в европейских трансграничных уголовных делах и повышение эффективности [432, с. 204–205]. Однако, на наш взгляд, это лишь средства достижения вышеуказанной нами цели.

Для достижения цели необходимо в качестве одной из задач осуществить гуманизацию соответствующей деятельности. При этом такая гуманизация, на наш взгляд, представляет собой выбор наиболее человеко-ориентированного правила из предлагаемого в сближаемых правовых актах.

Еще одной задачей гармонизации является обеспечение взаимного признания судебных и схожих процессуальных решений, основанного на взаимном доверии иностранным системам правосудия (а как следствие – признание доказательств, полученных в иностранной юрисдикции).

Для упрощения процедуры международной правовой помощи по уголовным делам между государствами – членами ЕАЭС требуется взаимное доверие к системе уголовной юстиции государств-членов. Поэтому задачей гармонизации является также достижение необходимого уровня такого доверия.

Изначально необходимо определить направления гармонизации уголовно-процессуального законодательства в рамках ЕАЭС. Для этого предлагается руководствоваться основаниями для выделения таких

направлений. Учитывая обозначенные выше предпосылки такой гармонизации, в качестве оснований выделим следующие:

1) необходимость трансформации надгосударственной юрисдикции ЕАЭС в национальный уголовный процесс;

2) обеспечение оперативности расследования, рассмотрения и разрешения уголовных дел с трансграничным элементом в рамках ЕАЭС;

3) обеспечение равенства всех перед законом в широком смысле (т. е. на территории всего ЕАЭС) и недопущение косвенной дискриминации в рамках национального уголовного процесса (в том числе как элемент свободы передвижения рабочей силы).

Вышесказанное позволяет сформулировать основные направления сближения уголовного процесса государств – членов ЕАЭС:

1) разработка механизма расследования преступлений, совершаемых на надгосударственном уровне;

2) упрощение процедуры оказания международной правовой помощи по уголовным делам между государствами-членами с одновременной гармонизацией порядка производства отдельных следственных действий в целях сближения возможностей для оценки доказательств, полученных в результате их производства;

3) обеспечение равного процессуального положения физических лиц в уголовном процессе государств-членов.

Учитывая наднациональный характер органов ЕАЭС и необходимость обеспечения исполнения должностными лицами таких органов своих полномочий вне зависимости от национальных правительств, закономерно обладание ими иммунитетом от уголовного преследования органами государств-членов, ведущими уголовный процесс. В то же время углубление интеграции в экономической сфере будет способствовать расширению компетенции наднациональных органов и, следовательно, возможностей должностных лиц для совершения должностных преступлений.

Бесспорно, что в случае обнаружения признаков преступления уголовное дело может быть возбуждено и расследовано в государстве национальной принадлежности должностного лица при условии отказа от иммунитета либо прекращения соответствующих функций должностного лица. Однако нередко необходимо провести отдельные процессуальные действия для установления факта наличия признаков преступления, что национальные органы, ведущие уголовный процесс, не вправе делать без получения соответствующего согласия (ч. 2 ст. 4 УПК, ч. 2 ст. 3 УПК РФ).

Выходом из сложившейся ситуации является создание на уровне ЕАЭС органа, который сможет вести расследование случаев возможных

должностных преступлений должностных лиц ЕАЭС. Аналог такого органа был создан в ЕС – Европейское бюро по борьбе с мошенничеством (*European Anti-fraud Office, OLAF*). В соответствии с решением Европейской комиссии № 1999/352/ЕС от 28 апреля 1999 г. [433] к задачам данного бюро отнесено, кроме прочего, расследование серьезных фактов, связанных с осуществлением профессиональной деятельности, которые могут составлять нарушение должностными лицами либо сотрудниками Европейских сообществ обязанностей, порождающее дисциплинарную, а в отдельных случаях уголовную ответственность. Европейское бюро по борьбе с мошенничеством противодействует не только случаям мошенничества, но также коррупции и другой противоправной деятельности, негативно влияющей на финансовые интересы ЕС.

Информация, полученная в ходе расследований Европейского бюро по борьбе с мошенничеством, может явиться поводом для начала осуществления уголовного преследования (возбуждения уголовного дела) в государстве-члене. В 2017 г. в ЕС создан европейский орган уголовного преследования (в соответствии со ст. 86 Договора о функционировании ЕС – Европейская прокуратура) для расследования прежде всего преступлений против финансовых интересов ЕС, а позднее, возможно, и тяжких преступлений трансграничного характера. О создании такого органа давно велась дискуссия в литературе [434, с. 407–409]. Европейская прокуратура начала свою деятельность 1 июня 2021 г.

В процессе сближения национальных правопорядков требуется улучшение взаимодействия органов государств – членов ЕАЭС, ведущих уголовный процесс. В рамках СНГ были подписаны две конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1993 и 2002 г. Если проанализировать положения данных конвенций, то можно заметить, что они схожи со многими двухсторонними договорами. Установленная данными конвенциями процедура оказания международной правовой помощи по уголовным делам может быть охарактеризована как медлительная и не соответствующая темпам экономической интеграции государств – членов ЕАЭС.

В отношениях Армении, Беларуси, Казахстана и Кыргызстана с Российской Федерацией до настоящего момента применяется Конвенция СНГ 1993 г., так как Россия, подписав, не ратифицировала Конвенцию 2002 г., которая действует между четырьмя первыми государствами. Между Арменией и Российской Федерацией также применяются положения Европейской конвенции о выдаче 1957 г., Европейской конвенции о взаимной правовой помощи по уголовным делам 1959 г., Европейской конвенции о передаче судопроизводства по уголовным делам

1972 г., Конвенции о передаче осужденных лиц 1983 г. Между Российской Федерацией и Кыргызстаном действует двухсторонний договор о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1992 г. Между всеми государствами – участниками ЕАЭС действует Конвенция СНГ о передаче лиц, страдающих психическими расстройствами, для проведения принудительного лечения 1997 г., Московская конвенция.

Упрощение оказания международной правовой помощи по уголовным делам при углублении экономической интеграции должно затрагивать:

1) процедуру заключения под стражу лица, разыскиваемого органами государств-членов, ведущих уголовный процесс, и решения вопроса о выдаче обвиняемого (осужденного).

Сближение правовых систем государств-членов должно достигнуть уровня, при котором существует взаимное доверие государств-членов к органам уголовной юстиции каждого из них. Одновременно каждое государство-член акцептирует применение действующего уголовного и уголовно-процессуального права другого государства-члена, даже если бы на основании национального права в нем было бы принято иное решение. При таком уровне доверия отпадает необходимость перепроверки решения органа уголовной юстиции о необходимости применения к лицу меры пресечения в виде заключения под стражу (ареста в Армении, содержания под стражей в Казахстане) и направления уголовного дела в суд.

Еще одним результатом доверия между государствами должно стать устранение необходимости перепроверки решений, принятых в других государствах-членах, на предмет соответствия принципу двойной наказуемости.

В тех случаях, когда обвиняемый (осужденный) скроется из места содержания под стражей либо нарушит иную примененную к нему меру пресечения и покинет государство суда, в настоящий момент требуется соблюдение сложной процедуры выдачи, прописанной в международных договорах и национальном законодательстве (о ней мы вели речь в гл. 3 настоящей работы). Данная процедура занимает иногда несколько лет. Тем самым момент совершения преступления отдалается от наказания.

На наш взгляд, можно заимствовать опыт европейских государств и создать каталог тяжких и особо тяжких преступлений, при обвинении в совершении которых суд, в производстве которого находится уголовное дело, может вынести в отношении лица постановление (определение) о его заключении под стражу с последующей передачей в государство суда без необходимости соблюдения экстрадиционных

формальностей. Государства – члены ЕС приняли соответствующее рамочное решение в 2002 г. [341].

Одновременно следует предпринять меры для недопущения ошибок Европейского ордера на арест. Должен быть проработан перечень оснований для отказа в исполнении указанного постановления (определения), особенно в случаях нарушения права на справедливое производство (получение доказательств с нарушением закона, нарушение права на защиту, применение пыток и иного недозволенного воздействия и т. д.);

2) внедрение видеоконференцсвязи при расследовании и рассмотрении уголовных дел трансграничного характера.

Как мы уже указывали в разд. 3.5, учитывая карательный характер уголовного процесса, необходимо законодательно обеспечить соблюдение прав участников уголовного процесса и достоверность полученных доказательств в ходе использования видеоконференцсвязи в рамках оказания международной правовой помощи по уголовным делам, расширив возможности для ее применения при расследовании и рассмотрении уголовных дел о преступлениях транснационального характера в рамках ЕАЭС;

3) поручение производства следственных действий.

На наш взгляд, следует сблизить процедуру исполнения поручений следователей и судов в рамках национальной системы и между государствами – членами ЕАЭС. В данном случае важно соблюсти баланс между фундаментальными правами человека и необходимостью борьбы с преступностью. Для этого ряд следственных действий следует исключить из действия предполагаемых норм (например, прослушивание и запись переговоров). При разработке соответствующих норм можно воспользоваться опытом ЕС, где применяется европейский следственный приказ.

Для того чтобы обеспечить допустимость доказательств, собранных при производстве следственных действий в иностранном государстве, возможно, в будущем придется идти по пути гармонизации законодательных предписаний как о порядке производства отдельных следственных действий, так и самих правил оценки доказательств. Например, список лиц, которые в целом либо по отдельным вопросам не могут быть допрошены в качестве свидетеля в Республике Беларусь (ч. 2 ст. 60 УПК), шире, чем в Армении (ч. 2 ст. 86 УПК) и Российской Федерации (ч. 3 ст. 56 УПК), значительно отличается от списка в УПК Казахстана (ч. 2 ст. 78) и Кыргызстана (ч. 4 ст. 58). Так, УПК Беларуси не допускает допрос врача без согласия лица, обратившегося за оказанием медицинской помощи, по обстоятельствам, составляющим предмет врачебной тайны. Соответственно, показания врача по указанным обстоятельствам, полученные на территории Армении, Казахстана, Кыргызстана или Российской

Федерации, не должны быть приняты в уголовном процессе Беларуси. В то же время в отличие от УПК РФ белорусский, казахстанский и кыргызстанский законодатели не охраняют данные, получаемые членами парламентов в связи с их деятельностью (п. 5 ч. 3 ст. 56 УПК РФ). На наш взгляд, более правильной видится гармонизация именно правил оценки доказательств, а не способов их собирания;

4) исполнение приговора суда иного государства-участника.

В настоящий момент во взаимоотношениях с Российской Федерацией по Конвенции СНГ 1993 г. допускается исполнение решений судов по уголовным делам исключительно в объеме возмещения ущерба (ст. 51). Конвенция СНГ 2002 г., как мы установили ранее, расширила сферу признания и исполнения решений судов. Учитывая необходимость достижения указанного выше уровня доверия, государствам – членам ЕАЭС для обеспечения неотвратимости наказания следует сблизить законодательства с целью признания и исполнения судебных решений по уголовным делам в полном объеме, даже если выдача соответствующего лица не запрашивалась.

Для реализации указанных предложений на данном этапе развития интеграционных процессов в рамках ЕАЭС необходимо принятие соответствующих международных договоров, которые не потребуют имплементации в национальное уголовно-процессуальное законодательство (ч. 5 ст. 1 УПК Беларуси, ст. 1 УПК Казахстана, ст. 1 УПК Кыргызстана, ст. 1 УПК РФ). В последующем возможно постепенное расширение компетенции органов ЕАЭС, как это было осуществлено в ЕС, где вопросы оказания международной правовой помощи по уголовным делам постепенно переходят из межгосударственного уровня на уровень регулирования актами вторичного права и соответственно устраняется формализм, присущий договорному оказанию такой помощи.

Необходимо помнить, что гармонизация законодательства в уголовно-процессуальной сфере должна не только вести к созданию благоприятных условий для ведения совместной борьбы с преступностью, но и содействовать равенству граждан всех государств-членов перед законом посредством всемерной защиты их прав в случае, если они оказались причастными к уголовному процессу на территории другого государства-члена. При этом речь следует вести прежде всего о правах обвиняемого (подозреваемого, подсудимого¹) и потерпевшего.

С этой целью необходимо принять рекомендации о минимальных гарантиях в уголовном процессе, как это было сделано в государствах – членах ЕС. На наш взгляд, в равной степени на территории всех госу-

¹В государствах, где существует такой участник уголовного процесса.

дарств – членов ЕАЭС должны быть обеспечены право на справедливое судебное разбирательство и право на защиту, в том числе посредством оказания квалифицированной юридической помощи, а также производное от него право на информирование (на доступном потерпевшему и обвиняемому языках) о своих процессуальных правах, а также о подозрении или предъявляемом обвинении. Четко должна быть раскрыта презумпция невиновности, чтобы гражданин обладал информацией о моменте, с которого его будут считать виновным.

Учитывая, что свобода передвижения в рамках внутреннего рынка может привести к необходимости постановления приговора заочно (*in absentia*), важным является сближение правил о постановлении приговора в отсутствие обвиняемого (подсудимого). В данном случае имеются в виду прежде всего ситуации, когда последний не ходатайствовал о заочном рассмотрении уголовного дела в отношении него. Так, п. 2 ч. 2 ст. 294 УПК содержит лишь два условия для такого рассмотрения:

- 1) обвиняемый находится вне пределов Республики Беларусь;
- 2) обвиняемый уклоняется от явки в судебное заседание.

Схожая норма содержится в п. 2 ч. 2 ст. 335 УПК Казахстана и в п. 1 ч. 2 ст. 286 УПК Кыргызстана. В то же время ч. 5 ст. 247 УПК РФ предусматривает еще два дополнительных условия: уголовное дело должно быть о тяжких или особо тяжких преступлениях и лицо не привлекалось к ответственности на территории иностранного государства по данному уголовному делу. При этом в Казахстане, Кыргызстане и России участие защитника в таком судебном разбирательстве является обязательным (п. 10 ч. 1 ст. 67 УПК Казахстана, ч. 4 ст. 286 УПК Кыргызстана, ч. 6 ст. 247 УПК РФ). Статья 302 УПК Армении в указанной ситуации не допускает рассмотрение уголовного дела без участия подсудимого.

УПК государств – членов ЕАЭС содержат норму о необходимости уведомления о задержании лица, членов его семьи или близких родственников (ч. 1 ст. 115 УПК Беларуси, ст. 135 УПК Казахстана, ч. 1 ст. 104 УПК Кыргызстана, ч. 1 ст. 96 УПК РФ). Однако на практике нередко считают, что данная гарантия не распространяется на иностранцев. Необходимо однозначно прописать соответствующие нормы для их реализации независимо от гражданства задержанного.

Если касаться мер пресечения, то для устранения препятствий для осуществления в равных условиях предпринимательской деятельности на территории всего ЕАЭС необходимо не только предусматривать схожие составы преступлений, но и формулировку оснований для применения наиболее строгих мер пресечения в уголовном процессе. Как видится, гармонизация в данной сфере должна затронуть возможность

применения заключения под стражу и домашнего ареста при совершении преступлений против порядка осуществления экономической деятельности, в том числе и связанных с перемещением товаров через общую таможенную границу.

Потерпевшему (как и свидетелю) должно быть всецело гарантировано право не свидетельствовать против себя и членов своей семьи и близких родственников, дабы не принуждать человека к моральным страданиям. Белорусский законодатель справедливо позволяет человеку воспользоваться таким правом на любом этапе уголовного процесса, так как не допускает оглашение показаний, данных при досудебном производстве, если потерпевший или свидетель, воспользовавшись правом, предоставленным им законом, не дали согласия на дачу показаний в судебном разбирательстве (ч. 2 ст. 303 УПК). Пункт 1 ч. 4 ст. 56 и ч. 4 ст. 281 УПК РФ, наоборот, позволяют использовать в указанном случае показания лица, данные им на предварительном расследовании, а УПК Казахстана (ст. 28, 78, 372) умалчивает о возможности использования показаний в такой ситуации.

Достижение доверия, указанного выше, должно вести к применению принципа *ne bis in idem* вне оказания международной правовой помощи по уголовным делам. Лицо не должно подлежать уголовной ответственности, если в ином государстве – члене ЕАЭС в отношении совершенного им деяния уже вынесено окончательное (как правило, судебное) решение. В настоящий момент ст. 7 Договора об особенностях уголовной и административной ответственности за нарушения таможенного законодательства Таможенного союза и государств – членов Таможенного союза распространяет это правило только на указанные в его наименовании преступления.

Заслуживает внимания и предоставление одинаковых гарантий доступа к правосудию в государствах – членах ЕАЭС. Имеется в виду прежде всего обеспечение права на обжалование приговоров во второй инстанции, закрепленное в ст. 7 Конвенции СНГ о правах и ст. 2 Протокола № 7 к ЕСПЧ. Можно отметить разнообразие систем пересмотра судебных решений по уголовным делам. В Беларуси в 2016 г. введено апелляционное производство, сохранившее черты ранее существовавшей кассации, сохраняется надзорное производство, которое угрожает принципу стабильности судебного решения и может вести к неприятию окончательного решения в течение длительного отрезка времени. В Российской Федерации в 2013 и 2019 гг. произошла коренная ломка институтов пересмотра приговоров (введены апелляционное и кассационное производства и в исключительных случаях – надзор), направленная на

гарантирование интересов участников процесса. В Казахстане и Кыргызстане институты пересмотра приговоров нижестоящих судов были модернизированы с принятием новых кодексов. Апелляционный порядок пересмотра не вступивших в силу приговоров применяется в Армении. Необходима гармонизация законодательства в целях определения момента «окончательно принятого судебного решения», что не допустит «бесконечного» пересмотра приговора без вступления его в силу. Кроме того, в Беларуси не подлежит апелляционному обжалованию приговор Верховного Суда, а в Российской Федерации для этих целей ранее была создана специальная апелляционная коллегия, хотя в Беларуси формально не нарушается ч. 2 ст. 2 вышеупомянутого протокола, но не выполняется ч. 3 ст. 115 Конституции Республики Беларусь.

Следует отметить, что процедуру сближения правовых предписаний в целом и гармонизации в частности выработала наука международного права [435]. В настоящий момент, как мы видим, для гармонизации уголовно-процессуального законодательства в рамках ЕАЭС можно использовать следующие механизмы:

- создание модельных правил, обязательных для внедрения всеми государствами-членами;
- упрощение процедуры международной правовой помощи посредством заключения международных договоров.

Изначально упор должен быть сделан на первом механизме, так как он предопределяет рост доверия государств к принятым в рамках сближающегося и гуманизируемого уголовного процесса решениям, что, в свою очередь, позволяет исключать определенные формальности при оказании международной правовой помощи. Как мы установили, вопросы гармонизации уголовно-процессуального законодательства в настоящий момент находятся вне компетенции органов ЕАЭС, поэтому их разрешение допустимо только на межгосударственном уровне в рамках международных договоров, как это сделано в отношении гармонизации (или даже попытки унификации) в сфере уголовного права [185]. При этом государства не установили четкие нормы, подлежащие инкорпорации в национальное уголовное право, а дали обязательство привести «к единообразному определению противоправности деяний» без установления срока для реализации такого обязательства. В то же время сближение уголовно-процессуального права в рамках ЕАЭС возможно посредством принятия соответствующих рекомендаций, что не противоречит Договору о ЕАЭС. Пункт 43 Положения о Евразийской экономической комиссии (Приложение № 1 к Договору о ЕАЭС) предоставляет коллегии Комиссии ЕАЭС право разрабатывать рекомен-

дации по вопросам, касающимся формирования, функционирования и развития Союза.

Для упрощения процедуры международной правовой помощи по уголовным делам заложены правовые основания в ч. 5 ст. 354 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза [429], в которой предусмотрено, что правовая помощь по уголовным делам осуществляется в соответствии с международными договорами в рамках Союза. В настоящий момент действует Соглашение о правовой помощи и взаимодействии таможенных органов государств – членов Таможенного союза по уголовным делам и делам об административных правонарушениях [436], ст. 7 которого лишь отсылает к применимым в отношениях между сторонами международным договорам в части вопросов, связанных с оказанием правовой помощи по уголовным делам.

Таким образом, установлено, что интеграция в экономической сфере в последующем потребует сближения национального законодательства государств-членов в сфере уголовного и уголовно-процессуального права. Несмотря на внедрение в самую чувствительную сферу правового регулирования, напрямую затрагивающую суверенитет государств, гармонизация уголовно-процессуального законодательства постепенно проявляется в рамках интеграционных образований и международных (региональных) организаций. В настоящий момент в Договоре о ЕАЭС у последнего не имеется компетенции в сфере уголовно-правовой политики. В то же время данный договор четко не очерчивает круг отраслей, законодательство в которых может стать предметом гармонизации. Разрешение вопросов гармонизации уголовно-процессуального законодательства допустимо прежде всего на межгосударственном уровне в рамках международных договоров. В то же время сближение уголовно-процессуального права в рамках ЕАЭС возможно посредством принятия соответствующих рекомендаций, что не противоречит Договору о ЕАЭС.

Под гармонизацией уголовно-процессуального законодательства в межгосударственном смысле следует понимать сближение уголовно-процессуальных норм государств на основе установления общей нормы-идеи, которая имплементируется каждым государством в национальное законодательство сообразно сложившейся правовой традиции. В качестве цели гармонизации уголовно-процессуального права можно рассматривать обеспечение стабильного развития экономик государств-членов в интересах повышения жизненного уровня их населения. Данная цель будет достигнута путем выбора наиболее чело-веко-ориентированного правила из предлагаемого в сближаемых пра-

вопорядках, обеспечения взаимного признания судебных и схожих процессуальных решений, основанного на взаимном доверии иностранным системам правосудия.

В качестве основных направлений сближения уголовного процесса государств – членов ЕАЭС следует определить:

1) разработку механизма расследования преступлений, совершаемых на надгосударственном уровне;

2) упрощение процедуры оказания международной правовой помощи по уголовным делам между государствами-членами с одновременной гармонизацией порядка производства отдельных следственных действий в целях сближения возможностей для оценки доказательств, полученных в результате их производства;

3) обеспечение равного процессуального положения физических лиц в уголовном процессе государств-членов.

5.2. Опыт гармонизации уголовно- процессуального законодательства в рамках интеграционных образований

Уголовно-процессуальное право государств Европы носит национальный характер и отражает многовековую историю правовых традиций и различного представления о ценностях. Экономическая интеграция государств в рамках ЕС не могла не оказать влияние на уголовно-процессуальное законодательство. Тенденции развития современного уголовного процесса государств – членов ЕС, безусловно, свидетельствуют о его европеизации. Как видится, подобный опыт должен быть учтен в рамках нового интеграционного образования – ЕАЭС.

Под европеизацией в литературе понимают процесс сближения национальных правовых систем под влиянием европейского развития права и взаимное влияние между национальным и европейским уровнями [55, с. 730]. Наиболее глубокую гармонизацию уголовно-процессуального права сегодня можно заметить в рамках ЕС. Мотором такого сближения были представители науки уголовного процесса [57, с. 27] и наднациональные органы данного объединения. Однако сложно говорить о европейском уголовно-процессуальном праве. В ЕС нет единого уголовно-процессуального кодекса, не установлены единые для всех государств-членов процедуры для разрешения уголовных дел. Но это не значит, что нельзя говорить о европейском уголовно-процессуальном

праве в широком смысле. На данный момент имеются наднациональные (европейские) правовые нормы в сфере уголовного процесса, внедренные во всех государствах-членах. В еще более широком смысле, как сказано выше, имеются основания говорить о европеизированности уголовного процесса, а соответственно, и норм, его регулирующих. Оказывает влияние на национальное законодательство и практику его применения и ЕКПЧ. Следует также указать на создание на уровне ЕС органов, связанных с расследованием уголовных дел и судопроизводством (Европол, Евроюст, Европейская прокуратура).

И если изначально гармонизация законодательства в ЕС осуществлялась на международно-правовом уровне (1950–60-е гг.), то с принятием Судом Европейского экономического сообщества решения по делу *Flaminio Costa v. E.N.E.L.* было констатировано создание собственного правопорядка, который стал неотъемлемой частью правовых систем государств-членов и который национальные суды обязаны применять [154, с. 137–138]. Несмотря на признание примата права ЕС в практике Суда ЕС, большинство национальных судов принимают такое верховенство, ссылаясь на предписания их собственных конституций [68, с. 130–137], чтобы сохранить возможность для конституционного контроля над мерами, исходящими из права ЕС [437, с. 344].

Сотрудничество всех государств ЕС в сфере юстиции и внутренних дел приобрело характер «третьей опоры» Союза только с принятием Маастрихтского договора в 1992 г. [438]. Считалось, что эта опора должна стать основой для совместного уголовного преследования [58, с. 75], что не удалось реализовать до настоящего момента. В этот, начальный, период европеизация уголовного процесса «сосредоточилась» в сфере полицейского сотрудничества и правовой помощи (процедуры розыска, транснациональных расследований и т. д.) [439, с. 368], вопросы, связанные с уголовной юстицией, регулировались на уровне международных договоров между государствами – членами ЕС. Существенное улучшение было достигнуто со вступлением в силу в 1995 г. Соглашения о порядке реализации Соглашения от 14 июня 1985 г. между правительствами государств Бенилюкс, ФРГ и Франции касательно постепенной отмены контроля на совместных границах (Шенген II). На территории шенгенской зоны было создано пространство розыска лиц в рамках единой системы (*Schengen Information System*).

Конвенции об упрощенных процедурах экстрадиции между государствами – членами ЕС и о выдаче между государствами – членами ЕС были одобрены в 1995 и 1996 гг. соответственно. Первая обязывала государства-члены выдавать лиц, разыскиваемых с целью экстрадиции,

в соответствии с упрощенными процедурами, предусмотренными конвенцией, на двух условиях, а именно на том, что данное лицо дает согласие на выдачу и что запрашиваемое государство согласно выдать. Ранее в ЕС предпринимались попытки подписать международные договоры по конкретным аспектам международной правовой помощи по уголовным делам: в период с 1987 по 1992 г. было подписано пять конвенций, каждая из которых была предназначена для облегчения системы правовой помощи в рамках Совета Европы; однако, по всей видимости, ни одна из этих конвенций не вступила в силу [65, с. 407].

Амстердамский договор 1997 г. [440] включил в список целей ЕС стремление Союза стать «зоной свободы, безопасности и правосудия» (*area of freedom, security and justice – AFS*), в которой обеспечивается свободное передвижение лиц в сочетании с соответствующими мерами в отношении контроля внешних границ, убежища, иммиграции, предупреждения преступности и борьбы с ней.

Взаимное доверие государств-членов в сфере уголовной юстиции формировалось постепенно. Членство в ЕС подразумевает уважение фундаментальных прав человека всеми государствами-членами, что способствует взаимному доверию, которое в свою очередь создает основу для автоматичности сотрудничества в сфере уголовной юстиции [441, с. 126]. Взаимное доверие между государствами-членами – это уверенность в том, что правовая система партнера функционирует адекватно и в ней соблюдаются фундаментальные нормы [442, с. 656]. ЕС пытается организовать оказание международной правовой помощи исходя из презумпции наличия взаимного доверия. Но такое доверие не всегда является реальностью даже между государствами – членами ЕС (некоторые скептики даже возражают, что такого доверия на самом деле не существует, учитывая большое разнообразие правовых стандартов и практик в Европе). Законодатель ЕС указывает, что принцип взаимного признания основан на взаимном доверии, развивающемся на основе общих ценностей государств-членов, касающихся уважения человеческого достоинства, свободы, демократии, равенства, верховенства закона и прав человека, чтобы каждый национальный орган имел уверенность в том, что другие органы применяют эквивалентные стандарты защиты прав в своих системах уголовного правосудия [443]. Но просто невозможно предположить, что все государства-члены придерживаются одинаковых стандартов правосудия, справедливости и прав человека.

Сближение норм начиналось с программного документа – решения Европейского Совета в Тампере в 1999 г. о том, что в контексте внедрения принципа взаимного признания судебных решений требуется

начать работу по выработке необходимых единых стандартов в сфере уголовно-процессуального права, уважая фундаментальные принципы права государств – членов ЕС (п. 33–37) [444].

В 2000 г. была заключена Конвенция о взаимной правовой помощи по уголовным делам между государствами – членами ЕС, которая была призвана урегулировать основы производства процессуальных действий, подпадающих под международную правовую помощь в узком смысле, упростив взаимодействие по сравнению с Европейской конвенцией о взаимной правовой помощи по уголовным делам 1959 г., принятой в рамках Совета Европы. Кроме традиционных процессуальных действий в данной Конвенции нашли отражение допрос посредством видеоконференцсвязи (ст. 10), допрос свидетелей и экспертов посредством телефонной конференции (ст. 11). Для сравнения: государства – члены ЕАЭС до настоящего момента не имеют общего международного договора по вопросам оказания международной правовой помощи по уголовным делам, так как применяют в своих взаимоотношениях конвенции СНГ.

Гагская программа 2004 г. [445], в которой указывалось, что взаимное доверие должно быть основано на уверенности, что все европейские граждане имеют доступ к судебной системе, отвечающей высоким стандартам качества, повторяла требование к взаимному признанию судебных решений. В п. 3.3.2 ч. III данной программы содержался призыв ЕС к сближению уголовно-процессуального законодательства государств-членов путем установления минимальных правил, касающихся аспектов процессуального права, предусмотренных договорами, с тем чтобы облегчить взаимное признание приговоров и судебных решений, а также полицейского и судебного сотрудничества по уголовным делам, имеющим трансграничное измерение. При этом отмечалось, что дальнейшая реализация взаимного признания судебных и иных решений (как краеугольный камень судебного сотрудничества) предполагает разработку эквивалентных стандартов для процессуальных прав в уголовном процессе на основе изучения существующего уровня гарантий в государствах-членах и с должным уважением к их правовым традициям (п. 3.3.1 ч. III).

Именно в этот период начинают появляться акты наднационального права, направленные на гармонизацию уголовно-процессуального законодательства. Исследователи указывают на прямой и косвенный методы гармонизации права в рамках наднационального права ЕС [154, с. 148]. Первый связан с принятием актов органами ЕС, направленными на непосредственное регулирование общественных отношений в го-

сударствах-членах. Такое регулирование осуществляется посредством регламентов, которые устанавливают единообразный порядок регулирования. Косвенный метод сохраняет возможности для выбора правового регулирования внутри государства на основании актов ЕС (директивы, рамочные решения), которые задают направления развития законодательства. Отметим, что в настоящий момент гармонизация уголовно-процессуального права в государствах – членах ЕС осуществляется посредством директив. Директива обязательна для каждого государства-члена, которому она адресована, в отношении ожидаемого результата, но сохраняет за национальными властями свободу выбора форм и методов действий. Директива подлежит имплементации во внутреннее законодательство к определенному в ней сроку. По истечении такого срока обязательства возникают у государств-членов, но не у частных лиц. Преимуществом указанного акта является предоставление государствам-членам возможности осуществить гармоничную имплементацию нормы с учетом особенностей национальной правовой системы [68, с. 118].

Одним из первых уголовно-процессуальных инструментов, закрепленных на уровне наднационального законодательства ЕС, стал Европейский ордер на арест¹ (*European arrest warrant*), имплементированный в национальное законодательство на основании рамочного решения 2002/584/ЈНА [341]. Имплементация данного ордера привела к необходимости пересмотра конституций в отдельных государствах-членах [68, с. 135], однако его введение значительно облегчило громоздкую процедуру выдачи в рамках ЕС. Был принят также еще ряд рамочных решений, направленных на упрощение процедуры оказания международной правовой помощи по уголовным делам между государствами – членами ЕС: о совместных следственных группах (2002/465/ЈНА) [446], об исполнении в ЕС приказов о наложении ареста на имущество либо доказательство (2003/577/ЈНА) [447], о применении принципа взаимно-

¹Официального перевода законодательства ЕС на русский язык не существует. В отдельных русскоязычных изданиях термины *warrant* (нем. *Befehl*) и *order* (нем. *Anordnung*) переводятся единообразно как «ордер» [60]. На наш взгляд, это не вполне верно. Если и использовать единообразный термин, то это должен быть «приказ» (ср. пол. *nakaz*, болг. «заповед»). Но разница все же есть. В соответствии с Толковым словарем Д. Н. Ушакова, ордер есть письменное предписание на выдачу или осуществление чего-либо (и приводится пример «ордер на производство ареста»); приказ же это официальное распоряжение, требующее выполнения определенных действий, т. е. имеется схожесть с поручением определенных действий.

го признания к приказам о конфискации (2006/783/ЈНА) [448], о применении принципа взаимного признания приговоров, назначающих наказание, связанное с лишением свободы, с целью исполнения их в ЕС (2008/909/ЈНА) [449], о применении принципа взаимного признания к решениям, принятым в отсутствие лица, в отношении которого ведется судебное разбирательство (2009/299/ЈНА) [450].

Хотя в литературе высказывается точка зрения, что европейский законодатель обязан ограничиваться уголовно-процессуальными вопросами, имеющими трансграничную природу, а не создавать «общий европейский дух правосудия» [451, с. 42–45], в судебной практике Суда ЕС имеются подтверждения необходимости гармонизации уголовно-процессуального права в целях недопустимости дискриминации лиц при формировании внутреннего рынка с учетом интересов свободно-го передвижения.

Одно из таких дел касалось гражданина Великобритании Коуэна, который получил ранение в результате нападения на выходе из метро в Париже и обратился к французскому казначейству за компенсацией за это повреждение. Однако Коуэну было отказано в компенсации, поскольку отсутствовали условия получения компенсации: он не был ни постоянным жителем Франции, ни гражданином государства, заключившего соответствующий договор с Францией. Коуэн утверждал, что французские правила получения компенсации являлись дискриминационными и не позволяли туристам беспрепятственно выезжать в другое государство – член ЕС для получения там услуг, что нарушало ст. 7 Договора о создании Европейского экономического сообщества¹.

Суд постановил, что принцип равенства не позволяет государству-члену в ситуации, регулируемой законодательством ЕС, предоставлять право лицу при условии, что он имеет вид на жительство или является гражданином государства, с которым заключен соответствующий договор. Суд также установил, что запрет на дискриминацию применим, поскольку ситуация, произошедшая с Коуэном, регулируется правилами о свободе предоставления услуг, которые включают в себя свободу для получателей услуг ездить в другое государство-член, чтобы получить услугу там, и что туристы должны рассматриваться как получатели услуг. Однако французское правительство заявило, что право на получение компенсации, поскольку оно является проявлением принципа национальной солидарности и предполагает более тесную связь с этим государством, чем турист, получающий услуги, может быть ограничено лицами, которые являются гражданами или постоянными жителями этого государства.

¹Норма о недискриминации на основе гражданства (в настоящий момент закреплена в ст. 18 ДФЕС).

Суд не согласился с таким мнением и постановил, что, когда законодательство ЕС гарантирует физическому лицу свободу выезда в другое государство-член, защита этого лица от вреда в данном государстве-члене должна осуществляться на той же основе, что и резидентов, и это является следствием этой свободы передвижения. Правительство Франции также утверждало, что оспариваемые нормы не подпадают под запрещение дискриминации, поскольку они подпадают под действие уголовно-процессуального права, которое выходит за рамки указанного выше договора. Суд тем не менее постановил, что хотя уголовно-процессуальные нормы в принципе являются вопросами, за которые отвечают государства-члены, такие нормы не могут ни дискриминировать лиц, которые осуществляют свое свободное передвижение, ни ограничивать основные свободы, гарантированные законодательством ЕС. Суд пришел к выводу, что французские правила о компенсации противоречат запрету на дискриминацию, установленному в договорах ЕС. На основании этого решения и если мы предположим, что существует соответствие между границами основных свобод и границами компетенции ЕС по гармонизации, то законодатель ЕС может также обосновать гармонизацию национальных уголовных процедур в ЕС с учетом интересов свободного передвижения [452, par. 2–6, 8, 10–20].

Все указанные выше инструменты исходят из взаимного признания процессуальных решений по уголовным делам и подразумевают так называемую горизонтальную гармонизацию [453, с. 19] правовых предписаний. Такие инструменты привлекательны для государств-членов, сопротивляющихся дальнейшей гармонизации европейского уголовного права, так как взаимное признание подразумевает развитие межгосударственного сотрудничества по уголовным делам без обязанности государств-членов изменять национальное законодательство в соответствии с гармонизационными требованиями ЕС [454, с. 1279–1280].

Принцип взаимного признания был первоначально разработан Европейской комиссией для создания внутреннего рынка с целью достижения конкурентоспособности товаров без необходимости предпринимать трудноуправляемые и трудоемкие действия по гармонизации [455, с. 141]. Применительно к уголовно-процессуальному праву этот принцип означает, что судебное решение, правомерно вынесенное в одном государстве-члене, должно признаваться таковым в каждом другом государстве-члене. Общесоюзное признание национальных судебных решений направлено на устранение трудоемких препятствий, существующих в сфере правовой помощи, и, таким образом, обеспечение эффективного трансграничного правоприменения. Взаимное признание является результатом основополагающего принципа добросовестного сотрудниче-

ства ЕС (его также называют принципом лояльности – ч. 3 ст. 4 ДФЕС). В этом смысле взаимное доверие – это не просто социальная связь, а механизм совместных действий, основанный на общих нормах [456, с. 74].

Акты европейского законодательства в сфере взаимной правовой помощи предусматривают случаи, когда государство может отказать в признании судебного решения, изданного в другом государстве – члене ЕС. При этом Суд ЕС презюмирует, что каждое государство-член обеспечивает равную и эффективную защиту фундаментальных прав человека [457, par. 50]. И все же практика показывает, что в отдельных государствах нарушаются основополагающие права человека [458]. И дело Араньоси-Чалдарару стало первым, когда Суду ЕС пришлось искать баланс между взаимным доверием и необходимостью соблюдения прав человека.

В указанном деле следственный судья *Miskolci járásbíró* (подокружной суд Мишкольца, Венгрия) 4 ноября и 31 декабря 2014 г. выдал два европейских ордера на арест соответственно для передачи гражданина Венгрии Араньоси данному государству с целью уголовного преследования. Данное лицо было запрошено по двум пунктам обвинения в краже со взломом в Саджойдвеге, Венгрия.

14 января 2015 г. власти г. Бремена установили местонахождение Араньоси и поместили его в СИЗО. Прокуратура Бремена запросила истребующий суд о месте последующего содержания Араньоси, так как условия содержания в венгерских исправительных учреждениях не соответствуют европейским минимальным нормам. Прокурор округа Мишколец ответил, что заключение под стражу в этом случае не является абсолютно необходимым и что в любом случае венгерские судебные органы наделены компетенцией принимать решения о применяемых санкциях.

21 апреля 2015 г. прокуратура Бремена объявила передачу лица допустимой, так как не было никаких конкретных указаний на то, что Араньоси будет подвергнут пыткам или другим жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство видам обращения. С этим не согласился защитник лица. Вопрос рассматривался в Высшем земельном суде Бремена, и суд пришел к выводу, что практика Европейского суда по правам человека показывает, что в случае передачи Араньоси Венгрии условия его содержания в заключении могут нарушить ст. 3 ЕКПЧ. Схожее дело в этот период рассматривал данный суд и в отношении гражданина Румынии. В связи с этим Высший земельный суд Бремена обратился в Суд ЕС в порядке преюдициального производства с вопросом: должна ч. 3 ст. 1 рамочного решения о Европейском ордере на арест быть интерпретирована как означающая, что если имеются явные признаки того, что условия содержания под стражей в государстве-члене, выдавшем ордер, нарушают ст. 4 Хартии прав человека, исполняющий судебный орган должен отказать в передаче лица, в отношении которого выдан данный документ?

Суд ЕС посчитал, что *принцип взаимного доверия и признания в «исключительных случаях» может быть ограничен*. Если исполняющий судебный орган имеет доказательства, которые демонстрируют, что существует реальный риск того, что условия содержания под стражей в запрашивающем государстве-члене нарушают ст. 4 Хартии прав человека, исполняющий судебный орган должен оценить этот риск с использованием двухэтапного теста. Во-первых, он должен оценить, представляют ли общие условия содержания под стражей в запрашивающем государстве-члене реальный риск нарушения ст. 4. Такая оценка сама по себе недостаточна для того, чтобы объявить передачу лица недопустимой. На втором этапе своей оценки исполняющий судебный орган устанавливает, существуют ли серьезные основания полагать, что запрашиваемое лицо подвергнется реальной угрозе нарушения ст. 4. Если после такой двухэтапной оценки исполняющий судебный орган считает, что существует реальная угроза нарушения ст. 4 в отношении запрошенного лица, исполнение ордера на арест должно быть отложено до получения информации, необходимой для уменьшения существования такого реального риска. Если этот риск не может быть уменьшен в течение разумного периода времени, исполняющий судебный орган должен решить, прекратить процедуру либо нет. Тем самым Суд ЕС подтвердил, что взаимное доверие не является безусловным [459].

Вопрос допустимости реальной гармонизации норм в национальном уголовно-процессуальном праве призван был решить Лиссабонский договор о внесении изменений в Договор о Европейском союзе и Договор об учреждении Европейского сообщества от 13 декабря 2007 г. [460]. В соответствии с ним в ДФЕС [461] появилась ст. 82, направленная на гармонизацию существующих в отдельных государствах – членах ЕС предписаний в сфере уголовного процесса. Норма данной статьи сформировалась постепенно, как и названное выше взаимное доверие. В ч. 2 ст. 82 ДФЕС указано, что для расширения возможностей для признания приговоров и судебных решений, полицейского и судебного сотрудничества по уголовным делам, имеющим трансграничный характер, Европейский парламент и Совет ЕС могут посредством директив, принятых в соответствии с обычной законодательной процедурой, установить минимальные правила. При этом предусмотрено, что такие правила должны учитывать различия в правовых традициях и системах государств-членов и могут касаться: 1) взаимного признания доказательств между государствами-членами; 2) прав граждан в ходе уголовного процесса; 3) прав лиц, пострадавших от преступления; 4) любых иных аспектов уголовного процесса, которые определены Советом заранее в его решении, принятом единогласно. Следует отметить, что по многим из указанных вопросов уже были приняты акты ЕС.

Как отмечают исследователи, если в государствах Европы будут действовать свои уголовно-процессуальные формы, для трансграничного уголовного преследования потребуется оценивать собранные в иных государствах доказательства [55, с. 749]. И в этом случае встает вопрос: не были ли нарушены основополагающие принципы уголовного процесса и фундаментальные права человека при собирании таких доказательств в иностранной юрисдикции? Необходимость подтверждения двойной наказуемости при передаче доказательств отпала ранее [56, с. 627]. После многолетних дискуссий в 2008 г. Совет ЕС принял рамочное решение о Европейском доказательственном ордере (*European evidence warrant*) для целей получения предметов, документов и данных для использования в производстве по уголовным делам (2008/978/JHA) [462], которое действовало до 2016 г. Такой ордер требует признания компетентным органом исполняющего государства. Однако ЕС пошел дальше: 3 апреля 2014 г. была одобрена директива о Европейском следственном приказе (*European Investigation Order*) по уголовным делам (2014/41/EU) [463], нормы которой основываются на принципе взаимного признания судебных решений. Европейский следственный приказ выдается для получения доказательств, которые уже существуют и непосредственно доступны в виде предметов, документов или данных. Он также может быть выдан с целью производства одного или нескольких следственных действий, проводимых в исполняющем государстве с целью собирания доказательств.

Органы ЕС до настоящего момента не смогли создать инструмент, позволяющий унифицировать собирание и признание доказательств, полученных на территории другого государства-члена, так как для этого требуется прежде всего, как мы и указывали в предыдущем разделе, определить, гармонизировать правила оценки доказательств либо процедуру их собирания (производства следственных действий). Все еще открытым остается вопрос о допустимости доказательств, собранных на территории другого государства-члена, а также производных от них (*fruits of the poisonous tree*) [464, с. 135], хотя в 2009 г. Комиссия ЕС указывала, что для устранения проблемы допустимости доказательств, полученных в иностранной юрисдикции в рамках ЕС, необходимо принять «общие стандарты собирания доказательств по уголовным делам» [465]. И отдельные европейские процессуалисты предложили для создания таких стандартов использовать уже сложившиеся на основании ЕКПЧ, а также практики ЕСПЧ стандарты, обеспечивающие справедливое судебное разбирательство [466, с. 45; 467, с. 45].

Следует также помнить, что вопросы доказательственного права могут быть затронуты и иными законодательными актами ЕС. Так, в ч. 4 ст. 9 директивы по предупреждению и пресечению торговли людьми

и защите ее жертв (2011/36/EU) [468] указано, что государства-члены должны принять необходимые меры для обеспечения того, чтобы органам уголовного преследования были доступны эффективные инструменты для расследования, упоминая конкретные следственные действия (перехват сообщений, скрытое наблюдение, включая электронное наблюдение, и др.), используемые для собирания доказательств.

Законодатель ЕС указывает, что принцип взаимного признания судебных решений основан на взаимном доверии, выработанном на основе общих ценностей государств-членов, касающихся уважения человеческого достоинства, свободы, демократии, равенства, верховенства права и прав человека, так что каждый государственный орган уверен в том, что другой государственный орган применяет эквивалентные стандарты защиты прав в своих системах уголовного правосудия [443]. С целью достижения такого доверия в рамках ЕС были утверждены минимальные стандарты отдельных прав обвиняемого и потерпевшего. В 2009 г. Советом ЕС была утверждена дорожная карта для усиления процессуальных прав подозреваемого или обвиняемого в уголовном процессе [469]. В ней содержится шесть мер, направленных на создание единых правил в отношении центральной фигуры в уголовном процессе:

- 1) право на перевод;
- 2) информирование о правах и обвинении;
- 3) юридическая консультация и юридическая помощь;
- 4) уведомление родственников, нанимателя и консульства о применении мер принуждения, связанных с лишением свободы;
- 5) особые гарантии уязвимым категориям подозреваемых/обвиняемых (в силу возраста, психического состояния и т. д.);
- 6) исследование вопросов, связанных с задержанием на досудебных стадиях.

На данный момент указанная карта в большей части выполнена, приняты директивы: о праве на перевод в уголовном процессе (2010/64/EU) [470], о праве на информирование в уголовном процессе (2012/13/EU) [471], о праве на доступ к адвокату в уголовном процессе и в процедуре, связанной с Европейским ордером на арест, и о праве на сообщение третьему лицу о лишении свободы и об общении с третьими лицами и консульскими сотрудниками при содержании под стражей (2013/48/EU) [472], об усилении некоторых аспектов презумпции невиновности и права присутствовать на суде в уголовном судопроизводстве (2016/343/EU) [473], о процессуальных гарантиях для детей, подозреваемых или обвиняемых в рамках уголовного процесса (2016/800/EU) [474], о юридической помощи подозреваемым и обвиняемым в уголовном процессе, а также истребуемым лицам в процедуре, связанной

с Европейским ордером на арест (2016/1919/EU) [475], нормы которых должны быть имплементированы в законодательства государств-членов к настоящему моменту. Так, первая из этих директив устанавливает, что услуги по переводу должны быть предоставлены подозреваемому (обвиняемому) бесплатно при допросе в полиции, важных встречах с адвокатом и в ходе любых слушаний в суде; подозреваемый (обвиняемый) должен быть обеспечен переводом основных документов, необходимых для реализации права на защиту (любое решение, лишаящее лицо свободы, любое обвинение, приговор), если он не владеет языком, на котором ведется производство по уголовному делу.

Признается, что взаимному доверию часто мешают плохие условия содержания под стражей и проблема переполненных тюрем [443]. В 2011 г. была опубликована «Зеленая книга» о предварительном заключении [476]. Однако дальнейшего развития гармонизация вопросов применения мер принуждения в уголовном процессе не получила.

Несмотря на создание четкого каталога минимальных гарантий в уголовном процессе, предыдущая законотворческая деятельность Союза в некоторых случаях также косвенно создавала общие стандарты. Например, рамочное решение 2009/299/JHA [477] расширило процессуальные права лиц и способствовало применению принципа взаимного признания к решениям, вынесенным в отсутствие (*in absentia*) заинтересованного лица в суде. Это означает, что заочные судебные решения должны признаваться другими государствами-членами только при определенных ограничительных условиях.

Гармонизация уголовно-процессуального законодательства в ЕС направлена также на регламентацию прав лица, пострадавшего от совершенного преступления, путем установления минимальных стандартов прав, поддержки и защиты жертв преступлений (директива 2012/29/EU) [478]. В соответствии с указанным актом ЕС в национальном уголовном процессе должны быть закреплены такие права потерпевшего, как: понимать и быть понятым, знать о своих правах и о движении своего дела, пользоваться услугами переводчика бесплатно, быть заслушанным; представлять доказательства; пользоваться юридической помощью и др. Кроме того, в ЕС на основании директивы 2011/99/EU [479] действует Европейский приказ безопасности (*European Protection Order*), позволяющий потерпевшим пользоваться мерами безопасности при переезде в другое государство – член ЕС. В соответствии с директивой 2004/80/EC [480] у потерпевшего имеется возможность требовать компенсацию от государства места совершения преступления. Особо оговариваются права потерпевших в директивах, касающихся борьбы с отдельными видами преступлений (например, терроризмом – директива 2017/541/EU) [481].

Хотя п. «b» ч. 2 ст. 82 ДФЕС определенно ориентирован в первую очередь на права обвиняемых, открытое выражение «права лиц в уголовном процессе» делает возможной гармонизацию в отношении прав других участников процесса. И здесь, на наш взгляд, важно задуматься о минимальном каталоге прав свидетелей, включая их защиту.

Развитие наднациональных норм в сфере уголовного процесса в ЕС не останавливается. В 2014 г. была принята директива 2014/42/EU, направленная на установление общих правил наложения ареста на имущество (прежде всего, орудия и средства совершения преступления) с целью его последующей конфискации [482]. Исходя из анализа преамбулы данной директивы, можно понять, что Европейская комиссия постоянно анализирует исполнение европейского законодательства в сфере уголовной юстиции и видит, что рост доверия между государствами остается достаточно медленным. Данным фактом вызвано постепенное изменение предписаний в указанной сфере с появлением общих для всех государств – членов ЕС уголовно-процессуальных норм. Так, с 19 декабря 2020 г. упомянутые выше рамочные решения 2003/577/ИНА и 2006/783/ИНА заменены регламентом ЕС о взаимном признании приказов о наложении ареста на имущество и приказов о конфискации (2018/1805) [483]. В 2018 г. были представлены проекты регламента о Европейском приказе на предоставление (*European Production Order*) и Европейском приказе о сохранении (*European Preservation Order*) в отношении электронных доказательств по уголовным делам и директивы, устанавливающей согласованные правила о назначении уполномоченных представителей с целью собирания доказательств в уголовном процессе. Европейский приказ на предоставление позволит судебному органу одного государства-члена запрашивать электронные доказательства непосредственно у поставщика услуг, предлагающего услуги в ЕС, независимо от местонахождения данных. Европейский приказ о сохранении позволит обязать поставщика услуг сохранять конкретные данные, которые судебный орган может запросить позже. Поставщики услуг, предлагающие услуги в ЕС, должны будут назначить уполномоченного представителя для собирания электронных доказательств [484, с. 118].

Следует отметить общепризнанное мнение о значительном вкладе судебной практики в рамках международного права прав человека в гуманизацию, а соответственно, и гармонизацию уголовного процесса [485, с. 294]. Эта гармонизация носила характер «мягкого права», и на территории ЕС ее можно заметить в рамках Совета Европы. ЕСПЧ вышел за пределы права на справедливое судебное разбирательство, закрепленное в ЕКПЧ, и, толкуя его расширительно, помог переосмыслить многие уголовно-процессуальные гарантии. Нередко решения указан-

ного суда могут вести к законодательным изменениям в сфере уголовного процесса [486, с. 123; 487]. Но при этом необходимо понимать, что выработанные этим судом стандарты не определяют порядок производства по уголовному делу, а предусматривают содержание конкретных процессуальных прав участника уголовного процесса.

Исходя из вышесказанного, можно заключить, что уровень сближения государств ЕАЭС в сфере уголовного правосудия еще далек от Европейского союза. Рассмотренный опыт может быть полезен при достижении необходимости сближения уголовно-процессуального законодательства в рамках ЕАЭС. Можно заметить, что изначально законодатель ЕС старался упростить процедуру оказания международной правовой помощи по уголовным делам в рамках данного интеграционного образования. Однако со временем практика показала, что не всегда между государствами – членами ЕС существует доверие к уголовной юстиции. Начиная с 2010 г. законодательство ЕС стало также гармонизировать национальное уголовно-процессуальное законодательство с целью создания доверия, важного для взаимного признания различных решений, принимаемых в рамках уголовного процесса и подлежащих исполнению в другом государстве-члене.

Мы установили, что научное обоснование гармонизации уголовно-процессуального права начало формироваться задолго до появления соответствующей возможности в наднациональных актах ЕС. В последней редакции учредительных договоров ЕС имеется прямая норма, направленная на гармонизацию существующих в отдельных государствах – членах ЕС предписаний в сфере уголовного процесса. В судебной практике Суда ЕС имеются подтверждения необходимости гармонизации уголовно-процессуального права в целях недопустимости дискриминации лиц при формировании внутреннего рынка с учетом интересов свободного передвижения.

Установлено также сближение уголовно-процессуального законодательства государств – членов Совета Европы под воздействием судебной практики Европейского суда по правам человека, что способствует росту доверия к уголовной юстиции других государств в рамках данной международной организации.

Указанные меры показывают все более глубокую гармонизацию уголовно-процессуальных норм в рамках исследуемого интеграционного образования и дальнейшую европеизацию национального уголовного процесса государств – членов ЕС. Однако до настоящего момента не решен вопрос о том, следует ли сближать процедуру собирания доказательств либо правила их оценки для того, чтобы унифицировать собирание и признание доказательств, собранных в трансграничных уголовных делах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Системный анализ теоретических и практических проблем интерференции надгосударственного в национальный уголовный процесс позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Международно-правовая парадигма подразумевает систему представлений законодателя, правоприменителя и общества о праве и основанной на нем деятельности, а также соответствующих ценностей в контексте общепризнанных принципов и норм международного права. К настоящему моменту можно говорить о наличии международно-правовой парадигмы уголовного процесса. Последняя подразумевает опосредование в уголовно-процессуальном законодательстве принципов, закрепленных в международных правовых актах, и допущение прямого применения в уголовно-процессуальной деятельности международных договоров. Проникновение международно-правовых предписаний в национальное уголовно-процессуальное законодательство вызвано необходимостью доведения соответствующих норм до правоприменителя.

Выделено пять этапов развития такого проникновения:

1) обеспечение беспрепятственной деятельности дипломатических агентов;

2) закрепление на национальном уровне института международной правовой помощи по уголовным делам;

3) имплементация общепризнанных норм о правах человека в сфере уголовного процесса;

4) признание на национальном уровне международной судебной (правовой) защиты;

5) прямая гармонизация уголовно-процессуального права в рамках наднациональной организации.

2. Установлено отсутствие общего регулирования правил взаимодействия уголовно-процессуального закона и международных договоров Республики Беларусь. Формально юридически в уголовном процессе допускается применение международных договоров Республики Беларусь: а) определяющих права и свободы человека и гражданина, б) содержащих нормы о порядке оказания международной правовой помощи по уголовным делам, в) регулирующих гражданское судопроизводство. Однако, исходя из общепризнанного принципа международного права *pacta sunt servanda*, в уголовном процессе должны применяться и иные международные договоры Республики Беларусь (например,

консульские конвенции). В ходе исследования сформулированы общие условия применимости международного договора в уголовном процессе Республики Беларусь.

3. Под международными договорами Республики Беларусь, определяющими права и свободы человека и гражданина, в смысле ст. 1 УПК следует понимать ратифицированные Республикой Беларусь регулируемые международным правом международные договоры, сторонами которых являются Республика Беларусь и один либо несколько иных субъектов, обладающих правом заключать международные договоры, предоставляющие непосредственно физическому лицу права (свободы), связанные с расследованием преступлений, рассмотрением и разрешением уголовных дел, а также частично – с исполнением приговора. На наш взгляд, четкое определение юридической силы указанных договоров в уголовном процессе позволит всем участникам уголовного процесса при необходимости ссылаться на нормы международных договоров, определяющих права и свободы человека и гражданина, при обосновании не только своей позиции по уголовному делу в целом, но и отдельных ходатайств, что в настоящий момент на практике не достаточно распространено, возможно, вследствие ограниченной осведомленности о таких нормах даже профессиональных юристов.

4. Международные договоры об оказании международной правовой помощи по уголовным делам можно классифицировать на ряд групп, что должно помочь практическому работнику установить наличие международно-правовой базы при расследовании или рассмотрении конкретного уголовного дела. Для реализации норм, содержащихся в действующих для Республики Беларусь международных договорах, необходимо предусмотреть соответствующую уголовно-процессуальную форму в национальном законодательстве.

5. УПК *de jure* не позволяет применять консульские конвенции в ходе производства по материалам и уголовным делам, за исключением отдельных их норм (определение пределов действия УПК и круга лиц, обладающих иммунитетом в уголовном процессе). В данных конвенциях содержатся уголовно-процессуально релевантные нормы:

- о консульской помощи подозреваемому (обвиняемому) и необходимости уведомления о праве на такую помощь;
- возможности консульского должностного лица выступать представителем гражданина представляемого им государства перед судами и другими органами;
- неприкосновенности личности консульского должностного лица и отдельных консульских служащих и членов их семей, консульского ку-

рьера, помещений, занимаемых консульским учреждением, официальной корреспонденции консульского учреждения и консульского архива.

Необходимо строго соблюдать нормы консульских конвенций об уведомлении граждан иностранных государств о праве на консульскую помощь. В противном случае вышестоящим судам важно изучить представленные сторонами обоснования для решения вопроса о том, не мешало ли суду нарушение соответствующей нормы консульской конвенции всесторонне, полно и объективно исследовать обстоятельства уголовного дела и не повлияло ли или могло ли повлиять оно на постановление законного и обоснованного приговора.

Требуется внесение изменения в ст. 1 УПК с целью расширения круга международных договоров, применяемых при производстве по материалам и уголовным делам. Нормы об особенностях производства следственных действий в помещениях дипломатических представительств и помещениях, занимаемых консульскими учреждениями, должны являться общим правилом, закрепляемым в ст. 192 УПК, а не распространяться лишь на осмотр, обыск и выемку.

6. Для инициирования процедуры оказания международной правовой помощи по уголовным делам необходимо наличие соответствующей просьбы органа иностранного государства. В УПК следует установить срок для исполнения просьбы органа иностранного государства, а также разрешить вопрос о распределении расходов, возникающих при оказании международной правовой помощи по уголовным делам. В ходе дальнейшего совершенствования уголовно-процессуального законодательства следует пересмотреть норму о возможности применения процессуального законодательства иностранного государства. Последнее не должно противоречить лишь задачам и принципам уголовного процесса Республики Беларусь, но никак не законодательным актам Республики Беларусь. Аналогично доказательства, собранные на территории иностранного государства, могут иметь доказательственную силу в уголовном процессе Республики Беларусь, только если при их собирании не были нарушены нормы процессуального законодательства иностранного государства и принципы уголовного процесса Республики Беларусь. Требуется также продолжить четкое установление оснований для содержания лиц под стражей, включив в них решение компетентного органа иностранного государства о заключении лица под стражу или назначении ему наказания в виде лишения свободы в случае передачи Республике Беларусь на время лица для производства процессуальных действий.

7. В целях дальнейшего совершенствования норм УПК Республики Беларусь о выдаче необходимо: установить судебный порядок санкционирования заключения под стражу с целью последующей выдачи; исключить возможность выдачи лица, если в иностранном государстве ему угрожают пытки; установить в УПК пределы уголовной ответственности выданного лица; обязать органы уголовного преследования Республики Беларусь уведомлять Генеральную прокуратуру Республики Беларусь в течение месяца о результатах уголовного преследования выданного лица; урегулировать вопросы транзита выданных лиц через территорию Республики Беларусь воздушным транспортом в случае экстренной посадки.

В настоящий момент невыдача третьему государству Республикой Беларусь граждан Российской Федерации по основанию одной лишь принадлежности их к гражданам Союзного государства не в полной мере будет соответствовать международно-правовым обязательствам и национальному уголовному и уголовно-процессуальному законодательству обоих государств.

Следует закрепить процедуру рассмотрения вопроса о наличии юридических оснований для выдачи лица иностранному государству судом с последующим принятием политического решения о выдаче иностранца Генеральным прокурором Республики Беларусь или его заместителем. Лицо, представляющее интересы лица, подлежащего выдаче, нельзя именовать защитником. Правильнее применение термина «представитель». Требуется наделить правом давать объяснения при задержании (заключении под стражу) всех лиц, подлежащих выдаче.

8. Установлена допустимость передачи осуществления уголовного преследования иностранному государству не только в отношении граждан такого государства, но и иностранцев (включая граждан запрашивающего государства). В этом случае следует удостовериться в наличии у иностранного государства права судить гражданина Республики Беларусь (или иного иностранца). Противное утверждение позволяло бы гражданам Республики Беларусь избегать наказания за свои преступления, что вело бы к нарушению конституционного принципа равенства граждан перед законом и уголовно-правового принципа неотвратимости ответственности, создавая необоснованное преимущество для скрывшегося перед иными соотечественниками. Отмечено, что в случае принятия производства по уголовному делу, возбужденному органом уголовного преследования иностранного государства, пределы судебного разбирательства определяются не только по общему прави-

лу – предъявленным обвинением (ст. 301 УПК), но и дополнительно – процессуальными решениями, принятыми органом уголовного преследования и судом запрашивающего государства.

9. Передача осужденного (передача исполнения наказания) может производиться только с согласия осужденного, а следовательно, для обеспечения возможности скорейшей передачи следует обязать суд при постановлении приговора в отношении иностранного гражданина разъяснять возможность передачи его (передачи наказания) для отбывания наказания (исполнения) в государстве, гражданином которого он является. Решение о передаче иностранного гражданина, осужденного судом Республики Беларусь, на наш взгляд, должен принимать суд по месту отбывания наказания, а не Генеральная прокуратура Республики Беларусь.

10. В ходе дальнейшего совершенствования уголовно-процессуального законодательства необходимо регламентировать порядок применения видеоконференцсвязи при оказании международной правовой помощи по уголовным делам и порядок деятельности совместных следственных групп, важно предусмотреть законодательные возможности для передачи информации в электронной форме, чтобы обеспечить безопасный и быстрый обмен ею с иностранными государствами. В ходе трансформации норм о розыске, наложении ареста и конфискации нажитых преступным путем имущества и доходов на транснациональном уровне в национальное уголовно-процессуальное право должны быть разрешены вопросы подсудности соответствующих просьб органа иностранного государства, установлены условия и основания отказа в исполнении таких просьб, а также порядок их рассмотрения, форма и содержание решения суда по результатам рассмотрения и порядок его исполнения с обеспечением каждому возможности защиты своих прав и свобод. Для обеспечения возможности передачи лиц, страдающих психическими расстройствами, для осуществления принудительных мер безопасности и лечения следует внести изменения в соответствующие нормы о признании и исполнении судебных решений иностранных государств. Целесообразно также искать пути для упрощения процедур оказания международной правовой помощи по уголовным делам без ущерба правам и законным интересам их участников.

11. В национальных уголовно-процессуальных законах государств – членов ЕАЭС в разной степени реализуется возможность для имплементации решений (соображений) международных организаций по защите прав человека. Статья 61 Конституции Республики Беларусь является легальной основой для обеспечения международной правовой защиты

по уголовным делам в Республике Беларусь. Однако она не обеспечивается нормами УПК. Подобное неравенство возможностей для граждан в рамках ЕАЭС косвенно препятствует свободе движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы. С этой целью необходимо предусмотреть в качестве повода для осуществления прокурором проверки по вновь открывшимся обстоятельствам (ст. 420 УПК) решение международной организации, принятое в соответствии с международно-правовыми актами, ратифицированными Республикой Беларусь. Учитывая, что каждое такое решение направляется государству, в отношении которого оно принято, рассмотрение вопроса о возобновлении производства по вновь открывшимся обстоятельствам должно осуществляться Генеральным прокурором Республики Беларусь или лицом, исполняющим его обязанности, на основании решения без обязательного обращения участника уголовного процесса.

12. Интеграция в экономической сфере в последующем потребует сближения национального законодательства государств-членов в сфере уголовного и уголовно-процессуального права. Несмотря на внедрение в самую чувствительную сферу правового регулирования, напрямую затрагивающую суверенитет государств, гармонизация уголовно-процессуального законодательства постепенно проявляется в рамках интеграционных образований и международных (региональных) организаций. В настоящий момент в Договоре о ЕАЭС у последнего не имеется компетенции в сфере уголовно-правовой политики. Разрешение вопросов гармонизации уголовно-процессуального законодательства допустимо прежде всего на межгосударственном уровне в рамках международных договоров. В то же время сближение уголовно-процессуального права в рамках ЕАЭС возможно посредством принятия соответствующих рекомендаций, что не противоречит Договору о ЕАЭС.

Под гармонизацией уголовно-процессуального законодательства в межгосударственном смысле следует понимать сближение уголовно-процессуальных норм государств на основе установления общей нормы-идеи, которая имплементируется каждым государством в национальное законодательство сообразно сложившейся правовой традиции. В качестве цели гармонизации уголовно-процессуального права можно рассматривать обеспечение стабильного развития экономик государств-членов в интересах повышения жизненного уровня их населения. Данная цель будет достигнута путем выбора наиболее человеко-ориентированного правила из предлагаемого в сближаемых правопорядках, обеспечения взаимного признания судебных и схожих

процессуальных решений, основанного на взаимном доверии иностранным системам правосудия.

В качестве основных направлений сближения уголовного процесса государств – членов ЕАЭС следует определить:

1) разработку механизма расследования преступлений, совершаемых на надгосударственном уровне;

2) упрощение процедуры оказания международной правовой помощи по уголовным делам между государствами-членами с одновременной гармонизацией порядка производства отдельных следственных действий в целях сближения возможностей для оценки доказательств, полученных в результате их производства;

3) обеспечение равного процессуального положения физических лиц в уголовном процессе государств-членов.

13. Уровень сближения государств ЕАЭС в сфере уголовного правосудия еще далек от Европейского союза. Изначально законодатель ЕС старался упростить процедуру оказания международной правовой помощи по уголовным делам в рамках данного интеграционного образования. Однако со временем практика показала, что не всегда между государствами – членами ЕС существует доверие к уголовной юстиции. Начиная с 2010 г. законодательство ЕС стало также гармонизировать национальное уголовно-процессуальное законодательство с целью создания доверия, важного для взаимного признания различных решений, принимаемых в рамках уголовного процесса и подлежащих исполнению в другом государстве-члене. В судебной практике Суда ЕС имеются подтверждения необходимости гармонизации уголовно-процессуального права в целях недопустимости дискриминации лиц при формировании внутреннего рынка с учетом интересов свободного передвижения.

1. Неприкосновенность и иммунитет в рамках

Правовой акт	Субъект	Объем
УПК БССР 1960 г. (первоначальная редакция)	Лица, обладающие правом дипломатической неприкосновенности (ст. 21)	Процессуальные действия, предусмотренные УПК, производятся лишь <i>по их просьбе</i> или <i>с их согласия</i> (ст. 21)
УПК Беларуси 1999 г.	Лица, обладающие правом дипломатической неприкосновенности (ст. 4)	Процессуальные действия, предусмотренные УПК, производятся лишь <i>по их просьбе</i> или <i>с их согласия</i> (ст. 4)
Венская конвенция о дипломатических сношениях, 18.04.1961 (участвуют 193 государства ³ ; не участвуют: Палау, Южный Судан*)	Дипломатический агент (глава представительства или член дипломатического персонала представительства) ² (ст. 29)	Личность неприкосновенна; не подлежит аресту или задержанию в какой бы то ни было форме (ст. 29); иммунитет от уголовной юрисдикции государства пребывания ¹ ; не обязан давать показаний в качестве свидетеля (ст. 31)
	Дипломатический агент, который является гражданином государства пребывания или постоянно в нем проживает (ст. 38)	Иммунитет от юрисдикции ¹ и неприкосновенность в отношении официальных действий, совершенных им при выполнении своих функций (ст. 38)

уголовного процесса (дипломатическая)

Помещение, имущество	Объем	Примечание
Помещения, занимаемые дипломатическими представительствами, а равно помещения, в которых проживают члены дипломатических представительств и их семьи (ст. 172)	Выемка, обыск могут производиться лишь <i>по просьбе или с согласия</i> дипломатического представителя (ст. 172)	
Помещения, занимаемые дипломатическими представительствами и консульскими учреждениями, а также представительствами и учреждениями иностранных государств и международных организаций, которые в соответствии с международными договорами Республики Беларусь пользуются дипломатическим иммунитетом, а равно помещения, в которых проживают сотрудники этих представительств и учреждений и их семьи (ст. 204)	Осмотр, обыск, выемка могут проводиться лишь <i>по просьбе или с согласия</i> главы соответствующего представительства или учреждения и в его присутствии (ст. 204, 210)	
Помещения дипломатического представительства неприкосновенны; помещения, предметы их обстановки и другое находящееся в них имущество, а также средства передвижения представительства пользуются иммунитетом от обыска, реквизиции, ареста и исполнительных действий (ст. 22). Частная резиденция дипломатического агента пользуется той же неприкосновенностью, что и помещения представительства; его бумаги, корреспонденция и имущество равным образом пользуются неприкосновенностью (ст. 30)	Власти государства пребывания не могут вступать в эти помещения иначе, как <i>с согласия главы представительства</i> ; иммунитет от обыска, реквизиции, ареста и исполнительных действий (ст. 22)	¹ От иммунитета от юрисдикции может отказаться аккредитующее государство (ст. 32). ² В том числе при следовании транзитом в государство пребывания/назначения либо при нахождении из-за форс-мажора (ст. 40)

Правовой акт	Субъект	Объем
	Члены семьи дипломатического агента ² , живущие вместе с ним, если они не являются гражданами государства пребывания (ч. 1 ст. 37)	Личность неприкосновенна; не подлежит аресту или задержанию в какой бы то ни было форме (ст. 29 через ст. 37); иммунитет от уголовной юрисдикции государства пребывания ¹ ; не обязан давать показаний в качестве свидетеля (ст. 31 через ст. 37)
	Члены административно-технического персонала представительства и члены их семей, живущие вместе с ними, если они не являются гражданами государства пребывания или не проживают в нем постоянно (ч. 2 ст. 37)	Личность неприкосновенна; не подлежит аресту или задержанию в какой бы то ни было форме (ст. 29 через ст. 37); иммунитет от уголовной юрисдикции государства пребывания ¹ ; не обязан давать показаний в качестве свидетеля (ст. 31 через ст. 37)
	Члены обслуживающего персонала представительства, которые не являются гражданами государства пребывания или не проживают в нем постоянно (ч. 3 ст. 37)	Иммунитет ¹ в отношении действий, совершенных ими при исполнении своих обязанностей (ст. 37)
	Домашние работники сотрудников представительства, если они не являются гражданами государства пребывания или не проживают в нем постоянно (ч. 4 ст. 37)	Нет иммунитета, но государство пребывания должно осуществлять свою юрисдикцию над этими лицами так, чтобы не вмешиваться ненадлежащим образом в осуществление функций представительства (ст. 37)

Помещение, имущество	Объем	Примечание
Частная резиденция лиц, указанных в ч. 1 и 2 ст. 37, пользуется той же неприкосновенностью, что и помещения представительства; его бумаги, корреспонденция и имущество равным образом пользуются неприкосновенностью (ст. 30 через ст. 37)		³ Отдельные государства при присоединении сделали оговорки, которые могут ограничивать предусмотренные Конвенцией иммунитеты

Правовой акт	Субъект	Объем
	Члены административно-технического, обслуживающего персонала, домашние работники сотрудников представительства, которые являются гражданами государства пребывания или постоянно в нем проживают (ст. 38)	Нет иммунитета, но государство пребывания должно осуществлять свою юрисдикцию над этими лицами так, чтобы не вмешиваться ненадлежащим образом в осуществление функций представительства (ст. 38)
	Дипломатический курьер ² при исполнении своих обязанностей пользуется личной неприкосновенностью (ст. 27)	Не подлежит аресту или задержанию в какой бы то ни было форме; если курьер <i>ad hoc</i> , то иммунитеты прекращаются в момент доставки таким курьером порученной ему дипломатической почты по назначению (ст. 27)
Конвенция о специальных миссиях, 08.12.1969 (участвуют 39 государств ^{**})	Представители посылающего государства в миссии, а также члены дипломатического персонала миссии ² (ст. 29)	Личность неприкосновенна; не подлежит аресту или задержанию в какой бы то ни было форме (ст. 29); иммунитет от уголовной юрисдикции государства пребывания ¹ ; не обязан давать показаний в качестве свидетеля (ст. 31)
	Представители посылающего государства в специальной миссии и члены ее дипломатического персонала, которые являются гражданами принимающего государства или постоянно в нем проживают (ст. 40)	Иммунитет от юрисдикции ¹ и неприкосновенность в отношении официальных действий, совершенных им при выполнении своих функций (ст. 40)

Помещение, имущество	Объем	Примечание
Архивы и документы представительства (ст. 24)	Неприкосновенны в любое время и независимо от их местонахождения (ст. 24)	
Официальная корреспонденция представительства ² неприкосновенна (ст. 27)	Дипломатическая почта не подлежит ни вскрытию, ни задержанию (ст. 27)	
Помещения, в которых размещается специальная миссия, неприкосновенны; помещения специальной миссии, предметы их обстановки и другое имущество, используемое для работы специальной миссии, а также транспортные средства миссии пользуются иммунитетом от обыска, реквизиции, ареста и исполнительных действий (ст. 25). Личные помещения представителей посылающего государства в специальной миссии и членов ее дипломатического персонала пользуются той же неприкосновенностью, что и помещения специальной миссии; их бумаги, корреспонденция и имущество равным образом пользуются неприкосновенностью (ст. 30)	Представители принимающего государства не могут вступать в эти помещения иначе, как <i>с согласия главы специальной миссии</i> или, в соответствующих случаях, <i>с согласия главы постоянного дипломатического представительства</i> посылающего государства, аккредитованного в принимающем государстве (иногда согласие предполагается); иммунитет от обыска, реквизиции, ареста и исполнительных действий (ст. 25)	¹ От иммунитета от юрисдикции может отказаться аккредитующее государство (ст. 41). ² В том числе при следовании транзитом в государство пребывания/назначения либо при нахождении из-за чрезвычайных обстоятельств (ст. 42)

Правовой акт	Субъект	Объем
	Члены семьи представителей посылающего государства в специальной миссии и семей членов ее дипломатического персонала, если они сопровождают таких членов специальной миссии и не являются гражданами принимающего государства или не проживают в нем постоянно ² (ст. 39)	Личность неприкосновенна; не подлежит аресту или задержанию в какой бы то ни было форме (ст. 29 через ст. 39); иммунитет от уголовной юрисдикции государства пребывания ¹ ; не обязан давать показаний в качестве свидетеля (ст. 31 через ст. 39)
	Члены административно-технического персонала специальной миссии и члены их семей, если они сопровождают таких членов специальной миссии и не являются гражданами принимающего государства или не проживают в нем постоянно (ст. 36, 39)	Личность неприкосновенна; не подлежит аресту или задержанию в какой бы то ни было форме (ст. 29); иммунитет от уголовной юрисдикции государства пребывания ¹ ; не обязан давать показаний в качестве свидетеля (ст. 31)
	Члены обслуживающего персонала специальной миссии (ст. 37)	Иммунитет от юрисдикции ¹ в отношении действий, совершенных ими при исполнении своих обязанностей (ст. 37)
	Частный обслуживающий персонал членов специальной миссии (ст. 38)	Нет иммунитета, но принимающее государство должно осуществлять свою юрисдикцию над этими лицами так, чтобы не вмешиваться ненадлежащим образом в осуществление функций специальной миссии (ст. 38)

Продолжение прил. 1

Помещение, имущество	Объем	Примечание
<p>Личные помещения лиц, указанных в ст. 36, 39, пользуются той же неприкосновенностью, что и помещения специальной миссии; их бумаги, корреспонденция и имущество равным образом пользуются неприкосновенностью (ст. 30 через ст. 36, 39)</p>		

Правовой акт	Субъект	Объем
	Другие члены специальной миссии и члены частного обслуживающего персонала, которые являются гражданами принимающего государства или постоянно в нем проживают (ст. 40)	Нет иммунитета, но принимающее государство должно осуществлять свою юрисдикцию над этими лицами так, чтобы не вмешиваться ненадлежащим образом в осуществление функций специальной миссии (ст. 40)
	Курьер специальной миссии ² при исполнении своих обязанностей пользуется личной неприкосновенностью (ст. 28)	Не подлежит аресту или задержанию в какой бы то ни было форме; если курьер <i>ad hoc</i> , то иммунитеты прекращаются в момент доставки таким курьером порученной ему почты специальной миссии по назначению (ст. 28)

* на 3 июня 2021 г.

** на 1 апреля 2019 г.

Окончание прил. 1

Помещение, имущество	Объем	Примечание
Архивы и документы специальной миссии (ст. 26)	Неприкосновенны в любое время и независимо от их местонахождения (ст. 26)	
Официальная корреспонденция специальной миссии ² неприкосновенна (ст. 28)	Почта специальной миссии не подлежит ни вскрытию, ни задержанию (ст. 28)	

2. Неприкосновенность и иммунитет в рамках

Правовой акт	Субъект	Объем
УПК БССР 1960 г.	Нет специальных норм	
УПК Беларуси 1999 г.	Нет специальных норм	
Венская конвенция о консульских сношениях, 24.04.1963 (участвует 181 государство ^{3*})	Консульские должностные лица (любое лицо, включая главу консульского учреждения, которому поручено в этом качестве выполнение консульских функций) ^{2**} (ст. 41)	Не подлежат ни аресту, ни предварительному заключению, иначе как на основании постановлений компетентных судебных властей в случае совершения тяжких преступлений; кроме того, не могут быть заключены в тюрьму и не подлежат никаким другим формам ограничений личной свободы, иначе как во исполнение судебных постановлений, вступивших в законную силу; если против него возбуждается уголовное дело, это лицо должно явиться в компетентные органы (ст. 41) ¹ . В случае ареста, или предварительного заключения, или возбуждения против него уголовного дела государство пребывания незамедлительно уведомляет об этом главу консульского учреждения. Если последний сам подвергается таким мерам, государство пребывания уведомляет об этом представляемое государство через дипломатические каналы (ст. 42) ³

уголовного процесса (консульская и схожие)

Помещение, имущество	Объем	Примечание
Нет специальных норм		
<p>Помещения, занимаемые дипломатическими представительствами и консульскими учреждениями, а также представительствами и учреждениями иностранных государств и международных организаций, которые в соответствии с международными договорами Республики Беларусь пользуются дипломатическим иммунитетом, а равно помещения, в которых проживают сотрудники этих представительств и учреждений и их семьи (ст. 204)</p>	<p>Осмотр, обыск, выемка могут проводиться лишь <i>по просьбе</i> или <i>с согласия</i> главы соответствующего представительства или учреждения и в его присутствии (ст. 204, 210)</p>	
<p>Консульские помещения неприкосновенны в той мере, в какой это предусматривается в ст. 31; помещения, предметы их обстановки и другое находящееся в них имущество, а также средства передвижения представительств пользуются иммунитетом от любых видов реквизиции в целях государственной обороны или для общественных нужд (ст. 31)</p>	<p>Власти государства пребывания не могут вступать <i>в ту часть консульских помещений</i>, которая используется <i>исключительно для работы консульского учреждения</i>, иначе как <i>с согласия консульского учреждения, назначенного им лица или главы дипломатического представительства</i> представляемого государства; иммунитет от обыска, реквизиции, ареста и исполнительных действий (ст. 31)</p>	<p>¹От иммунитета от юрисдикции может отказываться представляемое государство (ст. 45). ²В том числе при следовании транзитом в государство пребывания/назначения либо при нахождении из-за форс-мажора (ст. 54). ³Распространяется на почетные консульские должностные лица (ст. 58)</p>
<p>Консульские архивы и документы (ст. 33)</p>	<p>Неприкосновенны в любое время и независимо от их местонахождения (ст. 33)</p>	

Правовой акт	Субъект	Объем
		<p>Не подлежат юрисдикции судебных или административных органов государства пребывания в отношении действий, совершаемых ими при выполнении консульских функций (ст. 43)^{1, 3}.</p> <p>Если отказывается давать показания, к нему не могут применяться никакие меры принуждения или наказания; когда это возможно, заслушивать такие показания на дому у этого лица или в консульском учреждении или же принимать от него письменные показания (ст. 44)¹</p>
	<p>Консульское должностное лицо, являющееся гражданином государства пребывания или постоянно проживающее в нем</p>	<p>Иммунитет от юрисдикции и личная неприкосновенность в отношении официальных действий, совершаемых ими при выполнении своих функций (ст. 71).</p> <p>В случае ареста, или предварительного заключения, или возбуждения против него уголовного дела государство пребывания незамедлительно уведомляет об этом главу консульского учреждения. Если последний сам подвергается таким мерам, государство пребывания уведомляет об этом представляемое государство через дипломатические каналы (ст. 42 через ст. 71).</p> <p>Не обязано давать показания, разъясняющие законодательство представляемого государства, а также по вопросам, связанным с выполнением им своих функций, или представлять относящуюся к его функциям официальную корреспонденцию и документы³ (ст. 44 через ст. 71)</p>
	<p>Консульские служащие (любое лицо, выполняющее административные или технические обязанности в консульском учреждении)</p>	<p>В случае ареста, или предварительного заключения, или возбуждения против него уголовного дела государство пребывания незамедлительно уведомляет об этом главу консульского учреждения (ст. 42).</p> <p>Не подлежат юрисдикции судебных или административных органов государства пребывания в отношении действий, совершаемых ими при выполнении консульских функций (ст. 43)¹</p>

Помещение, имущество	Объем	Примечание
Консульские архивы и документы консульского учреждения, возглавляемого почетным консульским должностным лицом (ст. 61)	Неприкосновенны в любое время и независимо от их местонахождения при условии, что они хранятся отдельно от других бумаг и документов, в том числе от частной корреспонденции главы консульского учреждения и любого лица, которое с ним работает, а также от материалов, книг и документов, относящихся к их профессии или занятию (ст. 61)	
Официальная корреспонденция консульского учреждения неприкосновенна (ст. 35) ^{2, 3}	Консульская вализа не подлежит ни вскрытию, ни задержанию (ст. 35) ^{2, 3}	

Правовой акт	Субъект	Объем
		Не могут отказываться давать показания, но не обязаны давать показания, разъясняющие законодательство представляемого государства, а также по вопросам, связанным с выполнением ими своих функций, или представлять относящуюся к их функциям официальную корреспонденцию и документы ³ (ст. 44) ¹
	Работники обслуживающего персонала	В случае ареста, или предварительного заключения, или возбуждения против него уголовного дела государство пребывания незамедлительно уведомляет об этом главу консульского учреждения (ст. 42). Не может отказываться давать показания, но не обязаны давать показания, разъясняющие законодательство представляемого государства, а также по вопросам, связанным с выполнением ими своих функций, или представлять относящуюся к их функциям официальную корреспонденцию и документы (ст. 44) ¹
	Консульский курьер при выполнении своих функций пользуется личной неприкосновенностью (ст. 35)	Не подлежит ни аресту, ни задержанию в какой бы то ни было форме; если курьер <i>ad hoc</i> , то иммунитеты прекращаются в момент доставки таким курьером порученной ему консульской вализы по назначению (ст. 35) ²
Отдельные отступления от Венской конвенции		
Консульская конвенция между Чехословацкой Социалистической Республикой и Союзом Советских Социалистических Республик, 27.04.1972	Личность консульского должностного лица или сотрудника консульства неприкосновенна. Он не подлежит аресту или задержанию в какой бы то ни было форме (ст. 14). Члены семей консульских должностных лиц или сотрудников консульства, если они проживают вместе с ними, пользуются иммунитетом от юрисдикции государства пребывания и личной неприкосновенностью в той же мере, что и консульские должностные лица или сотрудники консульства (ст. 15)	

Продолжение прил. 2

Помещение, имущество	Объем	Примечание
в двухсторонних конвенциях		

Правовой акт	Субъект	Объем
(Конвенция остается в силе в отношениях между Республикой Беларусь и Чешской Республикой (протокол от 17.05.2001))		<p>Консульское должностное лицо и сотрудник консульства не обязаны давать показания в качестве свидетеля; данные положения соответственно применяются к членам семей консульских должностных лиц и сотрудников консульства, если они проживают вместе с ними (ст. 16).</p> <p>Указанные выше нормы не распространяются на граждан государства пребывания и лиц, постоянно проживающих в государстве пребывания (ст. 26)</p>
Консульская конвенция между Республикой Беларусь и Китайской Народной Республикой, 11.01.1993		<p>Консульские должностные лица пользуются личной неприкосновенностью. Они не подлежат задержанию в какой бы то ни было форме или аресту (ст. 33).</p> <p>Консульские должностные лица пользуются иммунитетом от уголовной юрисдикции государства пребывания; сотрудники консульского учреждения и работники обслуживающего персонала не подлежат уголовной юрисдикции государства пребывания в том, что касается их служебной деятельности (ст. 34).</p> <p>Члены семьи консульских должностных лиц, сотрудников консульского учреждения и работников обслуживающего персонала пользуются соответственно иммунитетами, которыми пользуются консульские должностные лица, сотрудники консульского учреждения и работники обслуживающего персонала в соответствии с положениями Конвенции, за исключением случаев, если такие лица являются гражданами государства пребывания или постоянно проживают в нем (ст. 40, 41).</p> <p>Сотрудники консульского учреждения и работники обслуживающего персонала не пользуются иммунитетами, предусмотренными в положениях Конвенции, если они являются гражданами государства пребывания или постоянно проживают в нем, за исключением дачи показаний по вопросам, связанным с выполнением ими своих функций, или представления относящейся к их функциям официальной корреспонденции и документов (ст. 41)</p>
Консульская конвенция между Республикой Беларусь и Республикой Польша, 02.03.1992		<p>Консульские должностные лица не подлежат уголовной юрисдикции государства пребывания; они пользуются личной неприкосновенностью и не подлежат задержанию, аресту или ограничению личной свободы в любой форме.</p> <p>Консульские служащие, а также сотрудники обслуживающего персонала не подлежат уголовной юрисдикции государства пребывания в отношении действий, которые они выполняют в объеме служебных обязанностей</p>

Помещение, имущество	Объем	Примечание
		<p>Консульские помещения и жилые помещения консульских должностных лиц неприкосновенны. Власти государства пребывания не могут вступать в консульские помещения и жилые помещения консульских должностных лиц без согласия главы консульского учреждения или главы дипломатического представительства представляемого государства в государстве пребывания или лица, назначенного одним из них; средства передвижения консульского учреждения, работников консульского учреждения пользуются иммунитетом от обыска, ареста и исполнительных действий (ст. 27)</p>
		<p>Здания или части зданий, используемые исключительно для целей консульского учреждения, а также прилегающий к ним земельный участок неприкосновенны; данные положения также применяются к жилым помещениям консульских должностных лиц и консульских служащих (ст. 11)</p>

Правовой акт	Субъект	Объем
		Данные положения применяются также к членам семьи при условии, что они проживают вместе одной семьей и не являются гражданами государства пребывания (ст. 16)
Консульская конвенция между Республикой Беларусь и Румынией, 07.05.1993		Консульские должностные лица не подлежат уголовной юрисдикции государства пребывания; они пользуются личной неприкосновенностью и не подлежат задержанию, аресту или ограничению личной свободы в любой форме; консульские служащие не подлежат криминальной юрисдикции государства пребывания в отношении к действиям, которые они выполняют в объеме своих служебных обязанностей (ст. 17)
Консульская конвенция между Республикой Беларусь и Российской Федерацией, 24.01.1995		Консульские должностные лица пользуются личной неприкосновенностью. Они не подлежат аресту или задержанию в какой бы ни было форме (ст. 18). Консульские должностные лица пользуются иммунитетом от уголовной юрисдикции в государстве пребывания (ст. 19). Указанные выше положения применяются также к членам семьи при условии, что они проживают вместе одной семьей и не являются гражданами государства пребывания (ст. 19)
Консульская конвенция между Республикой Беларусь и Республикой Казахстан, 17.01.1996		Консульские должностные лица пользуются личной неприкосновенностью. Они не подлежат аресту или задержанию в какой бы то ни было форме (ст. 34). Консульские должностные лица пользуются иммунитетом от уголовной юрисдикции государства пребывания; сотрудники консульского учреждения и работники обслуживающего персонала не подлежат уголовной юрисдикции государства пребывания в том, что касается их служебной деятельности (ст. 35). Компетентные органы государства пребывания могут, когда это возможно, выслушивать также показания на дому у сотрудника консульского учреждения или работника обслуживающего персонала или в помещении консульского учреждения или же принимать от него письменные показания (ст. 36). Члены семей работников консульского учреждения пользуются соответственно привилегиями и иммунитетами, которыми пользуются работники консульского учреждения в соответствии с положениями Конвенции, за исключением случаев, оговоренных в п. 2 ст. 42 (ст. 41). Члены семей работников консульского учреждения не пользуются иммунитетами и привилегиями в случае, если указанные лица являются гражданами государства пребывания или постоянно проживают в нем (п. 2 ст. 42)

Помещение, имущество	Объем	Примечание
<p>Консульские помещения неприкосновенны; данные положения применяются к жилым помещениям консульских должностных лиц (ст. 13)</p>		
<p>Консульские учреждения и жилые помещения работников консульского учреждения неприкосновенны. Власти государства пребывания не могут вступать в консульские помещения и жилые помещения работников консульского учреждения без согласия главы консульского учреждения, или главы дипломатического представительства представляемого государства в государстве пребывания, или лица, назначенного одним из них (ст. 29)</p>		

Правовой акт	Субъект	Объем
<p>Консульская конвенция между Республикой Беларусь и Социалистической Республикой Вьетнам, 07.04.2008</p>		<p>Консульские должностные лица пользуются личной неприкосновенностью и не могут подвергаться задержанию, аресту или иному ограничению свободы (ст. 36). Консульские должностные лица пользуются привилегиями и иммунитетам в полном объеме как дипломатические агенты в соответствии с положениями Венской конвенции о дипломатических сношениях от 18.04.1961; консульские служащие не подлежат юрисдикции государства пребывания относительно действий, которые осуществляются ими при выполнении своих служебных обязанностей; консульские служащие и работники обслуживающего персонала имеют право давать свидетельские показания в качестве экспертов относительно законодательства представляемого государства, если на это имеется согласие главы консульского учреждения, однако они имеют право отказаться давать свидетельские показания в качестве экспертов (ст. 37). Члены семьи работников консульского учреждения пользуются привилегиями и иммунитетам в том же объеме, что и соответствующий работник консульского учреждения; данные положения не распространяются на членов семьи, которые или являются гражданами государства пребывания, или постоянно проживают в этом государстве, или занимаются профессиональной или коммерческой деятельностью с целью получения доходов в государстве пребывания (ст. 43)</p>
<p>Консульская конвенция между Республикой Беларусь и Украиной, 20.01.2009</p>		<p>Консульские должностные лица пользуются личной неприкосновенностью и не могут подлежать задержанию или аресту (ст. 34). Консульские должностные лица пользуются привилегиями и иммунитетам в полном объеме как дипломатические агенты в соответствии с положениями Венской конвенции о дипломатических сношениях от 18.04.1961; консульские служащие не подлежат юрисдикции государства пребывания относительно действий, которые осуществляются ими при выполнении своих служебных обязанностей (ст. 35). Консульские служащие и работники обслуживающего персонала имеют право давать свидетельские показания в качестве экспертов относительно законодательства представляемого государства, если на это имеется согласие главы консульского учреждения, однако они имеют право отказаться давать свидетельские показания в качестве экспертов. В случае отказа от дачи таких показаний к ним не могут быть применены административные меры</p>

Помещение, имущество	Объем	Примечание
	<p>Консульские помещения и жилые помещения консульских должностных лиц являются неприкосновенными. Власти государства пребывания не могут входить в консульские помещения и жилые помещения консульских должностных лиц без согласия на это главы консульского учреждения или главы дипломатического представительства представляемого государства в государстве пребывания или лица, назначенного одним из них (ст. 30)</p>	
	<p>Консульские помещения и жилые помещения консульских должностных лиц являются неприкосновенными. Власти государства пребывания не могут входить в консульские помещения и жилые помещения консульских должностных лиц без согласия на это главы консульского учреждения или главы дипломатического представительства представляемого государства в государстве пребывания или лица, назначенного одним из них (ст. 28)</p>	

Правовой акт	Субъект	Объем
		<p>Компетентные органы государства пребывания могут, когда это возможно, выслушивать показания консульского служащего или работника обслуживающего персонала по месту жительства этого лица, в помещении консульского учреждения или принимать у него письменные показания (ст. 36). Члены семьи работника консульского учреждения пользуются привилегиями и иммунитетами в том же объеме, что и работник консульского учреждения; данные положения не применяются к членам семьи, которые являются гражданами государства пребывания или постоянно проживают в этом государстве, или занимаются профессиональной или коммерческой деятельностью с целью получения доходов в государстве пребывания (ст.41)</p>
Нормы отдельных иных		
<p>Конвенция о помощи в случае ядерной аварии или радиационной аварийной ситуации, 26.09.1986</p>	<p>Персонал предоставляющей помощь стороны и персонал, действующий от ее имени</p>	<p>Иммунитет от ареста, задержания и судебного разбирательства со стороны обратившегося за помощью государства, включая уголовную юрисдикцию, в отношении действий или бездействия при выполнении им своих обязанностей (ст. 8)</p>
<p>Соглашение между Республикой Беларусь и Международным комитетом Красного Креста о статусе, привилегиях и иммунитетах Международного комитета Красного Креста в Республике Беларусь, 08.11.2017</p>	<p>Члены делегации МККК и члены их семей, не являющиеся гражданами Республики Беларусь</p>	<p>Пользуются статусом, аналогичным статусу, предоставляемому сотрудникам представленных в Республике Беларусь международных межправительственных организаций и членам их семей, не являющимся гражданами Республики Беларусь; пользуются иммунитетом от ареста или задержания и от наложения ареста на личный багаж, а также полным судебным-процессуальным иммунитетом в отношении всего сказанного, написанного или совершенного ими при исполнении своих служебных обязанностей даже после того, как они оставили службу в делегации. Они не могут быть вызваны в качестве свидетелей по вопросам, связанным с исполнением своих служебных обязанностей; их личные помещения, автомобили, документы, рукописи и другое личное имущество являются неприкосновенными (ст. 14)</p>

Помещение, имущество	Объем	Примечание
международных договоров об иммунитетах		
Оборудование и имущество, доставленные на территорию запрашивающего государства предоставляющей помощью стороной с целью оказания помощи	Иммунитет от ареста, конфискации или реквизиции (ст. 8)	
МККК, его имущество и активы, включая используемые для обработки персональных данных, где бы и в чем бы распоряжении они ни находились (ст. 3). Имущество и активы МККК, где бы и в чем бы распоряжении они ни находились. Архивы МККК и все иные документы и информация, включая персональные данные, принадлежащие, обрабатываемые и/или храняемые МККК	Пользуются иммунитетом от любой формы судебного и административного процесса, за исключением конкретных случаев, когда МККК прямо отказывается от своего иммунитета (ст. 3); не подлежат обыску, реквизиции, конфискации, экспроприации или какой-либо другой форме вмешательства путем исполнительных, судебных, административных или законодательных действий (ст. 4); неприкосновенны (ст. 5)	

Правовой акт	Субъект	Объем
<p>Соглашение между Республикой Беларусь и Евразийским экономическим союзом об условиях пребывания Суда Евразийского экономического союза на территории Республики Беларусь, 29.04.2016</p>		<p>Судьи и члены их семей, если они не являются гражданами Республики Беларусь, пользуются привилегиями и иммунитетами в объеме, предусмотренном Венской конвенцией о дипломатических сношениях от 18.04.1961 для дипломатического агента и, соответственно, членов семьи дипломатического агента, если иное не установлено ст. 14 (ст. 14).</p> <p>Сотрудники, не являющиеся гражданами Республики Беларусь, не подлежат юрисдикции судебных или административных органов Республики Беларусь в отношении действий, совершаемых при непосредственном выполнении ими служебных обязанностей (ст. 16).</p> <p>За участниками процесса признается иммунитет от уголовной юрисдикции Республики Беларусь, ареста и задержания на период их нахождения в Республике Беларусь в отношении всего сказанного или написанного в связи с участием в процессе по рассмотрению дела Судом либо за деяние, совершенное до момента их въезда на территорию Республики Беларусь (для граждан Республики Беларусь – за деяние, совершенное до начала судебного разбирательства) (ст. 23)</p>
<p>Соглашение об условиях пребывания Исполнительного комитета Содружества Независимых Государств на территории Республики Беларусь, 28.05.2009</p>		<p>Руководитель Комитета и должностные лица Комитета, не являющиеся гражданами Республики Беларусь или постоянно в ней не проживающие, пользуются на территории Республики Беларусь привилегиями и иммунитетами, предоставляемыми дипломатическим агентам в соответствии с Венской конвенцией о дипломатических сношениях от 18.04.1961, если иное не определено настоящим Соглашением.</p> <p>Члены семей, проживающие совместно с вышеуказанными лицами, не являющиеся гражданами Республики Беларусь или постоянно в ней не проживающие, пользуются на территории Республики Беларусь привилегиями и иммунитетами, предоставляемыми членам семей дипломатических агентов в соответствии с Венской конвенцией о дипломатических сношениях от 18.04.1961, если иное не определено настоящим Соглашением (ст. 12)</p>

Помещение, имущество	Объем	Примечание
	<p>Имущество и активы Суда пользуются иммунитетом от любой формы административного или судебного вмешательства, за исключением случаев, когда Суд сам отказывается от иммунитета. Помещения Суда, его архивы и документы, в том числе служебная корреспонденция, а также принадлежащие Суду или находящиеся в пользовании Суда для целей исполнения Судом своих функций на основании гражданско-правовых договоров автотранспортные средства, вне зависимости от места нахождения, не подлежат обыску, реквизиции, конфискации или любой другой форме вмешательства. Исполнение любых действий по решению соответствующих органов власти может иметь место в помещениях Суда только с согласия Председателя Суда или лица, его замещающего (ст. 5). Архивы Суда, корреспонденция и официальные средства связи Суда не подлежат проверке, изменению, перлюстрации, прослушиванию и иным видам контроля (ст. 8)</p>	
	<p>Помещения Комитета и его имущество неприкосновенны. Представители судебных, правоохранительных и других компетентных органов при исполнении своих служебных обязанностей могут вступать в помещения Комитета с согласия руководителя Комитета или лица, его замещающего, и на условиях, им одобренных (ст. 3). Имущество Комитета пользуется иммунитетом от обыска, реквизиции, экспроприации, конфискации или любой другой формы вмешательства путем исполнительных, административных, судебных и иных действий (ст. 7). Корреспонденция и архивы Комитета неприкосновенны (ст. 8)</p>	

Правовой акт	Субъект	Объем
<p>Соглашение между Республикой Беларусь и Российской Федерацией по вопросам юрисдикции и взаимной правовой помощи по делам, связанным с временным пребыванием воинских формирований Российской Федерации из состава Стратегических сил на территории Республики Беларусь, 06.01.1995</p>	<p>Лица, входящие в состав воинских формирований Российской Федерации, и члены их семей в местах дислокации этих формирований</p>	<p>Дела, подпадающие под юрисдикцию Российской Федерации в соответствии со ст. 5, рассматриваются компетентными органами Российской Федерации в местах дислокации воинских формирований на территории Республики Беларусь, а также на территории Российской Федерации (ст. 6); <i>иные изъятия из процессуального законодательства Республики Беларусь</i></p>

* на 3 июня 2021 г.

** распространяется на членов его семьи, проживающих вместе с ним и сульским должностным лицом или отдельно, чтобы присоединиться к нему или

Окончание прил. 2

Помещение, имущество	Объем	Примечание

пользующихся такими привилегиями и иммунитетами, когда они следуют с кон-
возвратиться в представляемое государство.

3. Консульские функции

Правовой акт	Представительство	Оказание международной правовой помощи по уголовным делам
УПК БССР 1960 г.	Нет специальных норм	Нет специальных норм
УПК Беларуси 1999 г.	Нет специальных норм	Нет специальных норм

и уголовный процесс

Права гражданина при задержании и т. п.	Оказание консульской помощи задержанному
Нет специальных норм	Нет специальных норм
<p>О задержании иностранного гражданина или лица без гражданства орган, ведущий уголовный процесс и осуществивший задержание, <i>по требованию иностранного гражданина или лица без гражданства</i> сообщает в Министерство иностранных дел Республики Беларусь не позднее одних суток с момента задержания для уведомления дипломатического представительства или консульского учреждения государства гражданской принадлежности либо обычного места жительства задержанных иностранного гражданина или лица без гражданства (ч. 2 ст. 115; аналогично ч. 5 ст. 125 – домашний арест, ч. 8 ст. 126 – заключение под стражу).</p> <p>О разъяснении права нормы нет. Прокурор или его заместитель, вынесшие на основании решения об исполнении просьбы органа иностранного государства постановление о применении к лицу (постановление о применении к лицу, находящемуся в международном розыске с целью выдачи) меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, в течение 24 часов с момента его вынесения сообщают в Министерство иностранных дел Республики Беларусь о применении к этому лицу меры пресечения для уведомления посольства или консульства государства, гражданином которого оно является (ч. 6, 7 ст. 512)</p>	Нет специальных норм

Правовой акт	Представительство	Оказание международной правовой помощи по уголовным делам
<p>Венская конвенция о консульских сношениях, 24.04.1963 (участвует 181 государство*)</p>	<p>С соблюдением практики и порядка, принятых в государстве пребывания, представительство или обеспечение надлежащего представительства граждан представляемого государства в судебных и иных учреждениях государства пребывания с целью получения в соответствии с законами и правилами государства пребывания распоряжений о предварительных мерах, ограждающих права и интересы этих граждан, если в связи с отсутствием или по другим причинам такие граждане не могут своевременно осуществить защиту своих прав и интересов (п. «i» ст. 5)</p>	<p>Передача судебных и не-судебных документов или исполнение судебных поручений или же поручений по снятию показаний для судов представляемого государства в соответствии с действующими международными соглашениями или, при отсутствии таких соглашений, в любом ином порядке, не противоречащем законам и правилам государства пребывания (п. «j» ст. 5)</p>
<p>Консульская конвенция между Чехословацкой Социалистической Республикой и Союзом Советских Социалистических Республик, 27.04.1972 (Конвенция остается в силе в отношениях между Республикой Беларусь и Чешской Республикой (протокол от 17.05.2001))</p>	<p>Консульское должностное лицо имеет право в пределах консульского округа представлять перед властями государства пребывания граждан представляемого государства, если эти лица вследствие отсутствия или по другим уважительным причинам не в состоянии своевременно защищать свои права и интересы (ст. 35)</p>	<p>Нет специальных норм</p>

Права гражданина при задержании и т. п.	Оказание консульской помощи задержанному
<p>Компетентные органы государства пребывания должны безотлагательно уведомлять консульское учреждение представляемого государства о том, что в пределах его консульского округа какой-либо гражданин этого государства арестован, заключен в тюрьму, или взят под стражу в ожидании судебного разбирательства, или же задержан в каком-либо ином порядке, <i>если этот гражданин этого потребует.</i></p> <p>Все сообщения, адресуемые этому консульскому учреждению лицом, находящимся под арестом, в тюрьме, под стражей или задержанным, также безотлагательно передаются этими органами консульскому учреждению. Указанные органы должны безотлагательно сообщать этому лицу о правах, которые оно имеет согласно настоящему подпункту (п. «b» ч. 1 ст. 36)</p>	<p>Консульские должностные лица имеют право посещать гражданина представляемого государства, который находится в тюрьме, под стражей или задержан, для беседы с ним, а также имеют право переписки с ним и принимать меры к обеспечению ему юридического представительства. Они также имеют право посещать любого гражданина представляемого государства, который находится в тюрьме, под стражей или задержан в их округе во исполнение судебного решения. Тем не менее консульские должностные лица должны воздерживаться выступать от имени гражданина, который находится в тюрьме, под стражей или задержан, если он определенно возражает против этого (п. «с» ч. 1 ст. 36)</p>
<p>Компетентные власти государства пребывания <i>немедленно</i> уведомляют соответствующее консульское должностное лицо представляемого государства об аресте или задержании в иной форме гражданина представляемого государства (п. 2 ст. 36) <i>(без требования лица).</i></p> <p>Уведомление консульского должностного лица, предусмотренное в п. 2 ст. 36, производится <i>в течение трех дней</i> со времени ареста или задержания в иной форме гражданина представляемого государства (протокол)</p>	<p>Консульское должностное лицо имеет право <i>немедленно</i> посетить и снести с гражданином представляемого государства, находящимся под арестом или задержанным в иной форме, или отбывающим срок тюремного заключения (п. 3 ст. 36). Права консульского должностного лица посещать и сноситься с гражданином представляемого государства, упомянутые в п. 3 ст. 36, предоставляются <i>в течение четырех дней</i> со времени ареста или задержания в иной форме такого гражданина; эти права предоставляются на периодической основе (протокол)</p>

Правовой акт	Представительство	Оказание международной правовой помощи по уголовным делам
Консульская конвенция между Республикой Беларусь и Китайской Народной Республикой, 11.01.1993	Если гражданин представляемого государства не может осуществлять в государстве пребывания защиту своих прав и интересов в связи с его отсутствием в государстве пребывания или по другим причинам, то консульское должностное лицо может без особой доверенности представлять этого гражданина в судах и других органах государства пребывания или обеспечивать его надлежащее представительство до тех пор, пока данный гражданин не назначит своих уполномоченных или не возьмет на себя защиту своих прав и интересов (п. 5 ст. 13)	Консульское должностное лицо имеет право передавать судебные и несудебные документы или исполнять судебные поручения или же поручения по снятию показаний для судов представляемого государства в соответствии с действующими международными соглашениями или, при отсутствии таких соглашений, в любом ином порядке, не противоречащем законам и правилам государства пребывания (ст. 21)
Консульская конвенция между Республикой Беларусь и Республикой Польша, 02.03.1992	Консульское должностное лицо имеет право представлять перед властями государства пребывания граждан представляемого государства, если они вследствие отсутствия или по другим уважительным причинам не в состоянии своевременно защищать свои права и интересы. Это представительство подлежит продолжению до того времени, пока представляемое лицо не назначит своих уполномоченных или не возьмет на себя защиту своих прав и интересов (ст. 37)	Консульское должностное лицо уполномочено вручать судебные и внесудебные документы и проводить опрос в соответствии с обязательными международными соглашениями, а при отсутствии таких соглашений – в соответствии с законодательством государства пребывания. Эти действия могут быть выполнены только в отношении граждан представляемого государства и без использования средств принуждения (ст. 32)

Права гражданина при задержании и т. п.	Оказание консульской помощи задержанному
<p>В том случае если гражданин представляемого государства задержан, арестован или лишен свободы в иной форме в пределах консульского округа, то компетентные власти государства пребывания <i>в течение четырех дней</i> после случившегося уведомляют об этом консульское учреждение (п. 1 ст. 12) <i>(без требования лица)</i>. Компетентные власти государства пребывания должны <i>безотлагательно</i> уведомить задержанного, арестованного или лишенного свободы в иной форме гражданина представляемого государства о положениях п. 1 и 2 ст. 12 (ст. 12)</p>	<p>Консульское должностное лицо имеет право посетить гражданина представляемого государства, который был задержан, арестован, отбывает срок тюремного заключения или лишен свободы в иной форме, сноситься, встречаться с ним и оказывать ему правовую помощь. Компетентные власти государства пребывания по просьбе консульского должностного лица должны организовать встречу консульского должностного лица с указанным гражданином представляемого государства <i>в течение трех дней после уведомления</i>. Дальнейшие посещения могут осуществляться через разумные промежутки времени (п. 2 ст. 12)</p>
<p>Соответствующие органы государства пребывания <i>безотлагательно (однако не позже чем за три дня)</i> сообщают соответствующему консульскому учреждению представляемого государства об аресте, задержании или лишении свободы в другой форме гражданина представляемого государства (п. 2 ст. 38) <i>(без требования лица)</i></p>	<p>Консульское должностное лицо имеет право <i>безотлагательно (однако не позже чем за четыре дня)</i> посетить и установить контакт с гражданином представляемого государства, находящимся под арестом, задержанным, или лишенным свободы в другой форме, или отбывающим срок тюремного заключения (п. 3 ст. 38)</p>

Правовой акт	Представительство	Оказание международной правовой помощи по уголовным делам
Консульская конвенция между Республикой Беларусь и Румынией, 07.05.1993	Консульское должностное лицо имеет право принимать в соответствии с законодательством государства пребывания меры с тем, чтобы обеспечить надлежащее представительство законных интересов граждан представляемого государства перед судами и другими властями государства пребывания. Оно может в соответствии с законодательством государства пребывания обращаться с тем, чтобы были приняты временные меры, направленные на защиту законных прав и интересов граждан своего государства, если они из-за отсутствия или по другим уважительным причинам не в состоянии своевременно защитить эти права и интересы (ст. 36)	Консульское должностное лицо имеет право вручать судебные и несудебные документы и проводить опрос в соответствии с действующими международными соглашениями, а при отсутствии таких соглашений – в соответствии с законодательством государства пребывания (ст. 44)
Консульская конвенция между Республикой Беларусь и Российской Федерацией, 24.01.1995	С соблюдением практики и порядка, принятых в государстве пребывания, представительство или обеспечение надлежащего представительства граждан представляемого государства в судебных и иных учреждениях государства пребывания с целью получения в соответствии с законами и правилами государства пребывания распоряжений о предварительных	Передача судебных и несудебных документов или исполнение судебных поручений или же поручений по снятию показаний для судов представляемого государства в соответствии с действующими международными соглашениями или при отсутствии таких соглашений в любом ином порядке, не противоречащем законам и правилам государства пребывания (п. 1 ст. 37)

Права гражданина при задержании и т. п.	Оказание консульской помощи задержанному
<p>Компетентные органы государства пребывания уведомляют консульское должностное лицо об аресте или задержании в иной форме гражданина представляемого государства в возможно короткий срок, но <i>не более трех дней</i> со времени ареста или задержания (п. 1 ст. 37) <i>(без требования лица)</i>.</p> <p>Компетентные органы государства пребывания должны без промедления проинформировать гражданина представляемого государства о его праве в соответствии со ст. 37 сноситься с консульским должностным лицом (п. 4 ст. 37)</p>	<p>Консульское должностное лицо имеет право на условиях, предусмотренных законодательством государства пребывания, посетить и сноситься с гражданином представляемого государства, находящимся под арестом или задержанным в иной форме, или отбывающим тюремное заключение, <i>по истечении пяти дней со времени ареста или задержания</i> (п. 2 ст. 37)</p> <p>По просьбе консульского должностного лица компетентные органы государства пребывания должны обеспечить посещение указанного гражданина представляемого государства <i>в течение трех дней</i> после получения уведомления, упомянутого в п. 1 ст. 37 (п. 3 ст. 37)</p>
<p>Если какой-либо гражданин представляемого государства арестован на территории консульского округа, компетентные органы государства пребывания <i>незамедлительно</i> уведомляют об этом консульское учреждение представляемого государства; любое сообщение, адресуемое консульскому учреждению гражданином представляемого государства, находящимся под арестом, безотлагательно передается компетентными органами государства пребывания этому консульскому учреждению (п. 1, 2 ст. 39) <i>(без требования лица)</i></p>	<p>Консульское должностное лицо имеет право посещать находящегося под арестом гражданина представляемого государства для беседы с ним, а также с целью передачи или получения от него корреспонденции и посылок и принятия мер к обеспечению для него юридического представительства. Разрешение на первое из этих посещений дается <i>в срок до трех суток</i>; разрешения на последующие посещения даются через определенные периоды времени, но не реже чем раз в два месяца (п. 3 ст. 39)</p>

Правовой акт	Представительство	Оказание международной правовой помощи по уголовным делам
	<p>мерах, ограждающих права и интересы этих граждан, если в связи с отсутствием или по другим причинам такие граждане не могут своевременно осуществить защиту своих прав и интересов (п. «к» ст. 37)</p>	
<p>Консульская конвенция между Республикой Беларусь и Республикой Казахстан, 17.01.1996</p>	<p>Если гражданин представляемого государства не может осуществлять в государстве пребывания защиту своих прав и интересов в связи с его отсутствием в государстве пребывания или по другим причинам, то консульское должностное лицо может без особой доверенности представлять этого гражданина в судах и других органах государства пребывания или обеспечивать его надлежащее представительство до тех пор, пока данный гражданин не назначит своих уполномоченных или не возьмет на себя защиту своих прав и интересов (п. «f» ст. 13)</p>	<p>Консульское должностное лицо имеет право передавать судебные и несудебные документы или исполнять судебные поручения или же поручения по снятию показаний для судов представляемого государства в соответствии с действующими международными соглашениями или при отсутствии таких соглашений в любом ином порядке, не противоречащем законам и правилам государства пребывания (ст. 21)</p>

Права гражданина при задержании и т. п.	Оказание консульской помощи задержанному
<p>Государство пребывания информирует граждан представляемого государства, находящихся под стражей или подлежащих суду или иному разбирательству, о положениях ст. 39, о чем <i>делается соответствующая запись в материалах уголовного дела</i> (п. 5 ст. 39). Ссылка на лицо, находящееся под арестом, включает ссылку на лицо, находящееся под стражей, арестованное или подвергнутое какой-либо иной форме ограничения свободы личности, включая лицо, находящееся в предварительном заключении в ожидании судебного разбирательства или отбывающее в тюрьме наказание на территории государства пребывания (п. 6 ст. 39)</p>	
<p>В том случае если гражданин представляемого государства задержан, арестован или лишен свободы в иной форме в пределах консульского округа, то компетентные органы государства пребывания <i>в течение четырех дней</i> после случившегося уведомляют об этом консульское учреждение (п. 1 ст. 12) <i>(без требования лица)</i>. Компетентные органы государства пребывания должны <i>безотлагательно</i> уведомить задержанного, арестованного или лишенного свободы в иной форме гражданина представляемого государства о положениях п. 1 и 2 ст. 12 (п. 3 ст. 12)</p>	<p>Консульское должностное лицо имеет право посетить гражданина представляемого государства, который был задержан, арестован или лишен свободы в иной форме, сноситься, встречаться с ним и оказывать ему правовую помощь. Компетентные органы государства пребывания должны в возможно короткий срок организовать встречу консульского должностного лица с указанным гражданином представляемого государства, но <i>не позже трех дней со дня подачи заявления</i>. Дальнейшие посещения могут осуществляться через разумные промежутки времени (п. 2 ст. 12)</p>

Правовой акт	Представительство	Оказание международной правовой помощи по уголовным делам
<p>Консульская конвенция между Республикой Беларусь и Социалистической Республикой Вьетнам, 07.04.2008</p>	<p>В случае если гражданин представляемого государства не может своевременно защитить свои права и интересы в соответствии с законами и правилами государства пребывания, консульское должностное лицо может представлять его в судебных и других компетентных органах государства пребывания или обеспечить ему адекватное представительство до тех пор, пока он не назначит своего представителя или не сможет сам защищать свои права и интересы (п. 2 ст. 15)</p>	<p>Консульское должностное лицо имеет право передавать судебные и несудебные документы, если это разрешено законами и правилами государства пребывания. Если между представляемым государством и государством пребывания действуют другие договоры, следует применять их положения (ст. 23)</p>
<p>Консульская конвенция между Республикой Беларусь и Украиной, 20.01.2009</p>	<p>В случае когда гражданин представляемого государства не может осуществить в государстве пребывания защиту своих прав и интересов в связи с его отсутствием в государстве пребывания или по другим причинам, консульское должностное лицо может без особой доверенности представлять его в судах и других органах государства пребывания или обеспечить ему надлежащее</p>	<p>Консульское должностное лицо имеет право передавать судебные и несудебные документы, если это разрешено законодательством государства пребывания. Если между представляемым государством и государством пребывания действуют другие соглашения, следует применять их положения (ст. 21)</p>

Права гражданина при задержании и т. п.	Оказание консульской помощи задержанному
<p>Компетентные органы государства пребывания в кратчайшие сроки (но не позднее четырех рабочих дней после случившегося) уведомляют соответствующее консульское должностное лицо представляемого государства о задержании, аресте или любом ином ограничении свободы гражданина представляемого государства. Одновременно компетентные органы государства пребывания безотлагательно передают любое сообщение, адресованное консульскому учреждению данным лицом (п. 1 ст. 14) <i>(без требования лица)</i>.</p> <p>Компетентные органы государства пребывания уведомляют соответствующего гражданина представляемого государства, подвергнутого задержанию, аресту или иному ограничению свободы, о его правах в соответствии с п. 1 и 2 ст. 14 (п. 3 ст. 14)</p>	<p>Компетентные органы государства пребывания незамедлительно (но не позднее чем через четыре рабочих дня с момента задержания, ареста или иного ограничения свободы гражданина представляемого государства) обеспечивают реализацию права консульского должностного лица посетить или связаться с таким гражданином, в том числе и для предоставления ему необходимой правовой помощи (п. 2 ст. 14)</p>
<p>Компетентные органы государства пребывания в кратчайшие сроки (но не позднее четырех дней после случившегося) уведомляют соответствующее консульское должностное лицо представляемого государства о задержании, аресте или ином ограничении свободы гражданина представляемого государства. Одновременно компетентные органы государства пребывания незамедлительно передают любое сообщение, адресованное консульскому учреждению представляемого государства данным лицом (п. 1 ст. 12) <i>(без требования лица)</i>.</p>	<p>Компетентные органы государства пребывания незамедлительно (но не позднее чем через четыре дня с момента задержания, ареста или иного ограничения свободы гражданина представляемого государства) обеспечивают реализацию права консульского должностного лица посетить или связаться с таким гражданином, в том числе и для предоставления ему необходимой правовой помощи (п. 2 ст. 12)</p>

Правовой акт	Представительство	Оказание международной правовой помощи по уголовным делам
	представительство до того времени, пока он не назначит своего представителя или будет в состоянии сам защищать свои права и интересы (п. 3 ст. 13)	

* на 3 июня 2021 г.

Права гражданина при задержании и т. п.	Оказание консульской помощи задержанному
Компетентные органы государства пребывания информируют граждан представляемого государства, подвергнутых задержанию, аресту или иному ограничению свободы, о положениях ст. 12 (п. 3 ст. 12)	

4. Виды пересмотра уголовных дел после

Государство	Вновь открывшиеся обстоятельства	Новые обстоятельства	Иной пересмотр	Только судебные органы
Азербайджан		Новые обстоятельства, связанные с нарушением прав и свобод		Европейский суд по правам человека
Армения		+		Международный суд, действующий на основании международного договора, ратифицированного Республикой Армения
Германия			Возобновление (<i>Wiederaufnahme</i>)	Европейский суд по правам человека
Грузия	+			Европейский суд по правам человека
Испания			Пересмотр (<i>Revisión</i>)	Европейский суд по правам человека

принятия решения на международном уровне

Международная организация	Порядок	Примечание
	Правом рассмотрения обладает Пленум Верховного Суда Азербайджанской Республики (ст. 456.1)	Статья 455.0.2
	Лица – ст. 426.2	Пункт 2 ч. 1 ст. 426.4
	В заявлении должны быть указаны юридическая причина повторного рассмотрения дела и доказательства (§ 366); в суд	Пункт 6 § 359
Комитет ООН по правам человека, Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин, Комитет по правам ребенка, Комитет против пыток или Комитет по ликвидации расовой дискриминации	Ходатайство подается в апелляционный суд согласно юрисдикции. Правом подачи ходатайства пользуются прокурор, осужденный и/или его защитник, а в случае смерти осужденного – его правопреемник и/или его защитник (ст. 312)	Пункт е) ст. 310
		Пункт е ¹) ст. 310 (с мая 2016)
	Палата (<i>La Sala</i>), заслушав прокурора (<i>del Ministerio Fiscal</i>), принимает решение (ст. 957)	Часть 3 ст. 954

Государство	Вновь открывшиеся обстоятельства	Новые обстоятельства	Иной пересмотр	Только судебные органы
Кыргызстан		+		
Латвия	+			Международный судебный орган
Литва			Возобновление дела	Европейский суд по правам человека
Молдова			Пересмотр в ре-визионном порядке	Европейский суд по правам человека

Международная организация	Порядок	Примечание
Международные органы в соответствии с международными договорами Кыргызской Республики	Право ходатайства принадлежит осужденному, оправданному, потерпевшему или их законным представителям, защитникам, а также прокурору; приносится в суд, постановивший приговор или иное судебное решение (ст. 445). Ходатайства рассматриваются судом, принявшим это решение (ч. 1 ст. 443)	Пункт 3 ч. 4 ст. 442
	Заявление подается в прокуратуру по месту рассмотрения уголовного дела (ч. 1 ст. 657). Прокурор принимает решение о передаче заявления на рассмотрение в Верховный Суд (ч. 6 ст. 657)	Пункт 5 ч. 2 ст. 655
Комитет ООН по правам человека	Запрос может быть подан лицом, ставшим объектом нарушения, или его правопреемником, их уполномоченным представителем или генеральным прокурором Литовской Республики. Председатель Верховного Суда Литвы может потребовать возобновления дела при отсутствии запроса (ст. 457). Запрос или ходатайство о возобновлении уголовного дела подается в Верховный Суд Литвы (ст. 458); в Верховный Суд (ст. 459)	Пункт 1 ст. 456
	Могут требовать: 1) лицо, чье право было нарушено; 2) родственники осужденного даже после его смерти, но только при условии, что заявление составлено в пользу осужденного; 3) прокурор (ч. 2 ст. 464 ¹); подается в Высшую судебную палату, которая рассматривает заявление составом суда из пяти судей (ч. 3 ст. 464 ¹)	Статья 464 ¹ (есть предварительная отмена ст. 453 – ЕСПЧ известил Молдову о поступлении жалобы)

Государство	Вновь открывшиеся обстоятельства	Новые обстоятельства	Иной пересмотр	Только судебные органы
Польша			Возобновление (<i>Wznowienie postępowania</i>)	
Россия		+		Европейский суд по правам человека
Украина			Исключительные обстоятельства	Международное судебное учреждение, юрисдикция которого признана Украиной
Франция			Возобновление (<i>Réexamen</i>)	Европейский суд по правам человека
Эстония			Возобновление (<i>Review / teistmismenetlus</i>)	Европейский суд по правам человека

Международная организация	Порядок	Примечание
Международный орган, действующий в соответствии с международным договором, ратифицированным Республикой Польша	Производство по делу может быть возобновлено по просьбе стороны или по должности (ст. 542) после смерти близкими; окружной суд принимает решение о возобновлении производства по делу, а о возобновлении производства по делу, завершеного решением окружного суда, – апелляционный суд (суд выносит решение коллегией из трех судей). Верховный Суд в составе трех судей принимает решение о возобновлении производства по делу, завершеного решением апелляционного суда или Верховного Суда (ст. 544)	§ 3 ст. 540
	Президиумом Верховного Суда Российской Федерации по представлению Председателя Верховного Суда (ч. 5 ст. 415)	Пункт 2 ч. 4 ст. 413
	Участники судебного производства имеют право подать заявление (ст. 460); подается в Верховный Суд для его рассмотрения в составе Большой Палаты (ч. 3 ст. 463)	Пункт 2 ч. 3 ст. 459
	Запрошена министром юстиции, Генеральным прокурором Кассационного суда, осужденным или, в случае недееспособности, его законным представителем; после смерти – иными (ст. 622-2); подается в Кассационный суд (ст. 623)	Статья 622-1
	Лица, указанные в ч. 3 ст. 344 УПК; защитник по уголовным делам, который является адвокатом лица, подавшего индивидуальную жалобу в ЕСПЧ, и Генеральная прокуратура... имеют право подавать ходатайства для пересмотра (§ 367); подается в Уголовную палату Верховного Суда (ч. 1 § 369)	Пункт 7 § 366

Государство	Вновь открывшиеся обстоятельства	Новые обстоятельства	Иной пересмотр	Только судебные органы
Казахстан	–	–	–	
Таджикистан	–	–	–	
Туркменистан	–	–	–	
Узбекистан	–	–	–	

Примечание. По мнению ЕСПЧ, возобновление производства не является
См.: <https://www.prawo.pl/prawnicy-sady/wyrok-etpc-odmowa-wznowienia->

Продолжение прил. 4

Международная организация	Порядок	Примечание
		Нет в Конституции. Нет процедуры
		Нет в Конституции. Нет процедуры
		Нет в Конституции. Нет процедуры
		Нет в Конституции. Нет процедуры

обязательным после его решения. Это дискретное решение национального суда.
postepowania-krajowego-po-wyroku,300557.html

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. О Концепции совершенствования законодательства Республики Беларусь : Указ Президента Респ. Беларусь, 10 апр. 2002 г., № 205 // Нац. реестр правовых актов. 2002. № 46. 1/3636.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г. // Эталон-Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2021.
3. Конституция Республики Беларусь, 15 марта 1994 г. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 1999. № 1. 1/0; 2004. № 188. 1/6032.
4. Стойко Н. Г. Уголовный процесс западных государств и России: сравнительное теоретико-правовое исследование англо-американской и романо-германской правовых систем. СПб. : Изд. дом С.-Петерб. гос. ун-та, Изд-во юрид. фак. СПбГУ, 2006. 261 с.
5. Толочко О. Н. Экстрадиция в международном праве и в законодательстве Республики Беларусь // Юстиция Беларуси. 2019. № 10. С. 24–28.
6. Международное право : в 2 т. : учебник / под ред. А. Я. Капустина. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2017. Т. 2 : Особенная часть. 443 с.
7. Международное право : учебник / отв. ред. Г. В. Игнатенко, О. И. Тиунов. 6-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2017. 752 с.
8. Международное публичное право. Общая часть : учеб. пособие / Ю. П. Бровка [и др.] ; под ред. Ю. П. Бровки, Ю. А. Лепешкова, Л. В. Павловой. Минск : Амалфея, 2010. 496 с.
9. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Республики Беларусь / Н. И. Андрейчик [и др]. Минск : Акад. МВД, 2014. 1230 с.
10. Источники российского права. Вопросы теории и истории / К. Ф. Гуценко [и др.] ; отв. ред. М. Н. Марченко. М. : Норма-М, 2005. 336 с.
11. Литвишко П. А. Осуществление уголовно-процессуальной юрисдикции в зарубежных представительствах государств : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. М., 2014. 265 л.
12. Волженкина В. М. Нормы международного права в российском уголовном процессе. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2001. 359 с.
13. Курушина Е. В. Международно-правовые акты как источники уголовно-процессуального права Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Моск. ун-т МВД РФ. М., 2003. 26 с.
14. Малиновский О. Н. Нормы международного права о правах человека как источник российского уголовно-процессуального права : автореферат дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Куб. гос. ун-т. Краснодар, 2003. 25 с.
15. Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс : учебник / под общ. ред. А. В. Смирнова. 4-е изд., перераб. и доп. М. : КНОРУС, 2008. 704 с.
16. Самарин В. И. Взаимодействие органов Республики Беларусь, ведущих уголовный процесс, с учреждениями юстиции иностранных государств по уголовным делам : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Акад. МВД Респ. Беларусь. Минск, 2006. 22 с.
17. Самарин В. И. Исполнение судебного решения иностранного государства по УПК Республики Беларусь // Правовые средства и механизмы противодей-

ствия преступности в современном обществе : материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 16 окт. 2009 г. / Бел. гос. ун-т ; редкол.: Г. А. Шумак (отв. ред.) [и др.] Минск : БГУ, 2010. С. 190–193.

18. Самарин В. И. Международная правовая помощь по уголовным делам: уголовно-процессуальный аспект. Саарбрюккен : LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. 152 с.

19. Самарин В. И. Запрет выдачи собственных граждан и равенство граждан в условиях интеграции // Сиб. юрид. вестн. 2018. № 3 (82). С. 88–93.

20. Никольский Д. О выдаче преступников по началам международного права. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1884. 539 с.

21. Мартенс Ф. Современное международное право цивилизованных народов : в 2 т. 3-е изд., исправл. и доп. СПб. : Тип. А. Бенке, 1895–1896. Т. 2. 1896. 609 с.

22. Штиглиц А. Н. Исследование о выдаче преступников. СПб. : Тип. братьев Пантелеевых, 1882. 227 с.

23. Ивановский И. Взаимное содействие государств в производстве по делам уголовным. Одесса : Тип. «Одес. вестн.», 1889. 152 с.

24. Галенская Л. Н. Международная борьба с преступностью. М. : Междунар. отношения, 1972. 167 с.

25. Галенская Л. Н. Правовые проблемы сотрудничества государств в борьбе с преступностью. Л. : ЛГУ, 1979. 86 с.

26. Павлова И. В. Вопросы выдачи преступников в работе Института международного права // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11, Право. 1985. № 1. С. 77–83.

27. Бородин С. В., Ляхов Е. Г. Международное сотрудничество в борьбе с уголовной преступностью. М. : Междунар. отношения, 1983. 200 с.

28. Валеев Р. М. Выдача преступников в современном международном праве. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1976. 126 с.

29. Бастрыкин А. И. Взаимодействие советского уголовно-процессуального и международного права. Л. : ЛГУ, 1986. 135 с.

30. Бирюков П. Н. Международное сотрудничество в борьбе с преступностью и правовая система РФ. Воронеж : Истоки, 1997. 174 с.

31. Конькова Е. В. Взаимодействие российской национальной системы права и норм международного права в области уголовного судопроизводства : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Ижевск, 1995. 188 с.

32. Васильев Ю. Г. Институт выдачи преступников (экстрадиции) в современном международном праве. М. : Современ. экономика и право, 2003. 320 с.

33. Сафаров Н. А. Экстрадиция в международном уголовном праве: проблемы теории и практики. М. : Волтерс Клувер, 2005. 416 с.

34. Бойцов А. И. Выдача преступников. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. 795 с.

35. Волженкина В. М. Выдача в российском уголовном процессе. М. : Юрлитинформ, 2002. 336 с.

36. Литвин А. А. Некоторые вопросы выдачи обвиняемых и осужденных лиц в рамках оказания правовой помощи по уголовным делам. Казань : Каз. гос. ун-т им. В. И. Ленина, 2004. 40 с.

37. Минкова Ю. В. Принципы института выдачи (экстрадиции) в международном праве. М. : Изд-во РУДН, 2002. 86 с.

38. Панов В. П. Международное уголовное право. М. : Инфра-М, 1997. 320 с.

39. Международное уголовное право : учеб. пособие / под общ. ред. В. Н. Кудрявцева. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Наука, 1999. 264 с.

40. Лукашук И. И., Наумов А. В. Международное уголовное право : учебник. М. : Спарк, 1999. 287 с.

41. Решетнева Т. В. Экстрадиция полипатридов в российском уголовном судопроизводстве : проблемы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Удмурт. гос. ун-т. Екатеринбург, 2009. 31 с.

42. Несмачная Н. В. Выдача лица для уголовного преследования или исполнения приговора: правовое регулирование и порядок осуществления в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Саратов. гос. юрид. акад. Саратов, 2016. 25 с.

43. Насонов А. А. Реализация в уголовном процессе России права на защиту лица при выдаче для уголовного преследования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Всерос. науч.-исслед. ин-т МВД РФ. М., 2018. 28 с.

44. Архипова Е. А. Применение видеоконференцсвязи в уголовном судопроизводстве России и зарубежных стран: сравнительно-правовое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Акад. Генер. прокуратуры РФ. М., 2013. 30 с.

45. Гринь И. Ю. Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / С.-Петербург. ун-т МВД РФ. СПб., 2006. 20 с.

46. Глумин М. П. Международно-правовая помощь по уголовным делам как институт уголовно-процессуального права России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Нижегород. акад. МВД России. Н. Новгород, 2005. 34 с.

47. Волеводз А. Г. Правовые основы новых направлений международного сотрудничества в сфере уголовного процесса : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Науч.-исслед. ин-т проблем укрепления законности и правопорядка при Генер. прокуратуре РФ. М., 2002. 38 с.

48. Гавриш Т. С. Кримінально-процесуальні аспекти міжнародного співробітництва України у галузі надання правової допомоги в кримінальних справах // Вісн. Хмельниц. ін-ту регіон. упр. та права. 2002. № 4. С. 128–131.

49. Назаренко П. Г. Питання екстрадиції у кримінальному судочинстві: проблеми законодавства // Вісн. Запоріз. юрид. ін-ту. 2002. № 1. С. 213–218.

50. Пашковский М. И. Особенности доказывания у кримінальних справах, пов'язаних з наданням міжнародної правової допомоги : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Київ. нац. ун-т. Київ, 2003. 19 с.

51. Зуев В. В. Кримінальні процесуальні гарантії прав особи при міжнародному співробітництві під час кримінального провадження : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Харків, 2015. 220 л.

52. Клещев М. Р. Правовая помощь органам предварительного расследования иностранных государств : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Караганд. юрид. ин-т МВД Респ. Казахстан им. Б. Бейсенова. Караганда, 2002. 19 с.

53. Ахметзакиров Н. Р. Сравнительное исследование осуществления правовой помощи по уголовным делам в Казахстане и России. М. : Юритинформ, 2016. 160 с.

54. Адуллоев П. С. Международно-правовая помощь при собирании и проверке доказательств по уголовным делам (УПК Республики Таджикистан) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Моск. гос. ун-т. М., 2014. 34 с.

55. Nelles U. Europäisierung des Strafverfahrens Strafprozeßrecht für Europa? // Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft. 1997. Band 109. S. 727–755.

56. Klip A. Harmonisierung des Strafrechts eine fixe Idee? // Neue Zeitschrift für Strafrecht. 2000. Heft 12. S. 626–630.

57. Esser R. Auf dem Weg zu einem europäischen Strafverfahrensrecht. Berlin : De Gruyter Recht, 2002. 909 S.

58. Gleß S., Lüke M. Strafverfolgung über die Grenzen hinweg // Jura. 1998. Heft 2. S. 70–79.

59. Дамирчиев Э. И. Сотрудничество государств членов Европейского союза в сфере уголовного судопроизводства. Теоретические и практические аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10, 12.00.09 / Моск. гос. ин-т междунар. отношений. М., 2011. 34 с.

60. Сорокина Е. М. Гармонизация уголовно-процессуального законодательства в Европейском союзе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10 / Моск. гос. юрид. акад. им. О. Е. Кутафина. М., 2016. 31 с.

61. Чекотков А. Ю. Европейские ордера на арест и на производство следственных действий. М. : Юрлитинформ, 2019. 160 с.

62. Вашкевич А. Е. Конституционно-правовой институт обращения в международные органы для защиты прав и свобод личности // Актуальные проблемы международного публичного и международного частного права : сб. науч. тр. 2011. Вып. 3. С. 5–15.

63. Василевич Г. А. Конституция Республики Беларусь : науч.-практ. коммент. Минск : ГИУСТ БГУ, 2005. 486 с.

64. Пляхимович И. И. Комментарий к Конституции Республики Беларусь : в 2 т. Минск : Амалфея, 2015. Т. 1. 1221 с.

65. Krüßmann T. Transnationales Strafprozessrecht. Baden-Baden : Nomos, 2009. 775 S.

66. Чиркин В. Е. Наднациональное право: основные особенности // Журн. рос. права. 2017. № 2. С. 131–137.

67. Интеграционное право : учебник / В. В. Блажеев [и др.] ; отв. ред. С. Ю. Кашкин. М. : Проспект, 2017. 720 с.

68. Ландо Д. Д., Самарин В. И. Европейское публичное право. М. : Проспект, 2015. 208 с.

69. Бекашев К. А. ЕАЭС: международная (межгосударственная) организация или международное (межгосударственное) интеграционное объединение? // Евраз. юрид. журн. 2014. № 11. С. 14–16.

70. Бахин С. В. Сотрудничество государств по сближению национальных правовых систем: унификация и гармонизация права : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.10 / С.-Петербург. гос. ун-т. СПб., 2003. 46 с.

71. Трефилов А. А. Организация досудебного производства по УПК Швейцарии 2007 года : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Моск. гос. ун-т. М., 2014. 25 с.

72. Тимохов Ю. А. Иностранное право в судебной практике. М. : Волтерс Клувер, 2004. 176 с.

73. Jennings R. The internal judicial practice of the International Court of Justice // British Yearbook of International Law. 1988. Vol. 59, iss. 1. P. 31–47.

74. Die Strafprozeßordnung und das Gerichtsverfassungsgesetz: Großkommentar : in 6 Bände / Hrsg. v. Löwe E. [et al.]. 23., neubearb. Aufl. Berlin : de Gruyter, 1976–1980. Band 1 : Einleitung; § 1 bis 111n. 1976. 1196 S.

75. Международный пакт о гражданских и политических правах, 16 декабря 1966 г. // Права человека : сб. междунар.-правовых док. Минск : Белфранс, 1999. С. 13–27.

76. Löwe-Rosenberg. Die Strafprozeßordnung und das Gerichtsverfassungsgesetz: Großkommentar : in 6 Bände / Hrsg. v. Rieß P. [et al.]. 24., Neubearb. Aufl. Berlin : de Gruyter, 1984–1996. Band 1 : Einleitung; § 1 bis 111n. 1988. 1555 S.

77. Löwe-Rosenberg. Die Strafprozeßordnung und das Gerichtsverfassungsgesetz: Großkommentar : in 8 Bände / Hrsg. v. Rieß P. [et al.]. 25., Neubearb. Aufl. Berlin : de Gruyter, 1997–2005. Band 1 : Einleitung; § 1 bis 71. 1999. 1062 S.

78. Löwe-Rosenberg. Die Strafprozeßordnung und das Gerichtsverfassungsgesetz: Großkommentar : in 12 Bände / Hrsg. v. Becker J.-P. [et al.]. 27., Neubearb. Aufl. Berlin : de Gruyter, 2016–2020. Band 1 : Einleitung; § 1–47. 2016. 1151 S.

79. Лукашук И. И. Международное право. Особенная часть. М. : Волтерс Клувер, 2005. 544 с.

80. Ершов В. В. Универсальное в национальном и международном праве // Журн. рос. права. 2018. № 7. С. 46–61.

81. Ерохина Ю. В. Синергетическая парадигма исследования международно-правовой сферы // Право. Журн. Высш. шк. экономики. 2014. № 4. С. 19–29.

82. Поздняков В. П. Международно-правовая парадигма конституционализма: история и методология // Advances in Law Studies. 2015. № 5. С. 226–237.

83. Ташиян А. А. Этнокрагические аспекты реализации права наций на самоопределение в современной России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 23.00.02 / Рост. юрид. ин-т МВД РФ. Ростов н/Д., 2004. 21 с.

84. Словарь по обществознанию : учеб. пособие для абитуриентов вузов / Ю. Ю. Петрунин [и др.] ; под ред. Ю. Ю. Петрунина. 5-е изд., испр. М. : КДУ, 2009. 512 с.

85. Rochester J. M. Fundamental Principles of International Relations. Boulder : Westview Press, 2010. 432 p.

86. Кириленко Г. Г., Шевцов Е. В. Краткий философский словарь: 288 понятий, 156 персоналий. М. : Эксмо, 2003. 480 с.

87. Зорин В. И. Евразийская мудрость от А до Я : толковый словарь. Алматы : Сөздік-Словарь, 2002. 408 с.

88. Мордовцев А. Ю. Природа права в пространстве культуры [Электронный ресурс] // Методологическая лаборатория при Таганрогском Институте управления и экономики. URL: <http://metodologlab.narod.ru/pravo/st1.htm> (дата обращения: 25.09.2020).

89. Архетипические и социокультурные основы правопонимания и правовой политики Российского государства / А. И. Овчинников [и др.] ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Владивосток. гос. ун-т экономики и сервиса. Владивосток : Изд-во Владивосток. гос. ун-та экономики и сервиса, 2015. 288 с.

90. Шаханов В. В. Правовые парадигмы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Владим. юрид. ин-т. Владимир, 2005. 26 с.

91. Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. М. : Статут, 2017. 1280 с.

92. Лазарева В. А. Доказывание в уголовном процессе. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2015. 359 с.

93. Боруленков Ю. П. Теория доказательств и доказывания: о необходимости разграничения процессуального познания и доказывания // Рос. следователь. 2017. № 6. С. 3–8.

94. Карнозова Л. М. Введение в восстановительное правосудие (медиация в ответ на преступление). М. : Проспект, 2014. 262 с.

95. Safferling C. Die Rolle des Opfers im Strafverfahren Paradigmenwechsel im nationalen und internationalen Recht? // Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft. 2010. Vol. 122, iss. 1. P. 87–116.

96. Цветков Ю. А. Процессуальная самостоятельность следователя в современной парадигме досудебного производства // Рос. следователь. 2014. № 14. С. 52–56.

97. Коновалов С. Г. Элементы германской модели досудебного производства в уголовном процессе постсоветских государств : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Моск. гос. ун-т. М., 2018. 220 л.

98. Троицкий С. В. Система международно-правовых норм в сфере противодействия преступности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10 / Моск. ун-т МВД РФ. М., 2012. 29 с.

99. Валеев Д. М. Международно-правовые основы сотрудничества по борьбе с транснациональной организованной преступностью : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10 / Каз. (Приволж.) ун-т. М., 2016. 30 с.

100. Шарифуллин Р. А. Международное сотрудничество в области предупреждения преступности и уголовного правосудия : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10 / Каз. гос. ун-т им. В. И. Ульянова-Ленина. Казань, 2006. 31 с.

101. Ивашук В. К. Международное сотрудничество в борьбе с преступностью – среда формирования международно-правовых стандартов // Тр. Акад. упр. МВД России. 2017. № 2. С. 127–131.

102. Зивс С. Л. Источники права. М. : Наука, 1981. 240 с.

103. Wortley B. A. The interaction of public and private international law today // Collected Courses of the Hague Academy of International Law. 1954. Vol. 85. P. 239–338.

104. Система советского права и перспективы ее развития: круглый стол журнала «Советское государство и право»: Э. А. Пушмин // Совет. государство и право. 1982. № 8. С. 67–69.

105. Сільчанка М. У. Тэорыя крыніц беларускага права. Гродна : ГрДУ, 2012. 253 с.

106. Данилевич А. А., Петрова О. В., Самарин В. И. Уголовный процесс : учеб.-метод. пособие. Минск : БГУ, 2016. 351 с.

107. Лукашук И. И. Конституция России и международное право // Моск. журн. междунар. права. 1995. № 2. С. 29–34.

108. Международное публичное право : учебник / отв. ред. К. А. Бекяшев ; М-во образования и науки РФ, Моск. гос. юрид. акад. Изд. 4-е, перераб. и доп. М. : Проспект, 2008. 780 с.

109. Кант И. Религия в пределах только разума // Собр. соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994. Т. 6 : Религия в пределах только разума. Метафизика нравов. С. 5–222.

110. О правовом регулировании производства по уголовным делам по вновь открывшимся обстоятельствам [Электронный ресурс] : решение Конституц. Суда Респ. Беларусь, 23 апр. 2019 г., № Р-1167/2019 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. 26.04.2019. 6/1689.

111. Головки Л. В. Уголовное судопроизводство перед лицом новейших идеологических вызовов // Формирование эффективной уголовной политики и оптимальной модели досудебного производства приоритетная задача юридической науки и практики : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф., Минск, 25–26 апр. 2019 г. / Следств. ком. Респ. Беларусь ; редкол.: С. Я. Аземша (гл. ред.) [и др.]. Минск : ЮрСпектр, 2019. С. 201–205.

112. Langer M. La portée des categories accusatoire et inquisitoire // Revue de Sciences Criminelle et de Droit Penal Compare. 2014. № 4. P. 707–728.

113. Данилевич А. А., Самарин В. И. Международная правовая помощь по уголовным делам: уголовно-процессуальный аспект. Минск : БГУ, 2009. 128 с.
114. Bassiouni M. C. Globalization and its impact on the future of human rights and international criminal justice. Cambridge : Intersentia, 2015. 730 p.
115. Dearing A. Justice for Victims of Crime: Human Dignity as the Foundation of Criminal Justice in Europe. Cham : Springer, 2017. 398 p.
116. Климович Ю. С. Об онтологических основаниях отечественного уголовного процесса. Ч. 2 // *Вопр. криминологии, криминалистики и судеб. экспертизы*. 2018. С. 62–67.
117. Зайцева Л. Л. Восстановительное правосудие альтернатива уголовному преследованию // *Судебная практика в контексте принципов законности и права* : сб. науч. тр. / редкол.: В. М. Хомич [и др.]. Минск : Тесей, 2006. С. 298–306.
118. Скушидлевска Э. В. К вопросу о необходимости интеграции медиации в уголовный процесс Республики Беларусь // *Актуальные проблемы совершенствования права и законодательства* : сб. науч. ст. I Ежегод. междунар. юрид. науч.-практ. конф., Ереван, 25–26 окт. 2017 г. / Рос.-армян. ун-т. Ереван : Изд-во РАУ, 2017. С. 31–35.
119. Самарин В. И., Петухов И. И. Внедрение медиации в уголовный процесс Беларуси // *Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной деятельности и национальной безопасности* : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием / под общ. и науч. ред. О. В. Гладышевой, В. А. Семенцова. Краснодар : Просвещение-Юг, 2016. С. 77–86.
120. Самарин В. И., Скушидлевска Э. В. Предмет медиации в уголовном процессе // *Теоретико-прикладные проблемы реализации и защиты субъективных прав в контексте инновационного социально-экономического развития общества* : тез. докл. междунар. науч.-практ. конф., посвящ. памяти Н. Г. Юркевича, Минск, 20–21 апр. 2018 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол. : О. Н. Здрок (отв. ред.) [и др.]. Минск : БГУ, 2018. С. 540–543.
121. Кант И. Первое введение в критику способности суждения; Критика способности суждения; О применении телеологических принципов в философии; Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане; К вечному миру; Предполагаемое начало человеческой истории. СПб. : Наука, 2001. 512 с.
122. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588: Тэксты. Даведнік. Каментарыі / Беларус. Сав. Энцыкл. ; рэдкал.: І. П. Шамякін [і інш.]. Мінск : БелСЭ, 1989. 573 с.
123. Мартенс Ф. Современное международное право цивилизованных народов : в 2 т. СПб. : Тип. А. Бенке, 1882–1883. Т. 2. 1883. 564 с.
124. Тураев Б. А. История Древнего Востока. Минск : Харвест, 2002. 752 с.
125. Дагаворы і граматыя як крыніцы беларускага феадальнага права : дапаможнік / Я. Юхо [і інш.]. Мінск : БДУ, 2000. 127 с.
126. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами : в 15 т. / сост. Ф. Мартенс. СПб. : Тип. А. Бенке, 1874–1909. Т. 3 : Трактаты с Австрией. 1808–1815. 1876. 550 с.
127. Свод законов Российской империи : в 15 т. СПб. : Тип. Второго отд. собств. Его императ. величества канцелярии, 1857. Т. 15 : Законы уголовные : в 2 кн. Кн. 2 : Законы о судопроизводстве по делам о преступлениях и проступках. 1857. 236 с.
128. О судопроизводстве по преступлениям // *Свод законов Российской империи* : в 15 т. СПб. : Тип. II отд. собств. Его императ. величества канцелярии, 1833. Т. 15 : Законы уголовные. 1833. С. 239–457.

129. Устав уголовного судопроизводства, 20 нояб. 1864 г.: с изложением рас- суждений, на коих они основаны. СПб. : Тип. II отдел. собств. Его императ. вели- чества канцелярии, 1866. 504 с.

130. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства : в 2 т. / под ред. А. В. Смирнова. СПб. : Альфа, 1996. Т. 2. 607 с.

131. Auslieferungsgesetz (Belgien), 1. Oktober 1833 // Grützner H., Pötz P.-G. Internationaler Rechtshilfeverkehr in Strafsachen. IV B 10. 2., völlig neu bearbeitete Auflage Heidelberg : R. v. Decker, 1986. S. 1–2.

132. Уголовное уложение Российской империи, 22 марта 1903 г. // Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. / под ред. О. И. Чистякова. М. : Юрид. лит., 1985–1994. Т. 9 : Законодательство эпохи буржуазно-демократических револю- ций. 1994. 352 с.

133. О выдаче преступников по требованиям иностранных государств : Закон Рос. империи, 15 декабря 1911 г. // Свод законов Российской империи. Петроград : Гос. тип., 1914. Т. 16, ч. 1. С. 143–147.

134. Родионов К. С. Закон Российской империи 1911 г. об экстрадиции // Го- сударство и право. 2003. № 7. С. 80–91.

135. Grajewski J., Paprzycki L. K., Płachta M. Kodeks postępowania karnego. T. II : Komentarz do art. 425–673 KPK. Kraków : Zakamycze, 2003. 814 s.

136. Марченко М. Н., Дерябина Е. М. Теория государства и права : учеб.-мет- од. пособие. 2-е изд. М. : Проспект, 2017. 720 с.

137. Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик [Электронный ресурс] : постановление Президиума ЦИК СССР, 31 окт. 1924 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». М., 2021.

138. Крымінальна-працэсуальны кодэкс Беларускай ССР, 29 снежня 1960 г. Мінск : Дзярж. выд.-ва БССР, 1961. 365 с.

139. О вопросах, связанных с выполнением судами договоров с иностранными государствами об оказании правовой помощи по гражданским, семейным и уго- ловным делам : постановление Пленума Верховного Суда СССР, 19 июня 1959 г., № 2 // Сборник Постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924–1986 гг. / под общ. ред. В. И. Тербилова. М. : Изв. СНД СССР, 1987. С. 37–46.

140. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса : в 2 т. / АН СССР, Ин-т государства и права. М. : Наука, 1968. Т. 1 : Основные положения науки со- ветского уголовного процесса. 470 с.

141. Уголовный процесс БССР : учеб. пособие для юрид. вузов / под ред. С. П. Бекешко, Е. А. Матвиенко. Изд. 2-е, испр. и доп. Минск : Выш. шк., 1979. 542 с.

142. О международной правовой помощи по уголовным делам : Закон Респ. Беларусь, 18 мая 2004 г., № 284-З // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2004. № 87. 2/1033; 2008. № 6. 2/1405.

143. О внесении дополнений и изменений в некоторые законы Республики Беларусь по вопросам оказания международной правовой помощи по уголовным делам : Закон Респ. Беларусь, 4 янв. 2008 г. // Нац. реестр правовых актов Респ. Бе- ларусь. 2008. № 6. 2/1405.

144. Сидоренко М. В. Принцип презумпции невиновности в советском уголов- ном процессе (1960–1980-е гг.) и политические причины неполного его законо- дательного закрепления // Вестн. Краснодар. ун-та МВД России. 2009. № 1. С. 38–39.

145. Модельный Уголовно-процессуальный кодекс для государств участников Содружества Независимых Государств, 17 февраля 1996 г. // Информ. бюл. Межпар- ламент. ассамблеи СНГ. 1996. № 10.

146. Марченко М. Н. Источники права : учеб. пособие. М. : Проспект, 2005. 759 с.

147. Бирюков П. Н. Международное право : учеб. пособие. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юристь, 2006. 685 с.

148. Гаврилов В. В. Теории трансформации и имплементации норм международного права в отечественной правовой доктрине // Моск. журн. междунар. права. 2001. № 2. С. 39–61.

149. Зимненко Б. Л. Международное право и российское право: их соотношение // Моск. журн. междунар. права. 2000. № 3. С. 162–168.

150. Klein E. Unmittelbare Geltung, Anwendbarkeit und Wirkung von europäischem Gemeinschaftsrecht [Electronic resource] : Vortrag vor dem Europa-Institut der Universität des Saarlandes / Europa-Institut der Universität des Saarlandes. Saarbrücken : Europa-Institut der Universität des Saarlandes, 1988. 30 S. URL: https://intr2dok.vifa-recht.de/receive/mir_mods_00000447 (date of access: 25.09.2020).

151. Wengler W. Völkerrecht // Enzyklopädie der Rechts- und Staatswissenschaft. Berlin : Springer, 1964. 929 S.

152. Черниченко С. В. Личность и международное право. М. : Междунар. отношения, 1974. 166 с.

153. Гетьман-Павлова И. В., Постникова Е. В. Международное право : учеб. для академ. бакалавриата. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2019. 560 с.

154. Мещанова М. В. Системность в международном частном праве / Нац. центр законодательства и правовых исслед. Респ. Беларусь. Минск : Четыре четверти, 2017. 244 с.

155. О международных договорах Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 23 июля 2008 г., № 421-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2021.

156. Мюллерсон Р. А. Соотношение международного и национального права. М. : Междунар. отношения, 1982. 136 с.

157. Миронов Н. В. Советское законодательство и международное право. М. : Междунар. отношения, 1968. 197 с.

158. О правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам : Конвенция СНГ, 22 янв. 1993 г. // Ведомости Вярхоўн. Савета Рэсп. Беларусь. 1993. № 28. Арт. 375.

159. О правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам : Конвенция СНГ, 7 окт. 2002 г. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2003. № 73. 2/956.

160. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила), 14 дек. 1990 г. // Права человека: международно-правовые документы и практика их применения : в 4 т. / сост. Е. В. Кузнецова. Минск : Амалфея, 2009. Т. 1. С. 542–548.

161. Статус иностранных граждан в уголовном судопроизводстве (Экономический и социальный совет) // Сборник стандартов и норм Организации Объединенных Наций в области предупреждения преступности и уголовного правосудия / Орг. Объед. Наций. Нью-Йорк : ООН, 2007. С. 45–46.

162. Основные принципы применения программ реституционного правосудия в вопросах уголовного правосудия : приняты резолюцией 2002/12 Экономического и Социального Совета // Сборник стандартов и норм Организации Объединенных Наций в области предупреждения преступности и уголовного правосудия / Орг. Объед. Наций. Нью-Йорк : ООН, 2007. С. 133–137.

163. Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка, 17 дек. 1979 г. // Права человека: международно-правовые документы и практика их применения : в 4 т. / сост. Е. В. Кузнецова. Минск : Амалфея, 2009. Т. 1. С. 485–489.

164. О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров РФ [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации, 10 окт. 2003 г., № 5 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». М., 2021.

165. Определение судебной коллегии по уголовным делам областного суда от 26 мая 2017 г. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2021.

166. Постановление Президиума областного суда от 22 апреля 2016 г. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2021.

167. Постановление Верховного Суда Республики Беларусь от 6 января 2015 г. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2021.

168. Strafprozessordnung in der Fassung der Bekanntmachung vom 7. April 1987, 1. Februar 1877 // Bundesgesetzblatt (Deutschland). 1987. Teil I. S. 1074.

169. Krey V. Deutsches Strafverfahrensrecht : in 2 Bände. Stuttgart : Kohlhammer, 2006. Bände 2. 257 S.

170. Шестакова Т. Д. Об участии иностранных граждан и лиц без гражданства в российском уголовном процессе // Пробелы в рос. законодательстве. Юрид. журн. 2012. № 1. С. 205–207.

171. О борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ : Конвенция ООН, 20 дек. 1988 г. // Ведомости Верхов. Совета БССР. 1991. № 16. Ст. 206.

172. О борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства : Конвенция ООН, 10 марта 1988 г. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2002. № 75. 2/860.

173. О борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников : Конвенция ООН, 4 дек. 1989 г. // Ведомости Нац. собрания Респ. Беларусь. 1997. № 12. Ст. 237.

174. Договор между Республикой Беларусь и Литовской Республикой о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, 20 окт. 1992 г. // Ведомости Верхов. Совета Респ. Беларусь. 1993. № 17. Ст. 202.

175. Договор между Республикой Беларусь и Республикой Болгария о правовой помощи по гражданским делам, 21 февр. 2007 г. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2007. № 170. 2/1346.

176. Договор между Республикой Беларусь и Латвийской Республикой о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, 26 окт. 1994 г. // Ведомости Верхов. Совета Респ. Беларусь. 1995. № 26. Ст. 354.

177. Договор между Республикой Беларусь и Республикой Польша о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным, трудовым и уголовным делам, 26 окт. 1994 г. // Ведомости Верхов. Совета Респ. Беларусь. 1995. № 27. Ст. 359.

178. Конвенция, отменяющая требования легализации иностранных официальных документов : Конвенция СНГ, 7 окт. 1961 г. // Вест. Высш. Хоз. Суда Респ. Беларусь. № 5. 1997.

179. Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Кабинетом Министров Украины о судоходстве по внутренним водным путям, 6 февр. 1998 г. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2021.

180. Конвенции о помощи в случае ядерной аварии или радиационной аварийной ситуации [Электронный ресурс] : 26 сент. 1986 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2021.

181. Конвенции о международном доступе к правосудию [Электронный ресурс] : 25 окт. 1980 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2021.

182. О дипломатических сношениях : Конвенция, 18 апр. 1961 г. // Действующее международное право : в 3 т. М. : Изд-во Моск. независимого ин-та междунар. права, 1996. Т. 1. С. 517–520.

183. Венская конвенция о представительстве государств в их отношениях с международными организациями универсального характера [Электронный ресурс] : 14 марта 1975 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2021.

184. Иммунитет должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции [Электронный ресурс] : докл. Комис. междунар. права о работе ее шестьдесят третьей сессии // International Law Commission. URL: <https://legal.un.org/ilc/reports/2011/russian/chp7.pdf> (дата обращения: 28.09.2020).

185. Договор об особенностях уголовной и административной ответственности за нарушения таможенного законодательства таможенного союза и государств членов Таможенного союза [Электронный ресурс] : 5 июля 2010 г. // ЭТАЛОН-Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2021.

186. Соглашение между Республикой Беларусь и Российской Федерацией по вопросам юрисдикции и взаимной правовой помощи по делам, связанным с временным пребыванием воинских формирований Российской Федерации из состава Стратегических сил на территории Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 6 янв. 1995 г. // Ведамасці Вярхоўн. Савета Рэсп. Беларусь. 1996. № 33. Арт. 601.

187. Венская конвенция о праве международных договоров [Электронный ресурс] : 23 мая 1969 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2021.

188. Лукашук И. И. Международное право и конституции государств // Журн. рос. права. 1998. № 1. С. 45–56.

189. Борико С. В. Уголовный процесс : учебник. Минск : Адукацыя і выхаванне, 2016. 399 с.

190. Василевич Г. А., Каширкина А. А., Морозов А. Н. Реализация актов межгосударственных объединений в национальных правовых системах Республики Беларусь и Российской Федерации: действующие механизмы и совершенствование правового регулирования // Журн. БГУ. Право. 2019. № 2. С. 85–92.

191. Василевич Г. А. Конституционное право Республики Беларусь : учебник. Минск : Книж. дом, 2003. 832 с.

192. Бирюков П. Н. Уголовно-процессуальное законодательство РФ и международные договоры: проблемы взаимодействия // Рос. юрид. журн. 1998. № 4. С. 46–58.

193. Василевич Г. А. Правовые основы имплементации общепризнанных принципов международного права и международных договоров Республики Беларусь органами судебной власти // Юстыцыя Беларусі. 2015. № 3. С. 15–21.

194. Трунцевский Ю. В., Цветков А. А. Способы инкорпорации международно-правовых норм в российской уголовно-правовой системе // Междунар. публич. и част. право. 2005. № 2. С. 27–58.

195. International Human Rights Protection: Institutions and Instruments [Electronic resource] / M. Mayrhofer [et al.]. URL: <http://www.fp7-frame.eu/wp-content/uploads/2016/08/02-Deliverable-4.1.pdf> (date of access: 23.09.2019).

196. Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме, 9 дек. 1988 г. // Права человека: международно-правовые документы и практика их применения : в 4 т. / сост. Е. В. Кузнецова. Минск : Амалфея, 2009. Т. 1. С. 578–583.

197. Advisory opinion of 28 May 1951 by International Court of Justice to Reservations to the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide [Electronic resource]. URL: <https://www.icj-cij.org/files/case-related/12/012-19510528-ADV-01-00-EN.pdf> (date of access: 23.09.2019).

198. Advisory opinion OC-2/82 of September 24 1982 by the Inter-American Court of Human Rights on the effect of Reservations on the entry into force of the American Convention on Human Rights (Arts. 74 and 75) [Electronic resource]. URL: http://www.corteidh.or.cr/docs/opiniones/seriea_02_ing.pdf (date of access: 23.09.2019).

199. О практике применения судами норм международных договоров Республики Беларусь в области правовой помощи по уголовным делам (по материалам обзора судебной практики) // Суд. вестн. 2007. № 4. С. 54–57.

200. Против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания : Конвенция ООН, 10 дек. 1984 г. // Права человека : сб. междунар.-правовых док. Минск : Белфранс, 1999. С. 216–227.

201. Словарь русского языка : в 4 т. / АН СССР ; под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М. : Рус. яз., 1982. Т. 2 : К–О. 736 с.

202. Сидоренко М. В. Правовая определенность как фундаментальная общеправовая идея: понятие, сущность и назначение // Вестн. ЮУрГУ. 2016. № 3. С. 45–51.

203. О практике применения судами законодательства, регулирующего оказание международной правовой помощи по уголовным делам : постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь, 24 сент. 2015 г., № 10 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. 7 окт. 2015 г. 6/1505.

204. О выдаче: Конвенция Совета Европы, 13 декабря 1957 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2000. № 23. Ст. 2348.

205. О взаимной правовой помощи по уголовным делам: Конвенция Совета Европы, 20 апреля 1959 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2000. № 23. Ст. 2349.

206. О международной действительности судебных решений по уголовным делам [Электронный ресурс] : Конвенция Совета Европы, 28 мая 1970 г. / Бюро Договоров Совета Европы – Страсбург, 2012. URL: <http://conventions.coe.int/Treaty/rus/Treaties/Html/070.htm> (дата обращения: 10.11.2020).

207. О передаче судопроизводства по уголовным делам: Конвенция Совета Европы, 15 мая 1972 г. [Электронный ресурс] / Бюро Договоров Совета Европы – Страсбург, 2012. URL: <http://conventions.coe.int/Treaty/rus/Treaties/Html/073.htm> (дата обращения: 10.11.2020).

208. Convention on the transfer of sentenced persons, the 21st March 1983 [Electronic resource] // Treaty Office of the Council of Europe – Strasbourg, 2012. URL: <http://conventions.coe.int/Treaty/en/Treaties/Html/112.htm> (date of access: 10.11.2020).

209. Convention on mutual assistance in criminal matters, the 29th July 1992 [Electronic resource] // ECOWAS Documentation on-line. 2019. URL: https://documentation.ecowas.int/download/en/legal_documents/protocols/Convention%20on%20Mutual%20Assistance%20in%20Criminal%20Matters.pdf (date of access: 10.11.2020).

210. Convention on extradition, the 6th August 1994 [Electronic resource] // ECOWAS Documentation on-line. 2019. URL: https://documentation.ecowas.int/download/en/legal_documents/protocols/Convention%20on%20Extradition.pdf (date of access: 10.11.2020).

211. Inter-American Convention on extradition, the 25th February 1981 [Electronic resource] // Department of legal affairs and services of the Organization of American States. 2019. URL: <http://www.oas.org/juridico/english/treaties/b-47.html> (date of access: 10.11.2020).

212. Inter-American Convention on mutual assistance in criminal matters, the 23rd May 1992 [Electronic resource] // Department of legal affairs and services of the Organization of American States. 2019. URL: <http://www.oas.org/juridico/english/treaties/a-55.html> (date of access: 10.11.2020).

213. Inter-American Convention on serving criminal sentences abroad, the 9th June 1993 [Electronic resource] // Department of legal affairs and services of the Organization of American States. 2019. URL: <http://www.oas.org/juridico/english/treaties/a-57.html> (date of access: 10.11.2020).

214. Типовой договор о выдаче, 14 декабря 1990 г. // Панов В. П. Международное уголовное право. М. : Инфра-М, 1997. С. 203–211.

215. Типовой договор о взаимной правовой помощи в области уголовного правосудия, 16 декабря 1990 г. // Панов В. П. Международное уголовное право. М. : Инфра-М, 1997. С. 193–202.

216. Типовой договор о передаче уголовного судопроизводства, 14 декабря 1990 г. // Права человека : сб. междунар.-правовых док. Минск : Белфранс, 1999. С. 281–284.

217. Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Венгерской Народной Республикой об оказании правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам, 15 июля 1958 г. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2002. № 127. 2/889.

218. Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Чехословацкой Социалистической Республикой о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, 12 авг. 1982 г. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2002. № 128. 2/891.

219. Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Республикой Кипр о правовой помощи по гражданским и уголовным делам, 19 янв. 1984 г. [Электронный ресурс] // Сайт Верхов. Суда Респ. Беларусь. URL: <http://court.gov.by/upload/Kipr%20dog.doc> (дата обращения: 29.09.2020).

220. Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Республикой Куба о правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам, 28 нояб. 1984 г. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2002. № 127. 2/889.

221. Договор между Республикой Беларусь и Социалистической Республикой Вьетнам о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным, трудовым и уголовным делам, 14 сент. 2000 г. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2001. № 50. 2/763.

222. Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Эстонской Республики о сотрудничестве в борьбе с преступностью, 11 февр. 2004 г. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2005. № 179. 3/1841.

223. Договор между Республикой Беларусь и Сирийской Арабской Республикой о правовой помощи по гражданским и уголовным делам, 23 сент. 2008 г. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2009. № 119. 2/1564.

224. Договор между Республикой Беларусь и Турецкой Республикой о правовой помощи по гражданским, хозяйственным и уголовным делам, 13 марта 2012 г. // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. 7 нояб. 2012 г. 2/1989.

225. Договор между Республикой Беларусь и Республикой Сербия о правовой помощи по гражданским и уголовным делам, 12 марта 2013 г. // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. 7 дек. 2013 г. 2/2076.

226. Договор между Республикой Беларусь и Китайской Народной Республикой о правовой помощи по гражданским и уголовным делам, 11 янв. 1993 г. // Ведомости Вярхоўн. Савета Рэсп. Беларусь. 1993. № 27. Арт. 371.

227. Договор между Республикой Беларусь и Республикой Индия о взаимной правовой помощи по уголовным делам, 5 окт. 2005 г. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2006. № 91. 2/1218.

228. Договор между Республикой Беларусь и Исламской Республикой Иран о правовой помощи по гражданским и уголовным делам, 7 нояб. 2006 г. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2007. № 146. 2/1333.

229. Договор между Республикой Беларусь и Республикой Болгарией о правовой помощи по уголовным делам, 8 июля 2010 г. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2011. № 79. 2/1839.

230. Договор между Республикой Беларусь и Боливарианской Республикой Венесуэла о взаимной правовой помощи по уголовным делам, 16 окт. 2010 г. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2011. № 80. 2/1838.

231. Договор между Республикой Беларусь и Арабской Республикой Египет о взаимной правовой помощи по уголовным делам, 20 окт. 2010 г. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2011. № 80. 2/1835.

232. Договор между Республикой Беларусь и Демократической Социалистической Республикой Шри-Ланка о взаимной правовой помощи по уголовным делам, 26 авг. 2013 г. [Электронный ресурс] // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. 4 мая 2014 г. 2/2133.

233. Договор между Республикой Беларусь и Объединенными Арабскими Эмиратами о взаимной правовой помощи по уголовным делам, 22 окт. 2014 г. [Электронный ресурс] // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. 9 июня 2015 г. 3/3104.

234. Договор между Республикой Беларусь и Монголией о взаимной правовой помощи по уголовным делам, 4 июня 2018 г. // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь, 18 мая 2019 г. 3/3644.

235. Договор между Республикой Беларусь и Федеративной Республикой Бразилия о взаимной правовой помощи по уголовным делам, 18 июня 2018 г. [Электронный ресурс] // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. 18 мая 2019 г. 3/3646.

236. Договор между Республикой Беларусь и Китайской Народной Республикой о выдаче, 22 июня 1995 г. // Ведомости Верхов. Совета Респ. Беларусь. 1998. № 17. Ст. 203.

237. Договор между Республикой Беларусь и Республикой Индия о выдаче, 16 апр. 2007 г. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2007. № 266. 2/1383.

238. Договор между Республикой Беларусь и Республикой Болгарией о выдаче, 8 июля 2010 г. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2011. № 80. 2/1840.

239. Договор между Республикой Беларусь и Объединенными Арабскими Эмиратами о выдаче, 22 окт. 2014 г. [Электронный ресурс] // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. 9 июня 2015 г. 3/3105.

240. Договор между Республикой Беларусь и Арабской Республикой Египет о выдаче, 15 янв. 2017 г. // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. 21 нояб. 2017 г. 3/3466.

241. Договор между Республикой Беларусь и Монголией о выдаче, 4 июня 2018 г. [Электронный ресурс] // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. 16 мая 2019 г. 3/3645.

242. Договор между Республикой Беларусь и Республикой Сербия о выдаче, 3 дек. 2019 г. [Электронный ресурс] // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. 16 июля 2020 г. 3/3811.

243. Договор между Республикой Беларусь и Литовской Республикой о взаимной передаче лиц, осужденных к лишению свободы, для отбывания наказания и лиц, в отношении которых применены принудительные меры медицинского характера, 12 июля 1996 г. // Ведамасці Нац. сходу Рэсп. Беларусь. 1998. Дадат. № 1. Арт. 507.

244. Договор между Республикой Беларусь и Туркменистаном о взаимной передаче лиц, осужденных к лишению свободы, для дальнейшего отбывания наказания, 17 мая 2002 г. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2002. № 126. 2/892.

245. Договор между Республикой Беларусь и Украиной о передаче лиц, осужденных к лишению свободы, для дальнейшего отбывания наказания, 12 июля 2009 г. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2010. № 122. 2/1681.

246. Договор между Республикой Беларусь и Республикой Молдова о передаче лиц, осужденных к лишению свободы, для дальнейшего отбывания наказания [Электронный ресурс] : 24 сент. 2014 г. // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. 5 мая 2015 г. 3/3091.

247. О передаче лиц, страдающих психическими расстройствами, для проведения принудительного лечения : Конвенция, 28 марта 1997 г. // Содружество. 1997. № 2 (26).

248. О передаче осужденных к лишению свободы для дальнейшего отбывания наказания : Конвенция, 6 марта 1998 г. // Содружество. 1998. № 1 (28).

249. Соглашение о защите участников уголовного судопроизводства, 28 нояб. 2006 г. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2007. № 173. 2/1364.

250. Конвенция государств участников СНГ о передаче исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы [Электронный ресурс] : 11 окт. 2019 г. // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. 24 июля 2020 г. 3/3815.

251. О борьбе с торговлей людьми и с эксплуатацией проституции третьими лицами : Конвенция ООН, 2 дек. 1949 г. // Права человека : сб. междунар.-правовых док. Минск : Белфранс, 1999. С. 175–181.

252. О борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ : Конвенция ООН, 20 дек. 1988 г. // Ведомости Верхов. Совета БССР. 1991. № 16. Ст. 206.

253. О борьбе с финансированием терроризма : Конвенция ООН, 9 дек. 1999 г. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2004. № 107. 2/1044.

254. Конвенция Совета Европы о противодействии торговле людьми [Электронный ресурс] : 16 мая 2005 г. // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. 23 июля 2013 г. 2/2038.

255. Против транснациональной организованной преступности : Конвенция ООН, 15 нояб. 2000 г. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2003. № 55. 2/943.

256. Самарин В. И. Интерпол. Международная организация уголовной полиции. СПб. : Питер, 2004. 202 с.

257. Самарин В. И. Интерпол – организация и ее нормативные акты в свете тенденции ужесточения подотчетности (accountability) в международном праве // Междунар. публич. и част. право. 2021 (в печати).

258. Филиппова Т. Ю. Особенности применения российского уголовно-процессуального законодательства в отношении иностранных граждан. М. : Юрлитинформ, 2016. 188 с.

259. Фисенко В. Н. Консульские конвенции // Белорусская юридическая энциклопедия : в 4 т. Минск : ГИУСТ БГУ, 2009. Т. 2. 583 с.

260. О консульских сношениях : Конвенция, 24 апр. 1963 г. // Действующее международное право : в 3 т. М. : Изд-во Моск. независимого ин-та междунар. права, 1996. Т. 1. С. 528–558.

261. Положение о порядке информирования Министерства иностранных дел : утв. постановлением Совета Министров Респ. Беларусь, 15 июня 2010 г., № 917 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2010. № 147. 5/32040; Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. 3 июля 2020 г. 5/48174.

262. Directive 2013/48/EU of the European Parliament and of the Council of 22 October 2013 on the right of access to a lawyer in criminal proceedings and in European arrest warrant proceedings, and on the right to have a third party informed upon deprivation of liberty and to communicate with third persons and with consular authorities while deprived of liberty // Official Journal of the European Union. 06.11.2013. L 294. P. 1–12.

263. Draft articles on consular relations, and commentaries // Yearbook of the International Law Commission. 1961. Vol. 2. P. 92–128.

264. Case concerning Ahmadou Sadio Diallo (Republic of Guinea v. Democratic Republic of the Congo) Judgment of 30 november 2010 [Electronic resource]. URL: <https://www.icj-cij.org/files/case-related/103/103-20101130-JUD-01-00-EN.pdf> (date of access: 10.11.2020).

265. Kadish M. J. Article 36 of the Vienna Convention on Consular Relations: A Search for the Right to Consul // Michigan Journal of International Law. 1997. Vol. 18, iss. 4. P. 565–613.

266. LaGrand Case (Germany v. United States of America) Judgment of 27 june 2001 [Electronic resource]. URL: <https://www.icj-cij.org/files/case-related/104/104-20010627-JUD-01-00-EN.pdf> (date of access: 10.11.2020).

267. Case concerning Avena and Other Mexican nationals (Mexico V. United States of America) Judgment of 31 March 2004 [Electronic resource]. URL: <http://www.icj-cij.org/files/case-related/128/128-20040331-JUD-01-00-EN.pdf> (date of access: 10.11.2020).

268. Cassel D. International Remedies in National Criminal Cases: ICJ Judgment in Germany v. United States // Leiden Journal of International Law. 2002. Vol. 15, iss. 1. P. 69–86.

269. Inter-American Court of Human Rights Advisory opinion oc-16/99 of october 1, 1999 re-quested by the United Mexican States “The right to information on consular

assistance in the framework of the guarantees of the due process of law' [Electronic resource]. URL: http://www.corteidh.or.cr/docs/opiniones/seriea_16_ing.pdf (date of access: 10.11.2020).

270. Bundesverfassungsgericht 2 BvR 1579/11 In dem Verfahren über die Verfassungsbeschwerde 5. November 2013 [Electronic resource]. URL: https://www.bundesverfassungsgericht.de/SharedDocs/Entscheidungen/DE/2013/11/rk20131105_2bvr157911.html (date of access: 10.11.2020).

271. Heger M. Strafprozessrecht / M. Heger. Stuttgart : Kohlhammer, 2013. 188 S.

272. United States Court of Appeals for the Sixth Circuit José Trinidad Loza, Petitioner-Appellant, v. Betty Mitchell, Warden, Respondent-Appellee. No. 11-3453 Appeal from the United States District Court for the Southern District of Ohio at Cincinnati. No. 1:98-cv-287 Edmund A. Sargus, Jr., District Judge. Argued: December 5, 2012 Decided and Filed: September 2, 2014 [Electronic resource]. 1997. Vol. 18, iss. 4. 48 p. URL: <http://www.opn.ca6.uscourts.gov/opinions.pdf/14a0217p-06.pdf> (date of access: 10.11.2020).

273. Об утверждении Конституционного устава Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 19 февр. 1996 г., № 82 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2021.

274. Beschluß des Bundesgerichtshofs vom 4.4.1990 (3 StB 5/90) // Die Entscheidungen des Bundesgerichtshofes in Strafsachen. Band 36. S. 396.

275. Beschluß des Bundesgerichtshofs vom 30.4.1990 (3 StB 8/90) // Die Entscheidungen des Bundesgerichtshofes in Strafsachen. Band 37. S. 30.

276. Мелешко В. В. Постатейный комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Республики Беларусь : Глава 27. Привлечение в качестве обвиняемого, предъявление обвинения, допрос обвиняемого [Электронный ресурс] : [по состоянию на 24.04.2013] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2021.

277. Самарин В. И. Взаимодействие органов Республики Беларусь, ведущих уголовный процесс, с учреждениями юстиции иностранных государств по уголовным делам : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Акад. МВД Респ. Беларусь. Минск, 2006. 22 с.

278. Назаренко П. Г. «Міжнародне співробітництво» та «правова допомога» в сфері кримінального судочинства проблеми визначення // Актуальні проблеми кримінального і кримінально-процесуального законодавства і практики його застосування : зб. тез. доп. учасників Регіонал. круглого столу, Хмельницький, 21–22 лют. 2003 р. / Хмельниц. ін-т регіонал. упр. та права. Хмельницький, 2003. С. 191–194.

279. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 18 дек. 2001 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». М., 2021.

280. Gilbert G. Aspects of Extradition. London : Martinus Nijhoff Publishers, 1991. 282 p.

281. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под общ. ред. Л. И. Скворцова. 24-е изд., испр. М. : ОНИКС 21 век, 2003. 896 с.

282. Самарин В. И. К понятию взаимодействия по уголовным делам // Молодь у юридичній науці : зб. тез. міжнар. наук.-практ. конф. молодих науковців «Четверті осінні юридичні читання», Хмельницький, 21–22 жовт. 2005 р. : в 4 ч. /

Хмельниц, ун-т упр. та права. Хмельницький, 2005. Ч. 3 : Публічно-правові науки. Підт. II. С. 97–101.

283. Гардоцкий Л. Международное сотрудничество по уголовным делам // Социалист. законность. 1979. № 6. С. 61–62.

284. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник / отв. ред. П. А. Лупинская. М. : Юрист, 2004. 815 с.

285. Паутова Т. А. Взаимодействие следователей органов внутренних дел с органами дознания при возбуждении и расследовании уголовных дел : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Тюм. юрид. ин-т МВД России. Тюмень, 2005. 20 с.

286. Францифоров Ю. В., Несмачная Н. В. Выдача как вид международного сотрудничества в уголовном судопроизводстве. М. : Юрлитинформ, 2019. 184 с.

287. Шупилов В. П. Международная правовая помощь по уголовным делам // Совет. государство и право. 1974. № 3. С. 85–91.

288. Рахимов Б. М. Международно-правовые основы оказания взаимной правовой помощи по уголовным делам между странами СНГ и Балтии : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10. М., 2002. 191 л.

289. Табалдиева В. Ш. Правовая помощь по уголовным делам : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. М., 1997. 168 л.

290. Lagodny O., Schomburg W. Gesetz über die internationale Rechtshilfe in Strafsachen (IRG). 2., völlig neubearbeitete Auflage. München : Beck, 1992. 844 S.

291. Popp P. Grundzüge der internationalen Rechtshilfe in Strafsachen. Basel : Helbing&Lichtenhahn, 2001. 415 S.

292. International Legal Assistance in Criminal Matters Act of Finland, the 5th of January 1994 [Electronic resource] // Legislation-legal library / UN Office on Drugs and Crime. 2020. URL: https://www.imolin.org/doc/amlid/Finland/Finland_Act_on_International_Legal_Assistance_in_Criminal_Matters_1994.pdf (date of access: 10.11.2020).

293. Пашковский Н. И. Понятие и предмет международной правовой помощи по уголовным делам [Электронный ресурс] // Исследования. Международное сотрудничество / Одес. информ.-аналит. центр «Мир против организованной преступности». Одесса, 6 июня 2003. URL: <http://inter.criminology.org.ua/modules.php?name=Content&pa=showpage&pid=207> (дата обращения: 10.11.2020).

294. Nagel K.-F. Beweisaufnahme im Ausland. Freiburg : Max-Planck-Inst. für Asländ. u. Inter-nat. Strafrecht, 1988. 346 S.

295. Конвенция о выдаче беглых между Его Величеством императором все-российским и Его Величеством королем прусским. СПб. : [Б. и.], 1810. 14 с.

296. Архив Генеральной прокуратуры Республики Беларусь. 2005. Надзор. пр-во № 25/691-2005.

297. Internationale Rechtshilfe in Strafsachen: Rechtsprechungssammlung 1949–1992 / hrsg. von Esser A. u. andere. 2., fortgeschriebene Auflage Freiburg : Max-Planck-Inst. für Asländ. u. Internat. Strafrecht, 1993. 697 S.

298. Самарин В. И. Проблемы правового регулирования уголовного преследования по поручению иностранного учреждения юстиции (уголовно-процессуальный аспект) // Журн. междунар. права и междунар. отношений. 2005. № 1. С. 23–28.

299. Марышева Н. И. Международно-правовая помощь по гражданским и уголовным делам : дис. ... д-ра юрид. наук в форме науч. доклада : 12.00.03 / Ин-т законодательства и сравн. правоведения при Правительстве Рос. Федерации. М., 1996. 109 л.

300. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан [Электронный ресурс] : 4 июля 2014 г. / Юрист. Алматы, 2020. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31575852 (дата обращения: 10.11.2020).

301. Кримінальний процесуальний кодекс України, 13 квітня 2012 р. // Офіц. вісн. України. 2012. № 37. Ст. 1370; № 62. Ст. 2509.

302. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М. : Рус. яз., 1978–1980. Т. 1 : А–З. 1978. 699 с.

303. Bundesgesetz über internationale Rechtshilfe in Strafsachen, 20. März 1981 // Amtliche Sammlung des Bundesrechts. 1982. S. 846.

304. Архив Генеральной прокуратуры Республики Беларусь. 2005. Надзор. пр-во № 25/497-2005.

305. Laki kansainvälisestä oikeusavusta rikosasioissa (15. tammikuuta 1994/1994) [Electronic resource] // FINLEX. URL: <https://www.finlex.fi/fi/laki/smur/1994/19940004> (date of access: 10.11.2020).

306. Deutsch als Amtssprache für ein Rechtshilfeersuchen // Neue Juristische Wochenschrift. Heft 36. 1984. S. 2050.

307. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь : Указ Президента Респ. Беларусь, 9 нояб. 2010 г., № 575 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2010. № 276. 1/12080; 2012. № 8. 1/13223; Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. 30 янв. 2014 г. 1/14788.

308. Архив Генеральной прокуратуры Республики Беларусь. 2008. Надзор. пр-во № 25/338-2008.

309. Архив Генеральной прокуратуры Республики Беларусь. 2002. Надзор. пр-во № 25/9-2002.

310. Архив Генеральной прокуратуры Республики Беларусь. 2005. Надзор. пр-во № 25/495-2005.

311. Самарин В. И. Распределение расходов, возникающих при оказании правовой помощи иностранному государству в уголовном процессе // Право и государство: традиции и перспективы / редкол.: Г.А. Шумак (отв. ред.) [и др.]. Минск, 2004. С. 217–218.

312. О выдаче лиц, совершивших преступления (экстрадиции) : Закон Азербайдж. Респ., 11 июня 2001 г. // Бакин. рабочий. 2001. 30 июня. С. 2.

313. Об отдельных суммах, подлежащих выплате в уголовном, гражданском, административном и хозяйственном процессах [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 30 дек. 2006 г., № 1775 : в ред. постановления Совета Министров Респ. Беларусь, 11 сент. 2020 г., № 529 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2021.

314. Архив Генеральной прокуратуры Республики Беларусь. 2002. Надзор. пр-во № 25/15-2002.

315. Архив Генеральной прокуратуры Республики Беларусь. 2008. Надзор. пр-во № 25/157-2008.

316. Архив Генеральной прокуратуры Республики Беларусь. 2005. Надзор. пр-во № 25/355-2005.

317. Архив Генеральной прокуратуры Республики Беларусь. 2005. Надзор. пр-во № 25/65-2005.

318. Adler F., Mueller G. O. W., Laufer W. S. Criminal Justice. New York : McGraw-Hill Inc., 1994. 600 p.

319. Архив Генеральной прокуратуры Республики Беларусь. 2002. Надзор. пр-во № 25/458-2002.

320. Устав Организации Объединенных наций (1945 г.) // Устав Организации Объединенных Наций и Статут Международного суда / Департамент обществ. информ. Нью-Йорк : ООН, 1994. 96 с.

321. Frangou I. Auslieferungsgsgrundsätze im internationalen und im deutschen Recht : Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde. Heidelberg, 1989. 425 S.

322. Extradition of Criminals and Other Assistance in Criminal Proceedings Act, the 17th of April 1984 [Electronic resource] / Ministry of Justice. Reykjavík, 2020. URL: <https://www.government.is/publications/legislation/lex/2018/01/08/Extradition-of-Criminals-and-Other-Assistance-in-Criminal-Proceedings-Act-No.-13-1984/> (date of access: 10.11.2020).

323. О гражданстве Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 1 авг. 2002 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2021.

324. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2021.

325. Архив Генеральной прокуратуры Республики Беларусь. 2002. Надзор. пр-во № 25/184-2002.

326. Доўнар Т. І., Сатолін У. М., Юхо Я. А. Статут Вялікага княства Літоўскага 1566 года / рэдкал.: Т. І. Доўнар [і інш.]. Мінск : Тэсей, 2003. 352 с.

327. Schomburg W., Lagodny O. Internationale Rechtshilfe in Stafsachen. München : C. H. Beck, 1998. 1550 S.

328. Самарин В. И. Обеспечение прав человека в ходе международного розыска обвиняемых и осужденных в рамках Интерпола // Університетські наукові записки. 2020. Т. 19. № 1. С. 204–211.

329. Архив Генеральной прокуратуры Республики Беларусь. 2002. Надзор. пр-во № 25/21-2002.

330. Архив Генеральной прокуратуры Республики Беларусь. 2005. Надзор. пр-во № 25/236-2005.

331. Зайцева Л. Л. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь 1999 г. и Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод // Права человека и правосудие по уголовным делам в Республике Беларусь. Минск : Тесей, 2003. С. 28–36.

332. Архив Верховного Суда Республики Беларусь. 2007. Дело № 07-02 : Обзор Верховного Суда Республики Беларусь об изучении судебной практики по уголовным делам за 2007 год. 17 с.

333. Договор о создании Союзного государства, 8 дек. 1999 г. // Ведамасці Нац. сходу Рэсп. Беларусь. 2000. № 1–2. Арт. 1.

334. Шундалов В. Верховный суд признал законной экстрадицию блогера Лапшина в Азербайджан // СБ. Беларусь сегодня. URL: <https://www.sb.by/articles/verkhovnyu-sud-priznal-zakonnoy-ekstraditsiyu-blogera-lapshina-v-azerbaydzhan.html> (дата обращения: 10.11.2020).

335. Выступление и ответы на вопросы СМИ министра иностранных дел России С. В. Лаврова в ходе пресс-конференции по итогам деятельности российской дипломатии в 2016 году, Москва, 17 янв. 2017 г. [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: http://www.mid.ru/foreign_

policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2599609 (дата обращения: 10.11.2020).

336. Гваришвили А. А. К вопросу о природе Союзного государства Беларуси и России // Вестн. РУДН. 2011. № 3. С. 74–81.

337. Deen-Racsmány Z. Modernizing the Nationality Exception: Is the Non-extradition of Residents a Better Rule? // Nordic Journal of International Law. 2006. Vol. 75, iss. 1. P. 29–61.

338. Treaty on extradition between Denmark and United States of America, signed on 22 June 1972 // United Nations Treaty Series. 1974. Vol. 952. P. 37–43.

339. Treaty concerning extradition between Australia and Norway, signed on 9 September 1985 // United Nations Treaty Series. 1987. Vol. 1459. P. 72–79.

340. The Helsinki Treaty [Electronic resource] // Nordic Co-operation. URL: <http://www.norden.org/en/om-samarbejdet-1/nordic-agreements/treaties-and-agreements/basic-agreement/the-helsinki-treaty> (date of access: 10.11.2020).

341. Council Framework Decision of 13 June 2002 on the European arrest warrant and the surrender procedures between Member States // Official Journal of the European Communities. 18.07.2002. L 190. P. 1–18.

342. Commonwealth Schemes for International Cooperation in Criminal Matters [Electronic resource] // Commonwealth Secretariat. URL: http://thecommonwealth.org/sites/default/files/key_reform_pdfs/P15370_13_ROL_Schemes_Int_Cooperation.pdf (date of access: 10.11.2020).

343. Tiesas spriedums (virspalāta) lieta C-182/15 par lūgumu sniegt prejudiciālu nolēmumu, ko Augstākā tiesa (Latvija) tiesvedībā par izdošanas procedūru attiecībā uz Aleksej Petruhhin [Electronic resource] // InfoCuria Case-law of the Court of Justice. URL: <http://curia.europa.eu/juris/liste.jsf?num=C-182/15> (date of access: 10.10.2020).

344. Saluzzo S. EU Law and Extradition Agreements of Member States: The Petruhhin Case // European Papers. 2017. Vol. 2. P. 435–447.

345. Суриков: Лапшина могли выдать и России, но у нас против него не было уголовного дела [Электронный ресурс] // NAVINY.BY: Белорусские новости. URL: <http://naviny.by/new/20170214/1487082870-surikov-lapshina-mogli-vydat-i-rossii-no-u-nas-protiv-nego-ne-bylo> (дата обращения: 10.11.2020).

346. О предоставлении иностранным гражданам и лицам без гражданства статуса беженца, дополнительной защиты, убежища и временной защиты в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 23 июня 2008 г., № 354-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2021.

347. О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 4 янв. 2010 г., № 105-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2021.

348. О соответствии Конституции Республики Беларусь и международным договорам Республики Беларусь положений Уголовного кодекса Республики Беларусь, предусматривающих применение в качестве наказания смертной казни : заключение Конституц. Суда Респ. Беларусь, 11 марта 2004 г., № 3-171/2004 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2004. № 41. 6/398.

349. Энциклопедический словарь : в 86 т. / под ред. И. Е. Андреевского [и др.]. СПб. : Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон, 1890–1907. Т. VIIA. 1892. 952 с.

350. Zodrow A. Der Grundsatz der strafrechtlichen Spezialität im Auslieferungsrecht: Inaugural-Dissertation zur Erlangung des akademischen Grades eines Doktors der Rechte. München, 1968. 112 S.

351. Определения судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Беларусь // Суд. вестн. 2004. № 2. С. 27–28.

352. Определения судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Беларусь // Суд. вестн. 2005. № 2. С. 29–30.

353. Определения судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Беларусь // Суд. вестн. 2005. № 4. С. 22–23.

354. Определения судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Беларусь // Суд. вестн. 2004. № 4. С. 27–28.

355. Extradition: Résolutions d'Oxford de Institut de droit international, 9 sept. 1880 [Electronic resource] / Institut de droit international. 2017. URL: https://www.idi-iii.org/app/uploads/2017/06/1880_oxf_03_fr.pdf (date of access: 10.11.2020).

356. Конституция Польской Республики, 2 апреля 1997 г. // Конституции государств Европы : в 3 т. / под общ. ред. Л. А. Окунькова. М. : Норма, 2001. Т. 2. С. 686–732.

357. Конституция Португальской Республики, 2 апреля 1976 г. // Конституции государств Европы : в 3 т. / под общ. ред. Л. А. Окунькова. М. : Норма, 2001. Т. 2. 2001. С. 748–836.

358. Конституция Румынии, 21 ноября 1991 г. // Конституции государств Европы : в 3 т. / под общ. ред. Л. А. Окунькова. М. : Норма, 2001. Т. 3. С. 63–92.

359. Об обеспечении условий для деятельности Постоянного представительства Российской Федерации при уставных и других органах Содружества Независимых Государств : Указ Президента Респ. Беларусь, 15 мая 2001 г., № 265 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2001. № 48. 1/2658.

360. Соглашение между Республикой Беларусь и Комиссией Европейских сообществ об учреждении, привилегиях и иммунитетах Представительства Комиссии Европейских сообществ в Республике Беларусь 2008 г. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2009. № 16. 1/1555.

361. Об условиях деятельности на территории Республики Беларусь постоянных полномочных представителей государств – участников Содружества Независимых Государств при уставных и других органах Содружества Независимых Государств : Указ Президента Респ. Беларусь, 30 апр. 2009 г., № 221 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2009. № 108. 1/10657.

362. Соглашение между Республикой Беларусь и Евразийским экономическим союзом об условиях пребывания Суда Евразийского экономического союза на территории Республики Беларусь 2016 г. [Электронный ресурс] // Нац. правовой Интернет-портал Республики Беларусь. 11 янв. 2017 г. 3/3349.

363. Соглашения между Республикой Беларусь и Российской Федерацией по вопросам юрисдикции и взаимной правовой помощи по делам, связанным с временным пребыванием воинских формирований Российской Федерации из состава Стратегических сил на территории Республики Беларусь от 6 января 1995 [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2021.

364. Шаргородский М. Д. Уголовный закон. М. : Юрид. изд-во Минюста СССР, 1948. 311 с.

365. Крымінальнае права Беларусі (закон, злачынства, адказнасць) : навуч. дапам. / А. У. Баркоў [і інш.] ; пад рэд. А. У. Баркова. Мінск : Завігар, 1997. 287 с.

366. Архив Минского городского суда. 1999. Уголов. дело № 2-5/99. Т. 1. Л. д. 69–70.

367. Архив Генеральной прокуратуры Республики Беларусь. 2004. Надзор. пр-во № 1601-546-2004.
368. Архив Генеральной прокуратуры Республики Беларусь. 2005. Надзор. пр-во № 1601-482-2005.
369. Архив Генеральной прокуратуры Республики Беларусь. 2004. Надзор. пр-во № 1601-684-2004.
370. Судебные постановления Верховного Суда Республики Беларусь по уголовным делам // Суд. весн. 2018. № 2. С. 36–41.
371. Архив Генеральной прокуратуры Республики Беларусь. 2008. Надзор. пр-во № 25/23-2008.
372. Клевцов К. К. Передача уголовного преследования (судопроизводства) как один из способов привлечения к уголовной ответственности лиц, находящихся за пределами территории Российской Федерации // Вопр. рос. и междунар. права. 2016. № 4. С. 12–24.
373. Быкова Е. В., Решетникова Т. А., Выскуб В. С. Передача уголовного преследования (судопроизводства): правовое регулирование и некоторые проблемы // Б-ка криминалиста. 2015. № 3. С. 295–308.
374. Report on the meeting of the Working Group on International Cooperation held in Vienna on 20 and 21 October 2010 [Electronic resource] // Conference of the Parties to the United Nations Convention against Transnational Organized Crime. URL: https://www.unodc.org/documents/treaties/organized_crime/2010_CTOC_COP_WG3/CTOC_COP_WG3_2010_1_E.pdf (date of access: 10.11.2020).
375. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 11 янв. 2000 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2021.
376. Давыдов Ф., Зимина И. Передача иностранцев для отбывания наказания в страну их гражданств // Преступление и наказание. 2002. № 11. С. 26–28.
377. О передаче лиц, осужденных к лишению свободы, для отбывания наказания в государстве, гражданами которого они являются : Конвенция, 19 мая 1978 г. // Сборник международных договоров РФ по оказанию правовой помощи. М. : Спарк, 1996. С. 26–30.
378. Самарын В. І. Аб рэгламентацыі перадачы асуджаных для адбывання пакарання ў краіне іх грамадзянства // Весн. Беларус. дзярж. ун-та. Сер. 3, Гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. 2004. № 3. С. 110–115.
379. Колибав К. Е. Институт передачи осужденных для отбывания наказания в другие государства // Журн. рос. права. 1999. № 5/6. С. 89–99.
380. Архив Генеральной прокуратуры Республики Беларусь. 2004. Надзор. пр-во № 17/39-2004.
381. Архив Верховного Суда Республики Беларусь. 2008. Д. № 01-32. Т. 1.
382. О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2001 году : решение Конституц. Суда Респ. Беларусь, 12 февр. 2002 г., № Р-138/2002 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2002. № 22. 6/318.
383. О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2002 году : решение Конституц. Суда Респ. Беларусь, 5 февр. 2003 г., № Р-153/2003 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2003. № 19. 6/356.
384. Впервые в Беларуси хозяйственный спор с нерезидентом рассмотрен по видеоконференцсвязи [Электронный ресурс] // TUT.BY. 2012. URL: <https://news.tut.by/economics/304727.html> (дата обращения: 10.11.2020).

385. Смірнов М. Г. Особливості і процедурні питання провадження процесуальних дій за допомогою відеоконференцзв'язку у сфері міжнародного співробітництва // Вісн. Хмельниц. ін-ту регіон. упр. та права. 2004. № 3. С. 210–214.

386. Против коррупции : Конвенция ООН, 31 окт. 2003 г. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2004. № 192. 2/1093.

387. Schorn M. Eingriff in die freie richterliche Beweiswürdigung [Electronic resource] // Legal Tribune Online. Wolters Kluwer Deutschland GmbH, 2018. URL: <https://www.lto.de/recht/hintergruende/h/vermoegensabschoepfung-geld-unklare-herkunft-berliner-fall> (date of access: 19.09.2020).

388. Пашковский Н. И. Совместные следственные группы в уголовно-процессуальном механизме противодействия организованной преступности [Электронный ресурс] // Публикации. Международный уголовный процесс. 2002–2003. URL: <http://www.inter.criminology.org.ua/materials/nikolai/sovmsledgrup.htm> (дата обращения: 10.11.2020).

389. Фролова М. А. Правовые и гуманитарные проблемы передачи лиц, страдающих психическими расстройствами, для проведения принудительного лечения в странах СНГ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Акад. Генер. прокуратуры РФ. М., 2010. 29 с.

390. Об оказании психиатрической помощи [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 7 янв. 2012 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2021.

391. Коновалова А. Б., Плетенева А. Н. Передача лиц для проведения принудительного лечения в государства их гражданства или постоянного места жительства как форма международного сотрудничества по уголовным делам // Вестн. науки и образования. 2019. № 11. Ч. 3. С. 56–59.

392. Милинчук В. В. Новые тенденции международного сотрудничества в сфере уголовного процесса: концепция транснационального правосудия // Государство и право. 2004. № 1. С. 89–99.

393. Факультативный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах, 16 дек. 1966 г. // Права человека: международно-правовые документы и практика их применения : в 4 т. / сост. Е. В. Кузнецова. Минск : Амалфея, 2009. Т. 1. С. 94–96.

394. Views of the Human Rights Committee under article 5, paragraph 4, of the Optional protocol to the International covenant on civil and political rights No. CCPR/106/D/2120/2011 [Electronic resource] // OHCHR Jurisprudence. URL: <https://juris.ohchr.org> (date of access: 10.11.2020).

395. Views of the Human Rights Committee under article 5, paragraph 4, of the Optional protocol to the International covenant on civil and political rights No. CCPR/C/62/D/650/1995 [Electronic resource] // OHCHR Jurisprudence. URL: <https://juris.ohchr.org> (date of access: 10.11.2020).

396. Османов Т. С. Надзорное производство в уголовном процессе России и общепризнанные принципы и нормы международного права // Междунар. публич. и част. право. 2008. № 1. С. 33–38.

397. Кузнецова С. Н. К вопросу об исчерпании внутригосударственных средств правовой защиты в РФ при обращении в Европейский суд по правам человека // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2014. № 3. С. 126–129.

398. Рябцева Е. В. Международная судебная защита по уголовным делам. М. : Проспект, 2017. 112 с.

399. Факультативный протокол к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин [Электронный ресурс] : 6 окт. 1999 г. // Конвенции и соглашения ООН. 2021. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/womendiscrim_prot.shtml (дата обращения: 10.11.2020).

400. Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающийся процедуры сообщений [Электронный ресурс] : 19 дек. 2011 г. // Конвенции и соглашения ООН. 2021. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/child_optprot.shtml (дата обращения: 10.11.2020).

401. Sentenza della Corte costituzionale del 7 aprile 2011, n. 113, [Electronic resource] // Consulta Online: Rivista di diritto e giustizia costituzionale. 2021. URL: <http://www.giurcost.org/decisioni/2011/0113s-11.html> (date of access: 10.11.2020).

402. Дикман С. С. Юридическая природа решений Комитета ООН по правам человека: основные проблемы // Тр. Ин-та государства и права Рос. акад. наук. 2010. № 1. С. 75–87.

403. Мюллерсон Р. А. Права человека: идеи, нормы, реальность. М. : Юрид. лит., 1991. 159 с.

404. Гражданские и политические права: Комитет по правам человека : изложение фактов № 15 / Упр. Верхов. комиссара Орг. Объедин. Наций по правам человека. Женева, 2004. 87 с.

405. Communication No. 1100/2002 : *Bandajevsky v. Belarus* / Selected Decisions of the Human Rights Committee under the Optional Protocol. New York ; Geneva, 2008. P. 84–91.

406. Babin B. V. UN conventional bodies as alternative to the European Court of Human Rights: pro et contra // ECHR's Jurisprudence in Digital Era : proceedings of the Int. sci. conf., Odesa, May 31 June 1, 2019 / MES of Ukraine, Odes. Acad. of Law, SRC NALSU ; exec. eds. H. A. Ulianova, V. A. Tuliakov. Odesa : Helvetika, 2019. P. 63–66.

407. Потеружа И. И. Значение надзорного производства уголовных дел в укреплении законности. Минск : Наука и техника, 1985. 139 с.

408. Перлов И. Д. Надзорное производство в уголовном процессе. М. : Юрид. лит., 1974. 256 с.

409. Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики [Электронный ресурс] : 2 февр. 2017 г. / М-во юстиции Кыргызстана. Бишкек, 2020. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/111530> (дата обращения: 10.11.2020).

410. Букато Л. Г. Производство по уголовным делам по вновь открывшимся обстоятельствам : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Минск, 2016. 191 л.

411. Дело Пузана против Украины [Электронный ресурс]: решение Европейского суда по правам человека, 18 февр. 2010 // Сайт О. Анищика о подаче жалоб в ЕСПЧ. 2021. URL: http://european-court.ru/uploads/ECHR_Puzan_v_Ukraine_18_02_2010.pdf (дата обращения: 10.11.2020).

412. Beulke W. Strafprozessrecht. Fulda : C. F. Müller, 2010. 408 S.

413. Hufnagel S. Policing Cooperation Across Borders: Comparative Perspectives on Law Enforcement within the EU and Australia. London : Routledge, 2016. 332 p.

414. Amann D. M. Harmonic Convergence? Constitutional Criminal Procedure in an International Context // *Indiana Law Journal*. March/April 2000. Vol. 75. P. 809–873.

415. Bradley C. The convergence of the continental and the common law model of criminal procedure // *Criminal Law Forum*. June 1996. Vol. 7, iss. 2. P. 471–484.

416. Ringnalda A. Procedural Tradition and the Convergence of Criminal Procedure Systems: The Case of the Investigation and Disclosure of Evidence in Scotland // *American Journal of Comparative Law*. Decem. 2014. Vol. 62, № 4. P. 1133–1166.

417. The Foundations of European Private Law / I. R. Brownsword [et al.]. Oxford : Hart Publishing, 2011. 609 p.

418. Elbalti B. Spontaneous Harmonization and the Liberalization of the Recognition and Enforcement of Foreign Judgments // Japanese Yearbook of Private International Law. 2014. Vol. 16. P. 264–188.

419. Договор о Евразийском экономическом союзе, 29 мая 2014 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2021.

420. Barnard C. The Substantive Law of the EU. The Four Freedoms. New York : Oxford University Press, 2007. 752 p.

421. Delmas-Marti S. M., Vereaele J. A. E. The Implementation of the Corpus Juris in the Member States : in 4 vol. Antwerpen : Intersentia, 2000. Vol. 1. 404 p.

422. Rüter F. Harmonie trotz Dissonanz // Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft. 1993. Heft 1. S. 30–47.

423. Terekhov V. V. Harmonization of civil procedural law: problems and prospects // «World & Science» «Svět a věda». Brno, 2014. P. 35–47.

424. Fagbayibo B. Towards the harmonisation of laws in Africa: is OHADA the way to go? // The Comparative and International Law Journal of Southern Africa. 2009. Vol. 42, № 3. P. 309–322.

425. Ярков В., Медведев И., Трушников С. Некоторые проблемы интернационализации цивилистического процесса и гражданских юрисдикций в России // Арбитраж. и гражд. процесс. 2006. № 1. С. 40–46.

426. Azubalyte R. Tendencies of the Development of the Lithuanian Criminal Procedure Law // Jurisprudencija. 2010. № 119. P. 281–296.

427. О Национальной программе «Права человека» на период 2002–2010 годы [Электронный ресурс] : Указ Президента Кыргыз. Респ., 2 янв. 2002 г., № 1 // Кыргыз Республикасынын Улуктук маалыматтардын борборлоштурулган банкы. 2019. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/properties/ru-ru/3616/20> (дата обращения: 10.11.2020).

428. О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь» [Электронный ресурс] : решение Конституц. Суда Респ. Беларусь, 29 дек. 2015 г., № Р-1024/2015 // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. 12 янв. 2016 г. 6/1527.

429. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза [Электронный ресурс] : 11 апр. 2017 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2021.

430. Jokisch J. Gemeinschaftsrecht und Strafverfahren: die Überlagerung des deutschen Strafprozessrechts durch das Europäische Gemeinschaftsrecht, dargestellt anhand ausgewählter Problemfälle. Berlin : Duncker&Humblot, 2000. 285 S.

431. Pipkorn J. Les méthodes de rapprochement des législations a l'intérieur de la CEE // L'influence des Communautés européennes sur le droit international privé des États-membres / (sous dir.) F. Rigaux ; Institut Universitaire International. Bruxelles : Larcier, 1981. P. 13–48.

432. Suominen A. The Sensitive Relationship Between the Different Means of Legal Integration: Mutual Recognition and Approximation // The Needed Balances in EU Criminal Law Past, Present and Future / ed.: C. Brière, A. Weyembergh. Oxford : Hart Publishing, 2017. P. 187–212.

433. Commission decision of 28 April 1999 establishing the European Anti-fraud Office (OLAF) // Official Journal of the European Communities. 31.05.1999. L 136. P. 20–22.

434. Kindhäuser U. Strafprozessrecht. Baden-Baden : Nomos, 2010. 420 S.
435. Бахин С. В. Сотрудничество государств по сближению национальных правовых систем: Унификация и гармонизация права : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.10. СПб., 2003. 360 л.
436. Соглашение о правовой помощи и взаимодействии таможенных органов государств – членов Таможенного союза по уголовным делам и делам об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 5 июля 2010 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2021.
437. Craig P., Búrca G. de. EU Law: Text, Cases, and Materials. Oxford : Oxford University Press, 2008. 1148 p.
438. Treaty establishing the European Community of 7 February 1992 // Official Journal of the European Communities. C 224. 31.08.1992. P. 1–130.
439. Ruggeri S. Audi Alteram Partem in criminal proceedings: towards a participatory understanding of criminal justice in Europe and Latin America. Cham : Springer, 2017. 692 p.
440. Treaty of Amsterdam amending the Treaty on European Union, the Treaties establishing the European Communities and certain related acts of 2 October 1997 // Official Journal of the European Communities. 10.11.1997. C 340. P. 1–144.
441. Mitsilegas V. EU Criminal Law after Lisbon. Rights, Trust and the Transformation of Justice in Europe. Oxford : Hart Publishing, 2016. 295 p.
442. Efrat A. Assessing Mutual Trust among EU Members: Evidence from the European Arrest Warrant // Journal of European Public Policy. 2019. № 5. P. 656–675.
443. Council conclusions on mutual recognition in criminal matters «Promoting mutual recognition by enhancing mutual trust» // Official Journal of the European Union. 13.12.2018. C 449. P. 6–9.
444. Tampere European Council 15 and 16 October 1999: Presidency conclusions [Electronic resource] // European Parliament. 1999. URL: http://www.europarl.europa.eu/summits/tam_en.htm#b (date of access: 22.09.2020).
445. The Hague Programme: strengthening freedom, security and justice in the European Union [Electronic resource] // Council of the European Union. 2004. URL: http://ec.europa.eu/home-affairs/doc_centre/docs/hague_programme_en.pdf (date of access: 22.09.2020).
446. Council Framework Decision of 13 June 2002 on joint investigation teams // Official Journal of the European Communities. 20.06.2002. L 162. P. 1–3.
447. Council Framework Decision of 22 July 2003 on the execution in the European Union of orders freezing property or evidence // Official Journal of the European Union. 02.08.2003. L 196 P. 45–55.
448. Council Framework Decision of 6 October 2006 on the application of the principle of mutual recognition to confiscation orders // Official Journal of the European Union. 24.11.2006. L 328. P. 59–78.
449. Council Framework Decision of 27 November 2008 on the application of the principle of mutual recognition to judgments in criminal matters imposing custodial sentences or measures involving deprivation of liberty for the purpose of their enforcement in the European Union // Official Journal of the European Union. 05.12.2008. L 327. P. 27–46.
450. Council Framework Decision of 26 February 2009 amending Framework Decisions 2002/584/JHA, 2005/214/JHA, 2006/783/JHA, 2008/909/JHA and 2008/947/JHA, thereby enhancing the procedural rights of persons and fostering the application

of the principle of mutual recognition to decisions rendered in the absence of the person concerned at the trial // Official Journal of the European Union. 27.03.2009. L 81. P. 24–36.

451. Öberg J. Subsidiarity and EU Procedural Criminal Law // European Criminal Law Review. 2015. Iss. 1. P. 19–45.

452. Judgment of the Court in case C-186/87 Cowan v Trésor public [Electronic resource] // InfoCuria – Case-law of the Court of Justice. URL: <http://curia.europa.eu/juris/liste.jsf?num=C-186/87> (date of access: 30.09.2020).

453. Bedulskaia T. The impact of EU law on harmonisation of national criminal law // The interaction of national legal systems: convergence or divergence? : Conference papers, Vilnius, 25–26 April 2013. Vilnius : Vilnius university, 2013. P. 18–27.

454. Mitsilegas V. The constitutional implications of mutual recognition in criminal matters in the EU // Common Market Law Review. 2006. Iss. 5. P. 1279–1280.

455. Satzger H. Gefahren für eine effektive Verteidigung im geplanten europäischen Verfahrensrecht // Strafverteidiger. 2003. № 1. P. 137–142.

456. Sulima A. The Normativity of the Principle of Mutual Trust between EU Member States within the Emerging European Criminal Area // Wroclaw Review of Law, Administration & Economics. 2013. № 3. P. 72–89.

457. Judgment of the Court in case C-168/13 PPU Jeremy F v Premier minister [Electronic resource] // InfoCuria – Case-law of the Court of Justice. URL: <http://curia.europa.eu/juris/liste.jsf?num=C-168/13> (date of access: 30.09.2020).

458. Commission, 'Report on the implementation since 2007 of the Council Framework Decision of 13 June 2002 on the European arrest warrant and the surrender procedures between Member States' COM (2011) 175 final, 6 [Electronic resource]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2011:0175:FIN:EN:PDF> (date of access: 30.09.2020).

459. Judgment of the Court in Joined Cases C-404/15 and C-659/15 PPU Pál Aranyosi and Robert Căldăraru [Electronic resource] // InfoCuria – Case-law of the Court of Justice. URL: <http://curia.europa.eu/juris/liste.jsf?num=C-404/15> (date of access: 30.09.2020).

460. Treaty of Lisbon of 13 December 2007 // Official Journal of the European Union. 17.12.2007. C 306. P. 1–230.

461. Treaty on the Functioning of the European Union // Official Journal of the European Union. 30.03.2010. C 83. P. 47–200; 24.04.2012. L 112. P. 6–110; 07.06.2016. C 202. P. 1–390.

462. Council Framework Decision of 18 December 2008 on the European evidence warrant for the purpose of obtaining objects, documents and data for use in proceedings in criminal matters // Official Journal of the European Union. 30.12.2008. L 136. P. 72–92.

463. Directive 2014/41/EU of the European Parliament and of the Council of 3 April 2014 regarding the European Investigation Order in criminal matters // Official Journal of the European Union. 01.05.2014. L 130. P. 1–36.

464. Vermeulen G., Bondt W. de, Damme Y. van. EU Cross-border Gathering and Use of Evidence in Criminal Matters. Antwerpen : Maklu, 2010. 254 p.

465. Green Paper on obtaining evidence in criminal matters from one Member State to another and securing its admissibility, No. /COM/2009/0624final/ [Electronic resource] // EUR-Lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52009DC0624> (date of access: 14.08.2020).

466. Strandbakken A., Husabo E. J. Harmonization of criminal law in Europe. Antwerpen : Intersentia, 2005. 158 p.

467. Vermeulen G. Free gathering and movement of evidence in criminal matters in the EU: Thinking beyond borders, striving for balance, in search of coherence. Antwerpen : Maklu, 2011. 52 p.

468. Directive 2011/36/EU of the European Parliament and of the Council of 5 April 2011 on preventing and combating trafficking in human beings and protecting its victims, and replacing Council Framework Decision 2002/629/JHA // Official Journal of the European Union. 15.04.2011. L 101. P. 1–11.

469. Resolution of the Council of 30 November 2009 on a Roadmap for strengthening procedural rights of suspected or accused persons in criminal proceedings [Electronic resource] // EUR-Lex. 2016. URL: [http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32009G1204\(01\)](http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32009G1204(01)) (date of access: 14.08.2020).

470. Directive 2010/64/EU of the European Parliament and of the Council of 20 October 2010 on the right to interpretation and translation in criminal proceedings // Official Journal of the European Union. 26.10.2010. L 280. P. 1–7.

471. Directive 2012/13/EU of the European Parliament and of the Council of 22 May 2012 on the right to information in criminal proceedings // Official Journal of the European Union. 01.06.2012. L 142. P. 1–10.

472. Directive 2013/48/EU of the European Parliament and of the Council of 22 October 2013 on the right of access to a lawyer in criminal proceedings and in European arrest warrant proceedings, and on the right to have a third party informed upon deprivation of liberty and to communicate with third persons and with consular authorities while deprived of liberty // Official Journal of the European Union. 06.11.2013. L 294. P. 1–12.

473. Directive (EU) 2016/343 of the European Parliament and of the Council of 9 March 2016 on the strengthening of certain aspects of the presumption of innocence and of the right to be present at the trial in criminal proceedings // Official Journal of the European Union. 11.03.2016. L 65. P. 1–11.

474. Directive (EU) 2016/800 of the European Parliament and of the Council of 11 May 2016 on procedural safeguards for children who are suspects or accused persons in criminal proceedings // Official Journal of the European Union. 21.05.2016. L 132. P. 1–20.

475. Directive (EU) 2016/1919 of the European Parliament and of the Council of 26 October 2016 on legal aid for suspects and accused persons in criminal proceedings and for requested persons in European arrest warrant proceedings // Official Journal of the European Union. 04.11.2016. L 297. P. 1–8.

476. Green Paper on the application of EU criminal justice legislation in the field of detention, No. /COM/2011/0327 final/ [Electronic resource] // EUR-Lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=CELEX:52011DC0327> (date of access: 14.08.2020).

477. Council Framework Decision 2009/299/JHA of 26 February 2009 amending Framework Decisions 2002/584/JHA, 2005/214/JHA, 2006/783/JHA, 2008/909/JHA and 2008/947/JHA, thereby enhancing the procedural rights of persons and fostering the application of the principle of mutual recognition to decisions rendered in the absence of the person concerned at the trial // Official Journal of the European Union. 27.03.2009. L 81. P. 24–36.

478. Directive 2012/29/EU of the European Parliament and of the Council of 25 October 2012 establishing minimum standards on the rights, support and protection of victims of crime, and replacing Council Framework Decision 2001/220/JHA // Official Journal of the European Union. 14.11.2012. L 315. P. 57–73.

479. Directive 2011/99/EU of the European Parliament and of the Council of 13 December 2011 on the European protection order // Official Journal of the European Union. 21.12.2011. L 338. P. 2–18.

480. Council Directive 2004/80/EC of 29 April 2004 relating to compensation to crime victims // Official Journal of the European Union. 06.08.2004. L 261. P. 15–18.

481. Directive 2017/541/EU of the European Parliament and of the Council of 15 March 2017 on combating terrorism and replacing Council Framework Decision 2002/475/JHA and amending Council Decision 2005/671/JHA // Official Journal of the European Union. 31.03.2017. L 88. P. 6–21.

482. Directive 2014/42/EU of the European Parliament and of the Council of 3 April 2014 on the freezing and confiscation of instrumentalities and proceeds of crime in the European Union // Official Journal of the European Union. 29.04.2014. L 127. P. 39–50.

483. Regulation (EU) 2018/1805 of the European Parliament and of the Council of 14 November 2018 on the mutual recognition of freezing orders and confiscation orders // Official Journal of the European Union. 28.11.2018. L 303. P. 1–38.

484. Самарин В. И. Опыт гармонизации уголовно-процессуального законодательства в рамках наднационального права на европейском континенте // Право.by. 2020. № 3. С. 114–120.

485. Rochester J. M. Fundamental Principles of International Relations. Boulder : Westview Press, 2010. 432 p.

486. Курочкина Л. А. Принципы и нормы Совета Европы в уголовном судопроизводстве Российской Федерации // Журн. рос. права. 2006. № 4. С. 116–127.

487. Селина Е. В. Реализация решений Европейского суда по правам человека в уголовном процессе Российской Федерации // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Юрид. науки. 2011. № 4. С. 39–46.

СОДЕРЖАНИЕ

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ	3
ВВЕДЕНИЕ	5
Глава 1. ГЕНЕЗИС И РАЗВИТИЕ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ НАДГОСУДАРСТВЕННОГО В НАЦИОНАЛЬНОЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО	11
Глава 2. МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДОГОВОР КАК ИСТОЧНИК УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА	26
2.1. Круг международных договоров Республики Беларусь, подлежащих применению в уголовном процессе.....	26
2.2. Международные договоры Республики Беларусь, определяющие права и свободы человека и гражданина	42
2.3. Применение международных договоров при оказании международной правовой помощи по уголовным делам	49
2.4. Применение консульских конвенций органами, ведущими уголовный процесс.....	56
Глава 3. ОКАЗАНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРАВОВОЙ ПОМОЩИ НА ОСНОВАНИИ ПРИНЦИПА ВЗАИМНОСТИ	69
3.1. Общие вопросы оказания международной правовой помощи по уголовным делам.....	69
3.2. Выдача лица для осуществления уголовного преследования и (или) отбывания наказания	105
3.3. Уголовное преследование по просьбе органа иностранного государства.....	137
3.4. Оказание международной правовой помощи, связанной с исполнением приговора в иностранном государстве.....	151
3.5. Перспективные направления совершенствования национального законодательства в сфере международной правовой помощи по уголовным делам.....	162
Глава 4. ВЛИЯНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ НА НАЦИОНАЛЬНЫЙ УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС	173

Глава 5. ГАРМОНИЗАЦИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА.....	183
5.1. Понятие, значение и допустимость гармонизации уголовно-процессуального законодательства.....	183
5.2. Опыт гармонизации уголовно-процессуального законодательства в рамках интеграционных образований.....	201
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	215
ПРИЛОЖЕНИЯ	222
1. Неприкосновенность и иммунитет в рамках уголовного процесса (дипломатическая)	222
2. Неприкосновенность и иммунитет в рамках уголовного процесса (консульская и схожие).....	232
3. Консульские функции и уголовный процесс	250
4. Виды пересмотра уголовных дел после принятия решения на международном уровне	264
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ	272

Научное издание

Самарин Вадим Игоревич

**ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ
НАДГОСУДАРСТВЕННОГО
В УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС
БЕЛАРУСИ**

Ответственный за выпуск *М. К. Чернякевич*

Художник обложки *Т. Ю. Таран*

Технический редактор *В. П. Явуз*

Компьютерная верстка *С. Н. Егоровой*

Корректор *Е. И. Бондаренко*

Подписано в печать 16.06.2021. Формат 60×84/16. Бумага офсетная.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 17,67. Уч.-изд. л. 20,10. Тираж 100 экз. Заказ 212.

Белорусский государственный университет.

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/270 от 03.04.2014.

Пр. Независимости, 4, 220030, Минск.

Республиканское унитарное предприятие

«Издательский центр Белорусского государственного университета».

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 2/63 от 19.03.2014.

Ул. Красноармейская, 6, 220030, Минск.